

УНИСТОИ
НОТНИК

ВЕРНАУН 5

ВТОРАЯ
МИРОВАЯ
ВОЙНА

УИНСТОН
ЧЕРЧИЛЬ

ВТОРАЯ
МИРОВАЯ
ВОЙНА

5

Кольцо
смыкается

ТЕРРА

МОСКВА ТЕРРА—КНИЖНЫЙ КЛУБ 1998

УДК 930.9
ББК 63(0)62
Ч 50

Перевод с английского под редакцией
А. ОРЛОВА

Художник
С. ЛЮБАЕВ

Черчилль У. С.

Ч-50 Вторая мировая война: В 6 т. Т. 5: Кольцо смыкается / Пер. с англ. под ред. А. Орлова. — М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 1998. — 384 с.

ISBN 5-300-01788-4 (т. 5)

ISBN 5-300-01536-9

«Вторая мировая война» — главный литературный труд крупнейшего политического и государственного деятеля Великобритании XX века Уинстона Спенсера Черчилля (1874—1965). Над этими мемуарами, содержащими богатейший фактический материал, автор работал с 1945 по 1954 г.

Пятый том — «Кольцо смыкается» — рассказывает о событиях периода июня 1943 — июня 1944 годов: о поражении Италии, об изоляции Гитлера и группы оккупированных им стран и о переходе Японии к оборонительным действиям.

УДК 930.9
ББК 63(0)62

ISBN 5-300-01788-4 (т. 5)
ISBN 5-300-01536-9

© ТЕРРА—Книжный клуб, 1998

МОРАЛЬ ЭТОГО ТРУДА

**В ВОЙНЕ — РЕШИТЕЛЬНОСТЬ
В ПОРАЖЕНИИ — МУЖЕСТВО
В ПОБЕДЕ — ВЕЛИКОДУШИЕ
В МИРЕ — ДОБРАЯ ВОЛЯ**

Кольцо смыкается

ТЕМА ДАННОГО ТОМА

**КАК НАЦИСТСКАЯ
ГЕРМАНИЯ БЫЛА
ИЗОЛИРОВАНА И
ПОДВЕРГАЛАСЬ ШТУРМУ СО
ВСЕХ СТОРОН**

ПРЕДИСЛОВИЕ

В томе «Поворот судьбы» я описывал решающий поворот к лучшему в нашей судьбе, которым ознаменовались зима 1942 года и весна 1943 года. В томе «Кольцо смыкается» рассказывается о следующем годе войны, с июня 1943 года по июнь 1944 года. Благодаря господствующему положению на океанах, устранению угрозы подводных лодок и усиливающемуся превосходству в воздухе западные союзники смогли завоевать Сицилию и вторгнуться в Италию. В результате Муссолини был свергнут и итальянская нация перешла на нашу сторону. Гитлер с группой оккупированных им стран оказался в изоляции, и в результате мощного наступления России с востока вокруг него сомкнулось кольцо. В то же время Япония принуждена была перейти тогда к обороне, тщетно пытаясь удержать захваченные ею обширные территории.

Объединенным Нациям угрожало уже не поражение, а ничейный исход. Перед ними стояла серьезная задача вторжения на территорию двух агрессоров и освобождения поработанных ими народов. Эта международная проблема рассматривалась на конференциях представителей Великобритании и Соединенных Штатов в Квебеке и Вашингтоне летом и на Тройственной конференции в Тегеране в ноябре. У нас не было никаких расхождений как в целях, так и в намерении отдать все силы общему делу. Серьезные расхождения во мнениях в отношении методов и того, на что следовало сделать больший упор, были неизбежны, потому что три партнера, естественно, подходили к принятию необходимых решений с различных точек зрения. Я собираюсь рассказать, как было достигнуто соглашение по всем важнейшим вопросам. Мы подходим, таким образом, к периоду освобождения Рима, к кануну форсирования англичанами и американцами Ла-Манша и высадки в Нормандии.

Я придерживаюсь такого же метода, как и в предыдущих томах. Я стараюсь лишь внести свою лепту в описание исторических событий с точки зрения английского премьер-министра и министра обороны. Я опираюсь при этом на свои директивы, телеграммы и протоколы, написанные в тот именно период, а не после свершившихся событий. Высказывались по-

желания, чтобы были включены также ответы на многие из этих документов. Я, напротив, счел нужным сокращать и отбирать материал для этого тома в еще большей степени, чем раньше. Стал уже необходим заключительный том, который завершил бы историю. Поэтому я могу лишь принести извинения тем, кто, может быть, считает, что их точка зрения отражена мною не полностью.

С тех пор как произошли излагаемые здесь события, минуло более семи лет. Многие изменилось в международных отношениях. Между бывшими сотоварищами возникли глубокие расхождения. Сгустились новые и, быть может, более мрачные тучи. Прежние враги стали друзьями и даже союзниками. В этом свете некоторые из мыслей и выражений, содержащихся в телеграммах, протоколах и отчетах о конференциях, могут странно звучать для иностранных читателей. Я могу только напомнить им, что эти документы имеют историческую ценность и что тогда мы вели ожесточенную и страшную войну. Когда люди борются за свою жизнь, они часто не склонны соблюдать вежливость по отношению к тем, кто пытается их уничтожить. С другой стороны, попытка смягчить все резкие выражения по адресу стран, бывших в те дни вражескими, исключила бы возможность правдивого изображения событий. Время и истина — это великие целители.

Уинстон С. Черчилль

Чартуэлл,
Уэстерхэм,
Кент.

1 сентября 1951 года

Часть первая ПОБЕДА НАД ИТАЛИЕЙ

Глава первая ГОСПОДСТВО НА МОРЯХ

Гуадалканал и Новая Гвинея

Предыдущие тома подвели нас к тому моменту, когда агрессоры как в Европе, так и в Азии были вынуждены перейти к обороне. В феврале 1943 года Сталинград ознаменовал собой поворот событий в России¹. К маю все немецкие и итальянские войска на Африканском континенте были уничтожены или взяты в плен. За год до этого победы американцев в Коралловом море и на острове Мидуэй положили конец японской экспансии в Тихом океане. Австралия и Новая Зеландия избавились от угрозы вторжения. Теперь в Европе державы оси должны были ожидать англо-американского вторжения, которое было так давно задумано. Вооруженные силы Соединенных Штатов с каждым месяцем увеличивали численность и улучшали свою боевую подготовку. Однако западные союзники не смогли бы нанести удар по гитлеровской Европе и привести войну к решающему концу, если бы не произошло другое важное изменение к лучшему. Англо-американская «морская мощь» — современный термин, обозначающий объединенные в надлежащем взаимодействии военно-морские и военно-воздушные силы — стала в 1943 году господствующей силой как над, так и под водой на морях и океанах. Только к апрелю и маю была одержана победа в борьбе с подводными лодками противника и окончательно установлено господство над жизненно важными коммуникациями через Атлантику. Без этого невозможно были бы комбинированные десантные операции таких огромных размеров, какие были необходимы для освобождения Европы. Советской России пришлось бы в одиночку

¹ Трудно согласиться с автором, что «Сталинград ознаменовал собой поворот событий в России» в феврале 1943 г. Сталинградская битва, ставшая главным событием в ходе коренного перелома в войне в пользу антигитлеровской коалиции, продолжалась полгода (17 июля 1942 г.—2 февраля 1943 г.), и с началом советского контрнаступления 19 ноября 1942 г. Советская Армия захватила стратегическую инициативу и удерживала ее до конца войны. Уже в ноябре — декабре 1942 г. (а не в феврале 1943 г.) всему миру стало ясно, что одержана величайшая победа советского оружия над сильнейшей армией капиталистического мира — фашистским вермахтом. Уже тогда слово «Сталинград» стало символом победы. — *Здесь и далее комментарии, кроме специально оговоренных, кандидата исторических наук А. С. Орлова.*

противостоять всем тем силам Гитлера, которые у него еще имелись, в условиях, когда большая часть Европы находилась под его властью.

Угроза подводных лодок в Средиземном море также была устранена. Наши армии были сосредоточены для кампаний в Сицилии и Италии, и теперь их можно было перебросить через море для нанесения удара по незащищенному брюху гитлеровской Европы. Кроме того, Средиземное море было главной артерией коммуникаций Британской империи. Сокрушение мощи держав оси в Северной Африке открывало караванам наших судов прямую дорогу в Египет, Индию и Австралию; на пути следования от Гибралтара до Суэца их прикрывали морские и воздушные силы, действовавшие со вновь отвоеванных баз. Недалеко было уже то время, когда мы смогли наконец отказаться от перевозок длинным кружным путем вокруг мыса Доброй Надежды, на которые мы тратили столько усилий и дорогое нам время. На каждом караване судов, следовавшем в направлении на Средний Восток, экономилось в среднем 45 дней, и это сразу же значительно увеличило эффективность нашего судоходства.

* * *

Я уже описывал борьбу, которую в течение первых двух с половиной лет войны Англия в одиночестве вела против подводных лодок, магнитных мин и надводных рейдеров. Давно ожидавшееся важное событие — союз с Америкой, который сложился в результате нападения Японии на Пёрл-Харбор — лишь увеличило, как вначале казалось, опасности, грозившие нам на море. В 1940 году нами было потеряно торговых судов общим водоизмещением четыре миллиона тонн, а в 1941 году — более четырех миллионов тонн. В 1942 году после того, как Соединенные Штаты стали нашим союзником, было потоплено судов водоизмещением почти восемь миллионов тонн из общего возросшего тоннажа союзнических судов. Вплоть до конца 1942 года подводные лодки топили больше судов, чем союзники успевали строить. Все наши надежды и планы основывались на огромной программе строительства судов в Соединенных Штатах. К началу 1943 года кривая нового тоннажа начала резко подниматься, а кривая потерь — спадать. К концу 1943 года прирост тоннажа наконец превзошел общие наши потери на море, а во втором квартале потери подводных лодок противника впервые превзошли их строительство. Вскоре должен был наступить момент, когда в Атлантике потери в подводных лодках противника превысили бы потери в торговых судах. Но это далось нам ценой длительной и ожесточенной борьбы.

Битва за Атлантику имела решающее значение для всего хода войны. Мы должны были постоянно помнить о том, что все происходящее в других местах — на суше, на море или в воздухе — в конечном счете зависело от исхода этой битвы, и, поглощенные множеством других забот, мы с надеждой и опасениями следили изо дня в день за ее перипетиями. История тяжких и неблагодарных трудов, когда на каждом шагу подстерегает незримая опасность и часто приходится испытывать жесточайшие лишения и разочарования, перемежается различными инцидентами и драматическими событиями. На долю отдельного моряка или летчика, участвовавшего в войне с подводными лодками, редко выпадали минуты живительных схваток, нарушавших монотонное и бесконечное течение полных тревоги, но небогатых событиями дней. Ни на минуту нельзя было ослаблять бдительность. В любое время мог наступить критический момент и дело могло кончиться либо блестящей победой, либо роковой трагедией. В летопись истории внесено немало героических подвигов и фактов невиданного мужества, но деяния тех, кто погиб, так и останутся неизвестными. Моряки нашего торгового флота блестяще проявили свои выдающиеся качества, а в их решимости нанести поражение подводным лодкам ярко обнаружилась крепкая товарищеская спайка всех, кто связал свою судьбу с морем.

* * *

В нашем оперативном командовании были произведены важные перемещения. Адмирал сэр Эндрю Кэннингхэм, возглавлявший в Вашингтоне нашу военно-морскую миссию, был отозван оттуда в октябре 1942 года и назначен командующим союзническими флотами в операции «Торч». Адмирал сэр Перси Нобл, занимавший с начала 1941 года командный пост в битве за Атлантику, возглавляя «Дерби-Хауз» — Ливерпульский штаб, в ведении которого находились западные подступы, был переведен в Вашингтон ввиду того, что он был прекрасно знаком с проблемами подводной войны. В феврале 1943 года маршал авиации Слессор был назначен командующим береговой авиацией. Положительные результаты этих перемещений не замедлили сказаться.

В качестве нашей первоочередной задачи конференция в Касабланке выдвинула устранение угрозы со стороны подводных лодок. В марте 1943 года в Вашингтоне под руководством адмирала Кинга¹ состоялось совещание по вопросу о конвоировании морских транспортов в Атлантике; целью этого совещания было

¹ Начальник главного морского штаба США.—Примеч. ред.

договориться об объединении всех ресурсов, которыми союзники располагали в районе Атлантики. Эта система не была равнозначна установлению полного единства командования. Налицо было полное согласие в верхах и тесное содружество во всех звеньях, но союзники подходили к этой проблеме по-разному. Соединенные Штаты не имели организации, подобной нашему командованию береговой авиации, при помощи которой воздушные операции над океаном на английском конце морского пути контролировались единым органом. Была достигнута большая степень гибкости в командовании. Соединения можно было быстро перебрасывать из спокойных в опасные районы, и командование получало подкрепления главным образом из американских источников. В Вашингтоне же контроль осуществлялся посредством ряда автономных соподчиненных командований участков, так называемых морских границ, каждому из которых было выделено определенное количество самолетов.

* * *

После зимних штормов, которые нанесли большой ущерб нашим конвойным судам, но в то же время ограничили и наступательные действия подводных лодок противника, в феврале 1943 года вновь значительно возросла концентрация вражеских сил в северной части Атлантики. Несмотря на тяжелые потери, число боевых подводных лодок, находившихся в распоряжении адмирала Деница в начале года, возросло до 212. В марте постоянно находилось в море более 100 из них, они действовали целыми отрядами, и встречи с ними не удавалось избежать, несмотря на умелое маневрирование. Вопрос приходилось решать с помощью непосредственной защиты караванов судов комбинированными морскими и военно-воздушными силами. Тоннаж потопленных судов во всем мире в этом месяце возрос почти до 700 тысяч тонн.

В этих напряженных условиях в Вашингтоне было достигнуто новое соглашение, в силу которого Англия и Канада полностью брали на себя проводку конвоев по главному североатлантическому пути в Англию. Развернулась и была выиграна решающая битва против подводных лодок. Контроль был передан в руки двух объединенных — военно-морского и военно-воздушного — штабов, один из которых находился в Ливерпуле и был подчинен английскому адмиралу, а другой находился в Галифаксе и возглавлялся канадским адмиралом. Отныне морское прикрытие в северной части Атлантики обеспечивалось английскими и канадскими кораблями, а Соединенные Штаты продолжали обеспечивать проводку своих конвоев, следовавших в Средиземное море, и своих собственных транспортов с войсками. В повседневных операциях в воздухе английские, канадские и американские си-

лы были подчинены объединенному командованию в Ливерпуле и Галифаксе.

Оборона воздушного пространства над северной частью Атлантики к юго-востоку от Гренландии, ранее оставшегося незащищенным, теперь обеспечивалась при помощи эскадрилий самолетов «Либерейтор» очень большого радиуса действия, базировавшихся на Ньюфаундленде и в Исландии. К апрелю благодаря челночным операциям было обеспечено прикрытие с воздуха на всем протяжении пути в дневное время. Отряды подводных лодок были принуждены держаться под водой, и их постоянно тревожили; в то же время самолеты и конвойные суда расправлялись с нападающими. Мы теперь были достаточно сильны, чтобы сформировать самостоятельные флотилии, которые наряду с выполнением функций конвоирования должны были действовать подобно кавалерийским дивизиям. Я давно уже хотел добиться этого.

* * *

Именно в этот период важную роль сыграл прибор «H₂S». Некоторое количество этих приборов было довольно неохотно передано нашей бомбардировочной авиацией командованию береговой авиации. Немцы научились улавливать сравнительно длинные волны, применявшиеся в нашем радаре старой конструкции, и уходить под воду еще до того, как наши летчики могли напасть на них. Прошло много месяцев, прежде чем они научились обнаруживать короткие волны, использовавшиеся в новом аппарате. В марте и апреле 1943 года было уничтожено 27 подводных лодок в одном только Атлантическом океане, причем более половины в результате нападения с воздуха.

В апреле 1943 года стало ясно, что соотношение сил изменяется. В действие было введено 235 подводных лодок — максимальное число, которое немцы использовали до сих пор. Но экипажи подводных лодок начали утрачивать стойкость. Ни одной минуты они не могли чувствовать себя в безопасности. Их атаки, даже при благоприятных условиях, уже не достигали цели, и в этом месяце тоннаж наших потерь в Атлантическом океане сократился почти на 300 тысяч. К июню 1943 года потери судов достигли самой низкой цифры за все время с момента вступления Соединенных Штатов в войну. Караваны судов проходили без потерь, и линия снабжения в Атлантике была обезопасена.

Авиация к этому времени наконец начала достигать полного размаха. Англичане и американцы уже мыслили не в плане отдельных морских операций или воздушных операций над морями, но стремились к созданию единой всеохватывающей морской организации, в рамках которой эти два вида вооруженных сил и обе нации должны были действовать со-

обща, все лучше изучая возможности и слабые стороны друг друга. Для победы необходимо было умелое и решительное руководство, высокий уровень боевой и технической подготовки всего личного состава.

В июне 1943 года остатки разгромленного подводного флота немцев перестали совершать нападения на караваны наших судов в северной части Атлантического океана, а мы получили желанную передышку.

На всем протяжении бурной осени подводные лодки тщетно старались вернуть себе господствующее положение в северной части Атлантического океана. Наша комбинированная морская и воздушная оборона была к этому времени настолько сильна, что при каждом нападении на караваны судов противник нес тяжелые потери, достигая лишь незначительных результатов. В противолодочной войне авиация была теперь равноправным партнером надводного флота. Караваны наших судов были защищены гораздо более многочисленным и могучим надводным конвоем, чем когда-либо раньше; в его состав были включены эскортные авианосцы, которые обеспечивали непосредственное прикрытие, а также высылали самолеты вперед. Более того, мы располагали средствами обнаружения и уничтожения подводных лодок всюду, где только могли их встретить. Взаимодействие групп авианосцев и эскортных судов при поддержке самолетов дальнего действия командования береговой авиации, в которую были включены американские эскадрильи, сыграло решающую роль.

Так называемый авианосец торгового флота, который появился в это время, был исключительно английским изобретением. Обыкновенное грузовое судно или танкер снабжались взлетной палубой для самолетов морской авиации. Сохраняя свое назначение торгового корабля и перевоза грузы, торговый авианосец помогал защищать караван судов, в который он входил. Таких судов было 19. Два из них действовали под голландским флагом в северной части Атлантического океана. Наряду с использованием судов торгового флота, на которых устанавливались катапульты для выбрасывания самолетов и которые начали действовать раньше и несколькими иными методами, появление авианосцев торгового флота ознаменовало собой новый этап в морской войне. Теперь торговое судно вело наступательные действия против врага вместо того, чтобы только защищаться в случае нападения. Грань между боевым и небоевым судном, которая уже была незначительной, теперь почти стерлась.

Гигантское военное производство Соединенных Штатов подходило к этому времени к своей наивысшей точке. Авиация дальнего действия и суда разнообразных типов, включая эскортные авианосцы, в которых мы так нуждались, поступали непрерывным потоком с американских верфей и заводов. Многие из них и большое количество специального оборудования,

и особенности радаров, были предоставлены в наше распоряжение, чтобы облегчить положение нашей промышленности, и американские военно-морские и военно-воздушные силы поспею включались в битву.

В начале 1944 года в Германии прилагались огромные усилия к созданию нового типа подводной лодки, которая могла бы быстрее двигаться под водой и проходить большее расстояние. В то же время многие подводные лодки более старой конструкции были изъяты для оснащения специальным аппаратом, шноркелем, чтобы использовать их для действий в английских прибрежных водах. Этот новый аппарат давал возможность перезаряжать батареи в погруженном состоянии, для чего требовалось оставлять над поверхностью воды лишь небольшую трубку для всасывания воздуха. Таким образом, их стало труднее выследить с воздуха, и вскоре с полной очевидностью обнаружилось, что подводные лодки, снабженные шноркелем, предназначались для того, чтобы помешать прохождению судов через Ла-Манш, когда начнется вторжение союзников.

* * *

Здесь необходимо вернуться назад, чтобы напомнить читателю о широких операциях, которые изменили всю картину на Дальнем Востоке в 1942 году.

В то время как Англия развертывала свои морские силы, главным образом в районах Атлантического океана и Средиземного моря, Соединенные Штаты почти в полном одиночестве несли бремя войны против Японии. В необъятных океанских просторах от Индии до западного побережья Америки мы могли оказывать незначительную поддержку, разве что небольшими австралийскими и новозеландскими военно-морскими силами. Наш ослабленный восточный флот, базировавшийся в то время в Восточной Африке, в течение некоторого времени был в состоянии лишь обеспечивать охрану караванов наших судов. Тем не менее соотношение сил в районе Тихого океана изменилось. Превосходство Соединенных Штатов на море было восстановлено; японцы, пытавшиеся закрепить свои завоевания на Индонезийском архипелаге, бросили все свои силы на выполнение этой задачи и поэтому были лишены возможности вести наступательные операции в Индийском океане. В районе Тихого океана многое изменилось со времени битв в Коралловом море и в районе острова Мидуэй летом 1942 года. Адмирал Нимиц, штаб которого находился в Пёрл-Харборе, контролировал северную, центральную и южную части Тихого океана. Генерал Макартур, который, двигаясь с Филиппин, достиг Австралии в марте 1942 года, осуществлял командование в юго-западном районе Тихого океана, простирающемся от побережья Китая до Австралии и включав-

шем Филиппины, архипелаг Бисмарка, Новую Гвинею, все восточное побережье Австралии и Соломоновы острова.

Японский императорский флот, командование которого полностью отдавало себе отчет в том, что в центральной части Тихого океана оно понесло поражение, вновь сосредоточил свои усилия в юго-западном районе. Здесь, на более значительном расстоянии от главных источников американской мощи он надеялся возобновить победоносное наступление. После того как первая атака на порт Морсби, на Новой Гвинее, была сорвана в результате битвы в Коралловом море, противник решил развить наступление со стороны суши через горный хребет Оуэн-Стэнли. Так началась борьба за Новую Гвинею. Одновременно противник решил захватить Соломоновы острова. Он уже удерживал небольшой остров Тулаги и мог быстро приступить к строительству авиабазы на соседнем острове Гуадалканал. Японцы рассчитывали, что, обладая как портом Морсби, так и Гуадалканалом, они смогут превратить Коралловое море в японское озеро, граничащее с Северо-Восточной Австралией. С Гуадалканала японские летчики могли бы достигнуть других, еще более отдаленных групп островов, расположенных на главной линии морских коммуникаций между Америкой и Новой Зеландией.

Соломоновы острова стали объектом, к завоеванию которого стремились обе стороны; адмирал Кинг в Вашингтоне уже давно разработал план захвата этих островов. 4 июля 1942 года воздушная разведка обнаружила, что противник уже строит аэродром на Гуадалканале. Адмирал Гормли, командовавший в южной части Тихого океана, отказался от более детальной разработки своего плана и 7 августа нанес удар силами 1-й дивизии морской пехоты, которая в то время уже была переброшена в Новую Зеландию. Недостроенная японская авиабаза была быстро захвачена, и началась битва за Гуадалканал. Она длилась шесть месяцев.

* * *

Неудивительно, что адмирал Нимиц и генерал Макартур настаивали на том, чтобы выдвинуть на первый план операции в Тихоокеанском театре военных действий за счет операций в Европе. Их усиленно поддерживал в Вашингтоне адмирал Кинг. Но решающее значение имела в то время операция по высадке десанта в Северо-Западной Африке («Торч»), и соображения генеральной стратегии одержали верх. Наступил кульминационный пункт битвы на острове Гуадалканал. В течение десяти дней, начиная с 19 октября 1942 года, солдаты морской пехоты вели бои в джунглях, удерживая свои позиции, и заставили японцев прекратить атаки. Во время морского боя к северу от Соломоновых островов, в котором самую активную роль играли самолеты, был потоплен авианосец «Хорнет», заменивший в строю ранее потоп-

ленный авианосец «Уосп». Получили повреждения авианосец «Энтерпрайз», линкор «Саут Дакота» и два крейсера. Два японских авианосца были выведены из строя.

Адмирал Хэлси, который сменил адмирала Гормли и который в тот момент оказался вообще без авианосцев, запросил через адмирала Нимица один или несколько английских авианосцев. Хотя мы были мало знакомы с американскими планами на Тихом океане, мы понимали, что на Соломоновых островах назрел серьезный кризис. Было очевидно, что в течение многих недель туда не сможет попасть ни один авианосец. Я искренне желал оказать помощь в этой героической борьбе, но, поскольку на нас лежала главная ответственность за военно-морское обеспечение операции по высадке англо-американской армии в Северо-Западной Африке, мы не могли в тот момент предложить что-либо конкретное. Лишь в декабре ослабело напряжение, вызванное операцией «Торч».

Бывший военный моряк — президенту Рузвельту

2 декабря 1942 года

«Как только мы получили запрос о выделении авианосцев для подкрепления Вашего тихоокеанского флота, мы серьезно занялись изучением вопроса о возможности удовлетворения Вашей просьбы. Мы не могли принять решение относительно этого весьма небольшого числа жизненно необходимых кораблей до тех пор, пока не выяснилось, как обстоит дело с нашими авианосцами, действовавшими в тесных и опасных водах в операции «Торч». Опасность, сопряженная с операцией «Торч», еще не миновала, поскольку темпы сосредоточения нами базирующихся на береговых базах самолетов еще не позволяют вывести из этого района в течение некоторого времени те два авианосца, которые сейчас участвуют в операции «Торч». Зная, однако, насколько неотложно Вам необходимы авианосцы на Тихом океане, мы сейчас готовы пойти на риск и решить, что мы можем Вам предоставить.

Мы располагаем четырьмя большими бронированными авианосцами дальнего действия. Мы готовы вывести из восточного флота авианосец «Илластриес» и предоставить адмиралу Сомервеллу авианосец «Юникорн» и вспомогательный авианосец. Мы готовы также изъять авианосец «Викториес» из флота метрополии и послать Вам как «Викториес», так и «Илластриес», если Вы сможете передать Ваш небольшой авианосец «Рейнджер» нашему флоту метрополии. Ввиду жизненной важности атлантических коммуникаций, необходимости защиты караванов судов, следующих в Северную Россию, возможности появления «Графа Цепелина» в конце года и нынешнего состояния авианосцев «Индомитебл» и «Формидебл» мы не могли бы выделить авиа-

носцы «Викториес» и «Илластриес», если взамен их в состав флота метрополии не будет включен Ваш авианосец «Рейнджер».

Я очень хочу послать Вам два авианосца, а не один, если только удастся, поскольку это не только увеличит Ваши силы, но и позволит этим двум кораблям действовать в качестве тактического соединения, что, по-видимому, было бы необходимо, поскольку ни один из этих кораблей не имеет на борту достаточно самолетов, чтобы действовать самостоятельно. Я предложил бы послать в качестве командира адмирала Листера, которого знают многие Ваши офицеры. Оба корабля направились бы в Пёрл-Харбор, чтобы прибыть к концу декабря и взять там на борт полагающееся количество самолетов. Если Вы согласны на такой обмен, то Паунд¹ договорится о подробностях с Кингом.

Адмирал Кинг, однако, не согласился выделить авианосец «Рейнджер», и поэтому мы смогли послать лишь авианосец «Викториес». Он покинул флот метрополии и направился к Пёрл-Харбору.

* * *

Тем временем в ноябре в районе Соломоновых островов развернулся ряд морских и воздушных сражений, сопровождавшихся тяжелыми потерями с обеих сторон. Эти бои, как показали дальнейшие события, имели решающее значение. 4 января 1943 года императорский штаб в Токио отдал приказ об эвакуации Гуадалканала. Эта эвакуация была проведена без серьезных потерь и закончилась 9 февраля. Во время крупных морских сражений и многочисленных более мелких столкновений было потоплено 2 американских авианосца, 7 крейсеров и 14 эсминцев, не считая австралийского крейсера «Канберра». Японцы потеряли: 1 авианосец, 2 линкора, 4 крейсера и 11 эсминцев. Людские потери обеих сторон были огромными как на суше, так и на море и в воздухе.

* * *

Течение войны изменилось также и на Новой Гвинее. Сухопутное наступление японцев началось 22 июля 1942 года с северного побережья к порту Морсби, который охранялся двумя бригадами австралийской 7-й дивизии, вернувшейся со Среднего Востока. После двух недель напряженных боев на побережье более половины вторгшихся сил было уничтожено, а остальные рассеяны. Японцы были принуждены перейти к обороне на Новой Гвинее. Пытаясь захватить одновременно Новую Гвинею и

¹ В то время занимал пост начальника морского штаба Англии.—Примеч. ред.

Гуадалканал, они утратили возможность овладеть каким-либо из этих островов. К февралю юго-восточная оконечность Новой Гвинеи, так же, как и Гуадалканал, прочно находилась в руках союзников.

* * *

К июню 1943 года перспективы на Тихом океане были ободряющими. Последние японские атаки были отбиты, и противник теперь всюду перешел к обороне.

Продвижение американцев к Филиппинам начало принимать отчетливые формы. Генерал Макартур двигался на запад вдоль северного побережья Новой Гвинеи, а адмирал Хэлси медленно наступал вдоль цепи Соломоновых островов к острову Рабаул. Эти операции опирались на быстро возраставшую мощь Соединенных Штатов. Полтора года, которые прошли с момента нападения на Пёрл-Харбор, заставили правителей Японии осознать некоторые факты, которые они ранее игнорировали, и правильное понять соотношение сил.

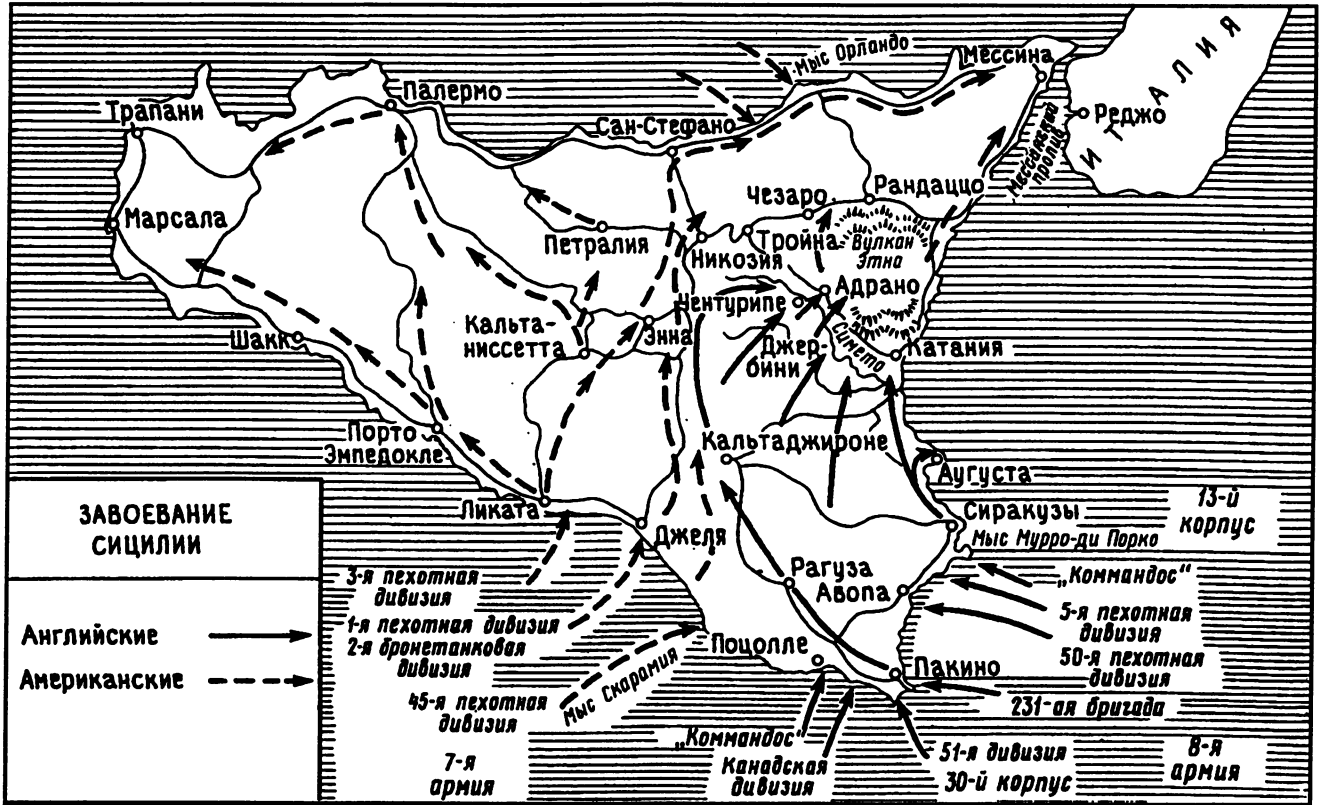
Глава вторая

ЗАВОЕВАНИЕ СИЦИЛИИ

Июль и август 1943 года

На конференции в Касабланке, состоявшейся в январе, было принято решение о вторжении на Сицилию после захвата Туниса. Эта серьезная операция, известная под кодовым названием «Хаски», поднимала новые сложные проблемы. Во время высадки войск в ходе операции «Торч» не предполагалось встретить серьезного сопротивления. Но было возможно, что теперь все еще многочисленная итальянская армия будет отчаянно сражаться, защищая свою родину. Во всяком случае, она должна была получить поддержку сильных германских наземных и военно-воздушных сил. Итальянский флот все еще обладал шестью боеспособными современными линкорами и мог принять участие в сражениях.

Генерал Эйзенхауэр утверждал, что нападение на Сицилию следует предпринять только в том случае, если мы считаем своей главной целью очищение средиземноморского пути. Если же наша основная цель состоит в том, чтобы вторгнуться в Италию и нанести ей поражение, тогда, по его мнению, нашими первоначальными объектами должны были быть Сардиния и Корсика, «поскольку эти острова находятся на фланге длинного итальянского «сапога», и наши операции заставили

ЗАВОЕВАНИЕ СИЦИЛИИ

Английские **—————>**
 Американские **- - - - ->**

- 3-я пехотная дивизия
- 1-я пехотная дивизия
- 2-я бронетанковая дивизия
- 45-я пехотная дивизия
- 7-я армия

Мыс Скарария

«Коммандос»
 Канадская дивизия

- «Коммандос»
- 5-я пехотная дивизия
- 50-я пехотная дивизия
- 231-я бригада
- 51-я дивизия
- 30-й корпус

13-й корпус

8-я армия

бы противника гораздо больше расплыть свои силы в Италии, чем просто оккупация Сицилии». Это было, несомненно, весьма авторитетное мнение крупного военного руководителя, но я не мог с ним согласиться. Политические факторы играют свою роль, и захват Сицилии и непосредственное вторжение в Италию должны были привести к гораздо более быстрым и далеко идущим результатам.

Захват Сицилии был операцией первостепенной важности. Хотя ее и затмили последующие события в Нормандии, не следует недооценивать ее значения и трудностей, с которыми она была сопряжена. Планируя высадку, мы опирались на опыт, приобретенный в ходе операции «Торч», а те, кто планировал операцию «Оверлорд»¹, многому научились на операции «Хаски». На начальной стадии в наступлении участвовало около 3 тысяч кораблей и десантных судов, доставивших в общем 160 тысяч солдат, 14 тысяч автомашин, 600 танков и 1800 орудий. Эти войска надо было обучить, снарядить, собрать с далеко разбросанных баз в Средиземном море, в Великобритании и Соединенных Штатах и наконец погрузить на корабли со всем огромным имуществом и запасами, необходимыми для комбинированной десантной операции. От командиров на местах, штабы которых находились на расстоянии тысяч миль один от другого, требовалась детальнейшая разработка планов. Все эти планы должны были быть сведены воедино главнокомандующим в Алжире. Специальный союзнический штаб в Алжире контролировал и координировал всю подготовку. По мере развития плана возникало множество проблем, которые мог разрешить только объединенный англо-американский штаб. И наконец, надо было сформировать караваны судов, отправить их под прикрытием через океаны и моря и сосредоточить в районе военных действий в должное время.

* * *

Разработка планов в штабе генерала Эйзенхауэра началась в феврале. В связи с этим встал вопрос о назначении главных должностных лиц, которые должны были действовать в его подчинении. Александер должен был командовать 15-й группой армий в составе американской 7-й и английской 8-й армий. Главный маршал авиации Теддер командовал военно-воздушными силами, а адмирал Кэннингхэм — военно-морскими силами союзников. Все они подчинялись верховному главнокомандующему генералу Эйзенхауэру.

Руководство наступлением английских войск было поручено генералу Монтгомери и его 8-й армии, а генерал Паттон был на-

¹ Операция вторжения через Ла-Манш во Францию.—Примеч. ред.

значен командующим американской 7-й армией. Военно-морскими силами должны были руководить адмирал Ремзи, который разрабатывал планы высадки английских войск в операции «Торч», и адмирал американского флота Хьюитт, который вместе с генералом Паттоном провел высадку в Касабланке. Что касается военно-воздушных сил, то главными командирами, находившимися в подчинении главного маршала авиации Теддера, были генерал Спаатс из американских военно-воздушных сил и маршал авиации Конингхэм, а воздушные операции во взаимодействии с 8-й армией находились в ведении вице-маршала авиации Бродхэрста, который незадолго до этого способствовал успехам авиации в Западной пустыне.

План и состав войск обсуждались вначале лишь ориентировочно, поскольку военные действия в Тунисе по-прежнему поглощали внимание командиров и штабов, и только в апреле мы смогли уточнить, какие войска смогут принять участие в новой операции. Главной задачей был скорейший захват портов и аэродромов для поддержки армий после высадки. Этой цели отвечали Палермо, Катания и Сиракузы, но Мессина — самый лучший порт — была вне пределов нашей досягаемости. На юго-восточной оконечности острова, в долине Катании и в западной части острова имелись три главные группы аэродромов.

* * *

Окончательный план, выработанный генералом Александром, предполагал предварительную бомбардировку в течение недели с целью нейтрализации флота и авиации противника. Английская 8-я армия под командованием генерала Монтгомери должна была наступать между мысом Мурро-ди-Порко и Поцолле и захватить Сиракузы и аэродром в Пакино. Прочно закрепив плацдармы и установив контакт с американскими войсками на левом фланге, она должна была начать наступление на север на аэродромы в Аугусте, Катании и Джербини. Американская 7-я армия под командованием генерала Паттона должна была высадиться между мысом Скарамия и портом Миката и захватить этот порт и группу аэродромов к северу и востоку от Джели. Она должна была обеспечить фланг наступающей 8-й армии в Рагузе. Крупные английские и американские авиадесантные войска должны были быть сброшены на парашютах или высажены планерами за плацдармами высадки десантов для захвата главных опорных пунктов и оказания помощи десантам.

8-я армия состояла из семи дивизий, включая пехотную бригаду, выделенную из состава гарнизона Мальты, две танковые бригады и отряды «коммандос». Американская 7-я армия насчитывала шесть дивизий. Вражеский гарнизон на Сицилии, вначале находившийся под командованием итальянского гене-

рала, состоял из двух немецких дивизий, в том числе одной танковой, четырех итальянских пехотных дивизий и шести очень слабых итальянских дивизий береговой обороны. Мы обладали явным превосходством в воздухе. Нашим четырем с лишним тысячам боевых самолетов (121 английской и 146 американским эскадрильям) противник мог противопоставить на Сицилии, Сардинии, в Италии и Южной Франции вместе взятых всего 1850 машин.

* * *

20 мая состоялось совещание у Гитлера, на котором присутствовали Кейтель, Роммель, Нейрат и некоторые другие.

Нейрат, в частности, говорил:

«Германские войска на Сицилии, несомненно, стали довольно непопулярны. Это весьма легко объяснить, ибо сицилийцы считают, что мы принесли с собой войну. Во-первых, мы съели все съестные припасы, которые у них были, а теперь из-за нас придут англичане, хотя — и я должен это подчеркнуть — сицилийские крестьяне, в сущности, против этого не возражают. Они считают, что это положит конец их страданиям. По всей Южной Италии распространено мнение, что война закончится, когда придут англичане, и что присутствие немцев только оттягивает это...

Префекты и чиновники, которые остались на своих постах, почти ничего не предпринимают. Всякий раз, когда я обращал их внимание на это и жаловался, что немецких солдат ругают на улицах бранными словами, мне говорили, что они не знают, что делать. Они говорили: «Таково настроение народа. Вы сами сделали себя непопулярными. Вы производили реквизиции и съели всех наших кур»».

* * *

Усиленные бомбардировки Сицилии с воздуха начались 3 июля. Бомбардировке подверглись аэродромы как на Сицилии, так и на Сардинии, и в результате многие из них вышли из строя. Истребители противника перешли к обороне, а его бомбардировщики дальнего действия были вынуждены базироваться на территории собственно Италии. Четыре из пяти железнодорожных паромов, курсировавших в Мессинском проливе, были потоплены. К тому времени, когда караваны наших судов подошли к острову, мы прочно закрепили за собой превосходство в воздухе, а военные корабли и самолеты держав оси не предпринимали серьезных попыток помешать высадке морского десанта. Благодаря отвлекающим мероприятиям противник до последнего момента находился в неведении относительно того, где мы нанесем

удар. Наши передвижения на море и военные приготовления в Египте наводили на мысль об экспедиции в Грецию. С момента падения Туниса противник посылал больше самолетов в Средиземное море, но дополнительные эскадрильи направлялись не на Сицилию, а в восточную часть Средиземного моря, Северо-Западную Италию и на Сардинию.

Начало операции было назначено на 10 июля. Утром 9 июля огромные армады с востока и запада соединились к югу от Мальты, и наступило время всем двинуться к побережью Сицилии.

Утро 9 июля было чудесным, но к полудню подул свежий и неожиданный в это время года северо-западный ветер. Во второй половине дня ветер усилился, и к вечеру началось сильное волнение, которое делало высадку рискованной. Адмирал Кэннингхэм сообщил в 8 часов вечера: «Погода неблагоприятная, но операция развивается. Уже слишком поздно откладывать, но мы очень беспокоимся, в особенности за мелкие десантные суда при таком волнении на море». И действительно, они сильно задержались и расплылись. Многие суда прибыли поздно, но, к счастью, это не причинило большого вреда. «Ветер, — продолжал Кэннингхэм, — ослабел ночью и к утру 10 июля прекратился. Не прекращались лишь волнение и сильный прибой у западного побережья».

Неблагоприятная погода обеспечила внезапность нашей операции. Адмирал Кэннингхэм далее сообщал в своем донесении: «Весьма эффективный план отвлекающих мероприятий и обманчивый маршрут конвоев сыграли свою роль. Кроме того, бдительность противника, несомненно, была ослаблена в силу того, что высадке не благоприятствовали как луна, так и ветер, который чуть не сделал невозможной если не всю, то часть десантной операции. Эти внешние неблагоприятные факторы привели к тому, что усталые итальянцы, находившиеся начеку в течение многих ночей, спокойно легли спать, думая: “Сегодня-то они, во всяком случае, не придут”».

Но мы пришли.

Тем не менее воздушно-десантным войскам пришлось туго. Более одной трети планеров, доставивших нашу 1-ю воздушно-десантную бригаду, было слишком рано выпущено американскими буксирными самолетами, и многие солдаты, находившиеся на них, утонули. Остальные рассеялись по всей Юго-Восточной Сицилии, и только 12 планеров опустились у важного объекта — моста, где они должны были приземлиться. Из 8 офицеров и 65 рядовых, захвативших мост и удерживавших его до прибытия подкрепления в течение 12 часов, только 19 человек не были ранены. Это был беззаветный во-

инский подвиг. На американском фронте воздушный десант также был слишком распылен, но многие мелкие группы, причиняя опустошения и внося смятение в ряды противника в глубине острова, беспокоили итальянские дивизии береговой обороны.

Высадка морского десанта под постоянным прикрытием истребителей повсюду прошла весьма успешно. На английском фронте были захвачены Сиракузы и Пакино, на американском фронте — Ликата и Джеля. 8-я армия 12 июля захватила Аугусту. На американском фронте часть германской танковой дивизии предприняла сильные контратаки против американской 1-й дивизии. Одно время положение было критическим, но после ожесточенной схватки противник был отбит, наши союзники развили наступление и захватили важные аэродромы к востоку от Джели.

Главные усилия 8-й армии были теперь направлены на захват аэродромов в Катании и Джербини. При поддержке парашютистов и отрядов «коммандос», сброшенных с самолетов и высаженных с моря, которые захватили важные мосты, армия форсировала реку Симето. Но тут на помощь итальянцам пришли немецкие войска, расположенные на более отдаленных западных участках, и продвижение на другом берегу реки было остановлено. 16 июля левый фланг 8-й армии достиг Кальтаджироне в тесном взаимодействии с американцами, которые также двигались на запад вдоль побережья и заняли Порто-Эмпедокле.

Теперь в наших руках находилось 12 аэродромов, и к 18 июля на острове было всего 25 пригодных немецких самолетов. 1100 самолетов — из них более половины немецких — были уничтожены или повреждены. Наши военно-воздушные силы усиленно старались помешать переброске войск с материка в Мессину. Они имели лишь частичный успех, ибо натолкнулись на усиленный огонь зенитной артиллерии.

16 июля генерал Александер отдал 8-й армии приказ наступать на западный склон Этны, а 7-й армии захватить дороги вокруг Этны и перерезать в Петралии шоссе, идущее с запада на восток.

* * *

Наш следующий стратегический шаг все еще не был определен. Должны ли мы форсировать Мессинский пролив и захватить «носок» итальянского «сапога», или же мы должны захватить «каблук сапога», заняв Таранто, или высадиться выше на западном побережье, в Салернском заливе, и захватить Неаполь? Или же, наконец, нам следует ограничиться оккупацией Сардинии?

Успехи, достигнутые на Сицилии, прояснили положение. О перемене можно судить по телеграмме, в которой я описывал генералу Смэтсу¹ всю обстановку на 16 июля:

Премьер-министр — генералу Смэтсу 16 июля 1943 года

«1. Во время наших переговоров в Вашингтоне в мае американцы выразили серьезные опасения, как бы нам не слишком увязнуть в районе Средиземного моря, и ясно обнаружили стремление завершить кампанию в этом районе захватом Сардинии.

Мы возражали против этого, и, поскольку численность наших войск в районе Средиземного моря намного превосходит численность американских войск, нам удалось добиться того, что вопрос был оставлен открытым до тех пор, пока не будет захвачена Сицилия. Не довольствуясь этим, я просил, чтобы президент послал со мной в Северную Африку генерала Маршалла, чтобы там на месте убедить Эйзенхауэра и других в том, что только занятие Рима может завершить кампанию этого года. Мы договорились, что решение должно быть принято тогда, когда станет ясно, как разворачиваются военные действия в Сицилии. Если они окажутся ожесточенными и затяжными, тогда, возможно, придется ограничиться Сардинией. Если же наша операция окажется удачной и спротивление итальянцев не будет упорным, мы должны будем немедленно вторгнуться на континентальную Италию.

2. Теперь приближается момент, когда следует сделать этот выбор, и мне не приходится говорить Вам о том, что я постараюсь настоять на своем варианте. Я полагаю, что президент на моей стороне; Эйзенхауэр в душе, конечно, за этот план. Ни при каких обстоятельствах я не допущу, чтобы мощные английские армии и армии, находящиеся под контролем англичан в районе Средиземного моря, бездействовали. Я перебрасываю превосходную польскую армию из Персии в Сирию, где она сможет принять участие в военных действиях.

3. Положение на Балканах также весьма отраднo, и я посылаю Вам донесение средневосточного штаба, свидетельствующее о том, что итальянские войска находятся на грани краха. Мы не только должны захватить Рим и продвинуться возможно дальше на север в Италию, но наша правая рука должна оказать поддержку патриотам на Балканах. Все это вселяет большие надежды при условии, что представляющаяся возможность будет максимально использована. Я уверен в успешных результатах и приложу все усилия, чтобы добиться согласия наших союзников. В противном случае мы имеем достаточно сил, чтобы действовать самостоятельно.

¹ В то время — премьер-министр Южно-Африканского Союза и главнокомандующий вооруженными силами ЮАС. Умер в 1950 г.—*Примеч. ред.*

4. Когда Вы придёте сюда? Вы знаете, что Вас ожидает тёплый приём, и Вам известна близость наших взглядов на войну. Все вышесказанное предназначается только для Вас лично и является военной тайной».

* * *

Между тем на Сицилии американцы неуклонно продвигались под энергичным руководством генерала Паттона. 3-й пехотной и 2-й бронетанковой дивизиям американцев было дано задание подавить западный фланг противника, где теперь остались одни только итальянцы, а американскому 2-му корпусу в составе 1-й и 45-й дивизий был дан приказ овладеть северным побережьем, а затем двинуться на восток по двум главным дорогам на Мессину. Палермо был занят 22 июля, и к концу месяца американцы достигли рубежа Никозия, Сан-Стефано. Их 3-я дивизия, выполнившая свою задачу в Западной Сицилии, была брошена на поддержку наступления на побережье, а 9-я дивизия была переброшена из Африки, где она находилась в резерве так же, как и наша 78-я дивизия.

Таким образом, было расчищено поле для заключительных битв. Эти битвы, несомненно, должны были быть жестокими, поскольку помимо остатков итальянского гарнизона, действовало теперь более трех немецких дивизий под командованием опытного командира, немецкого генерала Губе. Но быстрый крах Италии стал вероятным.

22 июля английские начальники штабов предложили своим американским коллегам разработать план прямого нападения на Неаполь, исходя из предположения, что в наличии будут дополнительные суда и авианосцы. Американцы придерживались иного мнения. Соглашаясь с планом нападения, они в то же время настаивали на своем первоначальном решении не посылать никаких подкреплений из Америки генералу Эйзенхауэру ни для этой, ни для другой цели. Он должен был по возможности обойтись тем, что было в его распоряжении. Более того, они настаивали на том, что три его полка тяжелых бомбардировщиков должны быть переведены в Англию. Возник конфликт. Американские начальники штабов не верили, что победа над Италией создаст угрозу для Германии, и боялись, что немцы отойдут и мы будем бить по пустому месту. Они думали, что бомбардировка Южной Германии с аэродромов в Южной Италии не принесет большой пользы, и хотели, чтобы все усилия против Германии были сосредоточены на кратчайшем пути через Ла-Манш, хотя там операции могли начаться не раньше чем через десять месяцев.

Английские начальники штабов указывали, что на Вашингтонской конференции было отчетливо заявлено, что вывод

Италии из войны является одной из главных целей союзников.

Пока велись эти довольно резкие дискуссии, падение Муссолини 25 июля полностью изменило картину. Доводы в пользу вторжения в Италию теперь казались неопровержимыми.

* * *

Вернемся теперь к военным действиям на Сицилии. Катания пала 5 августа, и после этого весь фронт английских войск продвинулся вперед, к южному и западному склонам Этны. 6 августа после упорных боев американская 1-я дивизия заняла Тройну, а американская 9-я дивизия, пройдя через расположение 1-й дивизии, 8 августа вступила в Чезаро. Двигавшаяся по северному побережью американская 45-я дивизия, за которой следовала американская 3-я дивизия, 10 августа достигла мыса Орландо, чему способствовали две небольшие, но умело задуманные комбинированные операции по охвату флангов. После занятия Рандаццо 13 августа противник оторвался от нас на всем фронте и под прикрытием своей сильной противовоздушной обороны в районе Мессинского пролива в последующие ночи отступил на материк. Наши армии устремились к Мессине. Разрушения, произведенные противником на прибрежной дороге из Катании, замедлили продвижение 8-й армии, и американцы, подоспевшие чуть-чуть раньше, заняли этот город 16 августа.

Генерал Александер — премьер-министру

17 августа 1943 года

«Следующие факты представляют интерес.

Вторжение на Сицилию произошло 10 июля. Мессина была занята 16 августа. Остров захвачен за 38 дней. Протяженность береговой линии Сицилии составляет 600 миль, а ее площадь 10 тысяч квадратных миль. Остров сильно укреплен бетонными дотами и проволочными заграждениями. Гарнизон держав оси: 9 итальянских дивизий, 4 немецкие дивизии, итого 13 дивизий; общая численность войск: итальянцев — 315 тысяч, немцев — 90 тысяч, итого 405 тысяч солдат. Наши силы: 7-я армия в составе 6 дивизий, в том числе авиадесантная дивизии, 8-я армия в составе 7 дивизий, в том числе воздушно-десантная и бронетанковая бригады; итого 13 дивизий союзников...

Можно считать, что 10 июля все итальянские войска на острове были уничтожены, хотя несколько разбитых частей, возможно, спаслось на материк».

И позже:

Генерал Александер — премьер-министру

17 августа 1943 года

«К 10 часам утра сегодня, 17 августа 1943 года, последний немецкий солдат изгнан из Сицилии, и весь остров теперь находится в наших руках».

Согласно донесению генерала Маршалла, противник потерял 167 тысяч солдат, из них 37 тысяч немцев. Союзники потеряли 31 158 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести.

Глава третья

ПАДЕНИЕ МУССОЛИНИ

Муссолини пришлось теперь нести всю тяжесть последствий военной катастрофы, в которую он после стольких лет правления вверг страну. Он обладал почти абсолютной властью и не мог переложить бремя на монархию, на парламентские институты, на фашистскую партию или на генеральный штаб. Вся ответственность пала на него. Теперь, когда в хорошо осведомленных кругах Италии распространялось сознание, что война проиграна, вина возлагалась на человека, который так самовластно поставил свою страну на сторону неправого дела и обрек ее на поражение. Это мнение сложилось и широко распространилось в первые месяцы 1943 года. Вся полнота власти по-прежнему принадлежала диктатору, от которого отступились все, а тем временем военное поражение и истребление итальянцев в России, Тунисе и Сицилии были явной прелюдией к прямому вторжению¹.

С февраля молчаливый, осторожный конституционный монарх поддерживал контакт с маршалом Бадольо, который был смещен после греческой катастрофы в 1940 году. В его лице он наконец нашел человека, которому мог доверить ведение государственных дел. Был разработан определенный план. Было решено, что Муссолини будет арестован 26 июля. Устранению Муссолини также содействовали те элементы фашистской старой

¹ В 1941 г., после начала войны Германии против СССР, итальянское правительство направило на советско-германский фронт экспедиционный корпус, в 1942 г. преобразованный в итальянскую 8-ю армию. Она действовала против советских войск в период Сталинградской битвы и была разгромлена в декабре 1942 г. на Среднем Дону в ходе советского контрнаступления. Личный состав пяти дивизий и трех бригад в основном был захвачен в плен.

гвардии, которые желали возрождения партии, так как тогда во многих случаях они не оказались бы в проигрыше. Они считали, что созыв высшего партийного органа — фашистского Большого совета, который не собирался с 1939 года, даст возможность предъявить дуче ультиматум. 13 июля они посетили Муссолини и побудили его назначить официальное заседание совета на 24 июля. Эти два движения, очевидно, возникли самостоятельно и независимо друг от друга, но совпадение их по времени было весьма знаменательно.

* * *

Нам в то время не было определенно известно о внутренних противоречиях в политической жизни Италии, но штаб союзников уже в течение некоторого времени получал сведения об усиливающейся деморализации и беспорядках.

После налетов нашей авиации начались забастовки и бунты в городах Северной Италии. Нам было известно, что продовольственное положение Италии ухудшалось в результате разрухи на транспорте. Казалось, что настало время обратиться с воззванием к итальянскому народу в связи с высадкой на Сицилии. Президент Рузвельт предложил текст прокламации, которая, по нашему мнению, отводила Соединенным Штатам место, принижавшее роль Англии в итальянской войне. 5 июля я направил ему телеграмму следующего содержания:

Бывший военный моряк — президенту Рузвельту

5 июля 1943 года

«1. Военный кабинет рассмотрел вопрос о совместном обращении к итальянскому народу от имени обеих наших стран. В то время как операция «Торч» по соглашению планировалась как американская экспедиция с участием английского контингента и я на всем ее протяжении выступал в качестве Вашего помощника, мы считаем операцию «Хаски» (Сицилия) и военные действия в развитие «Хаски» совместными мероприятиями, в которых мы являемся равными партнерами. Это, несомненно, оправдывается сравнительной численностью участвующих войск, морских сил, судов и самолетов. Я полностью принимаю Ваш тезис, что “не должно быть старшего партнера”.

2. Однако поскольку мы дольше, чем Вы, находимся в ссоре, или в состоянии войны, с Италией, и поскольку подобный документ, будучи написан одним лицом, более убедителен, чем коллективное произведение, мы согласны, чтобы на данном этапе Вы обратились к итальянскому народу от имени обеих наших стран в интересах общего дела.

3. Я хотел бы со всей откровенностью, свойственной нашей дружбе, предложить Вам несколько поправок. Они имеют важное значение, потому что, если не внести их, у английского народа и английских вооруженных сил может возникнуть неблагоприятное впечатление, что их вклад не получил равного и вообще надлежащего признания. И действительно, о них упоминается только в одном месте, а во всех остальных случаях говорится либо о Соединенных Штатах, либо об Объединенных Нациях.

4. Поправки сводятся к следующему:

а) После слов “которым 11 декабря 1941 года Ваше правительство объявило войну” вставить: “я говорю также от имени и по поручению правительства его британского величества”; б) После слов “под командованием генерала Эйзенхауэра” вставить: “и его заместителя генерала Александера”; в) Конец фразы “в воздушных просторах над Италией господствуют могучие воздушные армады Объединенных Наций” должен гласить: “Соединенных Штатов и Великобритании. Берегам Италии угрожают крупнейшие английские и союзнические морские силы, какие когда-либо сосредоточивались в Средиземном море”. Я уверен, что Вы согласитесь со справедливостью этих замечаний, ибо в конце концов все фактически осуществляется Соединенными Штатами и Великобританией.

5. И наконец, мы считаем, что обращение к итальянскому народу было бы более своевременным после первых успехов в Сицилии, ибо в случае отпора оно было бы несколько неуместным. Так или иначе, оно потонет для всего мира в грохоте канонады и едва ли вовремя достигнет действующих войск держав оси, чтобы оказать свое влияние».

Рузвельт признал справедливость наших доводов, и я послал ему исправленный проект, который мы считали приемлемым.

«Президент Соединенных Штатов Америки и премьер-министр Великобритании обращаются с нижеследующим посланием к итальянскому народу.

В настоящий момент объединенные вооруженные силы Соединенных Штатов и Великобритании под командованием генерала Эйзенхауэра и его заместителя генерала Александера переносят войну в глубь территории вашей страны. Это является прямым следствием позорного руководства Муссолини и его фашистского режима, которым вы подчинены. Муссолини втянул вас в эту войну как сателлит жестокого палача народов и душиителя свобод. Муссолини вверг вас в войну, которую, как он думал, Гитлер уже выиграл. Несмотря на то что Италия в высшей степени уязвима для нападения с воздуха и с моря, ваши фашистские правители послали ваших сынов, ваши корабли, вашу

авиацию на далекие поля сражения, чтобы помогать Германии, стремящейся завоевать Англию, Россию, весь мир. Эта поддержка планов нацистской Германии недостойна древних итальянских традиций свободы и культуры — традиций, которым народы Америки и Великобритании в такой мере обязаны. Ваши солдаты сражались в интересах не Италии, а нацистской Германии. Они сражались мужественно, но на русском фронте и на всех полях сражений в Африке от Эль-Аламейна до мыса Бон немцы предали их и покинули на произвол судьбы.

Сейчас надежды Германии на завоевание мирового господства развеяны на всех фронтах. В воздушных просторах над Италией господствуют могучие воздушные армады Соединенных Штатов и Великобритании. Берегам Италии угрожают крупнейшие английские и союзнические морские силы, какие когда-либо сосредоточивались в Средиземном море. Силы, которые сейчас противостоят вам, полны твердой решимости сломить мощь нацистской Германии, которая беспощадно использовалась для того, чтобы обращать в рабство, уничтожать и убивать всех тех, кто отказывается признать в немцах расу господ.

Единственная надежда Италии на спасение заключается в почетной капитуляции перед преобладающей мощью вооруженных сил Объединенных Наций. Если вы будете по-прежнему терпеть фашистский режим, который служит злым силам нацизма, то вы на себе испытаете последствия своего выбора. Мы вторглись на территорию Италии вовсе не ради своего удовольствия, и нас отнюдь не радуют ужасные опустошения, которые наше вторжение несет итальянскому народу. Однако мы исполнены решимости уничтожить лжевождей, ведущих народ по неверному пути, и их доктрины, которые привели Италию к ее нынешнему положению. Каждый миг вашего сопротивления единым силам Объединенных Наций, каждая капля крови, которой вы жертвуете, могут послужить лишь одной цели: предоставить фашистским и нацистским главарям возможность еще некоторое время уклоняться от неизбежных последствий их преступлений. Ваши интересы и ваши традиции преданы Германией и вашими собственными лживыми и продажными руководителями; только отмежевавшись от них, преобразованная Италия может надеяться занять почетное место в семье европейских наций.

Народ Италии! Пришло время вспомнить о самоуважении, о своих интересах, о своем стремлении восстановить национальное достоинство, безопасность и мир. Пришло время решить, должны ли итальянцы умирать за Муссолини и Гитлера или жить для Италии, для цивилизации.

Рузвельт, Черчилль»

Союзнические самолеты сбросили листовки с этим обращением над Римом и другими итальянскими городами 17 июля.

Два дня спустя дуче в сопровождении начальника генштаба генерала Амброзио вылетел самолетом, чтобы встретиться с Гитлером на вилле Фельтре, близ Римини.

Фюрер подробно распространялся насчет необходимости величайших усилий. К зиме, заявил он, будет готово новое секретное оружие, которое должно быть пущено в ход против Англии. Италию необходимо защищать, «чтобы Сицилия стала для врага тем, чем Сталинград был для нас». Итальянцы должны обеспечить как людские ресурсы, так и организационное руководство. Ввиду напряженного положения на русском фронте Германия не может выделить подкреплений и снаряжения, которых просит Италия.

Амброзио требовал от своего шефа, чтобы он прямо сказал Гитлеру, что Италия не может продолжать войну. Неясно, какую бы это принесло пользу, но тот факт, что Муссолини казался совершенно выбитым из колеи, побудил Амброзио и других присутствовавших итальянских генералов сделать окончательный вывод, что Муссолини не в состоянии обеспечить дальнейшее руководство. Муссолини вернулся в Рим с пустыми руками. На следующий день он получил аудиенцию у короля, которого нашел «хмурым и нервничающим». «Напряженное положение, — сказал король. — Мы долго не выдержим. Сицилия потеряна. Немцы нас обманут. Дисциплина войск порвана...»

Муссолини, согласно записям, ответил, что он рассчитывает вывести Италию из союза держав оси к 15 сентября. Тот факт, что он назначил эту дату, показывает, насколько он был далек от правильного понимания создавшегося положения.

И наконец, на сцену выступил главный герой заключительной драмы. В Рим прибыл, чтобы взять в свои руки инициативу на заседании Большого совета, Дино Гранди — старейший деятель фашистского движения, бывший министр иностранных дел и посол в Англии, человек сильной воли, который был против объявления Италией войны Англии, но не мог прежде сделать ничего, чтобы изменить ход событий. Он явился 22 июля к своему старому руководителю и прямо заявил, что намеревается внести предложение о сформировании национального правительства и возвращении королю верховного командования вооруженными силами.

В 5 часов вечера 24 июля собрался Большой совет. Гранди внес резолюцию, призывавшую корону укрепить свою власть, а короля — оставить свое уединение и вновь энергично взять бразды правления в свои руки. Голосование происходило уже

в третьем часу ночи. 19 человек проголосовали за резолюцию Гранди, 7 — против, 2 воздержались.

В воскресенье 25 июля, прибыв в резиденцию короля, Муссолини заметил повсюду подкрепления карабинеров. Король в маршальской форме стоял на пороге. Они вошли в гостиную. Король сказал: «Мой дорогой дуче, дела плохи. В Италии все идет прахом. Моральный дух армии невероятно низок. Солдаты не хотят больше воевать... Голосование в Большом совете ужасно — 19 голосов за резолюцию Гранди... Я подумываю о том, что подходящим человеком сейчас является маршал Бадольо...»

Муссолини ответил: «Вы принимаете чрезвычайно серьезное решение. Возникновение кризиса в данный момент наведет народ на мысль, что мир близок, раз человек, который объявил войну, смещен. Этим будет нанесен весьма серьезный удар по моральному духу армии. Этот кризис будет победой клики Черчилля — Сталина, особенно Сталина. Я сознаю, что меня ненавидит народ. Мне нетрудно было понять это вчера вечером на заседании Большого совета. Когда правишь так долго и требуешь стольких жертв, то неизбежно наживаешь врагов. Во всяком случае я желаю удачи человеку, который справится с положением».

Позднее в тот же день король поручил Бадольо сформировать новый кабинет из военных руководителей и гражданских чиновников, а вечером маршал по радио возвестил об этом всему свету. Два дня спустя по приказу маршала Бадольо дуче был интернирован на острове Понца.

* * *

Так закончился 21 год диктатуры Муссолини в Италии. За этот период он вызволил итальянский народ из омута большевизма, в который тот погружался в 1919 году, и привел его к такому положению в Европе, которого Италия никогда раньше не занимала¹. Жизнь страны получила новый толчок. Была создана Итальянская империя в Северной Африке. В Италии было за-

¹ Революционный подъем, охвативший Европу после Первой мировой войны, обнажил кризис буржуазно-демократической модели капиталистических государств. В странах, где буржуазии удалось создать прочную систему политической организации общества (Англия, Франция), этот кризис был преодолен. Но к началу 20-х годов в ряде стран на политическую авансцену выдвинулись силы правой реакции, породившей такое международное явление, как фашизм. Впервые в «классической» форме он утвердился в Италии. В борьбе против рабочего и демократического движения итальянское правительство все чаще обращалось к террористическим методам, поощряя фашистские организации. Сильная власть, обещанная фашистами, виделась итальянской буржуазии противовесом напряженным классовым боям, развернувшимся осенью 1920 г., и начавшемуся экономическому кризису.

Нарастание в стране кризисных явлений и успех левых сил на выборах в мае 1921 г. подтолкнули правящие круги Италии к установлению фашистского режима. 28 октября 1922 г. король назначил Муссолини на пост главы государства.

нершено много важных строительств. В 1935 году воля дуче воз-обладала в Лиге Наций — «пятьдесят наций, возглавляемых одной», — и он смог завершить завоевание Абиссинии. Его режим был слишком дорогостоящим для итальянского народа, но нет сомнения в том, что в период его успехов он импонировал весьма многим итальянцам. Он был, как я назвал его во время падения Франции, «итальянским законодателем». Альтернативой его правлению вполне могла бы быть коммунистическая Италия, которая принесла бы итальянскому народу и Европе опасности и беды иного характера. Его роковой ошибкой было объявление войны Франции и Великобритании после побед Гитлера в июне 1940 года. Если бы он этого не сделал, то вполне мог бы проводить политику лавирования, при которой обе стороны заигрывали бы с Италией и вознаграждали бы ее, а она извлекала бы невиданные богатства и блага из борьбы других стран. Даже когда исход войны стал несомненным, союзники приветствовали бы переход Муссолини на их сторону. Он во многом мог способствовать сокращению сроков войны. Он мог искусно и осторожно выбрать момент, чтобы объявить войну Гитлеру. Вместо этого он избрал ошибочный курс. Он никогда не сознавал силы Англии и не учитывал таких постоянно действующих факторов, как ее остротное положение и морская мощь. Итак, он пошел к гибели. Великие пути, пройденные им, останутся памятником его личной энергии и долгому правлению.

* * *

В этот период Гитлер совершил грубейшую ошибку в стратегии и ведении войны. Отпадение Италии, победоносное наступление России, явная подготовка Англии и Соединенных Штатов к форсированию Ла-Манша — все это должно было бы побудить его сосредоточить и развернуть могущественнейшую германскую армию в качестве центрального резерва. Только таким образом он мог использовать выдающиеся качества германского командования и боевых войск и в то же время полностью извлечь выгоду из того центрального положения, которое занимала Германия, с ее внутренними рубежами и замечательными коммуникациями. Как сказал однажды генерал фон Тома во время его пребывания у нас в плену, «наш единственный шанс состоит в том, чтобы создать положение, когда мы сможем в полной мере использовать армию». Гитлер, как я указывал в предыдущем томе, в сущности, сплел паутину, но забыл про паука. Он старался удержать все, что захватил. На Балканах и в Италии растрачивались огромные силы, хотя положение на этих фронтах не могло иметь решающего значения. Центральный резерв численностью 30—40 дивизий самой высокой боеспособности и мобильности дал бы Гитлеру возможность ударить по любому из противников, наступающему на

исто, и провести генеральное сражение с большими шансами на успех. Год спустя он мог, например, встретить англичан и американцев на 40-й или 50-й день после их высадки в Нормандии свежими и намного превосходящими силами. Он, пожалуй, мог так разместить свои войска, чтобы решить исход войны. У него не было никакой необходимости растрачивать свои силы в Италии и на Балканах, и тот факт, что он поступил подобным образом, следует расценить как упущенную им последнюю возможность.

Зная, что у него есть такой выбор, я хотел также иметь возможность ударить либо на правом фланге в Италии, либо на левом фланге — через Ла-Манш, либо в том и другом месте сразу. Произведенная Гитлером неправильная диспозиция позволила нам нанести прямой удар на главном направлении в условиях, которые сулили хорошие перспективы и принесли успех.

* * *

Гитлер вернулся с совещания в Фельтре уверенный, что Италию можно удержать в войне только при помощи чистки фашистской партии и усиления нажима немцев на фашистских руководителей. Шестидесятилетие Муссолини приходилось на 29 июля, и Герингу было поручено нанести ему по этому случаю официальный визит. Но 25 июля в штаб-квартиру Гитлера стали поступать тревожные донесения из Рима. К вечеру стало ясно, что Муссолини ушел в отставку или смещен и что король назначил Бадольо его преемником. В конце концов было решено, что крупная операция против нового итальянского правительства потребовала бы отвода с Восточного фронта большего количества дивизий, чем это можно было допустить ввиду ожидавшегося наступления русских. Были разработаны планы освобождения Муссолини, занятия Рима и оказания итальянскому фашизму всемерной поддержки. На случай подписания Бадольо перемирия с союзниками были разработаны планы захвата итальянского флота и ключевых позиций во всей Италии и запугивания итальянских гарнизонов на Балканах и в районе Эгейского моря.

* * *

Мы давно обдумывали последствия краха Италии. В связи с известиями из Рима эти вопросы встали на очередь дня, что побудило меня телеграфировать президенту:

Бывший военный моряк — президенту Рузвельту

26 июля 1943 года

«Перемены, о которых объявлено в Италии, возможно, предвещают мирные предложения. Нам необходимо прокон-

сультиваться относительно совместных действий. Данный этап может быть лишь переходным. Но так или иначе, Гитлер почувствует себя очень одиноко, когда Муссолини будет смещен и отстранен. Никто не может быть абсолютно уверен в том, что это не пойдет дальше».

Президент Рузвельт — премьер-министру

26 июля 1943 года

«По случайному совпадению я опять был в Шангри-Ла¹ сегодня днем, когда пришли известия из Рима, но на этот раз они, кажется, достоверны. Если будут сделаны какие-либо предложения, нам должна быть гарантирована возможность использования всей итальянской территории и транспорта для действий против немцев на севере и на всем Балканском полуострове², а также использования всех аэродромов. Мне думается, что мы должны подойти возможно ближе к принципу безоговорочной капитуляции, после которой должно быть обеспечено хорошее обращение с населением Италии. Но я считаю, что должен быть выдан главный дьявол вместе с его основными сообщниками по преступлению. Ни в коем случае наши офицеры на местах не должны выдвигать каких-либо общих условий без Вашего и моего одобрения. Сообщите Ваше мнение».

* * *

Результаты наших совместных действий должны были определить дальнейший ход войны. Я потратил часть этого же дня на то, чтобы изложить в письменном виде свое отношение к итальянской драме. Во второй половине дня военный кабинет собрался, чтобы обсудить новую обстановку и рассмотреть составленный мною проект. Вечером я направил копию проекта президенту для замечаний.

Бывший военный моряк — президенту Рузвельту

26 июля 1943 года

«1. Посылаю Вам свои соображения в форме, в которой я представил их военному кабинету, получив полное его одобрение.

2. Я не думаю, что мы должны быть особенно разборчивы в отношении установления контакта с любым нефашистским правительством, даже и с таким, которое не вполне отвечает нашим желаниям. Теперь, когда Муссолини смещен, я готов вести дела

¹ Загородная резиденция Рузвельта.—Примеч. ред.

² Подчеркнуто Рузвельтом.—Примеч. ред.

с любым нефашистским итальянским правительством, которое способно выполнять взятые на себя обязательства. Эти обязательства изложены в моем меморандуме, который я при сем прилагаю. Мои коллеги также согласны с моей точкой зрения».

СООБРАЖЕНИЯ ПО ПОВОДУ ПАДЕНИЯ МУССОЛИНИ

Меморандум премьер-министра

«1. Представляется весьма вероятным, что падение Муссолини повлечет за собой свержение фашистского режима и что новое правительство короля и Бадольо постарается достигнуть путем переговоров сепаратного соглашения с союзниками о перемирии. Если дело будет обстоять таким образом, то нам надо будет прежде всего решить, чего мы хотим, а затем выработать меры и условия, необходимые для того, чтобы этого добиться.

2. В данный момент наши помыслы должны быть обращены прежде всего к главной цели — уничтожению Гитлера, гитлеризма и нацистской Германии. Для этого следует добиться всех возможных военных преимуществ, вытекающих из капитуляции Италии, если таковая произойдет.

3. Первым из них является, как это сформулировал президент, “возможность использования всей итальянской территории и транспорта для действий против немцев на севере и на всем Балканском полуострове, а также использования всех аэродромов”. Это условие должно включать капитуляцию перед нашими гарнизонами Сардинии, Додеканесских островов и Корфу, а также всех военно-морских и военно-воздушных баз в континентальной Италии, как только мы сможем занять их.

4. Вторым и столь же важным условием является немедленная капитуляция итальянского флота перед союзниками или, по меньшей мере, его подлинная демобилизация и бездействие, а также разоружение итальянских военно-воздушных и сухопутных сил в масштабах, которые мы сочтем необходимыми и целесообразными. Капитуляция флота высвобождает крупные английские военно-морские силы для действий в Индийском океане против Японии и будет отвечать интересам Соединенных Штатов.

5. Далее, что имеет не меньшее значение, немедленный вывод или капитуляция всех итальянских войск на Корсике, на Ривьере, включая Тулон, и на Балканском полуострове, а именно в Югославии, Албании и Греции.

6. Другим важнейшим вопросом, в связи с которым в нашей стране неизбежно разгорятся страсти, является немедленное освобождение всех английских военнопленных, находящихся в руках итальянцев, и предотвращение — первоначально это может быть обеспечено только итальянцами — их отправки на север в

Германию. Я считаю делом чести и гуманности возможно скорее вернуть наших военнопленных — плоть от плоти и кровь от крови нашей — и избавить их от невероятных ужасов заточения в Германии на заключительных этапах войны.

7. Вопрос о судьбе германских войск в Италии, и особенно к югу от Рима, возможно, приведет к столкновению между немцами и итальянской армией и населением. Мы должны потребовать их капитуляции и того, чтобы итальянское правительство, с которым мы сможем достичь соглашения, сделало все от него зависящее, чтобы добиться этого. Может, однако, случиться, что германские дивизии пробьются на север, несмотря на все то, что в состоянии будут сделать итальянские вооруженные силы. Мы по возможности должны способствовать этому конфликту и не колеблясь послать войска и авиацию для того, чтобы помочь итальянцам добиться капитуляции немцев к югу от Рима.

8. Когда мы увидим, как идут дела, мы сможем принять дальнейшие решения о действиях, которые должны быть приняты к северу от Рима. Мы, однако, в любом случае должны постараться завладеть на железных дорогах Италии как на западном, так и на восточном побережье самыми северными пунктами, которые мы только в силах будем достигнуть. Сейчас настало время дерзать!

9. В борьбе с Гитлером и германской армией мы не можем позволить себе отказываться от какой бы то ни было помощи в деле уничтожения немцев. Гнев итальянского народа обернется против немецких захватчиков, которые, как поймут итальянцы, навлекли на Италию все эти несчастья, а затем так неохотно и в таких жалких масштабах пришли ей на помощь. Мы должны стимулировать этот процесс, чтобы новая, освобожденная антифашистская Италия возможно скорее стала для нас безопасной и дружественной областью, откуда мы сможем развивать воздушное наступление против Южной и Центральной Германии.

10. Возможность такого воздушного наступления представляет собой новое важнейшее преимущество, так как оно позволяет ввести в действие все средиземноморские военно-воздушные силы с такого направления, что вся линия противозащитной обороны на западе утратит свою эффективность и, кроме того, станут уязвимыми все те центры, в которых все более форсированным темпом развивали военное производство, исходя из расчета, что они недосыгаемы для воздушного нападения со стороны Великобритании. Будет крайне необходимо забросить морским путем через Адриатику агентов, отряды «коммандос» и материалы в Грецию, Албанию и Югославию. Не следует забывать, что на Балканском полуострове имеется пятнадцать германских дивизий, из них десять подвижных. Тем не менее вовсе не исключено, что, как только мы получим контроль над Апеннинским полуостровом и над Адриатическим морем и как только

итальянские армии на Балканах эвакуируются оттуда или сложат оружие, немцы будут вынуждены отойти на север до рубежа Савы и Дуная и, таким образом, оставить Грецию и другие находящиеся под их игом страны.

11. Мы пока еще не можем оценить, какое воздействие падение Муссолини и капитуляция Италии окажут на Болгарию, Румынию и Венгрию. Оно может оказаться очень серьезным. В свете этого обстоятельства крах Италии должен послужить сигналом для оказания самого сильного нажима на Турцию с тем, чтобы она предприняла действия в духе договора о союзе, и в этом деле Россия должна по возможности присоединиться к Англии и Соединенным Штатам, которые будут действовать сообща или по отдельности, или хотя бы поддержать их.

12. Выдача, как говорит президент, «главного дьявола вместе с его основными сообщниками по преступлению» должна быть одной из наших важнейших целей. Мы должны добиваться этого при помощи всех средств, имеющихся в нашем распоряжении, однако не в ущерб грандиозным планам, изложенным выше. Может, однако, случиться, что эти преступники уйдут в Германию или скроются в Швейцарии. С другой стороны, они могут капитулировать сами или могут быть выданы итальянским правительством. На случай, если они попадут в наши руки, мы должны уже сейчас решить, проконсультировавшись с Соединенными Штатами, а после достижения соглашения с США также и с СССР, как следует поступить с ними. Может быть высказана точка зрения, что их следует казнить немедленно и без суда, разве что судебная процедура понадобится для их опознания. Другие могут счесть, что лучше держать их в заключении до окончания войны в Европе с тем, чтобы решить их судьбу одновременно с судьбой других военных преступников. Я лично довольно безразлично отношусь к этой проблеме, разумеется, при том непременном условии, что ни одно важное военное преимущество не будет принесено в жертву жажде мщения».

* * *

«В Вашем послании, — писал мне в ответ президент 30 июля, — в общем выражены мои нынешние взгляды на перспективы и методы разрешения итальянской проблемы, которая сейчас стоит перед нами».

Мой меморандум в слегка измененной форме был представлен военному кабинету 2 августа и утвержден им как проект совместной директивы обоих правительств объединенному англо-американскому штабу.

* * *

Перед нами теперь стояли сложные проблемы. Нам предстояло обсудить вопрос о том, как отнестись к новому итальян-

инскому правительству. Мы должны были ожидать скорого краха Италии как партнера по союзу держав оси и выработать в деталях условия капитуляции, учитывая реакцию не только в самой Италии, но также и в Германии. Мы должны были учитывать стратегические последствия этих событий, выработать план действий в районах за пределами Италии — в бассейне Эгейского моря и на Балканах, которые по-прежнему находились в руках итальянских войск.

Президент настаивал, что для того, чтобы избежать ненужных и, быть может, дорогостоящих военных действий против Италии, Эйзенхауэр должен быть уполномочен изложить условия перемирия в том случае, если итальянское правительство обратится к нему с запросом. После долгих дискуссий были согласованы следующие пункты:

1. Итальянские вооруженные силы немедленно прекратят все военные действия.

2. Италия сделает все от нее зависящее, чтобы лишить немцев всех средств, которые могут быть использованы против Объединенных Наций.

3. Все военнопленные или интернированные — граждане Объединенных Наций — должны быть немедленно переданы главнокомандующему союзников, и никто из них с момента начала этих переговоров не должен быть вывезен в Германию.

4. Немедленный отвод итальянского флота и итальянских самолетов в пункты, которые будут указаны главнокомандующим союзников, причем он предпишет подробный порядок разоружения.

5. Согласие на возможную реквизицию главнокомандующим союзников итальянских торговых судов в интересах осуществления его военно-морских планов.

6. Немедленная передача союзникам Корсики и любой итальянской территории — как островов, так и на континенте — для использования в качестве оперативных баз и для других целей по усмотрению союзников.

7. Немедленное предоставление гарантии беспрепятственного использования союзниками всех аэродромов и военно-морских портов на итальянской территории, независимо от хода эвакуации с итальянской территории германских войск. Эти порты и аэродромы должны охраняться итальянскими вооруженными силами до тех пор, пока союзники не возьмут на себя эту функцию.

8. Немедленный отвод в Италию всех итальянских вооруженных сил и прекращение их участия в нынешней войне, на каких бы участках они сейчас ни воевали.

9. Предоставление итальянским правительством гарантии, что в случае необходимости оно использует все свои наличные

вооруженные силы для обеспечения быстрого и точного выполнения всех условий данного перемирия.

10. Главнокомандующий союзников резервирует за собой право принимать любые меры, которые, по его мнению, могут оказаться необходимыми для защиты интересов союзнических войск или для ведения войны, а итальянское правительство обязуется принять все административные и другие меры, которых может потребовать главнокомандующий; в частности, главнокомандующий создает союзническую военную администрацию в тех частях территории Италии, где он может счесть это необходимым для военных целей союзных наций.

11. Главнокомандующий войсками союзников будет иметь полное право предписывать проведение мер по разоружению, демобилизации и демилитаризации.

* * *

От нашего отношения к новому итальянскому правительству Бадольо зависело, насколько быстро итальянцы могут обратиться к нам с запросом о мирных условиях.

Мы тщательно обдумывали этот вопрос, который уже затрагивался печатью по обе стороны Атлантики.

Президент Рузвельт — премьер-министру

30 июля 1943 года

«Я заявил представителям печати сегодня, что мы должны вступить в переговоры с любым лицом или лицами в Италии, которые наилучшим образом, во-первых, обеспечат разоружение и, во-вторых, предотвратят хаос, и я думаю, что мы с Вами после перемирия могли бы заявить что-либо о самоопределении Италии в должное время».

Бывший военный моряк — президенту Рузвельту

31 июля 1943 года

«Моя точка зрения сводится к тому, что, как только Муссолини и фашистов не будет, я буду вести дела с любой итальянской властью, которая способна выполнять обязательства. При этом меня несколько не страшит, что создастся впечатление, что я признаю Савойскую династию или Бадольо, если они смогут побудить итальянцев делать то, что нам нужно для наших военных целей. Хаос, большевизация или гражданская война, конечно, препятствовали бы достижению этих целей. Мы не имеем права возлагать излишнее бремя на наши войска. Вполне может случиться, что после того, как будут приняты условия перемирия, как король, так и Бадольо падут под тяжестью позора капитуляции и на пре-

стол будет избран нынешний наследник и назначен новый премьер-министр.

Я считаю нецелесообразным какое-либо заявление о самоопределении в данный момент сверх того, что явствует из Атлантической хартии. Я согласен с Вами, что мы должны соблюдать осторожность с тем, чтобы не подвергнуть все коренной ломке».

Президент Рузвельт — премьер-министру

3 августа 1943 года

«Я прочитал документ о капитуляции, и, хотя формулировки в целом как будто приемлемы, я серьезно сомневаюсь в целесообразности его использования вообще. В конце концов, условия капитуляции, уже утвержденные и посланные Эйзенхауэру, вполне достаточны. Зачем связывать ему руки документом, содержащим требования, которые могут оказаться чрезмерными или недостаточными? Почему не позволить ему действовать в соответствии с обстоятельствами?»

Все это должно было быть разрешено на нашей предстоящей конференции в Квебеке.

Глава четвертая

ВПЕРЕД, НА ЗАПАД

Перспективы победы на Сицилии, положение в Италии и весь ход войны заставили меня прийти в начале июля к выводу, что необходима новая встреча с президентом и новая англо-американская конференция. Рузвельт предложил провести ее в Квебеке.

* * *

Пароход «Куин Мэри» шел полным ходом. Мы жили на борту в полном комфорте, питаюсь, как в довоенные времена. Ежедневно я изучал вместе с начальниками штабов различные стороны проблем, которые нам предстояло обсудить с нашими американскими друзьями. Самой важной из них была, конечно, операция «Оверлорд».

Я намеревался посвятить пять дней путешествия рассмотрению планов этой важнейшей операции по форсированию Ла-Манша, которые мы вынашивали уже в течение довольно долгого времени. Со времени битв за побережье Норвегии и Франции в 1940 году мы во все более широких масштабах изучали эту проблему и многое усвоили в области комбинированных десантных

операций. Созданное мною управление комбинированных операций, которое возглавил мой друг адмирал сэра Роджер Кейс, сыграло в этой подготовке важнейшую роль и создало новую технику. Десанты отрядов «коммандос», сначала осуществлявшиеся в небольших масштабах, подготовили почву для более широких операций.

В октябре 1941 года адмирала Кейса сменил капитан 1-го ранга лорд Луис Маунтбэттен. Мы по-прежнему находились в тяжелом положении, а наш единственный союзник — Россия, казалось, был близок к поражению. Тем не менее я решил начать подготовку к вторжению на континент, которое можно было осуществить, как только наступит перелом в обстановке. Прежде всего нам надо было увеличить эффективность и расширить масштабы действий «коммандос», а затем использовать весь накопившийся опыт для начала гораздо более крупных мероприятий. Для того чтобы организовать успешное вторжение из Соединенного Королевства, надо было сконструировать и создать новые механизмы войны; надо было научить три вида вооруженных сил планировать и сражаться сообща при поддержке национальной промышленности; надо было весь остров превратить в вооруженный лагерь — базу для величайшего наступления с моря, какие когда-либо знала история.

Когда Маунтбэттен посетил меня в Чекерсе, прежде чем приступить к исполнению своих новых обязанностей, я, как он позднее рассказывал, заявил ему: «Вы должны разрабатывать планы наступления. В вашем штабе вы не смее мыслить в оборонительном плане». Это определило его действия. Чтобы облечь Маунтбэттена необходимыми полномочиями для выполнения этой задачи, его назначили членом комитета начальников штабов с временным присвоением звания вице-адмирала. В качестве министра обороны я сохранил за собой личную ответственность за его штаб, и, таким образом, он докладывал мне непосредственно, когда в этом была необходимость. В Вогсё (Норвегия), в Брюневале, в Сен-Назере и в других местах отряды «коммандос» играли все большую и большую роль в наших операциях. Наши рейды завершились дорого стоившим нам нападением на Дьепп в августе 1942 года. Когда затем англо-американские войска перешли к крупным наступательным операциям, мы использовали свой опыт при высадке в Северной Африке и во время наших комбинированных десантных операций в районе Средиземного моря. Во всех этих операциях организация, возглавляемая Маунтбэттенем, играла видную и незаменимую роль.

В мае 1942 года для решения этой задачи был создан орган, известный под названием «объединенное командование». В него вошли главнокомандующие вооруженными силами метрополии, Маунтбэттен и позднее генерал Эйзенхауэр, командовавший американскими войсками в Англии. На конференции в Касаб-

инике в январе 1943 года было решено создать союзнический общевойсковой штаб под началом английского офицера для подготовки конкретного плана операции «Оверлорд». Эта группа приступила к выполнению своей задачи в Лондоне. Ее возглавил генерал-лейтенант Ф. Э. Морган; она получила сокращенное название «КОССАК»¹.

Первый вопрос состоял в том, где лучше всего произвести миссированную высадку. Было несколько вариантов: голландское или бельгийское побережье; Па-де-Кале; участок между устьями Соммы и Сены; Нормандия; Бретань. Каждый из вариантов имел свои преимущества и недостатки, которые надо было взвесить в свете целого ряда обстоятельств и меняющихся, иногда не поддающихся точному учету факторов. Главными из них были: пункты высадки десанта; погода; приливы и отливы; площадки для строительства аэродромов; продолжительность пути; близлежащие порты, которые могли быть захвачены; характер окружающей местности, на которой должны были развиваться дальнейшие операции; обеспечение прикрытия самолетами, базирующимися в Англии; расположение войск противника, его минные поля и оборонительные сооружения.

Постепенно вопрос свелся к выбору между Па-де-Кале и Нормандией. При первом варианте мы выгадывали более короткий путь по морю и лучшее прикрытие с воздуха, но в этом районе оборонительные сооружения были весьма внушительными. Генерал Морган и его советники рекомендовали побережье Нормандии; этот план с самого начала отстаивал и Маунтбэттен. Теперь не может быть сомнения в том, что его решение было разумным. Нормандия сулила нам наилучшие перспективы. Там не было таких мощных оборонительных сооружений, как в Па-де-Кале. Подход с моря и берег в целом были приемлемы и до некоторой степени защищены от западных ветров полуостровом Котантен. Окружающая местность благоприятствовала быстрому развертыванию крупных сил и была достаточно удалена от основных сил противника. Порт Шербур можно было изолировать и захватить в самом начале операции. Брест можно было обойти с флангов и захватить позднее.

Все побережье между Гавром и Шербуром было, конечно, защищено бетонированными укреплениями и бетонными дотами, но, поскольку на этом 50-мильном серпообразном участке песчаного берега не было гавани, способной вместить крупную армию, предполагалось, что немцы не сосредоточат крупных сил для непосредственной защиты прибрежной полосы.

¹ Сокращение по первым буквам слов: Chief of Staff, Supreme Allied Commander.—Примеч. авт.

* * *

Как увидит читатель, я, конечно, был в курсе проблемы десантных судов и судов, транспортирующих танки. Я уже давно был сторонником идеи создания плавучих молов.

В августе 1943 года был представлен подробный проект создания в натуральную величину двух временных гаваней, которые могли быть отбуксированы по назначению и установлены на месте через несколько дней после начала высадки. Эти сборные гавани были названы «Малберри» — кодовое название, которое, конечно, не обнаруживало их характера и назначения.

* * *

Однажды утром во время нашего путешествия бригадир К. Дж. Маклин и еще два офицера из штаба генерала Моргана явились по моей просьбе ко мне, когда я еще лежал в постели в своей большой каюте, и, развернув большую карту, четко и последовательно изложили план форсирования Ла-Манша и высадки во Франции. Читатель, возможно, знаком со всеми доводами, выдвигавшимися в 1941 и 1942 годах в поддержку и против различных проектов решения этого жгучего вопроса, но в то время мне впервые был изложен связный проект, разработанный во всех деталях, включая численность и тоннаж. Этот план был плодом совместной работы офицеров обеих стран.

В ходе дальнейшего обсуждения в последующие дни всплыли новые технические подробности. Разность уровней воды во время прилива и отлива в Ла-Манше составляет более 20 футов, причем на берегу остаются соответствующие промоины. Погода всегда переменчива, и ветры и штормы могут за несколько часов смести хрупкие сооружения, возведенные рукой человека. Глупцы или мошенники, которые в последние два года писали мелом на наших стенах: «Второй фронт немедленно!», не утруждали себя обдумыванием подобных проблем. Я же долго размышлял над ними.

Не следует забывать, что создание гавани «Малберри» ставило перед нами много проблем. Этот проект предполагал производство в Англии огромного количества специального оборудования, требовавшего в целом более миллиона тонн стали и бетона. Выполнение этой задачи, которое должно было идти во внеочередном порядке, легло бы тяжелым бременем на нашу машиностроительную и судоремонтную промышленность, и без того работавшие с большим напряжением. Все это оборудование надо было доставлять морским путем к месту боевых действий и там монтировать в большой спешке, невзирая на атаки противника и капризы погоды.

Проект был грандиозен. В пунктах высадки десанта будут построены большие молы. Та часть этих молов, которая вдаётся в море, будет плавучей и защищенной. Каботажные и десантные суда смогут выгружаться на эти молы в любое время прилива и отлива. Для защиты их от штормовых ветров и волн будут установлены большой дугой, обращенной к морю, волнорезы, которые отгородят водное пространство. Защищенные таким образом, суда с большой осадкой смогут стать на якорь и выгружаться, а десантные суда всех типов смогут свободно курсировать к берегу и обратно. Волнорезы будут состоять из потопленных бетонных блоков «Феникс» и блокировочных судов «Гузберри».

Я был очень доволен, что весь этот план при моей полной поддержке будет представлен президенту Рузвельту. По крайней мере, его наличие могло убедить американские власти в том, что нас нельзя упрекнуть в неискренности намерений в отношении операции «Оверлорд» и что мы не жалели ни усилий, ни времени для подготовки к ней.

К этому времени я вполне убедился в огромных преимуществах высадки на участке Гавр—Шербур при условии, что сборные гавани, о которых противник ничего не слышал, будут смонтированы сразу же и, таким образом, обеспечат высадку и непрерывное продвижение армий численностью 1 миллион, и в дальнейшем 2 миллиона человек со всем их огромным современным снаряжением и запасами. Это дало бы возможность выгружать по меньшей мере 12 тысяч тонн в день.

Как составители плана, так и английские начальники штабов выдвинули три основных условия. Я был полностью согласен с этими условиями, и, как будет видно в дальнейшем, они были одобрены американцами и приняты русскими.

1. Необходимо, чтобы до начала наступления мощь немецкой истребительной авиации в Северо-Западной Европе была значительно уменьшена.

2. К моменту начала операции в Северной Франции должно быть не более 12 подвижных германских дивизий, и немцы не должны иметь возможности сформировать более 15 дивизий в последующие два месяца.

3. Должна быть разрешена проблема снабжения крупных воинских частей, заключающаяся в том, что в течение длительного времени доставку снабжения придется производить с побережья, в условиях постоянных приливов и отливов в Ла-Манше. Для этого необходимо иметь возможность построить по крайней мере две хорошие плавучие гавани.

* * *

Я имел несколько бесед с начальниками штабов также и о положении на Индийском и Дальневосточном театрах военных

действий. Мне казалось, что для проведения эффективных крупных операций против японцев в Юго-Восточной Азии необходимо создать особое союзническое верховное командование.

Начальники штабов были совершенно согласны с этим. Они подготовили памятную записку, которую намеревались обсудить со своими американскими коллегами в Квебеке. Необходимо было также решить вопрос о верховном главнокомандующем вооруженными силами на этом новом театре военных действий; для нас не могло быть никаких сомнений в том, что верховным главнокомандующим должен быть англичанин. Я лично считал, что из всех предложенных кандидатур адмирал Маунтбэттен обладал наилучшими данными для занятия этого крупного поста, и я решил при первой же возможности сделать президенту Рузвельту соответствующее предложение. Назначение офицера в чине всего только капитана 1-го ранга английского флота верховным главнокомандующим на одном из главных театров военных действий было необычным шагом. Но я заранее подготовил почву, и поэтому меня не удивило, когда президент искренне согласился со мной. Я подготовил для комитета начальников штабов свои заметки относительно планов командования и политического курса. Привожу ниже выдержку из этих замечаний.

7 августа 1943 года

«До встречи с американцами мы должны договориться: а) об общем плане для командования Юго-Восточной Азии и назначении верховного главнокомандующего и б) относительно конкретных предложений о наступательных операциях против врага и проявлении активности на этом театре военных действий, где неудачи и вялость вызывают в известной мере заслуженные нарекания».

Глава пятая

КВЕБЕКСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«Квадрант»

В Галифакс мы прибыли 9 августа. Большой пароход подошел к пристани, и мы тут же пересели на поезд. Несмотря на то что были приняты все меры предосторожности для сохранения секретности, собралась большая толпа народа, приветствовавшая нас. После того как в течение 20 минут я пожимал руки, позировал перед фотографами и раздавал автографы, мы отправились в Квебек.

В те августовские дни я подготовил общее заявление о нашей военной политике. Большая часть его касалась опера-

ний в Бирме и Индийском океане и их влияния на войну против Японии. Об этом будет сказано позже. Документ датирован 17 августа. Непосредственной задачей, на которой было сосредоточено мое внимание, была организация вторжения в Италию как естественного следствия и развития нашей победы в Сицилии, а также падения Муссолини.

«Если Неаполь будет захвачен в ближайшем будущем (операция «Аваланш»), мы получим первоклассный порт в Италии, и другие гавани — такие, как Бриндизи и Таранто — после этого также попадут в наши руки. Если к ноябрю удастся установить наш фронт на севере по линии Ливорно, Анкона, можно будет считать, что десантные операции в Средиземном море принесли большую пользу. Десантный флот должен будет выделить отряд судов для десантных операций, преследующих цель обойти противника с фланга, — таких, как мы наблюдали в Сицилии, — для небольших десантов через Адриатическое море и для таких операций, как «Экколейд» (захват острова Родос и других островов в Эгейском море). Уничтожение итальянского флота как действующего фактора позволит значительно сократить количество военных судов в Средиземном море точно так же, как использование первоклассных портов устранил потребность в десантных судах. Таким образом, поздней осенью мы будем иметь возможность снова перебросить десантные суда для использования в операции «Оверлорд» и, кроме того, отправить значительный отряд через Суэцкий канал на Индийский театр военных действий. Однако я повторяю, что за один раз следует перебросить десантных судов максимум на 30 тысяч человек.

Хотя я часто говорил, что желательной целью для нас в Италии в этом году была бы линия реки По или Альпы, сейчас нельзя глядеть так далеко. Мы обеспечим себе очень выгодную позицию, если остановимся на линии Ливорно, Анкона. Тем самым нам удастся избежать опасности, на которую указывал генерал Вильсон, а именно колоссального растягивания фронта, что произойдет, как только будет перейдена эта линия. Надо полагать, что названная мне цифра — 22 дивизии — была определена из расчета на этот широкий фронт. Сколько нужно дивизий, чтобы удержать линию Ливорно, Анкона? Если мы не можем иметь максимум того, что нам нужно, мы сможем обойтись несколько меньшим, и это будет совсем неплохо. овладев этими позициями, мы сможем снабжать по воздуху восставшие в Савойе и во Французских Альпах, в котором сможет принять участие молодежь Франции; в то же время правой рукой мы будем действовать через Адриатику, поддерживая деятельность патриотов на Балканском полуострове. Возможно, нам придется ограничиться этими действиями, чтобы не причинить ущерба операции «Оверлорд».

17 августа президент и Гарри Гопкинс прибыли в Квебек, а Иден и Брендан Брэкен¹ прилетели туда из Англии. По мере того как прибывали делегации, поступали все новые сведения о мирном зондаже Италии, и наши переговоры происходили под впечатлением близкой капитуляции Италии. Начальники штабов с 14 августа работали со своими американскими коллегами и подготовили всеобъемлющий доклад о будущей стратегии войны на 1943—1944 годы. По существу «Квадрант» представлял собой ряд практических штабных совещаний, результаты которых были рассмотрены на двух совещаниях с участием президента, моим и руководителей наших военных ведомств.

Первое пленарное заседание состоялось 19 августа. Важнейшее стратегическое значение придавалось комбинированному воздушному наступлению на Германию «как необходимой предпосылке к операции «Оверлорд». Затем генерал Морган резюмировал длительное обсуждение операции «Оверлорд» в свете совместного планирования в Лондоне. Начальники штабов представили следующий доклад:

Операция «Оверлорд»

«а) Эта операция будет представлять собой в основном американо-английские наземные и воздушные действия против держав оси в Европе (намечаемая дата — 1 мая 1944 года). После захвата удобных портов в Ла-Манше операции будут направлены на захват района, обладание которым может облегчить наземные и воздушные операции против противника. После того как во Франции закрепятся мощные союзнические силы, будут проведены операции с целью нанести удар в сердце Германии и уничтожить ее вооруженные силы.

б) Для проведения операции «Оверлорд» будут созданы надлежащие сухопутные и военно-воздушные силы; будет проводиться постоянная организационная работа, и войска, находящиеся в Соединенном Королевстве, будут поддерживаться в состоянии боевой готовности, чтобы они могли воспользоваться любой ситуацией, позволяющей неожиданно совершить вторжение через Ла-Манш во Францию.

в) Что касается распределения ресурсов между операцией «Оверлорд» и операциями на Средиземном море, где наличных ресурсов недостаточно, ресурсы будут распределяться и использоваться из расчета достижения главной цели — обеспечения успеха операции «Оверлорд». Операции на Средиземноморском театре будут осуществляться силами, выделенными во время

¹ В то время — английский министр информации.—Примеч. ред.

конференции «Трайидент» (предыдущая конференция, состоявшаяся в мае в Вашингтоне), если англо-американский штаб не примет иного решения.

Мы одобрили основной план генерала Моргана для проведения операции «Оверлорд» и дали ему указание приступить к его детальной разработке и к подготовке его выполнения».

Эти пункты вызвали споры на нашем заседании. Я указал, что успех операции «Оверлорд» зависит от выполнения некоторых условий, которые должны привести к увеличению нашей объединенной мощи. Я подчеркнул, что решительно высказываюсь за проведение операции «Оверлорд» в 1944 году, хотя возражал против проведения операции «Следжхэммер» в 1942 году и операции «Раунд-ап» в 1943 году. Однако возражения, которые я имел против вторжения через Ла-Манш, теперь уже устранены. Я полагал, что нужно сделать все возможное, чтобы по меньшей мере на 25 процентов увеличить силы первого броска. Для этого необходимо изыскать дополнительные десантные суда. В нашем распоряжении имеется еще девять месяцев, и за это время многое можно сделать. Для высадки намечены удобные берега, и было бы хорошо, если бы одновременно высадка была произведена и на внутреннем побережье полуострова Котантен. «Самое главное, — заявлял я, — первый бросок должен быть совершен большими силами».

Поскольку командование в Африке возглавлялось американцем, мы договорились с президентом, что руководить операцией «Оверлорд» будет англичанин, и я с согласия президента предложил на этот пост кандидатуру начальника имперского генерального штаба генерала Брука, который, как известно, командовал корпусом в решающем сражении при отходе к Дюнкерку, тогда как Александер и Монтгомери находились в его подчинении. Я сообщил генералу Бруку об этом намерении в начале 1943 года. Эту операцию предполагалось начать равными английскими и американскими силами, и, поскольку базой ее должна была служить Англия, такое соглашение казалось правильным. Однако по мере того как шло время и колоссальный план вторжения начинал приобретать более конкретные очертания, на меня все большее впечатление производило огромное преобладание американских войск, которые предполагалось использовать после первоначальной высадки, совершенной равными английскими и американскими силами; и тогда в Квебеке я по собственной инициативе предложил президенту назначить американского командующего операцией «Оверлорд». Он был весьма признателен за это предложение и, мне кажется, сам думал об этом. Таким образом, мы договорились, что операцией «Оверлорд» будет командовать американский генерал, а руководство операциями в Средиземном море будет поручено англий-

скому командующему; точная дата этого изменения должна была определиться в зависимости от хода войны.

В августе 1943 года я сообщил генералу Бруку, пользовавшемуся моим полным доверием, об этом изменении и о его причинах. Он перенес это большое разочарование с достоинством солдата.

* * *

Что касается Италии, то начальники штабов предложили провести предстоящие операции тремя фазами. Прежде всего мы должны были вывести Италию из войны и обеспечить себе аэродромы близ Рима, а если окажется возможным, то и севернее. Я указал, что хочу совершенно определенно разъяснить, что я не связан обязательством продвигаться за линию Анкона—Пиза. Во-вторых, мы должны были захватить Сардинию и Корсику, а затем оказать решительный нажим на немцев в северной части полуострова, чтобы не дать им возможности принять участие в сражениях, связанных с операцией «Оверлорд». Кроме того, намечалась операция «Энвил» — высадка в Южной Франции близ Тулона и Марселя — и наступление на север вверх по долине Роны. Впоследствии это вызвало большие споры. Были сделаны рекомендации относительно снабжения балканских и французских партизан по воздуху, усиления войны против подводных лодок и более широкого использования Азорских островов в качестве военно-морской и авиационной базы.

* * *

Что касается серьезного вопроса о театре военных действий в Юго-Восточной Азии, то были обсуждены первоначальные предложения английских начальников штабов. Был одобрен план назначения верховного главнокомандующего, и были сделаны следующие рекомендации:

«а) Англо-американский штаб будет осуществлять общее руководство стратегией на театре военных действий в Юго-Восточной Азии и ведать распределением американских и английских ресурсов всех видов между Китайским театром и театром в Юго-Восточной Азии.

б) Английские начальники штабов будут ведать всеми вопросами, касающимися осуществления операций, и будут служить каналом, через который будут передаваться все инструкции верховному главнокомандующему».

* * *

На первом пленарном заседании разгорелись жаркие споры по вопросу о дальневосточной стратегии в целом, и ему-то и была

главным образом посвящена работа начальников штабов в следующие дни. Островная Японская империя должна была быть сокрушена главным образом с помощью военно-морских сил. Пельзя было вводить в действие ни одной армии, не обеспечив предварительно контроль над японскими водами. Как можно было использовать военно-воздушные силы? Мнения на этот счет резко разошлись. Некоторые лица, близкие к президенту Рузвельту, стояли за то, чтобы осуществить главное наступление через Бирму в Китай. Они доказывали, что обладание портами и авиационными базами в Китае совершенно необходимо для интенсивных систематических налетов на собственно Японию. Хотя этот план был привлекателен в глазах американцев в политическом отношении, он не учитывал того, что в джунглях Бирмы невозможно было развернуть боевые порядки больших армий, основную часть которых должна была выделить Англия; не учитывал он и того, что в Китае находились очень сильные японские части, действовавшие на внутренних линиях коммуникаций; и наконец, что важнее всего, он не учитывал, что растущая морская мощь Соединенных Штатов могла оказать лишь сравнительно небольшую помощь такой операции.

С другой стороны, мы могли провести непосредственную атаку с моря против островного барьера Японии в центральной и южной частях Тихого океана. Основная задача в этом случае легла бы главным образом на военно-морской флот и на морскую авиацию. Удар был бы направлен прежде всего на Филиппины, которые представляли для американцев заманчивую цель. Если бы Филиппины снова попали в руки американцев, Япония была бы отрезана от многих своих источников снабжения, а гарнизоны на отдаленных островах Голландской Ост-Индии лишились бы всякой надежды на спасение. В конце концов они погибли бы от голода, и дело обошлось бы без дорогостоящих боев.

С Филиппин можно было бы начать окружение собственно Японии. Для этого могли бы потребоваться новые базы на побережье Китая, на Формозе и на мелких островах к югу от Японии. После их захвата решительное вторжение в Японию стало бы практически осуществимым. Этот грандиозный план был тем более привлекателен, что его успешное осуществление зависело непосредственно от мощи американского флота. Для его выполнения потребовались бы огромные военно-морские силы. Большие сухопутные силы нужны были бы лишь на конечной стадии, когда Гитлер был бы уже разбит и основные силы Англии и Соединенных Штатов можно было бросить против Японии.

Я хотел изложить свое мнение по этому вопросу до того, как будут проведены заключительные заседания начальников штабов. Английские представители предлагали предстоящей зимой

распространить операции войск Уингейта¹ на Северную Бирму, а я был убежден, что их следовало дополнить захватом северной оконечности Суматры. Я заявил на заседании, что, по моему мнению, «наступление на Суматру — важный стратегический удар, который следует нанести в 1944 году. Эта операция «Калверин» в Индийском океане сыграла бы такую же роль, как и операция «Торч» в Средиземном море. Я считаю, что это не выходит за пределы наших возможностей. Мы должны нанести удар и захватить такой пункт, чтобы японцам, если бы они пожелали положить конец серьезным потерям, которые нес бы их торговый флот от действий нашей авиации с Суматры, пришлось бросить очень большие силы, чтобы снова его отвоевать». Президент, по-видимому, считал, что такая операция представляла бы собой отклонение от нашего основного продвижения к Японии. Я указал, что в противном случае нам пришлось бы потерять целый год без каких-либо существенных результатов, если не считать Акьяба и перспективы в будущем тащиться через болота и джунгли Бирмы, к плану отвоевания которой я относился весьма скептически. Я подчеркивал ценность суматринского плана, который по своим возможным решающим последствиям я сравнивал с Дарданелльской операцией 1915 года. Я считал неправильным бросать все наши десантные силы в Индийском океане в 1943—1944 годах на выполнение задачи отвоевания Акьяба.

Два дня спустя я телеграфировал в Англию:

*Премьер-министр, Квебек — заместителю
премьер-министра*

22 августа 1943 года

«1. Президент и генерал Маршалл очень довольны назначением Маунтбэттена, которое, я уверен, правительство Соединенных Штатов сердечно одобрит². Наши начальники штабов также согласны с этим назначением. Несомненно, что необходима молодая и энергичная голова на этом летаргическом и вялом Индийском театре военных действий. Я ничуть не сомневаюсь в том, что мой долг — сделать это предложение официально и представить кандидатуру Маунтбэттена королю. Маунтбэттен и Уингейт, работая совместно, пролили новый свет на будущие планы. Очень важно, чтобы через несколько дней после этой конференции было сделано заявление. Я надеюсь, мои коллеги поймут, что это наилучший курс.

¹ Генерал-майор, организатор партизанских действий в Африке, а с 1942 г. — в Бирме. — *Примеч. ред.*

² Маунтбэттен был назначен командующим союзными силами в Юго-Восточной Азии. — *Примеч. ред.*

2. К своему большому удовлетворению, мы урегулировали также трудности, связанные с театром военных действий в Юго-Восточной Азии. Широкими стратегическими планами и основным распределением вооруженных сил и поставок будет заниматься объединенный англо-американский штаб, причем его решения подлежат одобрению соответствующих правительств. Однако весь оперативный контроль будет находиться в руках английских начальников штабов, действующих под руководством правительства его величества, и все приказы будут идти через них.

3. Мы не смогли прийти к окончательному выводу относительно того, в какой мере разливы задержат намечаемые операции в Северной Бирме; кроме того, мы еще недостаточно подробно изучили первую стадию операции «Калверин», чтобы решить, должна ли она иметь приоритет в комбинированных операциях сухопутных и морских сил в 1944 году. Этот вопрос требует дальнейшего внимательного изучения, по меньшей мере еще в течение месяца. Однако переговоры носили исключительно дружественный характер, и, несомненно, американские начальники штабов довольны тем, что мы проявляем активный интерес к планам войны против Японии в 1944 году. Сун Цзы-инь¹ придет в понедельник; в принципе ему будет сказано не более того, что я сообщаю ниже.

4. Генерал Маршалл согласился, чтобы я был представлен при штабе генерала Макартура английским офицером связи в ранге генерала. Это даст нам возможность внимательнее, чем прежде, следить за тем, что происходит на этом театре. Я обсуждал этот вопрос с д-ром Эваттом² во время его пребывания в Лондоне. Он сказал, что целиком поддерживает меня, и сейчас я пошлю Кэртену³ телеграмму и сообщу ему, что это даст нам возможность быть более тесно связанными с ведением военных действий на Тихом океане.

5. Иден и Хэлл завязли в длительных переговорах. Хэлл продолжает упорно настаивать на том, чтобы не применять термин «признание» в отношении французского комитета. Поэтому мы договорились, что после того, как мы снесем с Россией и другими заинтересованными сторонами, американцы опубликуют свой документ, мы опубликуем свой, канадцы — свой. Иден занимается этим делом. Я совершенно ясно указал президенту, что его позиция, несомненно, вызовет неблагоприятные отклики в прессе. Но он возразил мне, что хотел бы иметь хоть какое-ни-

¹ В то время — министр иностранных дел правительства Чан Кайши. — *Примеч. ред.*

² В то время — австралийский министр иностранных дел и генеральный прокурор. — *Примеч. ред.*

³ В то время — австралийский премьер-министр. — *Примеч. ред.*

будь оружие против махинаций де Голля. Наше положение, конечно, иное, поскольку мы своей формулой делаем для этого комитета не больше, чем делали для де Голля, когда он был один и не контролировался никем другим».

* * *

По существу, спор между английскими и американскими начальниками штабов шел из-за того, что Англия требовала предоставить ей возможность принять полное и достойное участие в войне против Японии, после того как Германия будет разгромлена. Она требовала выделить определенное число аэродромов и определенное число баз для английского военного флота, требовала поручения надлежащих задач тем дивизиям, которые она сможет перебросить на Дальний Восток после того, как с Гитлером будет покончено. В конце концов американцы уступили.

Вечером 23 августа состоялось второе пленарное заседание, на котором обсуждался проект окончательного доклада англо-американского штаба. В этом документе вновь излагались положения, затронутые в их первом докладе и исправленные после того, как мы обсудили их. Кроме того, документ содержал детальное изложение оперативных планов на Дальнем Востоке. Доклад не содержал конкретных решений относительно будущих операций, хотя было решено, что основной упор следует сделать на наступательные операции с целью «установить сухопутные коммуникации с Китаем, а также улучшить и обезопасить воздушный путь». Что касается «общей стратегической концепции» войны с Японией, то должны были быть разработаны планы, которые обеспечили бы разгром Японии в течение двенадцати месяцев после краха Германии. Я выразил удовлетворение по поводу того, что мы поставили перед собой именно эту цель, а не планирование длительной войны на истощение.

И наконец, был принят общий принцип создания отдельного командования в Юго-Восточной Азии, что я предложил президенту еще до конференции.

На следующий день я отправил следующую телеграмму своим коллегам на родине:

*Премьер-министр — заместителю премьер-министра
и только членам военного кабинета*

25 августа 1943 года

«1. Все здесь прошло хорошо. Мы добились урегулирования ряда вопросов, казавшихся до сих пор неразрешимыми, например вопросов, касающихся командования в Юго-Восточной

Алии, «Тьюб-Эллойс»¹ и признания французского комитета. Что касается последнего вопроса, то нам всем особенно трудно было договориться с Хэллом; мы оставили его мрачным и недовольным всеми, особенно министром иностранных дел, которому досталось от него больше всех. Единодушное согласие нашло свое выражение в мастерски составленном докладе англо-американского штаба, одобренном президентом и мною. Урегулированы все разногласия, если не считать того, что вопрос о конкретной форме наших комбинированных операций в Бенгальском заливе остался открытым и будет подвергнут дальнейшему изучению. Однако, мне кажется, он сам собой решается так, как мне хотелось бы. Несомненно, Маккензи Кинг и канадское правительство довольны и чувствуют, что они играют важную роль.

2. Мрачным пятном в настоящее время является усиливающаяся резкость Советской России. Вы, наверное, читали телеграмму от Сталина по поводу итальянских переговоров. У него нет абсолютно никаких причин для недовольства, поскольку единственное, что мы сделали, — это передали итальянскому представителю строгие директивы относительно безоговорочной капитуляции, которые ранее уже были полностью одобрены Советским правительством, и мы тотчас же сообщили ему обо всем этом.

3. Президент был очень оскорблен тоном этого послания. Он дал указания передать новому советскому поверенному в делах, что он уехал за город и не вернется в течение нескольких дней. Конечно, Сталин нарочито игнорировал наше предложение совершить новую длительную и опасную поездку, чтобы организовать трехстороннюю встречу. Несмотря на это, я все же не думаю, что эти проявления его скверного характера и дурных манер являются предвестниками сепаратного мира с Германией, поскольку ненависть между этими двумя народами сама по себе служит сейчас санитарным кордоном. Очень досадно, что с этими людьми так трудно иметь дело, однако я уверен, что мои коллеги не подумают, что я сам или наше правительство в целом не проявили должного терпения и лояльности.

4. Я сильно устал, поскольку работа на конференции была очень утомительной и нам пришлось заниматься многими большими и сложными вопросами. Надеюсь, мои коллеги сочтут, что мне следует отдохнуть два-три дня в одном из горных лагерей, прежде чем я выступлю по радио в воскресенье и отправлюсь в Вашингтон. Я намерен также выступить по радио 3 сентября, когда мне вручат ученую степень в Гарвардском университете, после чего я собираюсь немедленно вернуться домой. Я пробуду здесь дольше лишь в том случае, если в результате каких-либо неожиданных событий в Италии или в других местах будет же-

¹ Атомные исследования. — *Примеч. ред.*

лательно, чтобы я и президент находились вместе. Во всяком случае я успею вернуться до начала работы парламента. Министр иностранных дел вернется самолетом в субботу. Он посылает со мной в Вашингтон Кадогана¹».

Теперь мы должны вернуться к Итальянскому театру военных действий. Вопреки нашим ожиданиям основная часть немецких войск успешно отошла через Мессинский пролив. 16 августа генерал Эйзенхауэр созвал совещание своих высших офицеров, чтобы, рассмотрев множество различных предложений, решить, как перенести военные действия на материк. Он должен был особо учесть расположение вражеских войск в то время. 8 из 16 немецких дивизий в Италии находились на севере под командованием Роммеля. Две стояли близ Рима, а 6 находились южнее под командованием Кессельринга. Эти мощные силы могли получить подкрепление за счет 20 немецких дивизий, отозванных с русского фронта на отдых и переформирование во Францию. Мы в течение длительного времени не могли бы собрать силы, равноценные тем войскам, которые были в состоянии выставить на поле боя немцы. Однако англичане и американцы господствовали на море и в воздухе, и, кроме того, инициатива находилась в их руках. Наступление, которое было в то время в центре всеобщего внимания, представляло собой смелую операцию. Предполагалось захватить Неаполь и Таранто, портовые сооружения которых были достаточными для боевых действий тех армий, которые мы должны были использовать. Важнейшей целью был захват аэродромов. Аэродромы близ Рима пока что оставались вне пределов нашей досягаемости, однако в Фодже была значительная группа аэродромов, которые можно было приспособить для тяжелых бомбардировщиков, а наша тактическая авиация искала другие аэродромы на «каблуке» Италии и в Монтекорвино близ Салерно.

Генерал Эйзенхауэр решил начать наступление в начале сентября атакой через Мессинский пролив и вспомогательными десантами на побережье Калабрии. Это послужило бы прелюдией к захвату Неаполя (операция «Аваланш») английским и американским корпусами, которые должны были высадиться на удобном берегу в Салернском заливе. Место высадки находилось на крайнем пределе радиуса действия истребителей прикрытия, действовавших с захваченных аэродромов на Сицилии. После высадки союзные войска должны были как можно скорее начать продвижение на север, чтобы захватить Неаполь.

¹ В то время — постоянный заместитель министра иностранных дел. — *Примеч. ред.*

Объединенный англо-американский штаб рекомендовал президенту и мне принять этот план и разрешить провести операции по захвату Сардинии и Корсики во вторую очередь. Мы с готовностью сделали это; в самом деле, это было как раз то, на что я рассчитывал и к чему стремился. Этот план предусматривал высадку авиадесантной дивизии для захвата аэродромов к югу от Рима. Мы согласились и на это. Об обстоятельствах, при которых эта операция была отменена, рассказывается ниже. Таким образом, были приняты решения, которые я считал в высшей степени удовлетворительными, и дела двигались вперед.

Глава шестая

ИТАЛИЯ: ПЕРЕМИРИЕ

Английское и американское правительства уже разработали подробные планы на случай возможной капитуляции Италии. Разработка условий перемирия началась еще до конца июля, и 3 августа я разослал соответствующие документы членам военного кабинета «на случай, если Италия обратится к нам». Мы хотели выиграть время, чтобы действовать через политические и дипломатические каналы, а не через военный штаб союзников. В тот же день Рим выступил с первыми мирными предложениями. Наш посол в Лиссабоне известил министерство иностранных дел, что новый советник итальянской миссии в этом городе, прибывший из Рима, изъявил желание встретиться с ним и намекнул, что уполномочен передать послание от правительства Бадольо. Этим итальянским дипломатом был бывший начальник канцелярии Чиано маркиз Дайета. Он имел родственные связи в Америке и был знаком с Сэмнером Уэллесом¹. Его поездка в Лиссабон была по указанию Бадольо организована новым итальянским министром иностранных дел Гуарильей. На следующий день Дайета был приглашен в английское посольство. Он ничего не говорил о перемирии, но заявил, что, хотя король и Бадольо хотят мира, они вынуждены делать вид, что продолжают сражаться, чтобы избежать совершения немцами государственного переворота в Италии. Из слов Гуарильи явствовало, что он всячески стремился оправдать в глазах союзников свою предстоящую встречу в Северной Италии с Риббентропом, во время которой он собирался рассеять подозрения немцев.

Я тотчас же сообщил президенту об этом шаге Италии.

¹ В то время — заместитель государственного секретаря США. — *Примеч. ред.*

5 августа 1943 года

«Недавно прибывший итальянский советник сообщил английскому послу в Лиссабоне Кэмпбеллу следующее... Я посылаю Вам это сообщение в том виде, в каком я его получил. Послу Кэмпбэллу были даны инструкции не делать никаких комментариев. Это сообщение, очевидно, проливает свет на закулисную сторону дела. Я уезжаю в Квебек, но здесь остается Антони¹, и Вы сможете снестись с ним и со мной.

Король и военные руководители готовили государственный переворот; он был ускорен, хотя, быть может, всего лишь на несколько дней, действиями фашистского Большого совета. Фашизм в Италии прекратил свое существование. Он полностью уничтожен. Италия буквально за один день стала красной. В Турине и Милане состоялись коммунистические демонстрации, которые пришлось подавить с помощью вооруженной силы. 20 лет фашизма уничтожили средний класс. Между королем и сплотившимися вокруг него патриотами, держащими всю власть в своих руках, с одной стороны, и быстро распространяющим свое влияние большевизмом — с другой, нет никакой промежуточной прослойки. Под Римом стоит немецкая танковая дивизия, которая вступит в город при малейшем проявлении слабости итальянцев. В самом Риме рассеяно 10 тысяч солдат, вооруженных главным образом пулеметами. Если мы снова подвергнем Рим бомбардировке, вспыхнет народное восстание, немцы вступят в город и перебьют всех. Они угрожали даже применить газы. Вокруг Рима сконцентрировано максимально возможное количество войск, однако они не имеют никакого желания сражаться. По существу, у них нет оружия, и они не могут противостоять даже одной хорошо оснащенной германской дивизии.

При таких обстоятельствах королю и Бадольо, которые думают прежде всего о мире, не остается ничего другого, как сделать вид, что они продолжают сражаться. Гуарилья должен встретиться с Риббентропом, быть может, завтра, после чего будет опубликовано коммюнике, в котором в более определенных выражениях, чем до сих пор, будет сказано, что Италия по-прежнему является активным союзником Германии. Однако это будет лишь видимость. Вся страна жаждет мира и прежде всего хочет избавиться от немцев, вызывающих всеобщую ненависть.

Если мы не можем атаковать Германию немедленно через Балканы с тем, чтобы заставить немцев уйти из Италии, то чем скорее мы высадимся в Италии, тем будет лучше. Но немцы решили защищать там каждый рубеж. Когда мы высадимся в Ита-

¹ Иден. — Примеч. ред.

нии, мы встретим там слабое сопротивление, а быть может, даже и активное сотрудничество со стороны итальянцев.

Дайтея ни словом не обмолвился об условиях мира, и все, что он говорил, свелось, как Вы заметите, к просьбе спасти Италию от немцев, а также от самой себя, причем сделать это по возможности скорее.

Он выразил надежду, что мы воздержимся от слишком грубых оскорблений по адресу короля и Бадольо, что может лишь ускорить кровавую бойню, хотя несколько оскорблений по их адресу помогли бы им сохранить видимость верности немцам».

* * *

Все итальянские деятели, имевшие к этому какое-либо отношение, хотели мира с союзниками, а верховное итальянское командование уже жаждало выступить против немцев. Гуарилья и итальянское министерство иностранных дел надеялись с помощью осторожной политики оттяжек и проволочек произвести этот поворот, не вызывая гнева и мести немцев. Таким образом, хотя картина нам была еще неясна, мы вступили в контакт с двумя итальянскими представителями. Так же поступили и немцы. 6 августа Гуарилья и генерал Амброзио встретились на границе с Риббентропом и Кейтелем. Военные переговоры носили резкий характер. Амброзио требовал возвращения на родину итальянских дивизий, находившихся во Франции и на Балканах. Кейтель же, наоборот, в то время как происходила эта встреча, отдал приказ германским частям, стоявшим у пограничных постов, наступить в Италию. А министр иностранных дел Гуарилья между тем вел вежливые и бессодержательные переговоры с Риббентропом в надежде оттянуть наступление немцев.

* * *

6 августа другой итальянский дипломат, синьор Берико, обратился к нашему дипломатическому представителю в Танжере. Он имел инструкции непосредственно от Бадольо. Снова была выдвинута просьба предоставить им некоторое время, однако на этот раз было выражено искреннее желание приступить к делу, и Берико был уполномочен начать переговоры.

Это известие вместе с комментариями Идена я получил, когда ехал на пароходе на Квебекскую конференцию. Министр иностранных дел писал:

«Мы имеем право рассматривать это как предложение правительства Бадольо вести переговоры об условиях... Не следует ли нам ответить, что, как это хорошо известно, мы настаиваем на безоговорочной капитуляции и правительство Бадольо должно прежде всего известить нас, что Италия согласна безого-

ворочно капитулировать? Затем, если правительство Бадольо сделает это, мы информируем его об условиях, на которых мы согласимся прекратить военные действия против Италии».

Получив это послание, я сделал на полях пометку красными чернилами: «Не упустить случая», а также: «Если они капитулируют немедленно, мы согласимся предложить им великодушные условия, а не сделку». Затем я послал министру иностранных дел следующий ответ, датированный 7 августа:

Премьер-министр — министру иностранных дел

«Мы одобряем проводимый Вами курс. Бадольо признает, что он собирается надуть кое-кого; его интересы и настроение итальянского народа говорят о том, что, вероятнее всего, в дураках окажется Гитлер. Следует сделать скидку на затруднительность его положения. А пока война против Италии должна вестись всеми способами, на которые дадут свое согласие американцы».

В день моего прибытия в Канаду я послал еще одну телеграмму:

Премьер-министр — министру иностранных дел

9 августа 1943 года

«1. Бадольо должен заявить, что он готов безоговорочно отдать себя в распоряжение союзных правительств, которые уже дали ясно понять, что хотят отвести Италии почетное место в новой Европе.

Следует упомянуть также о предложении генерала Эйзенхауэра вернуть всех итальянских военнопленных, взятых в Тунисе и на Сицилии, при условии, если союзнические пленные будут быстро освобождены.

2. Цель вышеизложенного — внушить итальянскому правительству уверенность, что, хотя оно должно совершить формальный акт подчинения, мы намерены отнестись к нему с уважением в той мере, в какой это позволят чрезвычайные военные обстоятельства. Если мы ограничимся непрерывным повторением требования «безоговорочно капитулировать», не подавая итальянцам надежды на прощение, хотя бы в виде амнистии, вполне возможно, что они вообще не капитулируют. Президент официально употребил выражение «почетная капитуляция», и я считаю, что нам не следует отказываться от этого термина в языке, которым мы должны сейчас пользоваться.

3. Мы только что прибыли (в Галифакс) после исключительно приятного путешествия, во время которого мы с большой пользой изучили и обсудили целый ряд вопросов».

Я передал президенту ответ Идена.

Бывший военный моряк, Квебек — президенту Рузвельту

12 августа 1943 года

«1. Иден предлагает, чтобы наш представитель в Танжере передал Берно, эмиссару Бадольо, следующий ответ:

«Бадольо должен понять, что мы не можем вступать в переговоры, а требуем безоговорочной капитуляции — это означает, что итальянское правительство должно передать себя и распоряжение союзных правительств, которые изложат ему затем свои условия. В условиях будет предусмотрена почетная капитуляция».

Далее в инструкциях будет говориться:

«Эмиссару Бадольо следует напомнить в то же время, что премьер-министр и президент уже заявляли, что мы стремимся к тому, чтобы в свое время, после того как будет восстановлен мир, Италия заняла почетное место в Новой Европе; ему следует напомнить также заявление Эйзенхауэра о том, что итальянские военнопленные, взятые в Тунисе и на Сицилии, будут освобождены при условии освобождения английских и союзнических пленных, находящихся сейчас в руках итальянцев».

2. Все изложенные выше условия являются собственно решенные ранее сделанных нами деклараций. Если Вы одобряете их в принципе, телеграфируйте, пожалуйста, немедленно прямо Идену в министерство иностранных дел, поскольку я буду в пути. Если Вы не согласны с предложенным текстом, мы сможем обсудить его по моем прибытии. Мне кажется, что итальянскому представителю следует дать ответ по возможности скорее».

Президент телеграфировал Идену, что одобряет такой ответ, и итальянский представитель в Танжере был соответственно информирован.

За этими предварительными обращениями итальянского правительства последовало появление в Испании полномочного представителя итальянского верховного командования. 15 августа начальник штаба генерал Кастеллано посетил сэра Сэмюэля Хора¹ в английском посольстве в Мадриде. По словам Кастеллано, маршал Бадольо поручил ему заявить, что как только союзники высадятся в континентальной части Италии, итальянское правительство присоединится к ним в борьбе против Германии. Если союзники примут это предложение, Кастеллано немедленно представит подробные сведения о

¹ В то время — английский посол в Испании. — *Примеч. ред.*

расположении германских войск. Я тотчас же передал эти новые сведения президенту.

Президент и я решили, что Эйзенхауэр должен послать генерала Беделла Смита¹ и начальника его разведки английского генерала Стронга в Лиссабон, чтобы начать там переговоры с итальянским эмиссаром. Они повезли с собой окончательные военные условия капитуляции, которые были тщательно нами обсуждены во время нашей конференции «Квадрант» в Квебеке.

Президент и премьер-министр — генералу Эйзенхауэру

18 августа 1943 года

«1. С одобрения президента и премьер-министра объединенный англо-американский штаб предлагает вам тотчас же послать в Лиссабон двух штабных офицеров — одного американца и одного англичанина. По прибытии туда они должны явиться к английскому послу. Они должны взять с собой согласованные условия перемирия, которые уже направлены вам. Действуя в соответствии с полученными инструкциями, английский посол в Лиссабоне организует встречу с генералом Кастеллано. На ней будут присутствовать ваши штабные офицеры.

2. Во время этой встречи генералу Кастеллано будет сделано сообщение в таком духе:

“Безоговорочная капитуляция Италии принимается на условиях, изложенных в документе, который будет вручен ему. (После этого ему должны быть переданы условия перемирия для Италии, уже согласованные и ранее посланные вам. Ему должно быть сказано, что сюда не включены политические, экономические и финансовые условия, которые будут сообщены позже иным путем.)

Эти условия не предусматривают активной помощи Италии в борьбе против немцев. Степень изменения этих условий в пользу Италии будет зависеть от того, в какой мере итальянское правительство и народ практически помогут Объединенным Нациям в борьбе против Германии в остающийся период войны. Однако Объединенные Нации безоговорочно заявляют, что где бы итальянские войска или итальянцы ни сражались против немцев, где бы они ни уничтожали германскую собственность, где бы они ни препятствовали передвижениям немцев, войска Объединенных Наций окажут им всемерную помощь. В то же время, если сведения о противнике будут доставляться незамедлительно и регулярно, союзные бомбардировки будут, насколько это возможно, направлены против объектов, связанных с передвижением и операциями немецких войск.

¹ В то время — начальник штаба союзных войск в Северной Африке. — *Примеч. ред.*

Прекращение военных действий между Объединенными Нациями и Италией произойдет в тот день и час, о котором сообщит генерал Эйзенхауэр.

Итальянское правительство должно обязаться объявить о перемирии сразу же после того, как о нем сообщит генерал Эйзенхауэр, дать приказ своим войскам и народу с этого момента сотрудничать с союзниками и оказывать сопротивление немцам.

Итальянское правительство должно сразу же после заключения перемирия дать приказ немедленно освободить всех плененных Объединенных Наций, которым угрожает опасность быть захваченными немцами.

Итальянское правительство должно сразу же после перемирия дать приказ кораблям итальянского военного флота и как можно большему числу своих торговых судов выйти в море и направиться в союзные порты. Как можно большее число военных самолетов должно вылететь на союзные базы. Все корабли и самолеты, которым грозит опасность захвата немцами, должны быть уничтожены”.

3. Генералу Каstellано следует заявить, что сейчас генерал Вадольо может сделать очень многое таким образом, чтобы немцы не знали, что происходит. Ему должно быть предоставлено право действовать по своему усмотрению, однако надо предложить ему руководствоваться следующими основными принципами:

общее пассивное сопротивление по всей стране, если этот приказ удастся довести до сведения местных властей так, чтобы немцы не узнали о нем;

недопущение того, чтобы немцы захватили итальянские береговые оборонительные сооружения;

проведение подготовки к тому, чтобы в надлежащее время итальянские соединения на Балканах могли выйти к побережью, откуда Объединенные Нации перебросят их в Италию».

19 августа стороны встретились в английском посольстве в португальской столице. Каstellано было заявлено, что генерал Эйзенхауэр примет безоговорочную капитуляцию итальянского правительства на вручаемых ему сейчас условиях. Трудно сомнить конкретные военные переговоры с гибкой дипломатией. Итальянский представитель в Лиссабоне оказался в безвыходном положении. Цель его визита, как он подчеркивал, состояла в обсуждении вопроса о том, каким образом Италия может начать сражаться против Германии. Беделл Смит ответил на это, что он уполномочен обсуждать лишь вопрос о безоговорочной капитуляции.

* * *

Переговоры в Лиссабоне с генералом Каstellано продолжались всю ночь 19 августа. Итальянский генерал, поняв, что Бе-

делл Смит не пойдет ни на какие уступки в вопросе об условиях, указал на карте расположение германских и итальянских частей в Италии. Задержавшись еще на несколько дней, чтобы замаскировать свою поездку в Португалию, Каstellано вернулся в Рим, захватив с собой военные условия капитуляции, а также радиоприемник и коды союзников для того, чтобы поддерживать связь со штабом союзников в Алжире.

26 августа в Лиссабоне появился еще один итальянский эмиссар — генерал Дзанусси. Это был старший помощник начальника итальянского генерального штаба. 31 августа генерал Беделл Смит в сопровождении генерала Дзанусси встретился с Каstellано в Сицилии, как было условлено. Каstellано объяснил, что если бы итальянское правительство было свободно в своих действиях, оно приняло бы и опубликовало условия перемирия, как того хотят союзники. Однако оно находится под контролем немцев. После встречи в Лиссабоне немцы послали новые войска в Италию, и вся страна фактически оккупирована немцами. Поэтому невозможно объявить о перемирии тогда, когда того хотят союзники, то есть до главной высадки союзников в Италии, подробности которой Каstellано жаждал узнать. Итальянцы хотели иметь полную уверенность в том, что силы высадки будут достаточно мощными, чтобы гарантировать безопасность короля и правительства в Риме.

Было ясно, что итальянское правительство особенно заинтересовано в том, чтобы мы высадились севернее Рима и могли защитить их от германских дивизий близ города. Каstellано считал, что в такой операции должно принять участие до 15 дивизий союзников. Генерал Беделл Смит разъяснил, что он не намерен продолжать переговоры на той основе, что о перемирии должно быть объявлено после главных высадок союзников, и отказался сообщить какие-либо сведения о масштабах будущих операций. Тогда Каstellано попросил разрешения снова проконсультироваться со своим правительством. Ему было сказано, что предъявленные условия являются окончательными и что срок уже истек, но что, принимая во внимание нынешние переговоры, союзники готовы подождать до полуночи 2 сентября, когда должен быть дан определенный ответ, принимаются эти условия или нет. В тот же вечер Каstellано вернулся в Рим.

Верховное командование союзников понимало, что итальянское правительство быстро потеряет самообладание и что у него не хватит мужества подписать перемирие, если оно не будет уверено, что англо-американские войска поведут наступление на Италию превосходящими силами. Поэтому генерал Эйзенхауэр решил информировать генерала Каstellано о своем плане высадить авиадесант близ Рима. Эта операция будет предпринята в зависимости от предоставления гарантий со стороны правительства Бадольо в том, что «перемирие будет под-

писано и опубликовано, как того требуют союзники; что итальянцы захватят и удержат необходимые аэродромы и прекратят зенитный огонь; что итальянские дивизии в районе Рима будут сражаться против немцев».

Президент и я, находившиеся тогда вместе в Белом доме, послали следующую телеграмму Эйзенхауэру: «Мы полностью одобряем ваше решение осуществить операцию «Аваланш» и высадить воздушно-десантную дивизию близ Рима на указанных условиях. Мы полностью признаем, что военные соображения должны играть решающую роль на этом этапе». В тот же день в Лондоне состоялось заседание военного кабинета, который одобрил такую позицию.

* * *

Мы сообщили Сталину о том, как развиваются итальянские события.

*Премьер-министр и президент Рузвельт —
премьеру Сталину*

2 сентября 1943 года

«1. Мы получили сообщение от генерала Кастеллано о том, что итальянцы согласны и что он выезжает для подписания, но мы не знаем определенно, относится ли это заявление к кратким военным условиям, которые Вы видели, или к более полным и исчерпывающим условиям, Ваша готовность подписать которые была особо указана.

2. Военное положение там одновременно критическое и обнадеживающее. Вторжение на материк начнется почти немедленно, в то время как сильный удар, называемый «Аваланш», будет нанесен примерно на будущей неделе. Трудности, с которыми столкнутся Итальянское Правительство и народ, когда они будут вырваться из лап Гитлера, могут требовать еще более смелых шагов, и для этой цели генералу Эйзенхауэру нужна будет вся помощь со стороны итальянцев, которая может быть ими оказана. Принятие условий итальянцами в значительной степени облегчается тем, что мы отправим парашютную дивизию в Рим для того, чтобы помочь им сдержать немцев, которые собрали бронетанковые силы вблизи Рима и которые могут заменить правительство Бадольо какой-либо квислинговской администрацией, возможно, во главе с Фариначчи. Мы полагаем, что, поскольку дела там развиваются столь быстро, генерал Эйзенхауэр должен иметь полномочия не откладывать урегулирования вопроса с итальянцами из-за различий, существующих между пространственными и краткими условиями. Ясно, что краткие условия включены в пространственные условия, что они основываются на без-

оговорочной капитуляции и что статья 10 кратких условий предоставляет право толкования Союзному Главнокомандующему.

3. Поэтому мы полагаем, что Вы согласны с тем, чтобы генерал Эйзенхауэр подписал краткие условия от Вашего имени, если это было бы необходимо в целях избежания дальнейших поездок генерала Кастеллано в Рим и вызываемой этим задержки и неуверенности, которые могут повлиять на военные операции. Мы, конечно, очень хотим, чтобы итальянцы безоговорочно капитулировали перед Советской Россией, так же как перед Великобританией и Соединенными Штатами. Дата сообщения о капитуляции должна быть, конечно, приурочена к военному удару».

Генерал Кастеллано вернулся на Сицилию, официально уполномоченный своим правительством подписать военные условия капитуляции. 3 сентября в Оливковой роще близ Сиракуз этот акт был совершен. Генерал Александр сообщил мне об этом в телеграмме:

Генерал Александр — премьер-министру

3 сентября 1943 года

«Краткие условия перемирия были подписаны сегодня во второй половине дня, в четвертую годовщину войны, генералом Беделлом Смитом, представлявшим генерала Эйзенхауэра, и генералом Кастеллано, представлявшим маршала Бадольо, которые были должным образом уполномочены на это.

Кастеллано остается здесь при моем штабе, и сегодня вечером мы начинаем военные переговоры, чтобы договориться о том, каким образом итальянские войска могут оказать максимальную помощь проведению наших операций».

Перед рассветом 3 сентября английская 8-я армия переправилась через Мессинский пролив и вступила на континентальную часть территории Италии.

Премьер-министр — премьеру Сталину

5 сентября 1943 года

«...Генерал Кастеллано после длительной борьбы подписал краткие условия вчера, 3 сентября, вечером, и он сейчас работает вместе с генералами Эйзенхауэром и Александром лучший способ их осуществления. Это, конечно, приведет к немедленным боям между итальянскими и германскими войсками, и мы собираемся помочь итальянцам в любом возможном пункте настолько эффективно, насколько мы сможем. На следующей неделе произойдут сенсационные события. Вторжение на «носок сапога» было успешным, и оно энергично про-

идется, а операция «Аваланш» и парашютная операция предстоят в самое ближайшее время. Хотя, как я полагаю, мы высадимся на берег в «Аваланше» крупными силами, я не могу предвидеть того, что произойдет в Риме или по всей Италии. Главная цель должна состоять в том, чтобы убивать немцев и заставить итальянцев убивать немцев на этом театре в возможно большем количестве.

2. Я задержусь по эту сторону Атлантического океана, пока не прояснится это дело. Тем временем примите мои самые горячие поздравления по случаю Ваших новых побед и продвижения на Вашем главном фронте».

Теперь оставалось увязать условия итальянской капитуляции с нашей военной стратегией. 7 сентября американский генерал Тэйлор из 82-й воздушно-десантной дивизии был послан в Рим. Цель его секретной миссии состояла в том, чтобы договориться с итальянским генеральным штабом о захвате аэродромов вокруг столицы в ночь на 9 сентября. Однако с того времени как Каstellано обратился к союзникам с просьбой о защите, положение коренным образом изменилось. Немцы имели в своем распоряжении мощные силы и, по-видимому, захватили контроль над аэродромами. Итальянская армия была деморализована. Ей не хватало боеприпасов. Бадольо был окружен людьми, подававшими самые противоречивые советы. Тэйлор заявил, что должен встретиться с ним. Положение было критическим. Итальянские лидеры боялись теперь, что сообщение о капитуляции, которая уже была подписана, приведет к немедленной оккупации Рима немцами, что будет означать конец правительства Бадольо. В 2 часа утра 8 сентября генерал Тэйлор встретился с Бадольо, который просил в связи с потерей аэродромов задержать передачу по радио условий перемирия. Он уже телеграфировал в Алжир, что безопасность римских аэродромов не может быть обеспечена. Поэтому высадка воздушного десанта была отменена.

Эйзенхауэр должен был быстро принять решение. Наступление на Салерно необходимо было предпринять менее чем за 24 часа. Поэтому он телеграфировал объединенному англо-американскому штабу:

8 сентября 1943 года

«Я только что закончил совещание с главными командирами и решил не соглашаться на изменение позиции со стороны Италии. Мы намерены действовать в соответствии с намеченным планом опубликования перемирия, после чего мы займемся надлежащей пропагандой и проведем другие мероприятия. Маршал Бадольо через наше непосредственное связующее звено будет информирован о том, что это соглашение, заключенное должным

образом уполномоченным им на то представителем, по-видимому, в атмосфере полной искренности с обеих сторон, считается действительным и обязательным и что мы не признаем никакого отклонения от нашего первоначального соглашения».

После консультации президент и я направили следующий ответ:

8 сентября 1943 года

«Президент и премьер-министр считают, что, поскольку соглашение было подписано, Вы должны сделать такое публичное заявление о нем, которое облегчило бы проведение Ваших военных операций».

В соответствии с этим в 6 часов пополудни генерал Эйзенхауэр передал по радио сообщение о перемирии, а примерно час спустя сам маршал Бадольо из Рима зачитал текст декларации. Капитуляция Италии была завершена.

* * *

В ночь на 9 сентября немецкие войска начали окружение Рима. Бадольо и королевская семья перебрались в здание военного министерства. Проводились поспешные совещания в атмосфере растущего напряжения и паники. После полуночи пять автомашин проскользнули через восточные ворота Рима по дороге к адриатическому порту Пескара. Здесь два корвета приняли на борт группу людей, в состав которой входила итальянская королевская семья, а также Бадольо, члены его правительства и высокопоставленные чиновники. Они прибыли в Бриндизи ранним утром 10 сентября, и на территории, оккупированной союзными войсками, были быстро созданы основные ведомства антифашистского итальянского правительства.

После отъезда беглецов старый ветеран маршал Кавилья — победитель битвы при Витторио-Венето в Первой мировой войне — прибыл в Рим, чтобы взять на себя ответственность за переговоры с германскими войсками, зажимавшими столицу в кольцо. У ворот города уже вспыхивали стычки. Некоторые регулярные части итальянской армии и партизанские отряды из римских граждан вели бои с немцами на окраинах города.

11 сентября после подписания военного перемирия сопротивление прекратилось, и нацистские дивизии могли свободно проходить через город.

* * *

Маршала Бадольо торопили с капитуляцией для того, чтобы не нарушать плана проведения союзных высадок на «каб-

дуке» Италии и в районе Рима. Официальное подписание условий перемирия ознаменовало завершение важнейшего этапа, однако предстояло пожать еще и другие плоды в этой ужасной жатве: нужно было в целости доставить итальянский флот в союзные порты; в Юго-Восточной Европе находилось много итальянских дивизий, снаряжение которых было бы очень полезным для союзников в их длительной борьбе против нацистской Германии. В восточной части Средиземного моря имелись еще более важные итальянские базы. Важно было не допустить, чтобы эти острова попали в руки врага.

Я прекрасно сознавал всю серьезность этой угрозы.

Тем временем с наступлением темноты 8 сентября в соответствии с инструкциями союзников основные силы итальянского флота вышли из Генуи и Специи в смелый поход по направлению к Мальте, где они должны были сдать; ни союзническая, ни итальянская авиация не защищала их. На следующее утро у западного побережья Сардинии они были атакованы германскими самолетами, действовавшими с баз во Франции. Бомба попала во флагманский корабль «Рома», и он взорвался. Погибло много людей, в том числе главнокомандующий адмирал Бергамини. Линкор «Италия» также был поврежден. Оставив несколько легких кораблей для спасения оставшихся в живых, остальной флот продолжал свой трудный путь. Утром 10 сентября его встретили английские военные корабли, в том числе «Уорспайт» и «Вэлиант» (которым приходилось часто разыскивать итальянские корабли при совсем иных обстоятельствах), и под эскортом доставили на Мальту. 9 сентября из Таранто также вышла эскадра, в том числе два линкора, и, встретившись в море с английскими кораблями, шедшими занять этот порт, без инцидентов на следующий день достигла Мальты.

Утром 11 сентября адмирал Кэннингхэм уведомил военноморское министерство, что «итальянский линейный флот стоит сейчас на якоре под жерлами орудий крепости Мальта».

Премьер-министр — адмиралу Кэннингхэму, Алжир

12 сентября 1943 года

«Вы должны как можно скорее сообщить о наличии в итальянском флоте боеприпасов для всевозможных орудий и торпед, начиная с самых крупных кораблей; Вы должны сообщить, сколько боеприпасов имеется непосредственно на кораблях, было ли что-нибудь взято в Таранто и т. д.; назовите примерно требуемое количество и дайте точные спецификации для производства. Не дожидаясь окончания этой процедуры, тотчас же отправьте в адмиралтейство для передачи

Соединенным Штатам через надлежащие каналы заявки на производство боеприпасов для главных и самых современных кораблей. Быть может, я смогу договориться о скорейшем налаживании производства боеприпасов здесь».

С падением фашистского режима все районы Италии охватила политическая лихорадка. Организация сопротивления немцам попала в руки подпольного комитета освобождения в Риме и была связана с усиливавшими свою активность партизанскими отрядами, начавшими тогда действовать на всем полуострове. Членами этого комитета были политические деятели, отстраненные от власти Муссолини в начале 20-х годов, или же представители групп, враждебных фашистскому режиму. Над всем висела угроза возрождения фашизма в час поражения. Немцы, несомненно, прилагали все силы к этому.

* * *

Муссолини был интернирован после 26 июля на острове Понца, а позже — на Мадалене у побережья Сардинии. Опасаясь внезапного нападения немцев, Бадольо в конце августа перевел своего бывшего хозяина на маленький курорт, расположенный высоко в горах Аbruццы, в Центральной Италии. В спешке, когда пришлось бежать из Рима, полицейским агентам и карабинерам, охранявшим павшего диктатора, не было дано точных инструкций. Утром в воскресенье 12 сентября 90 немецких парашютистов высадились с планеров близ отеля, где был заключен Муссолини. Без всякого кровопролития он был увезен на легком немецком самолете и доставлен в Мюнхен для еще одной встречи с Гитлером.

Спасение Муссолини дало немцам возможность создать на севере правительство в противовес правительству Бадольо. На берегах озера Комо был создан номинальный фашистский режим, и там разыгралась драма «100 дней» Муссолини. Немцы зажали в тиски своей военной оккупации районы к северу от Рима. Неизвестно кому преданное номинальное правительство сидело в Риме, открытом для немецкой армии; в Бриндизи король и Бадольо создали под наблюдением союзнической комиссии подобие правительства, которое не обладало никакой реальной властью за пределами административного здания в этом городе. По мере того как наши армии продвигались с «носка» полуострова, военная администрация союзников брала на себя контроль над освобожденными районами.

Италии предстояло пережить самое трагическое в своей истории время и стать полем ожесточеннейших сражений.

СНОВА В БЕЛОМ ДОМЕ

Конференция в Квебеке окончилась 24 августа, и наши высокопоставленные коллеги разъехались, но я должен был выступить по радио 31 августа, и это висело надо мной, как коршун в небе. В назначенное время 31-го, перед отъездом в Вашингтон, я выступил с обращением к канадскому народу и ко всем союзным народам. Здесь уместно привести несколько выдержек из этого выступления. «Вклад, внесенный Канадой и совместные усилия Британского Содружества наций и империи в это тяжелое время, глубоко тронул сердце матери-родины и всех других членов нашей разбросанной по всему свету семьи государств и наций.

Начиная с самых мрачных дней, канадская армия, усиливавшаяся с каждым годом, неизменно играла большую роль в охране нашей британской отчизны от вторжения. Сейчас она отлично поюет на более широких и непрерывно расширяющихся полях сражений. Имперская организация подготовки авиационных кадров, принесящая колоссальную пользу, нашла приют в Канаде и собрала здесь лучших представителей молодежи Великобритании, Австралии и Новой Зеландии, предоставив им обширные аэродромы Канады и дружбу ее храбрых сынов.

Во время этой войны Канада стала крупной морской страной, построив много десятков военных кораблей и торговых судов; многие из них были построены за тысячи миль от соленых вод. Она направила их нам, укомплектовав командами отважных канадских моряков, чтобы охранять атлантические караваны судов и наши жизненно важные линии коммуникаций через океан. Военная промышленность Канады играет исключительно важную роль в нашей военной экономике. И наконец, что, однако, имеет далеко не последнее значение, Канада освободила Великобританию от платы за изготовляемое ею снаряжение, что составляет сумму не менее двух миллиардов долларов.

Все это было сделано, конечно, не в силу какого-то закона. Это не вытекало из какого-то договора или формального обязательства. Это делалось без всякого принуждения, в силу чувств и традиций, а также великодушной решимости сослужить службу во имя будущего всего человечества. Я рад, что могу от имени народа Великобритании выразить благодарность великому доминиону и сделать это на территории Канады. Я хотел бы, чтобы мои многочисленные неотложные дела позволили мне совершить еще более далекое путешествие и лично сказать австралийцам, новозеландцам и населению Южно-Африканского Союза, как глубоко мы благодарны всем им за то, что они сделали, и за то, что они еще сделают...

За последние два года мы слышим много различных разговоров об открытии так называемого второго фронта в Северной Франции против Германии. Каждому ясно, сколь желательной была бы такая колоссальная военная операция. Совершенно естественно, что русские, которые несут на себе основное бремя борьбы против германских армий, находящихся на их фронте, беспрестанно требуют, чтобы мы провели эту операцию, и жалуются и даже упрекают нас в том, что мы не сделали этого раньше. Я не осуждаю их за то, что они так говорят. Они сражаются так великолепно и нанесли такой колоссальный ущерб военной мощи Германии, что ни одно слово из всего того, что они могут сказать, подвергая честной критике нашу стратегию или тот вклад, который мы пока что внесли в ходе войны, не может быть дурно истолковано нами и не уменьшит нашего восхищения их воинской доблестью и успехами. Когда-то мы имели прекрасный фронт во Франции, однако он был разнесен на куски концентрированной мощью Гитлера; а надо сказать, что легче допустить разгром фронта, чем снова создать его. Я жду того дня, когда мощные английские и американские армии освобождения пересекут Ла-Манш и вступят в борьбу с германскими захватчиками во Франции... Лично я всегда думаю не только о втором, но и о третьем фронте. Я всегда считал, что западные демократии должны, подобно боксеру, драться обеими руками, а не одной.

Мне кажется, что широкое фланговое движение в Северную Африку, совершенное с санкции президента Рузвельта и правительства его величества, главным представителем которого я являюсь, впоследствии будет рассматриваться как весьма удачный маневр, учитывая нынешние обстоятельства. Несомненно, оно дало большие и весьма ощутимые результаты. Африка очищена, все немецкие и итальянские армии в Африке уничтожены, и в наших руках находится не менее 500 тысяч военнопленных. В результате блестящей кампании, длившейся 38 дней, была захвачена Сицилия, которую защищало свыше 400 тысяч солдат держав оси. Муссолини свергнут. Боевой дух Италии сломлен, и эта несчастная страна несет сейчас ужасное наказание за то, что она пошла за корыстными и преступными лидерами, поведшими ее по ложному пути. Насколько легче связаться с плохими компаньонами, чем избавиться от них! За последнее время из Франции были переброшены многочисленные немецкие части для того, чтобы сдерживать итальянский народ, превратить Италию в поле боя и в течение возможно более долгого времени не допустить приближения военных действий к границам Германии. Значительно больше половины германской авиации переброшено с русского фронта. Английские, американские и канадские летчики ведут с ними днем и ночью бои, не давая им передышки и изматывая их силы. Более того, мы завладели стратегической инициативой и создали потенциал как в Атлантике, так и на

Средиземном море, и враг не может ни определить его масштабов, ни предугадать момент, когда мы его используем.

Судя по последним сообщениям с фронтов России, маршал Сталин явно не теряет времени даром. Вся Британская империя поздравляет его с блестящей летней кампанией и с победами под Орлом, Харьковом и Таганрогом, в результате которых освобождена огромная русская территория и уничтожено много сотен тысяч немецких захватчиков».

* * *

Я уехал из Квебека поездом и прибыл в Белый дом 1 сентября. Во время переговоров в Квебеке события в Италии продолжали развиваться. Президент и я, как об этом сообщалось выше, руководили в эти критические дни ходом секретных переговоров с правительством Бадольи и, кроме того, внимательно наблюдали за военной подготовкой к высадке на территории Италии. Я умышленно продлил свое пребывание в Соединенных Штатах, чтобы поддерживать тесный контакт с нашими американскими друзьями в этот решающий момент в итальянских делах. Президент очень хотел, чтобы я пробыл там подольше и получил почетную степень в Гарвардском университете. Это должно было дать мне возможность выступить с публичным обращением к миру об англо-американском единстве и дружбе. 6 сентября я произнес свою речь. Ниже приводятся некоторые выдержки из нее.

«Молодежи Америки, как и молодежи Англии, я заявляю: "Нельзя останавливаться". В данный момент остановка невозможна. Сейчас мы достигли такой стадии в путешествии, когда передышка немыслима. Мы должны двигаться вперед. Верх возьмет либо мировая анархия, либо всемирный порядок. В период этих испытаний и борьбы, которые присущи нашему веку, в Британском Содружестве наций и в империи вы найдете верных друзей, с которыми вы связаны не только узами государственной политики и государственных интересов. В значительной степени это — узы кровного родства и истории. Естественно, что я, дитя обоих миров, чувствую это.

Законы, язык, литература — все это весьма существенные факторы. Общие понятия о добре и порядочности, склонность к предоставлению равных возможностей, особенно поскольку это касается слабых и бедных, остро развитое чувство беспристрастной справедливости и, превыше всего, приверженность к личной свободе или к тому, чтобы, как говорил Киплинг, "иметь возможность жить без чьего-либо позволения под сенью закона", — таковы общие принципы, лежащие в основе жизни народов, говорящих на английском языке, как по эту, так и по другую сторону океана. Мы преданы этим принципам так же непоколебимо, как и вы.

Мы не воюем с нациями как таковыми. Наш враг — тирания. В какие бы одежды она ни рядилась, какими бы покровами ни прикрывалась, к какому бы языку она ни прибегала, какой бы характер — внешний или внутренний — она ни носила, мы всегда должны быть начеку, всегда должны быть мобилизованы, всегда должны быть бдительны, всегда должны быть готовы схватить ее за горло. И в этом отношении мы идем по одному и тому же пути. Мы идем и боремся плечом к плечу под огнем врага не только на полях сражений и в воздухе, но и в области защиты духовных ценностей, к числу которых принадлежат права и достоинство человеческой личности».

* * *

Я, как обычно, послал официальный отчет о конференции премьер-министрам доминионов. Генерал Смэтс был недоволен масштабами наших планов, а также кажущейся медлительности в их осуществлении.

Генерал Смэтс — премьер-министру

31 августа 1943 года

«Лично Вам я хотел бы высказать свои опасения относительно хода войны. Если Вы не согласитесь со мной, забудьте, пожалуйста, мое брюзжание. Однако если в какой-то степени вы разделяете мое мнение, Вы сами проявите инициативу в этом вопросе.

Тогда как наша средневосточная кампания проводилась с исключительной энергией от Эль-Аламейна и до ее окончания в Тунисе, я отмечаю спад и медлительность в операциях после этого периода. Между высадками в Тунисе и на Сицилии прошло несколько месяцев, и сейчас, после высадки на Сицилии, наступила новая странная пауза на такой стадии, когда нужно действовать безотлагательно. Сравнить англо-американские усилия, учитывая все наши обширные ресурсы, с усилиями России за тот же период — это значит затрагивать щекотливые вопросы, которые неизбежно приходят на ум многим людям. Наши действия на суше относительно незначительны, и их темпы весьма неудовлетворительны. Мы много и часто хвастаемся своими промышленными усилиями, особенно колоссальными американским производством. Кроме того, после почти двухлетней войны американские вооруженные силы должны быть огромными. И все же русские противостоят основной массе германской армии на суше. Отчасти это объясняется нехваткой у нас судов и другими трудностями, однако этим вопрос еще не исчерпывается. У меня создалось неприятное чувство, что масштабы и темпы наших сухопутных операций оставляют желать много лучшего. Наш военный флот действует, как всегда, великолепно, а наша

авиация превосходна. Однако честь почти всех побед на суше принадлежит русским, причем вполне заслуженно, учитывая масштабы и темпы их операций и их замечательную стратегию на колоссальном фронте.

Мы, несомненно, можем воевать лучше, и сравнение с Россией может стать менее невыгодным для нас. Рядовому человеку должно казаться, что войну выигрывает Россия. Если какое впечатление сохранится, то каково будет наше положение на международной арене после войны по сравнению с положением России? Наше положение на международной арене может резко измениться, и Россия станет дипломатическим хозяином мира. Это нежелательно и ненужно и имело бы весьма плохие последствия для Британского Содружества наций. Если мы не выйдем из этой войны на равных условиях, наше положение будет неудобным и опасным... Я еще не знаю, что было запланировано в Квебеке, и надеюсь, что там были выработаны и утверждены самые хорошие планы. Однако как насчет темпов их осуществления? Оттяжки и медлительность в наших действиях чреваты серьезными опасностями».

Генерал Сметс — премьер-министру

3 сентября 1943 года

«После того как я отправил Вам свое предыдущее послание, критикующее наши военные успехи, я должен откровенно выразить свое разочарование квебекским планом, поскольку считаю его недостаточной программой для пятого года войны, особенно после того, как в нашем военном положении недавно произошли такие колоссальные изменения. Этот план лишь усугубил мои опасения и страхи относительно будущего. Он не соответствует реальной силе наших позиций и может серьезно повлиять на настроение обществственности, а также на наши будущие отношения с Россией. Мы способны на значительно большие усилия и должны действовать смелее.

По существу, этот план лишь предлагает продолжить и усилить проводимые сейчас бомбардировки и борьбу против подводных лодок, захватить Сардинию и Корсику, взять Южную Италию и подвергнуть бомбардировке северный район Италии. Затем мы должны будем с боями проложить себе путь на север через всю Италию по труднопроходимой гористой местности в ходе кампании, на осуществление которой потребуются много времени, и только после этого мы достигнем Северной Италии и главных оборонительных позиций немцев. Следующей весной мы совершим высадку через Ла-Манш крупными силами, если условия для действий авиации и военное положение во Франции будут благоприятными, и смо-

жем вторгнуться во Францию с юга, хотя бы лишь в порядке отвлекающей операции. Мы предоставляем Балканы партизанам, которым будем оказывать поддержку с воздуха.

Так представляется мне положение дел на Западе. Что касается Востока, то мы совершим несколько высадок на островах, в результате чего можем оказаться против главной базы противника на Каролинских островах примерно к концу будущего года. А тем временем, пока мы будем пытаться открыть Бирманскую дорогу и оказать максимальную помощь Китаю по воздуху, ресурсы Голландской Ост-Индии будут находиться в распоряжении противника. Упоминается также о каких-то неопределенных десантных операциях против Бирмы.

Мне кажется, единственной серьезной частью этого плана являются бомбардировки. Все остальное задумано в слишком мелком масштабе и повторяет то, что мы делали в предыдущие два года. Несомненно, это недостаточно серьезные усилия для нынешней стадии войны; мы не используем надлежащим образом нашего значительно улучшившегося военного положения. Если к концу 1944 года мы сумеем нанести лишь небольшой ущерб главным позициям противника, настроения общественности могут измениться — и вполне заслуженно — в неблагоприятную сторону. Уж очень невыгодным будет сравнение с огромными усилиями и успехами России, которая может прийти к выводу, что ее подозрения относительно нас полностью обоснованны.

Поскольку я не располагаю секретной информацией, мне трудно предложить иные планы. Однако я твердо убежден в том, что мы можем и должны сделать больше и лучше того, что предусмотрено квебекским планом, в результате которого война без нужды затянется, что приведет ко всевозможным опасным последствиям, на которые я указывал в моем предыдущем послании. Я одобряю политику бомбардировок, противолодочную кампанию и нанесение сильного удара через Ла-Манш. Но на Средиземном море мы должны взять Сардинию и Корсику и немедленно атаковать Северную Италию, а не прокладывать себе с боями путь на север через весь полуостров. Мы должны немедленно взять Южную Италию и дойти до Адриатического моря, а затем с удобных позиций повести решительное наступление на Балканы и привести в действие поднимающиеся там силы. В результате этого на сцену выйдет Турция, а наш флот окажется в Черном море, где мы объединимся с Россией, будем снабжать ее и дадим ей возможность атаковать гитлеровскую твердыню с востока и юго-востока. Я считаю, что, учитывая колоссальные изменения военного положения на русском фронте, это не слишком грандиозная программа...»

Вскоре я ответил Смэтсу:

5 сентября 1943 года

«1. Получил Ваши две телеграммы.

Начавшееся сейчас вторжение на «носок» Италии, конечно, является лишь прелюдией к более сильной атаке, которая будет проведена в ближайшее время и в случае успеха приведет к далеко идущим последствиям. В настоящее время мы рассчитываем открыть фронт, пересекающий Италию, как можно севернее. Для такого фронта нужно будет перебросить около 20 дивизий из района Средиземного моря и, возможно, дополнительные подкрепления, если противник решит произвести там контрнаступление.

2. Я всегда очень хотел прийти на Балканы, где сейчас разнуртывается весьма активная деятельность¹. Мы должны сперва выждать, как будут развиваться бои в Италии, и только потом уже брать на себя какие-либо обязательства, помимо операций отрядов «коммандос», переброски агентов, поставок и т. д.; однако весь этот район в огне, и вполне возможно, что в связи с тем, что 24 итальянские дивизии, разбросанные на Балканах, прекратили сражаться и сейчас стремятся лишь поскорее попасть домой, немцы будут вынуждены отойти к линии Савы и Дуная...

3. Мне кажется, лучше не требовать вступления Турции в войну в настоящее время, поскольку войска, совместно с которыми нам придется сражаться, более целесообразно используются в центральной части Средиземного моря. Этот вопрос может быть поставлен перед Турцией в конце года.

4. Несмотря на эти серьезные нужды и планы в районе Средиземного моря, которые вызывают максимальное напряжение наших ресурсов, нам нужно будет после ноября перебросить семь дивизий с этого театра для подготовки операции «Оверлорд» весной 1944 года. Для этой цели все транспортные суда для перевозки войск, которые только можно было изыскать, не считая используемых Соединенными Штатами на Тихом океане, непрерывно перебрасывают американские войска и авиачасти. Ни один из наших кораблей не стоял без дела в этом году, и тем не менее в Англии сейчас находятся лишь две американские дивизии. Физически невозможно накопить более значительные силы к намеченной дате. Мы сумеем не отстать от американцев и сперва выставить почти столько же английских дивизий; однако после начальной стадии наступления накопление сил должно идти исключительно за счет американцев, поскольку мои людские ресурсы окончательно на исходе, и мне даже приходится просить амери-

¹ Может показаться, что эта фраза не согласуется с моей общей политикой, так часто излагавшейся в этих томах. Я не имел в виду «прийти на Балканы» с армией. — *Примеч. ред.*

канцев приостановить переброску полевых войск и прислать несколько тысяч саперов, чтобы помочь строить сооружения и постройки, необходимые для их трансатлантической армии.

5. Эти планы в Европе, а также воздушное наступление и война на море полностью поглощают все наши людские ресурсы и весь наш флот. Это следует учитывать. Нельзя сравнивать наши условия и условия в России, где вся мощь страны с почти 200-миллионным, за вычетом военных потерь, населением, давно организованным в огромную национальную армию, развернута на сухопутном фронте протяженностью две тысячи миль. Этот факт также нужно учитывать.

6. Я считаю неизбежным, что Россия станет величайшей в мире сухопутной державой после этой войны, так как в результате этой войны она отделается от двух военных держав — Японии и Германии, которые на протяжении жизни нашего поколения наносили ей такие тяжелые поражения. Однако я надеюсь, что «братская ассоциация» Британского Содружества наций и Соединенных Штатов, а также морская и воздушная мощь могут обеспечить хорошие отношения и дружественное равновесие между нами и Россией, хотя бы на период восстановления. Что будет дальше — глазом простого смертного не видно, а у меня нет пока достаточных познаний о небесных телескопах.

7. На Востоке мы, англичане, не испытываем недостатка в войсках, однако нам так же, как и Соединенным Штатам в Атлантике и на Тихом океане, трудно вступать в действие. Нехватка судов определяет все морские и десантные операции, что касается остального, то Бирма — это джунгли и горы, и в течение более полугода там дуют страшные муссоны. Тем не менее там начата энергичная кампания. Я привез в Квебек молодого Уингейта, которого из командира бригады произвели в командира корпуса; сейчас с максимальной быстротой формируются крупные специальные части для наступления в первый месяц следующего года. Назначение Маунтбэттена означает, что будут проводиться новые десантные операции в широких масштабах, на чем я настаиваю самым решительным образом. О деталях этих операций я расскажу Вам при встрече.

8. Поверьте мне, мой дорогой друг, я отнюдь не рассердился на Ваши две критические телеграммы. Я уверен, что если бы мы пробьли вместе два-три дня, я сумел бы устранить те Ваши опасения, которые не основаны на непреложных и неумолимых фактах. Я все время подчеркиваю необходимость действовать быстрее и избегать излишней организационной громоздкости. Находясь по эту сторону Атлантики, я дожидаюсь развязки событий в Италии и их последствий. Однако я рассчитываю быть дома к открытию парламента и надеюсь, что в это время Вы уже будете, по крайней мере, приближаться к нашим берегам».

Смэтс несколько приободрился после этого исчерпывающего разъяснения. «Ваша телеграмма, — писал он, — принесла мне большое облегчение. Из нее явствует, что итальянская экспедиция из 20 дивизий будет действовать на всем полуострове и создаст новый реальный фронт».

Тем временем началось вторжение в Италию. На рассвете 3 сентября английская 5-я и канадская 1-я дивизии из состава 8-й армии пересекли Мессинский пролив. Они не встретили практически никакого сопротивления. Был быстро захвачен Реджо, и началось продвижение по узким гористым дорогам Калабрии.

«Немцы, — телеграфировал Александер 6 сентября, — ведут арьергардные бои не столько огнем, сколько разрушениями. Когда мы были в Реджо сегодня утром, по существу, мы не слышали ни одного сигнала тревоги, не видели ни одного вражеского самолета. В этот чудесный летний день военные корабли всех типов сновали взад и вперед между Сицилией и Италией, перевоза людей, боеприпасы и оружие. На таком очаровательном фоне это напоминало скорее лодочные гонки мирного времени, чем серьезную военную операцию».

Через несколько дней дивизии 8-й армии достигли Локри и Розарно, а пехотная бригада, высадившаяся с моря в Пиццо, увидела лишь хвост отступавших немцев. Боев почти не было, однако продвижение серьезно замедлилось из-за труднопроходимой местности в этом районе, из-за разрушений, совершенных противником, и в результате действий его небольших, но искусно направляемых арьергардов.

Премьер-министр — генералу Александеру

7 сентября 1943 года

«1. Весьма благодарен за Ваши телеграммы об операции на «носке» Италии. Просьба точно сообщить мне, что требуется для захвата Рима воздушно-десантной дивизией, и когда это намечается в Вашей программе. Мы все полностью поддерживаем предложенный смелый план, хотя детали вынуждены принимать на веру.

2. Я весьма заинтересовался также Вашим упоминанием о Таранто. Когда примерно Вы предполагаете сделать это?

3. Меня все еще серьезно волнует вопрос о накоплении сил после проведения операции «Аваланш». Конечно, если Вы сможете восстановить порт Неаполь, Вы будете иметь возможность перебрасывать по две дивизии в неделю. Поставьте меня в известность о том, каким порядком Вы предполагаете перебросить нашу армию в Италию. Когда должны вступить в действие но-

возеландская, польская, индийская 4-я, 1-я бронетанковая и другие первоклассные дивизии? По-видимому, Вам придется удерживать фронт по меньшей мере такой же большой протяженности, как и на последних стадиях в Тунисе, то есть примерно в 170 миль, и нельзя предугадать, не станут ли немцы со временем сильно нажимать на этот фронт.

4. Я остаюсь здесь с президентом, чтобы проанализировать результаты операции «Аваланш», а затем вернуться домой. Однако я надеюсь приехать к Вам в первой половине октября, а генерал Маршалл приедет из Америки. Тогда я сообщу Вам кое-что важное».

Александр ответил, что, поскольку итальянское правительство не смогло опубликовать условия перемирия, он был вынужден произвести некоторые изменения. Американская 82-я воздушно-десантная дивизия не могла быть перебросена в район Рима, поскольку итальянцы не провели никакой подготовки к ее приему и имелись сведения, что аэродромы заняты немцами. Осуществление операции «Аваланш» должно было продолжаться в соответствии с намеченным планом, но воздушно-десантные войска не должны были принимать в ней участия. Около трех тысяч солдат из состава 1-й воздушно-десантной дивизии погрузились на военные корабли, которые должны были прийти в Таранто 9 сентября. Невозможно было предугадать, какой прием ждал их там. Александр рассчитывал, что, если ему удастся в ближайшее время открыть путь через Таранто, он сможет ускорить накопление сил в Италии.

Одновременно началась наша кампания по захвату Родоса и других островов в Эгейском море. Об этом рассказано в следующих главах.

* * *

9 сентября мы с президентом провели официальное совещание в Белом доме. Начальник имперского генерального штаба и начальник штаба военно-воздушных сил улетели в Лондон несколько дней назад, и меня сопровождали фельдмаршал Дилл¹, Исмей и три представителя английских начальников штабов в Вашингтоне. С президентом пришли Леги, Маршалл², Кинг и Арнольд.

Готовясь к этому совещанию, я составил меморандум для президента, который вручил ему утром в день совещания. Он попросил меня зачитать его и предложил, чтобы этот меморандум послужил основой наших переговоров.

¹ В то время — глава английской миссии в объединенном англо-американском штабе. — *Примеч. ред.*

² В то время — начальник штаба американской армии. — *Примеч. ред.*

9 сентября 1943 года

«1. Прежде чем мы расстанемся, несомненно, было бы полезно провести пленарное заседание объединенного англо-американского штаба, чтобы проанализировать новую международную обстановку, которая должна сложиться, если нынешняя битва за Исаполь и Рим окажется успешной и если немцы отступят к линии Апеннин или к реке По.

2. Считая, что мы получили итальянский флот, хочу отметить, что мы тем самым приобретаем не только этот флот, но и высвободим английский флот, который до сих пор сдерживал итальянский флот. Это весьма значительное усиление нашей военно-морской мощи следует по возможности скорее использовать для активизации войны против Японии. Я просил начальника штаба английских военно-морских сил обсудить с адмиралом Кингом вопрос о переброске мощной английской боевой эскадры с крейсерами и вспомогательными кораблями в Индийский океан через Панамский канал и Тихий океан. Во время проведения десантных операций в будущем году нам нужен будет сильный восточный флот, базирующийся на Коломбо. Я был бы очень рад, если бы было сочтено возможным передать этот флот в подчинение американского тихоокеанского командования и если бы он смог активно повоевать по меньшей мере четыре месяца на Тихом океане, прежде чем обоснуется на своей базе в Индийском океане. Мы не можем допустить, чтобы корабли у нас бездействовали. Однако я не представляю себе, каким образом прибытие этих подкреплений позволит расширить объем задач, поставленных перед американскими вооруженными силами на Тихом океане. Не говоря уже о стратегических интересах, правительство его величества хотело бы участвовать в тихоокеанской войне из соображений высшей политики, чтобы не только оказать посильную помощь своим американским союзникам, но и частично выполнить обязательства перед Австралией и Новой Зеландией. Движение наших кораблей взад и вперед на Тихом океане, несомненно, окажет деморализующее влияние на Японию, которая должна будет понять, что против нее обращен сейчас значительно усилившийся военный флот; кроме того, это, несомненно, вызывает чувство удовлетворения в Соединенных Штатах как положительное доказательство решимости Англии до конца играть активную и энергичную роль в войне против Японии.

3. Общественность следует постепенно приучать к мысли, которая целиком владеет нами и нашим объединенным англо-американским штабом, а именно — мысли о превращении Италии в активную силу, действующую против Германии. Хотя мы не могли признать Италию союзником в полном смысле, мы согласились с тем, что ей следует предоставить возможность заработать себе право на хороший прием и что активную борьбу

против врага следует не только поддержать, но и вознаградить. Если между итальянцами и немцами начнутся бои, предубежденные обществественности быстро рассеется и примерно через две недели можно будет подготовить почву, если нам удастся соответствующим образом направить события, для объявления Италией войны Германии. Необходимо рассмотреть вопрос о том, можно ли оставить на итальянских кораблях итальянские флаги, и даже вопрос о частичном укомплектовании итальянцами кораблей, находящихся под контролем англичан и американцев. Вся проблема использования итальянского флота с максимальной для нас пользой должна быть сейчас изучена в вышних инстанциях.

4. Исходя из предположения, что в Неаполе будет одержана решающая победа, мы, я полагаю, решим продвигаться на север Итальянского полуострова до тех пор, пока не подойдем к главным немецким позициям. Если отношение к нам итальянцев повсюду будет благоприятным и если их армия придет нам на помощь, то действия по меньшей мере двенадцати итальянских дивизий значительно помогут держать фронт, идущий через Италию, и облегчат положение войск союзников. Если после окончания битвы за Неаполь мы не встретим серьезного сопротивления к югу от основной линии немцев, то мы должны немешкая бросить против нее небольшие силы, и я надеюсь, что самое позднее к концу года мы сумеем выставить против нее наши основные силы. И чем скорее, тем лучше. Не может быть и речи об отказе от операции «Оверлорд». Мы не должны забывать в этот поворотный момент о нашем соглашении начать с ноября постепенную переброску семи дивизий. Самое важное — добиться того, чтобы итальянские дивизии участвовали в боях, и наша государственная политика должна проводиться с расчетом на достижение этой цели.

5. Я обдумывал кампанию 1944 года в плане этих новых возможностей и по-прежнему твердо убежден в том, что нужно соблюдать особую осторожность в отношении продвижения на север дальше узкой части Итальянского полуострова. Конечно, если немцы отступят к Альпам, положение будет иным, но если они не сделают этого, мне кажется, нам будет не по силам, учитывая потребности операции «Оверлорд», углубляться в равнины Ломбардии. Мы должны учитывать и то, что немцы, контролирующие внутренние коммуникации, возможно, перебросят на наш фронт в Италии более мощные силы, чем те, которые мы будем иметь там в конце года. Нельзя исключать возможность сильной контратаки немцев. Я хотел бы обсудить вопрос о том, не следует ли нам после того, как мы подойдем к основным немецким позициям, построить собственную мощную укрепленную линию, надлежащим образом эшелонированную в глубину. Для этого можно широко использовать в качестве рабочей силы

итальянских солдат. Ясно, что итальянские войска смогут принимать участие в обороне этой линии. Таким образом, к весне на этом театре мы сможем либо провести наступление, если противник окажется слаб, либо хотя бы угрожать наступлением, либо в противном случае занять оборонительную позицию, использовать свою выросшую авиационную мощь для операций из-за укрепленной линии и выделить часть наших войск для действий где-нибудь в другом районе — будь то на западе или на востоке. Я считаю, что этот вопрос следует изучить.

6. Мы оба прекрасно понимаем большое значение положения на Балканах. Мы должны позаботиться о том, чтобы средиземноморское верховное командование, поглощенное нынешними сражениями, не упускало из виду нужд патриотических сил на Балканах. Проблема итальянских войск должна быть рассмотрена немедленно. Опубликованные сегодня приказы главнокомандующего вооруженными силами на Среднем Востоке генерала Вильсона отвечают данному моменту, но мы должны более точно представить себе, к чему мы стремимся. Если считать, что итальянцев удастся вовлечь в войну против Германии, то следует ожидать, что откроются широкие возможности. Нам, несомненно, нет нужды пробиваться на Балканах снизу вверх. Если нам удастся обеспечить соглашение между патриотами и итальянскими войсками, тогда в ближайшее время можно будет открыть один или несколько удобных портов на побережье Далмации, что даст возможность доставлять боеприпасы и предметы снабжения морем и привести в хорошее боевое состояние все войска, которые будут подчиняться нашему контролю. Положение немцев на всем этом театре станет исключительно опасным, особенно в отношении снабжения. После того как будет создана линия обороны в Северной Италии, можно будет выделить часть наших собственных войск, предназначенных для Средиземноморского театра, чтобы усилить движение на север и на северо-восток от портов Далмации. В настоящее время необходимо приложить все возможные усилия, чтобы организовать наступление на немцев по всему Балканскому полуострову, наладить доставку туда агентов, оружия и обеспечить хорошее руководство.

7. И наконец, пора сейчас обсудить вопрос об островах. Я думаю, что Сардиния будет взята тотчас же, хотя нам, возможно, придется послать некоторую помощь итальянцам для разоружения находящихся там немецких частей. На Корсике сопротивление немцев, быть может, уже сломлено, но, несомненно, французская экспедиция там была бы весьма желательной. Если бы французский национальный комитет смог послать хотя бы одну дивизию, остров, вероятно, можно было бы быстро освободить и, несомненно, из местного мужского населения можно было бы создать еще одну-две дивизии. Судя по телеграмме генерала Вильсона об операциях против Родоса и других Додеканесских

островов, дела там идут хорошо, но у меня нет уверенности в том, что при нынешних условиях достаточно широко используются силы на Среднем Востоке. Я немедленно посылаю запрос о точном расположении всех частей больше батальона в расчете на то, что можно будет выделить экспедиционные силы и гарнизоны для нужд различных небольших операций.

8. Следует ожидать активной реакции в Болгарии, Румынии и Венгрии, и это опять-таки может вызвать движение со стороны турок, причем нам не придется предъявлять каких-либо требований или брать на себя какие-то обязательства. Все эти вопросы опять-таки требуют обсуждения в высших инстанциях как с военной, так и с политической точки зрения, и мне кажется, мы должны предварительно рассмотреть их сегодня днем, если вы согласны на это».

Между нами было достигнуто широкое принципиальное согласие в отношении изложенных в вышеприведенной записке положений, а в последующие дни штабы согласовали необходимые действия.

* * *

На следующий день президент уехал из Вашингтона к себе домой в Гайд-парк. Он предложил мне использовать Белый дом не только в качестве резиденции, но также и для любых совещаний, которые я захочу провести, будь то с представителями Британской империи, которые собрались в Вашингтоне, или с военными руководителями США, и без колебаний созвать еще одно пленарное заседание, если я сочту это необходимым. Я широко воспользовался этими великодушно предоставленными мне возможностями. Таким образом, поскольку всем хотелось разобраться в быстром развитии событий в Италии и в ходе ожесточенной и решающей битвы за Неаполь, 11 сентября я созвал новое совещание в Белом доме, на котором сам председательствовал. Соединенные Штаты представляли адмирал Леги, генерал Маршалл, адмирал Кинг, генерал Арнольд, Гарри Гопкинс, Аверелл Гарриман¹ и Лью Дуглас². Со мной были Дилл и Исмей и три наших представителя в объединенном англо-американском штабе.

¹ Крупнейший американский промышленный и финансовый деятель. Личный друг Черчилля и Рузвельта. После принятия конгрессом закона о передаче займы или в аренду вооружения Рузвельт назначил Гарримана своим личным представителем по осуществлению этого закона в Англии. С октября 1943 г. по февраль 1946 г. был послом в СССР. — *Примеч. ред.*

² Видный финансист. Во время Второй мировой войны до 1944 г. был заместителем руководителя управления судоходства военного времени. — *Примеч. ред.*

Были обсуждены все текущие вопросы. Я считал для себя честью председательствовать на этом совещании объединенного англо-американского штаба и американских руководителей в шле совещаний Белого дома. Это было выдающееся событие в истории англо-американских отношений.

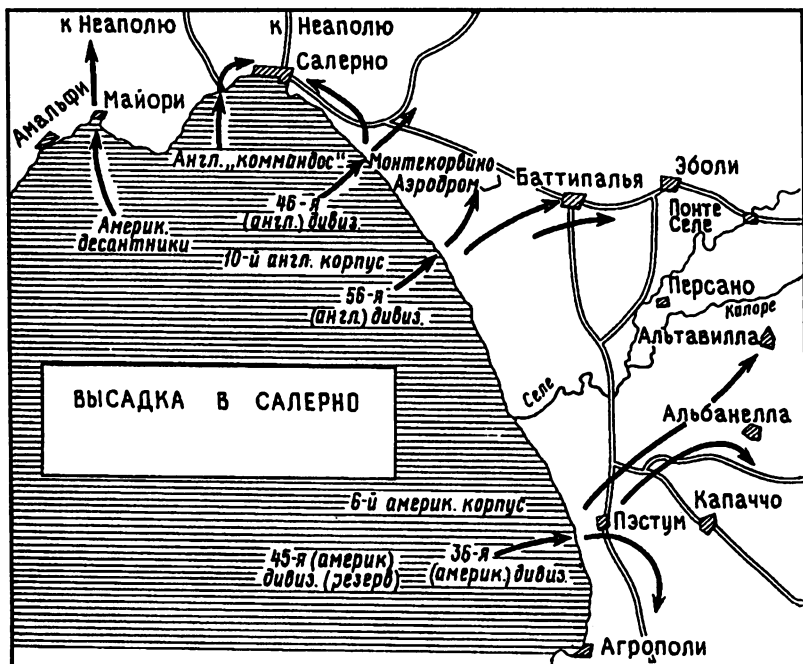
Глава восьмая

БИТВА У САЛЕРНО

Вечером 8 сентября я получил от Александра сообщение о том, что операция началась. Когда в тот вечер союзническая армада приближалась к Салерно, по английскому радио было передано сообщение о капитуляции Италии. Для людей, настроившихся на сражение, эта новость была полнейшей неожиданностью; она временно ослабила напряженность и имела неблагоприятные психологические последствия. Многие решили, что их завтрашняя задача будет легким делом. Офицеры тотчас же принялись разяснять ошибочность такого мнения, подчеркивая, что независимо от того, как будут вести себя итальянцы, немецкие войска, несомненно, будут оказывать сильное сопротивление. Наступил перелом в настроении. И тем не менее, как указывал адмирал Кэннингхэм, если бы о перемирии не сообщили, это было бы изменой по отношению к итальянскому народу.

Под прикрытием мощного английского флота ударные отряды вошли в залив Салерно. Был совершен лишь один небольшой налет с воздуха. Противник знал о приближении ударных отрядов, но до последнего момента не мог определить, в каком месте будет нанесен удар.

Высадка 5-й армии под командованием генерала Кларка началась до рассвета. Штурм был произведен американским 6-м корпусом и английским 10-м корпусом, а на северном фланге действовали английские отряды «коммандос» и американские ударно-десантные группы. Корабли были замечены в море; кроме того, услышав выступление генерала Эйзенхауэра по радио накануне вечером, находившиеся поблизости немецкие войска начали действовать немедленно. Разоружив итальянцев, они взяли всю оборону на себя и широко воспользовались преимуществами, которые современное оружие обеспечивает обороне на первых стадиях высадки. При высадке на берег наши люди были встречены хорошо пристрелянным огнем и понесли тяжелые потери. Трудно было обеспечить эффективное прикрытие с воздуха, ибо многие наши истребители вынуждены были действовать с очень большого расстояния — с Сицилии; однако им помогли самолеты, действовавшие с авианосцев.

Высадившись на берег, американский 6-й корпус добился значительных успехов и к ночи 11-го продвинулся вперед до десяти миль, тогда как правый фланг его был загнут обратно к морю. Английский корпус встретил более сильное сопротивление. Ему удалось взять Салерно и Баттипалью. Аэродром в Монтекорвино тоже перешел в наши руки, но, поскольку он оставался под огнем противника, он не мог служить площадкой для заправки горючим наших самолетов, в чем они остро нуждались. Немцы реагировали очень быстро. Их войска, противостоявшие 8-й армии, прокладывавшей себе путь вверх по «носку» Италии, были моментально переброшены в новый район боев. С севера прибыла большая часть трех дивизий, с востока — полк парашютистов. Наши подкрепления прибывали значительно медленнее, поскольку нам не хватало судов, особенно мелких. Немецкая авиация, несмотря на то, что она была ослаблена потерями на Сицилии, мобилизовала все свои силы, и ее новые управляемые по радио и планирующие бомбы наносили значительный ущерб нашим десантным судам. Все ресурсы авиации союзников использовались, чтобы помешать переброске вражеских подкреплений и бомбить районы сосредоточения войск противника. В залив Салерно вошли военные корабли,

чтобы оказать поддержку огнем своих тяжелых орудий. 8-я армия под командованием Монтгомери быстро шла на соединение с находившейся в тяжелом положении 5-й армией. Все это возымело свое действие, и, по мнению одного высокопоставленного немецкого офицера, слабость немецкой авиации и отсутствие всякой защиты от обстрела с кораблей сыграли решающую роль.

* * *

В то время как шел бой у Салерно, был нанесен блестящий удар на Таранто; не только Александер, но и адмирал Кэннингхэм, который играл главную роль в этой операции, заслуживают высокой похвалы за удачное выполнение этого рискованного плана. Этот первоклассный порт мог обслуживать целую армию. Александер считал, что сообщение о капитуляции Италии оправдывало риск. У него не было ни транспортных самолетов для переброски английской 1-й воздушно-десантной дивизии, ни обычных судов для доставки ее морем. Шесть тысяч этих отборных солдат были погружены на английские военные корабли, и 9 сентября, в день высадки на побережье Салерно, корабли английского военного флота смело вошли в гавань Таранто и высадили войска на берег, не встретив сопротивления. Единственной нашей потерей был один крейсер, который подорвался на mine и затонул¹.

* * *

Предполагалось, что я и те из нашей группы, кто еще не улетел в Англию самолетом, отправятся домой морем, и «Ринаун» дожидался нас в Галифаксе. Разноречивые известия, полученные мною во время поездки, а также газетные сообщения серьезно обеспокоили меня. По всем данным, шла исключительно острая и затянувшаяся борьба. Я волновался особенно сильно потому, что всегда решительно настаивал на этой высадке с моря и чувствовал, что несу особую ответственность за ее успех. Неожиданность, сила и стремительность — вот три важнейших элемента всех десантных операций. После первых 24 часов преимущество, заключающееся в том, что военно-морские силы имеют возможность нанести удар там, где они захотят, вполне может исчезнуть. Там, где было десять человек, скоро их становится уже десять тысяч. Я вспомнил случай, когда генерал Окинлек сидел в своем штабе в Каире, упорно цепляясь за правило, в соответствии с которым коман-

¹ Дома у меня хранится подарок генерала Александра — британский национальный флаг, который был водружен в Таранто. Это был первый союзнический флаг, водруженный в Европе после нашего изгнания из Франции. — *Примеч. авт.*

дующему надлежит с высоты своего величия, из центра, обозревать обширную сферу своей деятельности, а тем временем решающая битва в Пустыне складывалась не в его пользу. Я глубоко верил в Александра и все же провел мучительный день, пока наш поезд шел среди красивых равнин Новой Шотландии. Наконец я написал следующее послание Александру, убежденный, что он не будет на меня в обиде. Оно было отправлено уже после того, как наш корабль вышел в море.

Премьер-министр — генералу Александру

14 сентября 1943 года

«1. Надеюсь, что основное внимание Вы уделяете боям, связанным с операцией «Аваланш», которая важнее всего остального. Ни один из участвующих в ней командиров не сражался прежде в крупных боях. Битва в заливе Сувла была проиграна потому, что начальник штаба рекомендовал своему командующему находиться в отдаленном центральном пункте, где он будто бы будет осведомлен обо всем¹. Если бы он был на месте, он мог бы спасти положение. Находясь так далеко от вас и учитывая, что сообщения доходят до меня с опозданием, я не берусь давать советы, но считаю своим долгом напомнить вам об этом опыте из моего прошлого.

2. Должно быть сделано все, что может помочь в решающей битве за Неаполь.

3. Просите все, что вам нужно, и я выделю все необходимые материалы в первую очередь, вне зависимости от любых других соображений».

Его ответ был быстрым и утешительным.

Генерал Александер, Салерно — премьер-министру, в море

15 сентября 1943 года

«Мне кажется, Вам будет приятно узнать, что я предвосхитил Ваш мудрый совет и нахожусь сейчас здесь вместе с 5-й армией. Чрезвычайно Вам благодарен за предложенную помощь. Делается все возможное, чтобы обеспечить успех операции «Аваланш». Ее судьба решится в ближайшие дни».

С облегчением узнал я и о том, что адмирал Кэннингхэм рискнул подвести свои линкоры к самому берегу, чтобы оказать поддержку армии. 14 сентября он отправил к месту сражения корабли «Уорспайт» и «Вэлиант», которые только что

¹ Высадка на берегу бухты Сувла — составная часть морских десантных операций на Галлиполийском полуострове; предпринята в 1915 году Англией и Францией с целью овладеть Дарданеллами, Босфором, Константинополем. Операция окончилась полной неудачей. — *Примеч. ред.*

пришли на Мальту, сопровождая шедшие капитулировать основные корабли итальянского флота. На следующий день они уже вступили в бой, и их точный, корректировавшийся с воздуха огонь из тяжелых орудий произвел большое впечатление и на друзей, и на врагов и значительно способствовал разгрому противника. К несчастью, во второй половине дня 16 сентября «Уорспайт» был выведен из строя бомбой нового типа, планирующей бомбой, о которой мы уже кое-что слышали и о которой нам еще предстояло многое услышать.

Было получено также следующее сообщение:

Премьер Сталин — президенту Франклину Д. Рузвельту и премьер-министру Черчиллю

14 сентября 1943 года

«Ваше послание от 10 сентября получил. Поздравляю с новыми успехами, особенно с высадкой в районе Неаполя. Не может быть сомнения, что успешная высадка в районе Неаполя и разрыв Италии с Германией нанесут еще один удар по гитлеровской Германии и значительно облегчат действия советских армий на советско-германском фронте.

Наступление советских войск идет пока что успешно. Думаю, что в течение ближайших двух-трех недель будут еще успехи. Возможно, что на днях займем Новороссийск».

Тем временем битва у Салерно продолжалась. Непрерывно приходили телеграммы. Александер был настолько любезен, что держал меня в курсе всех событий, и будет интересно привести его живые послания.

В течение трех решающих дней положение было критическим. Баттипалья была отдана, но 56-й дивизии, несмотря на то что она была ослаблена тяжелыми потерями, удалось остановить дальнейшее наступление оттуда к морю. На фронте американского 6-го корпуса противник, воспользовавшись слабым прикрытием разрыва между позициями этого корпуса и английских войск, перебросил части с севера, перешел реку Селе и угрожал подойти к местам высадки за линиями американских войск. Он был весьма своевременно остановлен огнем американских батарей. Войска союзников удерживали свои позиции с величайшим трудом. Американская 45-я дивизия, которую держали в резерве на кораблях, активно вступила в действие на фронте 6-го корпуса. Начинали прибывать подкрепления. Кораблями и самолетами были доставлены наша 7-я бронетанковая дивизия и американская 82-я воздушно-десантная дивизия. В результате шестидневных ожесточенных боев, во время которых наше положение иногда становилось

исключительно опасным, немцам не удалось сбросить нас обратно в море. 15 сентября Кессельринг понял, что он не может добиться успеха. Закрепив свой правый фланг на высоте над Салерно, он начал оттягивать всю линию своих войск назад. 18 сентября 5-я и 8-я армии соединились. Мы победили.

Генерал Александер — премьер-министру, в море

18 сентября 1943 года

«Общее положение продолжает улучшаться, и инициатива переходит к нам. Против английского 10-го корпуса на севере было предпринято несколько сильных атак, но все они были отбиты. На фронте 6-го корпуса американцы наступают, продолжаются бои и в Альтавилле. Как Вам уже известно, патрули 5-й и 8-й армий соединились. 7-я бронетанковая дивизия благополучно высаживается на берег; прошлой ночью прибыли пехотные подкрепления для 10-го корпуса в составе 1500 человек. В ближайшие два дня должны прибыть американские подкрепления численностью примерно 1600 человек. 3-я американская дивизия начнет высаживаться на берег завтра вечером. Накопление боеприпасов и вооружения идет удовлетворительно. 8-я армия продвигается к Алюэтте и Потенце, но сейчас, когда я пишу эти строки, я не получил еще сообщений о том, где находятся ее передовые отряды. Английская 1-я воздушно-десантная дивизия, находящаяся в районе Таранто, действует активно и соединилась с канадцами, но она слишком слаба и может лишь беспокоить немцев. 22 сентября в Таранто должна начать высадку 78-я пехотная дивизия, а 23 сентября в Бриндизи высадится индийская 8-я дивизия. Моя непосредственная задача состоит в том, чтобы создать три мощные боевые группы: американская 5-я армия в районе Салерно, 8-я армия в центре, английский 5-й корпус 8-й армии в районе Таранто. С этих надежных баз мы будем продвигаться на север, и я дал следующие указания: 5-я армия должна укрепиться на холмах к северо-западу от Салерно. 8-я армия должна защищать район Потенцы. Дальнейшие цели: 5-я армия должна будет захватить порт Неаполь, 8-я армия — аэродромы в районе Фоджи. Я не хочу дезинформировать Вас, выказывая чрезмерный оптимизм, но я уверен, что мы сейчас овладели положением и сумеем осуществить свои будущие операции по плану».

Когда мы прибыли в Клайд, от Александра пришли важные известия.

Генерал Александер — премьер-министру

19 сентября 1943 года

«Могу сказать с полной уверенностью, что положение изменилось в нашу пользу и что инициатива перешла в наши руки...

Завтра я возвращаюсь в свою главную штаб-квартиру в «Иракузах».

* * *

После того как битва у Салерно была выиграна, нам предстояло взять аэродромы Неаполя и Фоджи. Английский 10-й корпус во взаимодействии с американским 6-м корпусом на правом фланге оттеснил арьергарды противника в районе Везувия, прошел мимо развалин Помпеи и Геркуланума и вошел в Неаполь. Огромные силы были брошены на восстановление порта, который опытные руки подвергли страшным разрушениям. Эти работы, в которых отличились американцы, оказались столь эффективными, что через две недели порт мог ежедневно пропускать пять тысяч тонн грузов. Вскоре близ города были восстановлены два аэродрома, которые значительно облегчили положение наших эскадрилий истребителей, действовавших до тех пор с импровизированных взлетно-посадочных площадок. Тем временем на восточном побережье патрули 1-й воздушно-десантной дивизии к 15 сентября подошли к Джое и Бари. 78-я дивизия и бронетанковая бригада высадились вслед за ними и вместе со штабом 5-го корпуса соединились с 8-й армией. Одновременно шесть эскадрилий английских военно-воздушных сил начали действовать с аэродромов в Джое. 25 сентября противник эвакуировал аэродромы в Фодже. Термоли был взят высадившимся с моря отрядом «коммандос», который с помощью подкреплений выдержал ожесточенные контратаки.

* * *

Через несколько дней после возвращения я послал генералу Эйзенхауэру телеграмму, которую следует иметь в виду при чтении посланий и памятных записок, написанных мною осенью и зимой. Во втором параграфе я набросал план распределения сил в осуществлении стоящих перед нами задач, особенно учитывая наши узкие места. Об этом предполагаемом распределении сил следует помнить, чтобы понять существо споров, о которых говорится в следующей главе. Война представляет собой проблему правильного использования наличных средств, и часто бывает, что нельзя действовать согласно рецепту: «Не кончив одно, не берись за другое».

Премьер-министр — генералу Эйзенхауэру

25 сентября 1943 года

«1. Поскольку я настаиваю на действиях в нескольких направлениях, считаю своим долгом сообщить Вам о том, каким

образом, по моему мнению, должны распределяться наши усилия при выполнении этих задач.

2. Четыре пятых наших усилий должно быть обращено на накопление сил в Италии. Одна десятая часть — на то, чтобы обеспечить прочность наших позиций на Корсике (с которой скоро будет покончено) и в Адриатическом море. Остающаяся десятая часть должна быть сосредоточена на острове Родос. При этом я, конечно, имею в виду лишь те средства ведения войны, которые мы имеем в определенном ограниченном количестве, а именно главным образом десантные баржи и суда и военные корабли с мелкой осадкой.

3. Сообщаю Вам об этом для того, чтобы Вы имели приблизительное представление о ходе моих мыслей, ибо я не хочу, чтобы Вы считали, что я требую максимальных усилий во всех направлениях, не понимая, что некоторые факторы серьезно Вас лимитируют».

Генерал Эйзенхауэр — премьер-министру

26 сентября 1943 года

«Мы тщательно пересматриваем свои наличные ресурсы, чтобы оказать Среднему Востоку необходимую поддержку в выполнении этого плана, и приходим к выводу, что наша помощь Среднему Востоку может быть лишь минимальной.

Когда Монтгомери сможет двинуть основную часть своих войск вперед, чтобы поддержать правый фланг 5-й армии, события на Неапольском фронте начнут разворачиваться быстрее. Как всегда бывает после начальных стадий комбинированных операций, мы сильно растянули свои линии как в тактическом отношении, так и в отношении снабжения. Мы прилагаем все усилия к тому, чтобы исправить положение, и Вы вскоре получите добрые вести».

В своем ответе Эйзенхауэр не остановился так подробно, как мне этого хотелось, на той части моего послания, где говорилось что при операциях вспомогательного характера можно ограничиться небольшими силами; я придавал этой части послания особое значение.

Англо-американская 5-я армия вступила в Неаполь 1 октября.

Премьер-министр — генералу Эйзенхауэру, Алжир

2 октября 1943 года

«Радуюсь вместе с Вами блестящему обороту, который приняли наши дела на Средиземном море, и тому, что Сардиния и Корсика были взяты попутно, в ходе общей кампании.

Желаю всяческих успехов в дальнейшем».

Премьер-министр — генералу Монтгомери, Италия

2 октября 1943 года

«Я в восторге от блестящих успехов 8-й армии. Сердечно поздравляю Вас со всеми вашими достижениями. Думаю, Вы помните, как я однажды сказал Вам в Триполи о том, где мы можем встретиться».

Генерал Монтгомери — премьер-министру

5 октября 1943 года

«Благодарю за Ваше любезное послание. Мы продвинулись далеко и очень быстро. Это нужно было сделать, чтобы прийти на помощь 5-й армии, однако это вызвало большое напряжение в моей системе управления и снабжения, которую пришлось пересключить с «носок» на «каблуки» во время операций и которая сейчас растянута до предела. Когда я возьму дорогу Термоли — Кампобассо, я буду вынужден на время, пока не приведу в порядок свою систему управления и снабжения, остановить мои главные силы и действовать впереди этой дороги только подвижными частями. Однако подвижные части, направляемые в уязвимые места, могут наносить весьма ощутимый ущерб, и, таким образом, я сохранию за собой инициативу и буду продвигаться вперед. После этой остановки я двинусь всеми силами на Пескару и Анкону. Надеюсь встретиться с Вами в Риме».

* * *

Обе наши армии вынуждены были остановиться. Севернее Неаполя 5-я армия встретила сильное сопротивление вдоль реки Вольтурно; чтобы преодолеть это сопротивление, нужно было известное время и требовалось наладить бесперебойное снабжение. Во время продвижения 8-й армии вверх по «носки» Италии генерал Монтгомери сознательно шел на большой риск в отношении системы снабжения, чтобы достичь поля боя у Салерно. Его базу теперь нужно было перевести с «носок» в Реджо на «каблуки» у Таранто и Бари. Пока это не было сделано, 8-я армия не могла идти дальше. Кроме того, занятие Фоджи давало возможность приступить к приспособлению ее аэродромов под нужды наших тяжелых бомбардировщиков. Это была огромная задача, требовавшая переброски многих тысяч тонн грузов, и выполнить ее можно было лишь постепенно. В середине октября немцы имели в Италии 19 дивизий, а союзники — силы, равноценные 11 дивизиям. Чтобы закрепить наши быстрые блестящие завоевания, надо было подтянуть силы и перебросить крупные подкрепления. Все это ложилось тяжелой нагрузкой на наши транспортные суда.

Сентябрь поистине был плодотворным месяцем. В области военного англо-американского сотрудничества на суше, на море и в воздухе были достигнуты новые успехи. Командующий германской 10-й армией в Италии говорил потом, что немцы с завистью взирали на гармоничное сотрудничество между нашей армией, авиацией и военно-морскими силами, подчиненными единому верховному главнокомандованию. Итальянский флот был в наших руках, итальянская авиация и итальянская армия, несмотря на то, что немцы мешали им присоединиться к нам в больших количествах, уже не воевали против нас.

Враг был разбит в ожесточенной битве, и наши армии продвинулись на 300 миль вверх по итальянскому «сапогу». В их тылу находились захваченные нами аэродромы и порты, которые после восстановления могли полностью удовлетворять наши нужды. Сардиния, операцию против которой во время штабных споров так часто выдвигали в качестве альтернативы наступлению на Италию, досталась нам почти даром, в качестве премии, 19 сентября, а Корсика была взята две недели спустя французскими войсками. Успех итальянской операции, отстоять которую нам стоило много усилий, превзошел ожидания даже самых пылких и упорных ее сторонников.

Большая заслуга принадлежит генералу Эйзенхауэру, поддержавшему план осуществления этой короткой и смелой кампании. Ее осуществление выпало на долю Александра, но верховный главнокомандующий, по существу, полностью согласился с английским стратегическим планом и готов был принять на себя полную ответственность за эту операцию, хотя его собственные командиры сделали выполнение этой и без того тяжелой задачи еще более трудным в силу своей косной приверженности планам действий в Бирме, а также в результате того, что они упрямо и безоговорочно предоставляли приоритет подготовке операций «Оверлорд»; у нижестоящих чинов эта тенденция приняла форму настоящего педантизма. В то же время совершенно очевидно, что Италия — это максимум того, чего мы могли добиться на той стадии, и что можно было бы еще лучше подготовить эту операцию, вовсе не вызывая тем самым задержки в осуществлении основного плана — плана высадки через Ла-Манш в 1944 году.

Глава девятая

СНОВА ДОМА

По пути домой я подготовил речь, с которой мне предстояло выступить в парламенте. Я отлично понимал, что меня встретят критическими замечаниями и что, принимая во вни-

мнение наши военные успехи, недовольные сочтут себя вправе высказываться более откровенно в палате и прессе.

21 сентября, через два дня после прибытия, я выступил в палате общин с речью, длившейся не менее двух с половиной часов.

* * *

Первая предъявленная мне претензия состояла в том, что было потрачено много времени на бесполезные переговоры с итальянским правительством до наступления на Неаполь. На это, мне казалось, у меня был готов хороший ответ.

«Мне говорят, что 40 драгоценных дней были затрачены на эти переговоры и что в результате этого в районе Салерно напрасно пролилась кровь английских и американских солдат. Этот упрек неоснователен с точки зрения фактов и может вызвать чувство горечи у тех, кто потерял там своих близких.

Время нашего главного наступления на Италию было установлено вне зависимости от позиции итальянского правительства; дата начала этой операции была намечена задолго до каких бы то ни было переговоров с ним и даже до падения Муссолини. Эта дата определялась временем, которое было необходимо для того, чтобы высвободить наши десантные суда, занятые у побережья Южной Сицилии, так как вплоть до первой недели августа нам приходилось непрерывно снабжать основную массу войск, действовавших в этом районе.

После высвобождения этих судов их пришлось на некоторое время отправить обратно в Африку. Прежде чем проводить новую десантную операцию, необходимо было отремонтировать поврежденные суда, а таких было много, и вновь загрузить их припасами и т. п., что представляло собой сложнейшую операцию, которая должна была выполняться с величайшей точностью.

Само собой разумеется, что такого рода работы приходится производить с максимальной тщательностью. Порядок загрузки каждого десантного судна или боевого корабля определяется той очередностью, в которой, насколько это можно вообще предвидеть, высадившимся войскам потребуются находящиеся на кораблях грузы. На каждую автомашину грузятся только такие материалы, которые понадобятся воинскому подразделению к моменту прибытия автомашины в его расположение. Часть таких машин постоянно курсирует между кораблями и побережьем. Погрузка в машины материалов производится в определенном порядке, причем предметы, которые потребуются в первую очередь, грузятся на самый верх, а все остальные располагаются в кузове машины сверху вниз в порядке очередности, в которой они потребуются. При этом по мере воз-

возможности ничего не должно оставляться на волю случая. Только таким путем могут быть осуществлены столь сложные операции и в условиях огромной современной огневой мощи, которую может привести в действие сравнительно небольшое число людей.

Решающим фактором, который нас существенно лимитировал, было состояние и подготовка десантных судов. Не может быть и речи о «напрасной трате времени на переговоры», не может быть речи и о том, что министерство иностранных дел сковывало действия генералов, ведя бесконечные споры относительно той или иной статьи условий. Не было ни одной минуты задержки в осуществлении военных операций — все было подчинено этой основной задаче.

Когда я слышу, как люди с такой легкостью говорят о переброске современных армий на то или иное побережье, как будто речь идет о простых тюках товаров, которые достаточно доставить на берег, а потом забыть о них, меня поистине удивляет полнейшее незнание условий современной войны».

* * *

Вторая претензия касалась второго фронта, на открытии которого упорно настаивали коммунистические элементы и кое-кто еще.

То, что я сказал по этому вопросу, было адресовано одновременно германскому верховному командованию и палате общин, причем я имел в виду ввести в заблуждение первое и осведомить второе.

«Я называю фронт, который мы открыли сначала в Африке, затем в Сицилии, а теперь в Италии, третьим фронтом. Второй фронт, который уже существует потенциально и который быстро развертывается, еще не открыт, но он уже существует и сдерживает определенные силы. Никто не может сказать, и я, конечно, не собираюсь этого делать, в какой именно момент он будет открыт. Но второй фронт существует, и он уже сильно беспокоит противника. Он еще не открыт, его еще нет, но он будет. В свое время этот фронт будет открыт, и начнется массовое вторжение с запада наряду с вторжением с юга.

Тем, кто не знает всех фактов и цифр, касающихся американских сил в Англии или наших собственных могучих экспедиционных армий, ныне готовящихся здесь, кто не знает расположения сил противника на различных фронтах, кто не может определить его резервов и ресурсов и измерить его возможности перебрасывать огромные силы с одного фронта на другой благодаря разветвленной сети железных дорог в Европе, кто не знает состояния и мощности нашего военноморского флота и десантных судов различных типов, тому

совершенно невозможно высказать здравое суждение об этой операции¹.

(Здесь один из двух наших коммунистических членов палаты бросил реплику: «Это относится и к маршалу Сталину?»)

В делах такого рода мы не должны следовать советам английских коммунистов, ибо мы знаем, что они стояли в стороне и их вовсе не интересовала наша судьба в момент смертельной опасности. Мы будем следовать советам только друзей и союзников, сплотившихся ради общего дела победы.

Палата может быть абсолютно уверена в том, что в вопросах подобного рода нынешнее правительство его величества не поддастся влиянию беспочвенной агитации, как бы естественны ни были ее побудительные мотивы, не уступит нажиму, даже если он будет осуществлен из самых лучших побуждений. Нас не удастся ни вынудить силой, ни уговорить предпринять крупные военные операции вопреки нашему гораздо более обоснованному убеждению и только для того, чтобы обеспечить политическое единодушие или похвалы с чьей бы то ни было стороны. Самый кровопролитный этап войны для Англии и Соединенных Штатов еще впереди, об этом не следует забывать. Ни палата, ни правительство не испугаются предстоящего испытания.

Ради общего дела мы готовы на любые жертвы».

Самой трудной проблемой было решение, принятое президентом Рузвельтом и мною, об установлении отношений с королем и маршалом Бадольо и признании их совместно воюющей стороной. Читатель знает, что я энергично выступал именно за такое решение вопроса. На этот раз разгорелись такие же страсти и в тех же кругах, как и в случае с адми-

¹ Выше уже говорилось, что Черчилль был противником открытия второго фронта и в 1942 г., и в 1943 г. и, как мы увидим, делал все, чтобы и в 1944 г. высадка союзников в Северной Франции состоялась как можно позднее. Хотя коалиционная стратегия в интересах ускорения победы над фашистским блоком требовала быстрого открытия второго фронта, Черчилль выдвигал на первый план эгоистически понимаемые национальные интересы Великобритании и отстаивал «средиземноморскую стратегию», где английские вооруженные силы играли более значимую роль, нежели на других театрах войны, а сам театр являлся важнейшим для Британской империи. Поэтому в своих речах на международных конференциях, в парламенте, перед общественностью он доказывал невозможность высадки во Франции, ссылаясь на нехватку материальных средств, хотя возможности сосредоточить или создать такие средства имелись уже в 1942 г. и, без всякого сомнения, существовали в 1943 г. Поэтому, ссылаясь на некомпетентность своих критиков в парламенте, Черчилль вводил в заблуждение не только германское командование, но и английское общественное мнение.

ралом Дарланом¹ за год до этого. Но сейчас я чувствовал, что мои позиции еще сильнее.

«Мы можем отвлечься на некоторое время, чтобы рассмотреть и оценить акт итальянского правительства, одобренный итальянской нацией. Гитлер совершенно ясно дал понять, что он считает поведение Италии в высшей степени предательским и низким, а в такого рода делах он разбирается, бесспорно, лучше, чем кто-либо другой. Конечно, можно придерживаться и другого мнения, а именно что акт предательства и неблагодарности совершило фашистское правительство, возглавляемое Муссолини, когда оно воспользовалось своей неограниченной властью и, стремясь получить для себя материальные выгоды, нанесло удар Франции, находившейся на пороге крушения. Так оно стало врагом Британской империи, которая в течение многих лет отстаивала дело свободы Италии. Преступление было совершено именно тогда. Хотя дела теперь не поправишь и хотя нации, которые допустили, чтобы тираны попрали их права и свободы, должны понести суровую кару за преступления этих тиранов, все же действия итальянцев в настоящий момент представляются мне вполне естественными. Пусть это будет их первым актом искупления.

Итальянский народ без того тяжело пострадал. Цвет мужской половины этой нации погиб в Африке и России. Солдат Италии бросали на произвол судьбы на поле боя, ее богатства пущены на ветер, ее империя погибла безвозвратно. А теперь ее прекрасная земля должна стать полем боя для германских арьергардов. Впереди предстоят еще большие страдания. Италия будет отдана на разграбление и произвол Гитлера, охваченного яростью и жадной мести. Но по мере продвижения армий Британской империи и Соединенных Штатов по Италии итальянский народ будет избавляться от своего рабского со-

¹ В 1939 г. — командующий военно-морскими силами Франции. В 1940 г. — военно-морской министр. В феврале 1941 г. Петен назначил Дарлана своим заместителем, министром иностранных дел, военно-морским министром и министром внутренних дел. В апреле 1942 г. Дарлан был назначен главнокомандующим всеми вооруженными силами Франции. В ноябре 1942 г. Дарлан отправился в Африку, чтобы принять командование войсками Виши, и сдался в плен американцам. Американские власти согласились принять Дарлана как лицо, ответственное за интересы Франции в Северной Африке. В ноябре 1942 г. Дарлан заявил, что он берет на себя, с согласия американских властей, функции верховного комиссара Французской Северной Африки, а в декабре 1942 г. провозгласил себя главнокомандующим. 24 декабря 1942 г. Дарлан был убит французом, участником движения Сопротивления. В 1945 г., по сообщениям печати, были обнаружены документы, из которых явствует, что Дарлан действовал против интересов Франции, и его убийца был посмертно оправдан.

Общественное мнение как в США, так и в Англии выступало с резкой критикой поддержки Дарлана американским и английским правительствами. — *Примеч. ред.*

стояния, выйдет из состояния деградации и получит возможность занять подобающее ему по праву место среди свободных демократий современного мира...

Я заранее знаю, что в связи с моими заявлениями по итальянской проблеме мне наверняка зададут вопрос: «Считаете ли вы возможным придерживаться той же позиции в отношении германского народа?» Я отвечаю: «Это иное дело». Дважды на протяжении жизни нашего поколения и трижды со времен наших отцов германский народ поверг мир в пучину захватнических и агрессивных войн. Он самым ужасным образом сочетает в себе качества воина и раба. Он сам не ценит свободу, и зрелище свободы в других странах ненавистно ему. Как только он становится сильным, он ищет себе жертву, и он пойдет, повинувшись железной дисциплине, за всяким, кто укажет ему эту жертву. Сердце Германии — Пруссия. Вот источник повторяющихся бедствий. Но мы не воюем с народами как таковыми. Мы воюем против тирании, и мы стремимся сами избежать уничтожения. Я убежден, что английский, американский и русский народы, которые дважды на протяжении четверти века понесли неисчислимые потери, пережили страшные опасности и кровопролития из-за тевтонской жадности господства, на этот раз примут меры, чтобы лишить Пруссию и всю Германию, охваченных жаждой мести и мечтающих об исполнении своих давно вынашиваемых планов, возможности снова напасть на них. Нацистская тирания и прусский милитаризм — вот два главных элемента германской жизни, которые нужно, безусловно, уничтожить. Их надо вырвать с корнем, и только тогда Европа и весь мир будут избавлены от третьего и еще более страшного конфликта.

Мне кажутся бесполезными и академичными споры о том, был ли прав Бёрк, когда говорил: «Нельзя осудить целый народ». Перед нами два охваченных и конкретных объекта, против которых мы должны сосредоточить огонь, — нацистская тирания и прусский милитаризм. Направим же против них все оружие и усилия всех боеспособных людей. Мы не должны излишне усложнять нашу задачу и отягощать бремя наших солдат. Государствам-сателлитам, подкупленным или запуганным, если они в силах помочь уменьшить сроки окончания войны, может быть, следует дать возможность загладить свою вину. Но две первопричины всех наших бед — нацистская тирания и прусский милитаризм — должны быть вырваны с корнем. Во имя достижения этой цели мы согласны пойти на любые жертвы и использовать любые насильственные средства. Я хочу подчеркнуть следующее: приобретя на закате жизни некоторое влияние на ход событий, я хочу ясно заявить, что я не намерен без особой нужды затягивать эту войну хотя бы на один день, и я надеюсь, что, когда победа призовет английский народ разделить высокую ответственность за устрой-

ство будущего, мы проявим такую же трезвость и выдержку, какую проявили в час смертельной опасности».

Я считал целесообразным в ходе своего выступления на этот раз сделать серьезное предупреждение о возможности использования против нас самолетов-снарядов или ракет. Не плохо, когда общественное мнение знает, что ты заблаговременно предупредил об опасности, особенно в тех случаях, когда масштаб и серьезность этой опасности нельзя измерить заранее.

«Мы ни в коем случае не должны допускать, чтобы благоприятное развитие событий ослабило наши усилия или внушило нам мысль, что опасность уже миновала и война близится к концу. Напротив, мы должны ожидать, что страшный враг, которому мы наносим такие тяжелые удары, примет отчаянные ответные меры. В речах германских лидеров, начиная с Гитлера, содержатся таинственные намеки на новые средства и новое оружие, которое будет испробовано против нас. Конечно, вполне естественно, что враг распространяет такие слухи для того, чтобы приободрить свой народ, но не исключено, что здесь кроется нечто более серьезное. Так, например, мы сейчас познакомились с новым видом авиационной бомбы, которую противник начал применять против наших судов близ побережья. Эта бомба, которую можно назвать своего рода ракетным планером, выпускается со значительной высоты, а затем, видимо, направляется на цель самолетом, с которого она выпущена. Возможно, что немцы создают и другие виды оружия, основанного на новых принципах, и надеются с его помощью причинить нам ущерб и в какой-то мере компенсировать тот урон, который мы наносим им каждодневно. Я могу лишь заверить палату, что мы постоянно находимся на чеку и внимательно изучаем вопрос об оружии, которое может быть применено против нас».

Я также изложил свой взгляд на политическое положение Италии, имея в виду, в частности, новый печальный факт — распространение жестокой гражданской войны в этой несчастной стране.

«Бегство Муссолини в Германию, его спасение парашютистами и его попытка создать квислинговское правительство, которое при помощи германских штыков попытается вновь надеть фашистское ярмо на шею итальянского народа, подняли в Италии проблему гражданской войны. Как в общих интересах, так и в интересах Италии необходимо, чтобы все еще способные действовать силы итальянской национальной жизни сплотились вокруг своего законного правительства и чтобы король и маршал Бадольо были поддержаны всеми либеральными

и левыми элементами, способными противостоять фашистско-квислинговской комбинации и тем самым создать условия, которые помогли бы изгнать это отвратительное порождение с итальянской земли или, что еще лучше, уничтожить его на месте. Мы идем на помощь Италии и добьемся ее освобождения. Мы не намерены сходить с намеченного пути под влиянием опасений, что мы не встретим полного единодушия в этом вопросе».

Эти доводы убедили палату, и серьезных возражений не было.

В тот день, когда я произнес эту длинную речь, я и мои коллеги понесли очень тяжелую и неожиданную утрату — скоропостижно скончался наш министр финансов Кингсли Вуд.

Я нашел достойного преемника Вуду в лице сэра Джона Андерсона, который в то время был лордом-председателем совета. Он обладал острым и могучим умом, непреклонной волей и имел длительный опыт выполнения самых разнообразных обязанностей. О его назначении было объявлено 24 сентября¹.

* * *

Если не считать нескольких бесед на палубе, которые я вел с сэром Дадли Паундом, я очень мало виделся с ним по пути домой, и он все время проводил у себя в каюте. Когда мы ехали поездом в Лондон, он направил мне письмо, в котором официально просил отставки с поста начальника военно-морского штаба, от обязанностей которого я освободил его в Вашингтоне, когда его болезнь стала очевидной. Вопрос о его преемнике требовал тщательного рассмотрения. Военно-морской министр Александер предложил кандидатуру адмирала сэра Эндрю Кэннингхэма². Его место занял его подчиненный адмирал Джон Кэннингхэм³. Об этом изменении было официально объявлено 4 октября.

Я не хочу перегружать свой рассказ деталями и поэтому не привожу подробной переписки с Соединенными Штатами и Португалией, которая привела к соглашению об использовании английскими и американскими кораблями и авиацией крайне важных в стратегическом отношении Азорских островов. Все устроилось самым удовлетворительным образом, и 12 октября я смог доложить парламенту:

«Правительство его величества в Соединенном Королевстве попросило португальское правительство предоставить ему не-

¹ Заместителем премьер-министра и лордом-председателем совета был назначен К. Эттли. — *Примеч. ред.*

² Командующий средиземноморским флотом. — *Примеч. ред.*

³ До назначения на пост командующего средиземноморским флотом союзников Джон Кэннингхэм командовал английским флотом в восточной части Средиземного моря. — *Примеч. ред.*

которые возможности на Азорских островах, которые обеспечат лучшую защиту для торгового судоходства в Атлантическом океане. Португальское правительство согласилось удовлетворить эту просьбу, и между двумя правительствами было заключено соглашение, вступающее в силу немедленно, относительно: 1) условий использования вышеуказанных возможностей правительством его величества в Соединенном Королевстве и 2) английской помощи поставками важнейших материалов и товаров для нужд португальских вооруженных сил и в интересах поддержания португальской национальной экономики. Соглашение об использовании Азорских островов носит временный характер и ни в коей мере не затрагивает португальского суверенитета над португальской территорией».

Несмотря на то что я был занят с утра до вечера, я счел целесообразным теперь, когда наша окончательная победа казалась гарантированной, поразмыслить и над теми проблемами, которые должны были встать перед нами после победы. Эту главу можно завершить двумя заметками, которые я набросал для своих коллег, имея в виду проблемы, уже вырисовывавшиеся на горизонте.

ВОЙНА — ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД — МИР

Меморандум премьер-министра и министра обороны

19 октября 1943 года

«1. Долг правительства его величества подготовиться к решению задач, которые встанут перед нами в конце войны. Настоятельные нужды таковы: а) разумная схема демобилизации с учетом несомненной необходимости содержания значительных гарнизонов на оккупированных территориях противника; б) обеспечение нашего острова продовольствием в большем количестве, чем во время войны; в) возобновление экспортной торговли и восстановление нашего торгового флота; г) общий перевод промышленности с военных на мирные рельсы и прежде всего д) обеспечение в переходный период работой всех трудоспособных людей, ищущих работу, в особенности бывших военнослужащих.

Решения, необходимые для достижения главных целей — обеспечения продовольствием и работой в годы непосредственно после окончания войны, — должны быть приняты уже сейчас, независимо от того, требуют ли они законодательного оформления и вызывают ли они разногласия.

2. Соответствующие министерства и комитеты уже сделали большую работу в этом направлении. Мы должны стараться не препятствовать решению этих срочных прак-

нических задач, не отодвигать их на задний план из соображений партийной политики и не задерживать их бесконечными дискуссиями о планах на более длительный период, рассчитанных на создание нового мирового порядка, и т. п.

3. Фактически существуют три стадии, а именно: война, переходный период, мир и свобода. Нынешнее правительство и парламент полностью правомочны провести всю необходимую подготовку к переходному периоду, и на нас ляжет суровая ответственность, если это не будет сделано. Необходимо как можно скорее в переходный период (а для этого нужно сделать все приготовления) провести всеобщие выборы, чтобы избиратели могли высказаться относительно формы, которую следует придать нашему обществу после войны и после переходного периода.

4. Мы не знаем, будут ли проводиться эти выборы по согласованной программе партиями, ныне составляющими коалиционное правительство, или лидер большинства в нынешней палате общин будет вынужден предложить избирателям свою собственную программу. В любом случае вероятно, что будет провозглашен четырехлетний план, который, помимо осуществления колоссальных административных мероприятий, требующих в переходный период, будет включать также целый ряд важных решений о прогрессе и реформах, которые в том или ином отношении определяют облик послевоенного и после-переходного периодов. Поэтому у нового парламента не будет недостатка в работе.

5. Существует целый ряд важных проблем, таких, как просвещение, социальное обеспечение, восстановление наших разрушенных жилищ и городов, в отношении которых можно добиться значительной доли общего согласия уже в настоящее время. Эти меры необходимо в значительной степени подготовить сейчас, во время войны, приняв необходимое предварительное законодательство, которое могло бы вступить в силу в первые же дни переходного периода.

6. Невозможно сказать, сколько времени будет продолжаться война против Японии после окончания войны против Германии. Было бы, пожалуй, целесообразно в качестве рабочей основы установить переходный период в два года после поражения Германии или в четыре года, считая с 1 января 1944 года; будущее покажет, какой из этих сроков окажется более ранним».

Месяц спустя я решил назначить министра реконструкции, ведомство которого должно явиться средоточием всех планов переходного периода. 12 ноября на эту должность был назначен лорд Вултон, бывший до того министром продовольственного снабжения.

НАПРЯЖЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ
С ГЕНЕРАЛОМ ДЕ ГОЛЛЕМ

В течение лета 1943 года отношения между английским правительством и генералом де Голлем ухудшились. Мы прилагали все силы к тому, чтобы сплотить французов всех партий в Алжире, и я постоянно настаивал на том, чтобы американцы признали де Голля в качестве ведущей фигуры при политическом урегулировании, которое и мы, и американцы старались ускорить. В напряженной обстановке, в которой развивались французские дела после подписания соглашения между Кларком¹ и Дарланом и появления Жиро², де Голль стал еще более непримирим, чем когда бы то ни было. Его позиция укрепилась за последние недели. У него было много сторонников в Тунисе, который теперь находился в руках союзников. Известия, поступавшие из самой Франции, наряду с созданием там подпольного центрального комитета свидетельствовали о его престиже и о размахе деголлевского движения. Учитывая эти обстоятельства, Жиро согласился встретиться со своим соперником в Северной Африке.

30 мая де Голль прибыл в Алжир, и начались резкие и трудные переговоры с целью создания Единого временного комитета

¹ В то время — генерал-майор, командующий американскими сухопутными силами на Европейском театре военных действий. Соглашение Кларк — Дарлан было заключено 22 ноября 1942 г. Три основных его статьи предусматривали, что: 1) союзное командование будет осуществлять контроль над портами Северной Африки; 2) союзное командование будет осуществлять контроль над телеграфной и почтовой связью и железными дорогами; 3) англо-американским властям предоставляется право прямой реквизиции.

15 мая 1944 г. де Голль заявил, что соглашение Кларк — Дарлан представляет собой посягательство на французский суверенитет и Франция не считает себя связанной им. — *Примеч. ред.*

² Французский реакционный политический и военный деятель, генерал. До Второй мировой войны служил главным образом в колониальных войсках. В мае 1940 г., во время вторжения гитлеровцев во Францию, был взят в плен. В апреле 1942 г. бежал из плена в «неокупированную зону» Франции, где поддерживал тесные отношения с главой предательского правительства Виши Петеном и представителями США при этом правительстве. Накануне высадки англо-американских войск в Северной Африке в ноябре 1942 г. был вывезен англо-американской разведкой в Алжир, а после занятия англо-американскими войсками Французской Северной Африки назначен 17 ноября 1942 г. командующим французскими войсками в Северной Африке. 27 декабря 1942 г. Жиро стал преемником адмирала Дарлана на посту верховного комиссара Франции в Северной Африке. Жиро проводил политику сохранения реакционного вишистского режима. После образования в июне 1943 г. в Алжире Французского комитета национального освобождения председателями комитета были назначены де Голль и Жиро. В ноябре 1943 г. Жиро был удален с поста председателя ФКНО, а в апреле 1944 г. — с поста командующего вооруженными силами Франции. В дальнейшем значительной политической роли не играл. — *Примеч. ред.*

для руководства делами «Сражающейся Франции». Споры концентрировались вокруг трех главных вопросов: возложения на Жиро верховной гражданской и военной власти; официального утверждения суверенитета «Сражающейся Франции», к чему стремился де Голль и что нарушило бы букву соглашения, заключенного Дарланом с генералом Марком Кларком в ноябре 1942 года, и вопроса о бывших правителях Виши, которые занимали видные посты в Северной Африке, в частности о Ногесе¹, Пейрутоне² и Буассоне³. Последний был объектом особых нападок. Де Голль не мог простить ему события 1940 года в Декаре⁴.

Трения в Алжире возрастали по мере того, как затягивались эти резкие переговоры. Однако днем 3 июня было достигнуто соглашение и был создан Французский комитет национального освобождения, в который вошли Жиро и де Голль, генералы Катру⁵ и Жорж⁶ и некоторые члены деголлевского комитета в Лондоне, который был распущен, когда де Голль выехал в Северную Африку. Бывшие правители Виши не вошли в состав нового органа, который теперь должен был стать центральным временным административным органом «Сражающейся Франции» и ее империи до конца войны.

¹ В то время — главнокомандующий французскими вооруженными силами в Марокко. — *Примеч. ред.*

² В 1940 г. — министр внутренних дел в кабинете Петена. В 1941 г. был назначен послом в Аргентине, осенью 1942 г. отозван с этого поста. Выехав из Аргентины, направился в Северную Африку и представил себя в распоряжение правительства США. В январе — июне 1943 г. — генерал-губернатор Алжира. В конце 1943 г. был арестован ФКНО по обвинению в государственной измене. В 1948 г. оправдан. Принадлежал к ближайшему окружению Петена. — *Примеч. ред.*

³ В 1941—1942 гг. — генерал-губернатор Французской Западной Африки. В ноябре 1942 г. заявил о том, что становится на сторону «Свободной Франции». В конце 1943 г. ему было предъявлено со стороны ФКНО обвинение в государственной измене. — *Примеч. ред.*

⁴ 23—25 сентября 1940 г. — неудавшаяся попытка вооруженных сил «Свободной Франции» и английских войск захватить Дакар (административный центр Французской Западной Африки). В то время Буассон был верховным комиссаром Французской Западной Африки. — *Примеч. ред.*

⁵ Генерал, дипломат. С августа 1939 г. занимал пост генерал-губернатора Индокитая. Летом 1940 г. прибыл в Лондон и присоединился к движению «Свободная Франция». Де Голль назначил Катру своим представителем на Ближнем Востоке и на Балканах. После освобождения Сирии, с июля 1941 г., стал осуществлять функции французского верховного комиссара в Бейруте. В июне 1943 г. Катру был назначен членом комитета национального освобождения и генерал-губернатором Алжира. В сентябре 1944 г. назначен министром по делам Северной Африки в кабинете де Голля. В декабре 1944 г. — марте 1948 г. — посол в СССР. В 1951 г. избран депутатом Национального собрания. — *Примеч. ред.*

⁶ Генерал. В 1939—1940 гг. командовал французскими войсками в Северо-Восточной Франции. В мае 1943 г. прибыл в Алжир, присоединился к Жиро и в течение нескольких месяцев был членом Французского комитета национального освобождения. — *Примеч. ред.*

Читатель припомнит, что во время этих переговоров о судьбе Франции я был в Северной Африке с генералом Маршаллом и совещался там с генералом Эйзенхауэром, а перед своим отъездом я пригласил членов нового комитета на завтрак. Возвратившись в Лондон, я получил телеграмму от президента Рузвельта, в которой он выражал беспокойство. «Я хочу подать Вам мысль, — писал он 5 июня, — что Северная Африка в конечном счете находится под англо-американским военным управлением и что поэтому Эйзенхауэра можно использовать в наших с Вами интересах. Невеста, видимо, забывает, что война еще идет. Мы получаем сведения только о невесте. Что случилось с англо-американской информационной службой? Желаю скорейшего извещения от нашей общей неприятности».

В ответ на эту телеграмму я сообщил президенту о своем впечатлении от поездки в Алжир:

Бывший военный моряк — президенту Рузвельту

6 июня 1943 года

«1. Мы пригласили весь французский комитет на завтрак в пятницу (4 июня), и все, казалось, были настроены в высшей степени дружелюбно. Генерал Жорж, которого я вытащил из Франции месяц назад и который является моим личным другом, служит великой поддержкой Жиро. Если де Голль будет несговорчивым и неразумным, он окажется в меньшинстве, имея два голоса против пяти, а может быть, и вообще будет изолирован. Таким образом, комитет — это орган, несущий коллективную ответственность, с которым по-моему, мы можем спокойно работать.

2. Я считаю, что создание этого комитета кладет конец моей официальной связи с де Голлем, которая была установлена в результате обмена письмами с ним в 1940 году и на основании некоторых других документов более позднего времени, и я предлагаю, насколько это необходимо, передать эти взаимоотношения, как финансовые, так и всякие прочие, комитету в целом. Хотя я считаю, что комитету можно спокойно доверить вооружение и материалы, все же, мне кажется, мы должны посмотреть, как они будут вести свои дела и какой позиции будут придерживаться сами лично, прежде чем решить, в какой степени мы можем признать их как представителей Франции. Макмиллан¹ и Мэрфи² работают в тесном

¹ В то время — английский министр-резидент при штабе союзников в Северной Африке. — *Примеч. ред.*

² В то время — личный представитель Рузвельта в Северной Африке. — *Примеч. ред.*

согласии и будут полностью информировать Эйзенхауэра, который обладает верховной и окончательной властью.

3. Я буду решительно возражать против отставки Буассона с его поста».

* * *

Но споры не прекратились. Де Голль не желал соглашаться с назначением Жиро верховным командующим французскими вооруженными силами. Жиро стремился не допускать влияния «свободных французов» на французскую армию в Северной Африке. Эта позиция де Голля в вопросе о военном командовании усугубляла недовольство американцев де Голлем и недоверие к нему.

Президент Рузвельт — премьер-министру

17 июня 1943 года

«Привожу изложение телеграммы, которую я послал сегодня генералу Эйзенхауэру:

«Позиция правительства заключается в том, что во время нашей военной оккупации Северной Африки мы не потерпим контроля над французской армией со стороны какого бы то ни было органа, который не подчиняется руководству верховного командующего союзников. Мы должны иметь кого-то, кому мы целиком и полностью доверяем. Мы ни при каких обстоятельствах не будем продолжать вооружение армии, не будучи вполне уверены в ее готовности участвовать в наших военных операциях. Кроме того, мы не заинтересованы в создании какого бы то ни было правительства или комитета, который так или иначе собирается дать понять, что до тех пор, пока французский народ не изберет себе правительства, Францией будет управлять он. Когда мы прибудем во Францию, союзники будут иметь план создания гражданского правительства, вполне соответствующий французскому суверенитету. И наконец, должно быть абсолютно ясно, что мы осуществляем военную оккупацию в Северной и Западной Африке и что поэтому без Вашего полного согласия не может быть принято никакое самостоятельное решение по вопросам гражданского управления».

* * *

Эти телеграммы президента вскрыли такую всевозрастающую враждебность к действиям де Голля в Алжире, что я опасался за судьбу отношений союзников со «свободными французами» вообще. Американцы заняли такую позицию, при которой они могли отказаться признать любой временный административный орган, если бы у них возникло подозрение, что де Голль будет иметь в нем доминирующее влияние и это опреде-

ленным образом скажется на судьбе Франции после войны. Было важно устранить опасения американцев в отношении военной проблемы и в то же время сохранить новый временный комитет.

Бывший военный моряк — президенту Рузвельту

18 июня 1943 года

«...В данный момент я не стою за роспуск комитета из семи членов или за то, чтобы запретить ему собираться. Я предпочел бы, чтобы генерал Эйзенхауэр воспринял Ваши указания как директиву и чтобы Мэрфи и Макмиллан добились их осуществления любыми средствами, какие они сочтут целесообразными. Правительство его величества поддержит эту политику.

Тогда перед комитетом станет выбор: либо принять наше решение большинством голосов, либо встать в определенную оппозицию к двум державам, спасающим Францию. Если решение будет принято большинством, а это представляется возможным, то де Голлю придется решить, подчиниться ли — а вместе с ним должны будут подчиниться и другие недовольные — или выйти в отставку. Если де Голль уйдет в отставку, то он этим повредит себе в глазах общественного мнения, и нужно принять все необходимые меры, чтобы помешать ему вызвать неурядицы. Если он подчинится, то у нас, пожалуй, еще будут неприятности в будущем, но все же это будет лучше, чем если мы распустим комитет, на который возлагают много надежд как среди Объединенных Наций, так и во Франции. Мы должны поставить условия, необходимые для безопасности наших сил, и возложить ответственность на де Голля. Во всяком случае было бы разумно сначала испробовать это средство».

* * *

Отношение американцев к политической обстановке, создавшейся среди французов в Северной Африке, отчасти определялось военной необходимостью. Спор из-за де Голля возник в условиях подготовки к высадке в Сицилии. Ссора из-за верховного командования французскими войсками, вызванная де Голлем, произошла в весьма критический момент. Какая бы договоренность ни существовала в прошлом между английским правительством и де Голлем, нельзя было допускать, чтобы она повредила нашим отношениям с Соединенными Штатами.

Бывший военный моряк — президенту Рузвельту

21 июля 1943 года

«Министерство иностранных дел и мои коллеги по кабинету, а также сами обстоятельства оказывают на меня значительный нажим в пользу «признания» Алжирского комитета национального освобождения. Что означает признание? Человека можно

признать императором или бакалейщиком. Признание бессмысленно без определенной формулы. До тех пор пока де Голль не отправился в Северо-Западную Африку и не был создан новый комитет, все отношения наши велись с ним и его комитетом. 8 июня я заявил в парламенте, что «создание этого комитета как коллективного органа пришло на смену положению, созданному в результате переписки между генералом де Голлем и мной в 1940 году. Наши отношения, финансовые и прочие, отныне будут вестись с комитетом в целом». Я был рад этому, потому что предпочитал иметь дело со всем комитетом, а не с одним де Голлем. В течение многих месяцев я старался убедить или вынудить де Голля «включиться в комитет». Мне кажется, это в значительной мере достигнуто в силу нового соглашения. Макмиллан неоднократно сообщал нам, что комитет приобретает коллективную власть и что де Голль отнюдь не господствует в нем. Он сообщает нам также, что если комитет распадется, а это произойдет, если его оставить без всякой поддержки, то де Голль снова станет единственным человеком, который будет контролировать все, за исключением сферы полномочий, осуществляемых Жиро под руководством вооруженных сил Соединенных Штатов в Северо-Западной Африке и Дакаре. Макмиллан настойчиво рекомендует признать в какой-либо степени комитет. Он сообщает, что Эйзенхауэр и Мэрфи согласны с этим...

Поэтому наступает момент, когда мне, возможно, придется пойти на этот шаг в вышеизложенных интересах Великобритании и англо-французских отношений. Если я это сделаю, то и Россия, конечно, признает (его), и я опасаясь, не вызовет ли это затруднений для Вас.

Поэтому я надеюсь, что Вы дадите мне знать: а) можете ли Вы присоединиться к нашей формуле или к чему-нибудь в этом роде либо б) не будете ли Вы возражать, если правительство его величества сделает этот шаг независимо от Вас. У меня нет никаких сомнений в том, что первое будет гораздо лучше. В комитете много хороших людей — Катру, Массигли, Моннэ, Жорж и, конечно, Жиро, который прибыл сюда вчера. Он определенно поднимет все эти вопросы в такой форме, чтобы добиться их решения».

Но было совершенно очевидно, что американцы не хотят признать алжирский комитет в том составе, в каком он был сформирован. Жиро ездил в Соединенные Штаты и вел там переговоры о снабжении вооружением французской армии в Северной Африке. Его пребывание там отнюдь не утихомирило деголлевцев.

Предстояла Квебекская конференция, которую я уже описал. Тем временем мы зашли в тупик.

Президент Рузвельт — премьер-министру

4 августа 1943 года

«Я горячо надеюсь, что не будет принято никаких мер в отношении признания комитета национального освобождения, пока мы не будем иметь возможности обсудить это совместно».

Только в результате упорных переговоров я смог убедить американцев сделать заявление общего характера в поддержку политических мероприятий, уже определившихся в Северной Африке.

Премьер-министр, Квебек — Макмиллану, Алжир

25 августа 1943 года

«1. После длительных и трудных дискуссий мы достигли целого ряда, мне кажется, удовлетворительных решений о признании. Мы сочли, что будет лучше, если мы все выразим наши мысли собственными силами, а не в совместной декларации Соединенных Штатов и Соединенного Королевства».

На следующий день было сообщено о признании французского национального комитета; этот акт знаменовал собой окончание целого этапа, и, хотя французские лидеры не были привлечены ни к переговорам о перемирии с Италией, ни к участию в средиземноморской комиссии, которая была впоследствии создана для решения итальянских дел, они отныне вступали в официальные отношения с союзниками в качестве представителей Франции.

* * *

Борьба за власть между де Голлем и Жиро продолжалась с неослабевающей силой, и возникали частые столкновения из-за назначений на гражданские и военные посты.

В течение октября продвинулось составление плана созыва временной консультативной ассамблеи для расширения базы французской администрации.

Положение Жиро становилось все более шатким. Его поддерживали лишь некоторые армейские круги, которые ценили доброжелательство американцев, но в роли одного из председателей национального комитета Жиро быстро терял эту поддержку.

Де Голль проявил себя несравненно более сильной личностью. 3 ноября ассамблея впервые собралась в Алжире. Во французских политических кругах создавался зародыш будущего правительства. 8 ноября, ровно через год после высадки в Се-

ерной Африке, Жиро вышел из состава комитета национально-ю освобождения, но сохранил за собой пост главнокомандующе-ю французскими силами. Меня встревожили возможные последствия этих событий. Будущее единство Франции требова-ло создания какого-то равновесия между враждующими.

Поэтому я телеграфировал президенту:

Премьер-министр — президенту Рузвельту

10 ноября 1943 года

«Я отнюдь не доволен изменениями во Французском комитете национального освобождения, единственным председа-тслем которого остался де Голль. Орган, который мы признали, был совершенно иного характера, поскольку его отличительной чертой было совместное председательствование Жиро и де Гол-ля. Я предлагаю занять абсолютно сдержанную позицию, пока мы не сможем совместно обсудить положение».

На пути через Каир на Тегеранскую конференцию я на-деялся примирить соперничающих генералов.

Мой план расстроило грубое, приведшее к трагическим по-следствиям поведение властей «свободных французов» в Сирии. В конце 1941 года «свободные французы» провозгласили фор-мальную независимость Сирии и Ливана. Мы признали эти ре-спублики, и в феврале 1942 года Эдуард Спирс был направлен туда в качестве английского посланника. Однако в течение года не было достигнуто никаких успехов. В обеих странах произошли смены правительств, но выборы не были проведены. Антифран-цузские настроения усиливались. В марте 1943 года были назна-чены временные правительства. На выборах в июле и августе подавляющее большинство населения в обеих республиках вы-разило националистические чувства. Большинство требовало полного пересмотра конституции, закреплявшей положение страны как подмандатной территории. Слабость властей «свобод-ных французов» привела к тому, что местные политические де-ятели, мало верившие обещаниям французов предоставить этим странам независимость после войны, стремились выступить. 7 октября правительство Ливана предложило упразднить фран-цузские права и привилегии в республике. Месяц спустя комитет «свободных французов» в Алжире поставил под сомнение право ливанцев действовать таким посторонним образом. М. Элле, заместитель генерала Катру, возвратился из Алжира и отдал приказ об аресте президента Ливана и большинства министров, тем самым вызвав беспорядки, которые привели к кровопроли-тию, главным образом в Бейруте. Английский кабинет был встревожен этими событиями.

Меры, принятые французами, свели на нет соглашение, которое мы заключили с ними, а также с сирийцами и ли-

ванцами. Они противоречили Атлантической хартии и всему тому, что мы провозглашали. Нам казалось, что это положение будет неправильно воспринято на всем Среднем Востоке и в арабском мире и что люди повсюду будут говорить: «Что это за Франция, которая сама, будучи поработана врагом, старается поработить других?»

Поэтому я считал, что английское и американское правительства должны вместе решительно реагировать на эти события. И без того характер органа, который мы признали в Квебеке, совершенно изменился в результате принятия на себя де Голлем всей полноты власти. Но события в странах Леванта носили иной характер и давали все основания, учитывая к тому же поддержку со стороны мирового общественного мнения, поставить вопрос перед де Голлем и добиться его решения. Я считал, что арестованные ливанский президент и министры должны быть освобождены, им должно быть разрешено осуществлять свои полномочия, а ливанская ассамблея снова должна собраться, как только будет гарантировано соблюдение законности и порядка. Если де Голль не захочет сразу же сделать это, мы должны взять обратно признание Французского комитета национального освобождения и перестать вооружать французские войска в Северной Африке.

16 ноября из Алжира в качестве посредника прибыл генерал Катру, а 22 ноября французские власти освободили арестованных политических деятелей, и начались длительные переговоры о предоставлении окончательной независимости Сирии и Ливану.

Эти инциденты повлияли на наши отношения с комитетом «свободных французов» и генералом де Голлем. Результат целого года наших усилий выработать единую политику, основанную на подлинном чувстве дружбы между США, Англией и руководителями «свободных французов», был весьма безотрадным.

Глава одиннадцатая

СЛОМАННАЯ ОСЬ

Осень 1943 года

Попытка Муссолини восстановить фашистский режим ввергла Италию в пучину гражданской войны. В течение нескольких недель, последовавших за перемирием, заключенным в сентябре, офицеры и солдаты итальянской армии в оккупированной немцами Северной Италии и патриоты в городах и деревнях создавали партизанские отряды, чтобы действовать против немцев и против своих соотечественников, еще поддер-

живавших дуче. Была установлена связь с союзными армиями южнее Рима и с правительством Бадольо. В эти месяцы в условиях ожесточенной гражданской войны, убийств и расправ была создана сеть итальянского сопротивления германской оккупации. Повстанческое движение в Центральной и Северной Италии, как и повсюду в оккупированной Европе, затронуло все классы населения.

* * *

С момента подписания перемирия и после того, как итальянский флот смело присоединился к союзникам, я считал себя обязанным сотрудничать с королем Италии и маршалом Бадольо, по крайней мере до тех пор, пока Рим не будет оккупирован союзниками и мы не сможем создать действительно широкое итальянское правительство, которое вело бы войну вместе с нами. Я был убежден, что король Виктор Эммануил и Бадольо смогут сделать больше для дела, которое теперь стало общим, чем любое итальянское правительство, созданное из эмигрантов или противников фашистского режима. Капитуляция итальянского флота была великим доказательством эффективности их власти. С другой стороны, выдвигались обычные доводы против сотрудничества с теми, кто работал с Муссолини или помогал ему, и сейчас же начались сложные интриги среди шести или семи партий левого толка в Риме, стремившихся освободиться от короля и Бадольо и захватить власть в свои руки. Учитывая критический характер борьбы и крайнюю необходимость привлечения Италии к добровольной борьбе на нашей стороне, я противился этим движениям всякий раз, когда мне становилось известно о них. В этом меня поддержал маршал Сталин, который считал, что для того, чтобы перейти мост, можно взять в союзники хоть дьявола.

* * *

Рассмотрев предложения, полученные от Макмиллана из Алжира и от генерала Эйзенхауэра, я телеграфировал президенту, спрашивая его мнение:

Премьер-министр — президенту Рузвельту

21 сентября 1943 года

«...Я и мои коллеги в военном кабинете пришли к следующему заключению.

Весьма важно поддержать авторитет короля и властей Бриндизи как правительства и достигнуть единства командования по всей Италии. Несмотря на выступление Бадольо по радио сегод-

ня, мы все же считаем, что король должен выступить перед микрофоном в Бари, сообщить итальянскому народу, что он там, и объявить, что Бадольо возглавляет законное правительство Италии, находящееся под его верховным руководством. Это необходимо не только для итальянского народа, но и для итальянских представителей и гарнизонов за границей.

Королю и Бадольо необходимо сообщить, что они должны создать как можно более широкое антифашистское коалиционное правительство. В этот критический момент необходимо сплотить все здоровые элементы, которые могут принести какую-нибудь пользу. Эти моменты должны быть разъяснены королем в его выступлении по радио. Было бы весьма полезно, если бы граф Сфорца¹ и профессора, которые претендуют на представительство шести партий, захотели присоединиться к этим общим усилиям. Однако необходимо дать ясно понять, что ни одно из этих временных мероприятий, продиктованных военной необходимостью, не помешает итальянскому народу впоследствии свободно выбрать такое демократическое правительство, какое он предпочтет.

Предоставление правительству Бадольо статуса союзника не входит в наши ближайшие планы. Достаточно предоставить ему статус совместно воюющей стороны. На такой основе мы должны стремиться к постепенному превращению Италии в действенную национальную силу, выступающую против Германии, но, как мы говорили, она должна загладить свою вину. При определении условий перемирия нами будут учтены услуги, оказанные в борьбе против врага. Мы ожидаем, что Бадольо, со своей стороны, будет продолжать действовать в интересах союзников на основе перемирия. Мы будем придерживаться принципа оплаты в зависимости от результатов. Бадольо следует предоставить право объявить войну Германии, а сделав это, он сразу же станет если не союзником, то совместно воюющей стороной.

Бадольо можно сказать, что мы не собираемся создавать всюду союзническое военное управление. Если он будет сотрудничать, мы готовы передать территорию его правительству, как только она будет освобождена от врага. Это предложение касается исторической территории Италии, Сицилии и Сардинии. Отношения Объединенных Наций с итальянским правительством на территориях, которыми ему будет разрешено управлять, будут осуществляться через контрольную комиссию.

Нам было бы гораздо легче, если бы сейчас можно было подписать исчерпывающий документ о капитуляции, хотя и несколько устаревший. Правда, многие статьи правительство

¹ Итальянский политический деятель, находившийся в то время в эмиграции в США. — *Примеч. ред.*

Бриндизи в его нынешнем положении не сможет выполнить. Но по мере того как мы будем продвигаться на север полуострова и передавать территорию итальянскому правительству, возможность выполнения обязательств станет реальной. Мы не хотим ставить себя в положение, при котором нам придется торговаться с правительством по поводу каждого нашего требования. Чем дольше мы будем оставлять этот вопрос нерешенным, тем труднее нам будет добиться подписания этого документа, и поэтому я надеюсь, что Эйзенхауэр получит подпись Бадольо под ним как можно скорее на основе, предложенной в телеграммах министра иностранных дел.

Об этом плане следует сейчас же сообщить королю и Бадольо. Прежде всего важно, чтобы король выступил с вышеуказанным заявлением. Для этого, конечно, не нужно ожидать окончательного детального определения политики».

Не успев получить мое послание, президент послал мне следующую телеграмму:

Президент Рузвельт — премьер-министру

21 сентября 1943 года

«Я направляю следующую телеграмму генералу Эйзенхауэру, как только Вы дадите свое согласие:

«Ввиду положения, создавшегося в Италии, необходимо действовать как можно скорее.

1. Вы воздержитесь от определения долгосрочных условий перемирия впредь до дальнейших указаний.

2. В зависимости от требований военной обстановки Вы уполномочиваетесь время от времени делать рекомендации для облегчения условий военного перемирия, чтобы, таким образом, предоставить итальянцам возможность в меру их сил вести войну против Германии.

3. Если нынешнее правительство Италии объявит войну Германии, ему должно быть разрешено, при соблюдении условий, содержащихся в нижеследующем четвертом параграфе, продолжать действовать в качестве правительства Италии и в качестве такового к нему следует относиться как к совместно воюющей стороне в войне против Германии. При этом определено предполагается, что народ Италии имеет неотъемлемое право решить, какую форму правления он будет иметь в конечном счете, и что вопрос об окончательной форме правления в Италии будет решен после изгнания немцев с итальянской территории.

4. Функции союзной военной администрации и соответствующие функции Союзной контрольной комиссии будут, как только это станет возможно, переданы Союзной комиссии, возглавляемой главнокомандующим союзными войсками, которому будет поручено контролировать и время от времени инст-

руктировать правительство Бадольо по военным, политическим и административным вопросам.

5. Вы будете поощрять всеми доступными способами решительное использование под Вашим руководством итальянских вооруженных сил против Германии».

Мне казалось, что наши две телеграммы не противоречили друг другу ни в одном важном пункте, если не считать вопроса об отсрочке определения длительных условий перемирия. В этом я уступил президенту, и мы договорились, что эта телеграмма должна быть послана генералу Эйзенхауэру в качестве директивы от нас обоих.

* * *

14 сентября Муссолини встретился с Гитлером впервые после своего «освобождения». В последующие дни оба они обсуждали, как продлить жизнь итальянского фашизма в районах Италии, еще оккупированных германскими войсками. 15 сентября дуче объявил, что он вновь взял на себя руководство фашизмом и что новая республиканско-фашистская партия, избавленная и очистившаяся от предательских элементов, создаст достойное доверия правительство на Севере. Один момент казалось, что старая система, нарядившаяся в псевдореволюционные одежды, может вновь ожить. Но результаты разочаровали немцев. Весьма показательно замечание Геббельса, относящееся к этому времени:

«Дуче не извлек моральных выводов из итальянской катастрофы, которую предвидел фюрер. Естественно, он был слишком рад видеть фюрера и снова оказаться на свободе. Но фюрер ожидал, что дуче прежде всего расправится со своими предателями. То, что он этого не сделал, говорит о его подлинной ограниченности. Он не революционер, подобно фюреру или Сталину. Он настолько привязан к своему итальянскому народу, что у него отсутствует размах мирового революционера и мятежника»¹.

Но пути к отступлению не было. Начались серенькие «100 дней» Муссолини. В конце сентября он основал свой штаб на берегу озера Гарда. Это жалкое призрачное правительство извещено под названием «Республика Сало». Здесь разыгралась жалкая трагедия. Человек, более 20 лет бывший диктатором и законодателем Италии, находился вместе со своей любовницей в руках германских хозяев, целиком подчинялся их воле и был отрезан от внешнего мира тщательно отобранными германской охраной и врачами.

¹ The Goebbels Diaries. P. 378.

Капитуляция Италии застала итальянские армии на Балканах врасплох, и многие итальянские части оказались в отчаянном положении, будучи зажаты между местными партизанскими силами и мстительными немцами. Началась жестокая расправа. Итальянский гарнизон на острове Корфу, насчитывавший более семи тысяч человек, был почти целиком истреблен своими бывшими союзниками. Итальянские войска на острове Кефалония держались до 22 сентября. Многие из уцелевших были расстреляны, а остальные депортированы. Некоторым гарнизонам Эгейских островов удалось небольшими группами бежать в Египет. В Албании, на далматинском побережье и в Югославии некоторые части присоединились к партизанам. Чаще солдат направляли на принудительные работы, а офицеров расстреливали. В Черногории большая часть двух итальянских дивизий была переформирована Тито в «дивизию Гарибальди», которая понесла тяжелые потери в конце войны. На Балканах и в Эгейском море итальянские армии потеряли после перемирия 8 сентября почти 40 тысяч человек, не считая тех, кто умер в концентрационных лагерях.

* * *

Я объяснил положение и нашу политику Сталину:

Премьер-министр — премьеру Сталину

21 сентября 1943 года

«Теперь, когда Муссолини поставлен немцами в качестве главы так называемого республиканского фашистского правительства, важно парировать этот шаг, сделав все, что мы сможем, для усиления власти короля и Бадольо, которые подписали с нами перемирие и с тех пор, насколько они это могли, верно выполняли его и выдали большую часть своего флота. Кроме того, исходя из военных соображений, мы должны мобилизовать и сконцентрировать в Италии все силы, которые желают бороться или по крайней мере оказывать сопротивление немцам. Они уже активно действуют.

Я предлагаю поэтому рекомендовать королю обратиться по радио к итальянскому народу с призывом сплотиться вокруг правительства Бадольо и объявить о своем намерении создать антифашистское коалиционное правительство на широкой основе, причем подразумевается, что не будет предпринято ничего такого, что могло бы помешать итальянскому народу решить, какую форму демократического правительства он будет иметь после войны.

Должно быть также сказано, что полезные услуги армии итальянского правительства и народа, направленные против

врага, будут приняты во внимание при разработке и осуществлении перемирия; но что, хотя итальянскому правительству предоставляется свобода в отношении объявления войны Германии, это не сделает Италию союзником, а сделает ее лишь совместно воюющей стороной.

В то же время я хочу настоять на подписании исчерпывающих условий перемирия, которые все еще не осуществлены, хотя некоторые из этих условий не могут вступить в силу в настоящий момент. Взамен Бадольо было бы обещано, что союзные правительства намерены передать Сицилию и Сардинию и исторический материк Италии, как только он будет освобожден от противника, под управление итальянского правительства под наблюдением Союзной контрольной комиссии.

Я выдвигаю эти предложения также перед Президентом Рузвельтом, и я надеюсь, что могу рассчитывать на Ваше одобрение. Как Вы, конечно, поймете, этот вопрос является крайне срочным по военным причинам. Например, итальянцы уже изгнали немцев из Сардинии, и имеется много островов и ключевых позиций, которые они все еще удерживают и которые мы можем получить».

Он ответил следующей телеграммой:

Премьер Сталин — премьеру Черчиллю

22 сентября 1943 года

«Ваше послание от 21 сентября получил.

1. Я согласен с Вашим предложением в отношении обращения по радио итальянского короля к народу. Но я считаю совершенно необходимым, чтобы в обращении короля было ясно заявлено, что Италия, капитулировавшая перед Великобританией, Соединенными Штатами и Советским Союзом, будет сражаться против Германии вместе с Великобританией, Соединенными Штатами и Советским Союзом.

2. Я согласен также с Вашим предложением о необходимости подписания исчерпывающих условий перемирия. Что касается Вашей оговорки о том, что некоторые из этих условий не могут войти в силу в настоящий момент, то я понимаю эту оговорку лишь в том смысле, что эти условия сейчас не могут быть осуществлены на территории, которая пока находится под властью немцев. Во всяком случае я хотел бы получить от Вас по этому вопросу подтверждение или необходимые разъяснения».

Я спросил президента, что он думает по этому поводу, и указал, что, по моему мнению, долгосрочные условия капитуляции вполне могут быть разработаны комиссией по перемирию, которую мы в то время создавали в Италии.

Премьер-министр — президенту Рузвельту

25 сентября 1943 года

«Я не ответил на телеграмму Дяди Джо¹ относительно поддержки короля Италии, а также на его замечание о подробных условиях, потому что не знаю, какой линии Вы придерживаетесь в отношении него. Вы, несомненно, получили мою телеграмму. Макмиллан сообщает, что Бадольо удастся оставить подписать без труда.

28 сентября маршал Бадольо выехал из Бриндизи на итальянском крейсере для подписания на Мальте долгосрочных условий капитуляции.

После подписания Бадольо имел короткий разговор с генералом Эйзенхауэром об объявлении войны Германии, как того хотел итальянский маршал.

Положение сначала было непонятным для наших войск на местах. Итальянцы были их врагами более чем три года, а присоединившись к Объединенным Нациям, они через несколько недель очутились в новом положении. Президент и генерал Эйзенхауэр считали, что необходимо выступить с публичной декларацией, чтобы объяснить итальянцам и всему миру статус совместно воюющей стороны. Я приветствовал это».

Премьер-министр — президенту Рузвельту

30 сентября 1943 года

«Я согласен, что мы должны выступить с совместным заявлением, и, может быть, это будет также удобным случаем, чтобы привлечь и Д. Дж.? Сейчас ясно, что он согласен считать итальянцев совместно воюющей стороной. Правда, мы можем потерять несколько дней, сносясь с Москвой, но эта задержка относительно незначительна по сравнению с ценностью участия русских.

Если Вы согласны, то не сообщите ли Вы Сталину, что мы хотим сделать такое заявление? Присоединится ли он к нам или он предпочитает, чтобы мы начали действовать без него? Конечно, мы должны рассмотреть все те изменения к проекту, которые он, возможно, пожелает предложить.

Я лично хотел бы внести несколько изменений, о которых я сообщаю в последующей телеграмме. Если Вы не возражаете против них, то не направите ли Вы Сталину текст в этом его виде?»

Текст декларации, составленный мной, гласил:

«Правительства Великобритании, Соединенных Штатов и Советского Союза признают положение королевского итальян-

¹ Рузвельт и Черчилль в своей переписке часто называли Сталина «дядя Джо» или же писали сокращенно «Д. Дж.» и «Дядя Дж.». — *Примеч. ред.*

ского правительства, как о нем заявил маршал Бадольо, и принимают активное сотрудничество итальянской нации и вооруженных сил в качестве совместно воюющей стороны в войне против Германии. Военные события после 8 сентября и жестокое обращение немцев с итальянским населением, завершившиеся объявлением Италией войны Германии, фактически сделали Италию совместно воюющей стороной, и американское, английское и советское правительства будут продолжать сотрудничать с итальянским правительством на этой основе. Три правительства признают обязательство итальянского правительства подчиниться воле итальянского народа после изгнания немцев из Италии, при этом предполагается, что ничто не нарушит абсолютного и непререкаемого права народа Италии конституционными средствами избрать демократическую форму правления, которую он сочтет для себя подходящей.

Отношения между правительством Италии и правительствами Объединенных Наций как совместно воюющими сторонами не могут сами по себе повлиять на недавно подписанные условия, которые сохраняют свою полную силу и могут быть изменены только в результате соглашения между союзными правительствами и принимая во внимание ту помощь, которую итальянское правительство сможет оказать делу Объединенных Наций».

Эту декларацию одобрили и президент Рузвельт, и Сталин.

* * *

В этот момент на сцену в Италии выступил граф Сфорца. До фашистской революции он был министром иностранных дел и послом в Париже. Во время господства Муссолини он находился в эмиграции. Он стал выдающейся фигурой среди итальянцев в Америке. Он высказался в пользу вступления Италии в войну на стороне союзников и в письме на имя одного высокопоставленного чиновника государственного департамента выразил готовность работать с Бадольо. В обострившейся обстановке он усмотрел для себя возможность добиться верховной власти в Италии и был убежден в своем праве на это. Он добился значительной американской поддержки и сочувствия многих американцев итальянского происхождения. Президент надеялся, что его можно будет включить в новую систему правительства, не вызывая недовольства короля и Бадольо, так как, разрабатывая военные планы итальянской кампании, мы рассчитывали на поддержку с их стороны.

У меня был длительный разговор с графом Сфорцей, когда он проезжал через Лондон, направляясь в Маракеш, и я считал, что мы достигли соглашения, в силу которого он должен

был лояльно сотрудничать с королем и Бадольо до тех пор, пока мы не сможем после скорейшего захвата Рима сформировать широкое нефашистское правительство. Таким образом, и твердо придерживался намеченного нами курса. Мы намерены были сохранить монархию до освобождения Италии, привлечь итальянское правительство на нашу сторону в борьбе против Германии, укрепить это правительство, включив в него представительные и готовые бороться элементы, и привлечь русских к урегулированию итальянских дел.

Бывший военный моряк — президенту Рузвельту

4 октября 1943 года

«Теперь, когда Дядя Джо присоединился к нам по вопросу об итальянской декларации, крайне важно заставить короля как можно скорее объявить войну. Такова, насколько мне известно, и Ваша точка зрения. Я предлагаю дать Эйзенхауэру указание оказать на короля максимальный нажим. Не должно быть никаких вздорных разговоров о том, чтобы ждать занятия Рима. Мне кажется, итальянцам давно пора начать реабилитировать себя. Если Вы согласны, дайте, пожалуйста, необходимые указания без дальнейших сношений с нами».

Президент сейчас же начал действовать.

Президент Рузвельт — премьер-министру

8 октября 1943 года

«5 октября я информировал Эйзенхауэра следующим образом:

«Президент и премьер-министр считают, что король Италии должен как можно скорее объявить войну Германии. Не представляется необходимым ожидать занятия Рима. Поэтому Вам следует настоять, чтобы итальянское правительство как можно скорее объявило войну, не дожидаясь дальнейших успехов».

В соответствии с этим 13 октября королевское итальянское правительство объявило войну Германии.

Глава двенадцатая

ПОТЕРЯ ОСТРОВОВ

Родос и Лерос

Капитуляция Италии дала нам возможность захватить важную добычу в Эгейском море при минимальных усилиях и жертвах. Итальянские гарнизоны на островах подчинились бы

приказам короля и маршала Бадольо и перешли на нашу сторону, если бы мы добрались до них до того, как их запугали и разоружили немцы. Немцев было гораздо меньше, но вполне возможно, что они уже давно начали испытывать подозрения относительно верности своих союзников и подготовились на случай, если их опасения оправдаются. Родос, Лерос и Кос были теми островными крепостями, которые являлись важными стратегическими объектами в наших планах ведения войны на второстепенных театрах. Родос был ключом ко всей группе, так как на нем имелись хорошие аэродромы, и, базируясь на них, наша авиация получила бы возможность осуществлять оборону любых других островов, которые могли бы быть в дальнейшем заняты нами. Это позволило бы установить полное господство наших военно-морских сил в этих водах. Кроме того, если бы часть военно-воздушных сил в Египте и Киренаике была переброшена на Родос, они могли бы с тем же или даже с еще большим успехом выполнять свои функции по обороне Египта. Не подобрать эти сокровища, которые сами просились в наши руки, было бы величайшей глупостью. Завоевать господство в воздухе и на воде на Эгейском море было в пределах наших возможностей. Это могло оказать решающее воздействие на Турцию, которая к тому же находилась под глубоким впечатлением от краха Италии. Если бы мы могли использовать Эгейское море и Дарданеллы, путь в Россию был бы сокращен. Не было бы необходимости направлять конвои опасным и дорогостоящим путем через Арктику или же долгим и утомительным путем через Персидский залив.

Я с самого начала считал, что мы должны использовать в наших интересах возможный крах Италии или вооруженное выступление немцев против итальянцев.

Командование на Среднем Востоке обрабатывало планы и вело подготовку к захвату Родоса в течение нескольких месяцев. В августе индийская 8-я дивизия прошла соответствующую подготовку к этой операции и 1 сентября была готова к отплытию. Но 26 августа командование получило приказ объединенного англо-американского штаба, предписывавший во исполнение одного второстепенного решения Вашингтонской конференции, принятого в мае, отправить в Индию для действий против побережья Бирмы суда, которые можно было бы использовать для доставки индийской 8-й дивизии на Родос. Самой же дивизии был отдан приказ присоединиться к войскам союзников в центральной части Средиземного моря.

* * *

Когда произошло великое событие — капитуляция Италии, мои взоры обратились к островам Эгейского моря. 9 сентября я те-

исграфировал из Вашингтона главнокомандующему на Ближнем Востоке генералу Вильсону: «Время действовать. Импровизируйте и дерзайте». Генерал Вильсон горел желанием принять решительные меры, но его силы были ослаблены: у него имелась лишь 234-я бригада, ранее входившая в состав понесшего тяжелые потери гарнизона на Мальте, и не было никаких судов, помимо тех, которые он мог наскрести за счет местных ресурсов. Подготовленные десантные суда, недавно изъятые у него, фактически находились в руках высшего командования. Однако американцы решительно настаивали на отправке наших судов из Средиземного моря либо на запад для подготовки еще далекой операции «Оверлорд», либо на Индийский театр военных действий. Решения, принятые еще до капитуляции Италии, в совершенно иных условиях, тем не менее неуклонно претворялись в жизнь, во всяком случае низшими инстанциями. Таким образом, тщательно разработанные планы Вильсона относительно быстрых действий на Додеканесских островах были серьезно нарушены. В результате мы, не имея достаточных сил, должны были сделать все возможное для того, чтобы занять и удержать острова, имеющие огромное стратегическое и политическое значение.

Планы оккупации Родоса, Лероса и Коса получили одобрение объединенного англо-американского штаба и в окончательной формулировке квебекских решений от 10 сентября. Вильсон с большой поспешностью отправил морем и по воздуху небольшие отряды на ряд других островов и 14 сентября сообщил следующее:

*Генерал Мэйтленд Вильсон — начальнику
имперского генерального штаба*

14 сентября 1943 года

«Положение на Родосе ухудшилось слишком быстро, так что мы не смогли ничего сделать. После небольшой бомбардировки итальянцы сдали город и гавань (немцам). Поэтому можно было рассчитывать только на десант, однако, к сожалению, индийская 8-я дивизия, которая прошла специальную подготовку к этой операции, переброшена в центральную часть Средиземного моря, а приданные ей суда и баржи рассредоточены по приказу военно-морского министерства. Моральное состояние итальянцев на Родосе чрезвычайно низкое, и они не проявляют особого стремления оказывать сопротивление немцам, несмотря на заверения в обратном. Мы заняли остров Кастельроссо и направили солдат на острова Кос, Лерос и Самос. Звено «спитфайров» приземлится сегодня на острове Кос, туда же будет сброшен на парашютах гарнизон пехоты. Отряд пехоты направляется также на Лерос. Вслед за этим я предлагаю вести пиратскую войну против коммуникаций противника в Эгейском море и по мере возмож-

ности занимать греческие острова греческими силами. Поскольку новозеландская дивизия также будет направлена в центральный район Средиземного моря, в нашем распоряжении останется лишь частично оснащенная индийская 10-я дивизия.

Все средневосточные силы предоставлены в распоряжение генерала Эйзенхауэра, и поэтому мы не имеем возможности произвести высадку десанта на Родосе, но я надеюсь одолеть остров средствами, примененными турками в 1522 году, хотя и за менее продолжительный срок».

Поскольку мы не захватили Родос, наши успехи на других островах Эгейского моря были поставлены под угрозу. Только применение крупных военно-воздушных сил могло обеспечить то, что было нам нужно. При наличии согласия эти воздушные силы потребовались бы нам лишь на короткое время. Генерал Эйзенхауэр и его штаб, казалось, не видели того, что само чуть ли не давалось нам в руки, хотя мы добровольно предоставили все наши значительные ресурсы целиком в его распоряжение.

Мы со своей стороны поступили совершенно правильно, не пытаясь оккупировать Крит, где большой немецкий гарнизон быстро разоружил итальянцев и завладел всем островом. Но в течение некоторого времени на мелких островах наши дела шли неплохо. Переброска войск по морю и воздуху началась 15 сентября. Английский флот оказал помощь эсминцами и подводными лодками. К операции были привлечены небольшие каботажные суда, лодки и баркасы, и к концу месяца на Косе, Леросе и Самосе находилось по батальону. Небольшие отряды высадились и на ряде других островов. Там, где были итальянские гарнизоны, они оказывали нам довольно дружеский прием. Но их хваленая береговая и зенитная оборона оказалась в плачевном состоянии, а доставить туда наши более тяжелые орудия и машины едва ли было возможно при тех транспортных средствах, которыми мы располагали.

Не считая Родоса, самым важным в стратегическом отношении был остров Кос. Только там был аэродром, с которого могли действовать наши истребители. Он быстро был введен в действие, и для его обороны было доставлено 24 орудия «бофорс». Естественно, он стал первым объектом контратаки противника и начиная с 18 сентября объектом беспрестанных воздушных налетов. Наша разведка донесла о приближении вражеского конвоя, а на рассвете 3 октября на центральном аэродроме приземлились германские парашютисты и разбили единственную роту, защищавшую его. Остальная часть батальона на севере острова, где высадился противник, была отрезана. Конечно, один батальон — все, что мы могли выделить, — мало что мог сделать на острове

протяженностью 30 миль, для того чтобы парировать этот двойной удар. Остров пал. Флот приложил все усилия, чтобы перехватить конвой, направлявшийся на Кос, но безуспешно; в результате неблагоприятного стечения обстоятельств все эсминцы, кроме трех, были в тот момент отосланы. Я был очень встревожен тем, что мы не смогли поддержать операции в Эгейском море, и 25 сентября телеграфировал генералу Эйзенхауэру:

Премьер-министр — генералу Эйзенхауэру

25 сентября 1943 года

«Вы, очевидно, видели телеграммы от главнокомандующего на Среднем Востоке относительно Родоса. Родос является ключом и к восточной части Средиземного моря, и к Эгейскому морю. Будет большим несчастьем, если немцы смогут укрепиться там. Требования, предъявляемые главнокомандующим на Среднем Востоке, очень скромны. Я был бы весьма признателен, если бы Вы сообщили мне, как обстоят дела. Я еще не поднимал этого вопроса перед Вашингтоном».

Тем временем немцы вновь стали хозяевами положения и перебросили довольно большое число самолетов на Эгейское море, имея в виду разрушить планы, которые я лелеял. Я подробно изложил этот вопрос президенту.

Бывший военный моряк — президенту Рузвельту

7 октября 1943 года

«1. Я серьезно обеспокоен положением, создавшимся в восточной части Средиземного моря. После капитуляции Италии мы отправили небольшие части из Египта на некоторые греческие острова, в особенности на остров Кос, где имеется аэродром, и на Лерос, который представляет собой укрепленную итальянскую военно-морскую базу с мощными стационарными батареями. Мы пошли на этот риск в надежде, что итальянские гарнизоны, которые приветствовали нас, примут участие в обороне. Эта надежда, по-видимому, тщетна, и Кос уже пал, если не считать немногих наших солдат, сражающихся в горах. Лерос может постигнуть та же судьба. Наши действия против Родоса еще не увенчались успехом.

2. Я считаю, что Итальянский и Балканский полуострова связаны между собой в военном и политическом отношении и, по существу, представляют собой единый театр военных действий, с которым нам приходится иметь дело. Пожалуй, невозможно вести успешную итальянскую кампанию без учета того, что происходит на Эгейском море. Немцы, по-видимому, придают особое значение этой восточной сфере и не задумываясь выдели-

ли значительную часть своих дефицитных военно-воздушных сил для того, чтобы удержаться там. Им приходится учитывать опасность дезертирства Венгрии и Румынии и решительного раскола в Болгарии. Турция также в любой момент может выступить против них. Совершенно очевидно, что в Греции и Югославии складывается положение, неблагоприятное для противника. Если мы припомним, сколь блестящими были результаты политической реакции в Италии, вызванной нашими военными усилиями, то не кажется ли Вам, что с нашей стороны было бы крайне близоруко игнорировать возможность аналогичного и даже еще более решительного сдвига в некоторых или во всех упомянутых мною странах? Если мы в состоянии вызвать такую реакцию и воспользоваться ею, то наша совместная задача в Италии значительно облегчится.

3. Я никогда не хотел посылать армию на Балканы, а стремился лишь с помощью отрядов «коммандос», снаряжения и агентов стимулировать ведущуюся там энергичную партизанскую войну. Это может дать результаты, неизмеримые по своим последствиям, при весьма небольших затратах за счет главных операций. Я прошу занять Родос и другие Додеканесские острова, направить на север наши средневосточные военно-воздушные силы и разместить их на этих островах и, возможно, также на турецком побережье; последнего вполне можно будет добиться и тем самым отвлечь гораздо больше сил противника, чем потребуется наших сил. Это также даст возможность вступить в соприкосновение с убывающими военно-воздушными силами противника и нанести им поражение еще в одном районе. Все военно-воздушные силы составляют единое целое, и чем чаще мы будем наносить им удары, тем лучше.

4. Родос занимает ключевую позицию в этом отношении. Я не считаю нынешний план его захвата идеальным. Он потребует, и стоит того, по крайней мере первоклассной дивизии, которая, конечно, может быть заменена постоянным гарнизоном, как только мы захватим этот остров. Лерос, который мы сейчас с трудом удерживаем, представляет собой важную морскую крепость, и, как только мы утвердимся в этом районе, авиационные и легкие военно-морские силы смогут сыграть самую плодотворную роль. К осуществлению этой операции следует приступить лишь в том случае, если она будет проводиться с достаточной решительностью и быстротой. На ее выполнение должны быть брошены хорошо подготовленные войска, снабженные всем необходимым. При выполнении этих условий отвлечение сил от главного театра будет носить лишь временный характер, а результаты могут быть очень большими и далеко идущими.

5. Я прошу Вас внимательно рассмотреть мои соображения и не допустить, чтобы этот план был отвергнут и тем самым упущены возможности, которые могут сыграть большую роль в пред-

стоящие критические месяцы. Даже если десантные суда, необходимые для переброски дивизии, будут на несколько недель сняты с подготовки операции «Оверлорд» без изменения намеченной даты ее начала, это окупит себя. Я чувствую, что мы можем упустить весьма благоприятную, но преходящую возможность. Если Вы согласны, не покажете ли Вы генералу Маршаллу эту телеграмму до того, как объединенный англо-американский штаб примет какое-либо решение?»

Я был очень огорчен, получив от президента телеграмму, отправленную им Эйзенхауэру; фактически она означала отказ в предоставлении какой-либо помощи. В разгар осуществления операции, одобренной и лично президентом, и американскими начальниками штабов, меня оставили без поддержки, предоставив одному перенести предстоящий удар. Тридцатые силы, которые до сих пор удавалось, хотя и с большим трудом, сдерживать, вновь восторжествовали.

Президент Рузвельт — премьер-министру

8 октября 1943 года

«Я не хочу навязывать Эйзенхауэру отвлекающие операции, которые ограничат перспективы быстрого и успешного развития итальянских операций по захвату линии севернее Рима.

Я возражаю против каких-либо отвлекающих операций, так как, по мнению Эйзенхауэра, они поставят под угрозу безопасность нашего нынешнего положения в Италии, которое укрепляется чрезвычайно медленно, учитывая известные особенности противника, обладающего значительным превосходством в наземных войсках и танковых дивизиях.

Я считаю, что нельзя допускать таких перебросок сил или вооружения, которые могут поставить под угрозу осуществление операции «Оверлорд», как она намечена в составленных нами планах.

Американские начальники штабов согласны со мной.

Я посылаю копию этой телеграммы Эйзенхауэру».

Я обратил особое внимание на фразу: «Я считаю, что нельзя допускать таких перебросок сил или вооружения, которые могут поставить под угрозу осуществление операции «Оверлорд», как она намечена в составленных нами планах». Утверждать, что задержка на шесть недель возвращения 9 десантных судов из более чем 500, выделенных для участия в операции «Оверлорд», которая к тому же должна была начаться не ранее чем через шесть месяцев, поставит под угрозу выполнение главной операции, назначенной на май 1944 года, — значило утратить всякое чувство пропорции. Поэтому

я решил обратиться с новым энергичным призывом к президенту.

Премьер-министр — президенту Рузвельту

8 октября 1943 года

«1. Я убедительно прошу Вас обдумать мою точку зрения в этот критический момент, памятуя, сколь плодотворными были наши совместные действия в прошлом и как это важно для будущего.

2. Я убежден, что отказ от захвата Родоса на данной стадии и игнорирование всего положения в восточной части Средиземного моря явится серьезнейшей стратегической ошибкой. Я уверен также, что если бы мы обсудили этот вопрос в личной беседе, то эту операцию можно было бы включить в наш общий план без ущерба как для развертывания операции в Италии, в пользу которой я, как Вам известно, всегда решительно высказывался, так и для подготовки операции «Оверлорд», которую я готов всей душой поддерживать...»

Президент Рузвельт — премьер-министру

9 октября 1943 года

«Я получил Вашу телеграмму от 8 октября и лично внимательно изучил моменты, на которые Вы обращаете внимание. Я их тщательно обдумал так же, как и начальники штабов. Я обеспокоен возможностью того, что наши армии понесут поражение в результате действий противника, обладающего превосходящими, если не считать авиации, силами, находящимися под командованием человека, известного своей смелостью и находчивостью. Особенно необходимо обеспечить абсолютную безопасность нашей позиции на линии, которую мы надеемся занять в Италии.

Вполне понимая Ваши затруднения в восточной части Средиземного моря, я, посылая свою предыдущую телеграмму, руководствовался мыслью, что не следует допускать отвлечения сил с Итальянского театра военных действий, если это может поставить под угрозу безопасность союзных армий в Италии, и что никакие действия для достижения более мелких целей не должны ставить под угрозу успех операции «Оверлорд».

В настоящее время мы почти полностью располагаем всеми необходимыми фактами, чтобы на их основании судить, как далеко может завести нас операция на Родосе. Эта операция не ограничится захватом Родоса, но неизбежно предполагает, и немцы это прекрасно понимают, наше намерение пойти дальше. В противном случае Родос будет находиться под угрозой обстрела со стороны Коса и Крита.

Я был за то, чтобы попытаться обеспечить хотя бы какую-нибудь точку опоры на Додеканесских островах, но так, чтобы это не завело нас слишком далеко; в настоящее время положение складывается таким образом, что нам придется не только хорошо подготовиться и энергично вести данную операцию, но и пойти значительно дальше, что в свою очередь вызывает необходимость отвлечения сил, главным образом не наземных, а морских и воздушных, из какого-то другого источника, которым неизбежно должна стать Италия, операция «Оверлорд» или, возможно, десантные операции Маунтбэттена. Таким образом, проблема такова: начинать ли нам балканскую кампанию, действуя при этом с юга, или же мы можем добиться большего при большей безопасности, быстро продвигаясь на позиции севернее Рима, о которых мы договорились? Мне представляется, что здесь союзники создадут более серьезную угрозу Балканам, чем неизбежно рискованные десантные операции против Родоса, при очевидной для противника нехватке у нас необходимых средств для дальнейших действий. Если руководствоваться стратегической точкой зрения, то я спрашиваю себя, куда мы двинемся после захвата Эгейских островов? И наоборот, куда двинутся немцы, если они в течение некоторого времени будут владеть этими островами?..»

Как показали дальнейшие события, Рим был взят лишь через восемь месяцев. В течение осени и зимы в выполнении задачи перебазирования англо-американских тяжелых бомбардировщиков из Африки в Италию было занято в 20 раз большее количество судов, чем то, с помощью которого можно было захватить Родос за две недели. Родос оставался занозой в нашем теле. Турция, наблюдая такую исключительную инертность союзников близ своего побережья, стала гораздо менее уступчивой и отказалась предоставить нам аэродромы.

Американский штаб навязал свою точку зрения, а расплачиваться должны были англичане. Хотя мы боролись за то, чтобы сохранить свою позицию на Леросе, судьба наших небольших сил там была фактически решена. Мы предоставили добровольно в распоряжение Эйзенхауэра все наши лучшие силы, наземные и воздушные, в количестве гораздо большем, чем то, о котором была достигнута договоренность в Вашингтоне в мае и в Квебеке в августе, и приложили колоссальные усилия к укреплению армии в Италии, намного превосшедшие планы ожидания верховного командования, а теперь нам приходилось как-то выходить из положения с теми немногими силами, которые остались в нашем распоряжении. Жестокая бомбардировка Лероса и Самоса явно была лишь подготовкой к германскому наступлению. Численность гарнизона на Леросе была доведена до бригады — три отличных батальона англий-

ской пехоты, переживших осаду и голод на Мальте и все еще не восстановивших полностью свои силы.

В день падения острова Кос адмиралтейство отдало приказ осылке сильного подкрепления, включая пять крейсеров, в Эгейское море с Мальты. Генерал Эйзенхауэр также отправил, в качестве временной меры, два полка истребителей дальнего действия на Средний Восток. Их присутствие скоро дало себя знать. 7 октября вражеские суда, доставлявшие подкрепления на остров Кос, были уничтожены действиями наших кораблей и авиации. Несколько дней спустя наши корабли потопили еще два транспорта. Однако 11 октября истребители дальнего действия были отозваны. В связи с этим наши корабли снова очутились в таких же условиях, в каких они вели битву за Крит два года назад. Противник обладал господством в воздухе, и наши суда могли действовать, не рискуя серьезными потерями, только по ночам.

* * *

Отозвание истребителей решило судьбу Лероса. Противник мог без серьезных помех продолжать накапливать свои силы рассредоточенными группами малых судов. Теперь мы знаем, что положение с судами у противника было критическое. Задержка наступления на Лерос объяснялась главным образом опасениями противника, что союзники перейдут в Адриатическом море в наступление. 27 октября мы узнали, что четыре тысячи человек из состава германских альпийских войск и много десантных судов прибыли в Пирей, видимо, по пути следования к Леросу, а с начала ноября начали поступать сообщения о передвижениях десантных судов, предвещавшие близкое наступление. Скрываясь от наших эсминцев по ночам между островами, двигаясь небольшими группами днем под сильным прикрытием истребителей, германские войска и самолеты продолжали сосредоточиваться. Наши военно-морские и воздушные силы не были в состоянии помешать их осторожному приближению.

Гарнизон находился в боевой готовности, но он был слишком малочислен. Рано утром 12 ноября германские войска высадились у северо-восточной оконечности острова, а также в бухте к юго-востоку от города Лерос. Атака против города сначала была отбита, но днем были сброшены 600 парашютистов. Предыдущие сообщения указывали, что остров неудобен для высадки парашютистов, поэтому парашютный десант был неожиданностью.

Генерал Вильсон — премьер-министру

17 ноября 1943 года

«Лерос пал после доблестной борьбы в условиях сильнейших воздушных налетов».

Потеря Лероса пока положила конец всем нашим надеждам на Эгейском море. Мы сразу же попытались эвакуировать небольшие гарнизоны с Самоса и других островов и спасти уцелевших на Леросе. Оттуда было доставлено более тысячи человек из английских и греческих войск, а также много находившихся в германском плену военнопленных дружественных нам армий, но наши потери опять были весьма серьезными. Шесть эсминцев и две подводные лодки были потоплены самолетами или минами, четыре крейсера и четыре эсминца повреждены. Эти испытания разделил с нами греческий военно-морской флот, который на всем протяжении кампании проявлял незаурядную доблесть.

Я подробнейшим образом изложил прискорбные эпизоды, связанные с Родосом и Леросом. Они послужили объектом самых острых, к счастью небольшого масштаба, разногласий, возникавших между мной и генералом Эйзенхауэром. Преодолевая в течение многих месяцев упорное сопротивление, я расчистил путь для его успешной кампании в Италии. Вместо того чтобы ограничиться только захватом Сардинии, мы переправили мощную группу армий на территорию Италии. Корсика сама далась нам в руки. Мы отвлекли значительную долю германских резервов с других театров. Итальянский народ и правительство перешли на нашу сторону. Италия объявила войну Германии. Ее флот присоединился к нашему. Муссолини бежал. Освобождение Рима близилось. 19 германских дивизий, покинутых своими итальянскими товарищами, были разбросаны по Балканам, где мы не использовали против них и тысячи офицеров и солдат. Срок, назначенный для операции «Оверлорд», не был серьезно нарушен.

Я помог найти среди английских и имперских сил в Египте четыре первоклассные дивизии помимо тех, которые, по сообщению генерала Уайтли, верховное командование нашими войсками в Северо-Западной Африке сочло возможным выделить для этой цели. Мы не только помогли успехам англо-американского штаба генерала Эйзенхауэра, но предоставили ему сверх запланированных значительные ресурсы, без которых могла бы произойти катастрофа. Я был опечален тем, что незначительные просьбы, с которыми я обращался ради стратегических целей, имевших почти такое же большое значение, как и те, которые были уже достигнуты, так упорно отвергались. Конечно, когда вы выигрываете войну, почти все, что ни делается, можно представить как правильное и мудрое. Однако, если бы не эта педантичная позиция в отношении операций на театре военных действий, имевшем меньшее значение, мы, помимо всех успехов Итальянской кампании,

легко могли бы получить контроль над Эгейским морем и, что было вполне вероятно, добиться присоединения к нам Турции.

Глава тринадцатая

СЕКРЕТНОЕ ОРУЖИЕ ГИТЛЕРА

За несколько лет до войны немцы начали создавать ракеты и самолеты-снаряды и устроили экспериментальную станцию для проведения этой работы на побережье Балтийского моря в Пенемюнде. Эта деятельность, конечно, держалась в строгой тайне. Тем не менее им не удалось полностью скрыть ее, и уже осенью 1930 года в сообщениях нашей разведки стали встречаться упоминания о различных видах оружия дальнего действия. В первые годы войны из различных источников к нам поступали слухи на эту тему и обрывки информации, часто имевшие самый противоречивый характер. Весной 1943 года этот вопрос был рассмотрен начальниками штабов, в результате чего генерал Исмей направил мне 15 апреля следующее сообщение:

Генерал Исмей — премьер-министру

15 апреля 1943 года

«Начальники штабов считают, что Вас следует поставить в известность относительно сообщений о германских экспериментах с ракетами дальнего действия. То обстоятельство, что с конца 1942 года было получено пять таких сообщений, подтверждает самый факт, хотя детали точно неизвестны.

Начальники штабов считают, что не теряя времени нужно установить этот факт и, если сведения подтвердятся, принять соответствующие контрмеры. Они считают, что в данном случае наилучшие и быстрые результаты может дать расследование, руководимое одним человеком, который имел бы возможность привлечь необходимых научных советников и представителей разведки. Поэтому они вносят предложение, чтобы Вы назначили человека, которому следует поручить эту задачу. Они предлагают на Ваше решение кандидатуру Данкена Сэндиса, который, по их мнению, был бы весьма подходящим человеком.

Кроме того, начальники штабов считают необходимым предупредить министра внутренней безопасности относительно возможности такого нападения и относительно того, что предлагается предпринять. Не считается желательным информировать население на данном этапе, когда сведения еще столь неопределенны.

Начальники штабов просят Вас одобрить вышеизложенные предложения».

Сэндис в первые дни войны служил в зенитной части в Норвегии. Позже, когда он командовал первым экспериментальным ракетным полком, он попал в автомобильную катастрофу и потерял себе обе ноги. В состав правительства он вошел в июле 1941 года в качестве финансового секретаря военного министерства, затем парламентского секретаря министра военного снабжения. На обоих этих постах он нес большую ответственность за общее руководство развитием типов вооружений и в связи с этим поддерживал тесный контакт с комитетом начальников штабов. Поскольку он был моим зятем, я, естественно, был рад, что начальники штабов пожелали поручить ему такую важную работу, хотя сам я не предлагал этого им.

4 июня заместитель начальника штаба военно-воздушных сил маршал авиации Эвилл дал указание, в соответствии с которым Сэндис получил право непосредственно связываться с отделами разведки, получающими дальнейшую информацию от агентов и военнопленных, а также просил Сэндиса дать рекомендации для воздушной разведки и сообщить штабу военно-воздушных сил о выводах, которые будут сделаны на основании собранных сведений. Были изучены все возможные способы установить траекторию таких снарядов и определить, откуда их выпускают. Были приняты меры в области гражданской обороны и безопасности.

11 июня Сэндис направил меморандум штабу военно-воздушных сил с просьбой, чтобы через определенные промежутки над районом Пенемюнде совершались разведывательные полеты и чтобы была сфотографирована вся территория Северной Франции в радиусе 130 миль от Лондона. Он также рекомендовал произвести бомбардировку экспериментальной станции в Пенемюнде.

28 июня Сэндис сообщил, что аэрофотосъемка Пенемюнде показала большие ракеты рядом с пусковыми станциями. Радиус действия этих ракет составляет, возможно, от 90 до 130 миль.

29 июня комитет обороны, который начиная с апреля постоянно информировали, решил:

«...что необходимо организовать и проводить самое тщательное и скрупулезное изучение района Северной Франции в радиусе 130 миль от Лондона, причем следует сделать все возможное для того, чтобы получить наиболее исчерпывающую и точную информацию;

что налет на экспериментальную станцию в Пенемюнде должен быть произведен ночью большими силами бомбардировочной авиации при первой же возможности, когда условия будут подходящими;

чтобы, насколько возможно, были подготовлены планы для немедленного воздушного налета на ракетные пусковые станции в Северной Франции, как только они будут обнаружены».

Гитлер был исполнен решимости провести в жизнь свой план. В сопровождении нескольких своих ближайших помощников в ранге министров кабинета он инспектировал Пенемюнде пригласительно в начале июня 1943 года. К этому времени мы были лучше информированы о ракетных снарядах, чем о самолетах-снарядах. Подготовка обоих этих видов оружия шла полным ходом; центром всех исследований и экспериментов была база в Пенемюнде. В отношении атомной бомбы немцы не достигли решающих успехов. «Тяжелая вода» дала некоторые результаты, но именно в самолетах-снарядах и ракетах Гитлер и его советники усматривали средство нанести новый, а может быть, и решающий удар по Англии и сорвать англо-американские планы высадки через Ла-Манш на континенте. Фюрер был удовлетворен виденным в Пенемюнде и направил все усилия Германии на то, чтобы оправдать эту новую и, пожалуй, последнюю надежду.

9 июля Сэндис сообщил, что, помимо планов ракетных бомбардировок Лондона, есть указание на то, что немцы намерены использовать самолеты-снаряды и орудия очень дальнего радиуса действия. В двух пунктах — в Ваттене близ Сент-Омера и в Брюневале близ Фекана — были обнаружены земляные работы весьма подозрительного свойства. В связи с этим селекторным радарным станциям в Юго-Восточной Англии было дано особое указание следить за пуском ракет. Массовая эвакуация жителей из Лондона не предусматривалась, но министерство внутренних дел готовило планы отправки из города тогда, когда это понадобится, 100 тысяч людей, подлежащих эвакуации в первую очередь, как то: школьников и беременных женщин, по 10 тысяч человек в день. В Лондон было доставлено 30 тысяч моррисоновских бомбоубежищ, так что резерв их в столице составил около 50 тысяч.

В полученных нами 19 июля сообщениях говорилось:

«В Северо-Западной Франции ведутся работы непонятного характера, в том числе прокладываются железнодорожные пути, строятся поворотные круги, возводятся различные здания и железобетонные сооружения. В большинстве случаев это строительство ведется усиленными темпами, в особенности в Ваттене, где отмечена наибольшая активность. Делаются попытки камуфлировать эту работу, и в одном месте отмечена доставка зенитных орудий».

Когда все эти факты и сообщения были представлены комитету обороны, то разгорелись споры. Мнения ученых и военных специалистов разошлись весьма серьезно в вопросе о том, будет ли новое наступление на остров предпринято с помощью ракет или с помощью самолетов-снарядов. Вначале

мнение склонялось в пользу того, что будут пущены ракеты, но затем выяснилось, что сторонники этой точки зрения дали чрезмерно преувеличенную оценку размерам и разрушительной силе такого снаряда, и это подорвало их позиции. С другой стороны, лорд Черуэлл¹ не верил, что, даже если и можно создать гигантские ракеты, немцам было бы выгодно производить их. Он с самого начала утверждал, что немцы добились бы лучших результатов и более дешевой ценой, используя самолеты. Черуэлл считал, что вряд ли могут быть применены ракеты с боевым зарядом в 10—20 тонн, как того опасались; но даже если бы это паче чаяния и случилось, по мнению Черуэлла, разрушения, которые будут причинены Англии, далеко не достигнут таких размеров, как это предсказывали.

* * *

Эти споры не вызвали задержки или нерешительности в наших действиях. Налет на Пенемюнде было провести трудно, но крайне необходимо, и ночью 17 августа командующий бомбардировочной авиацией маршал авиации Гаррис нанес удар силами 571 тяжелого бомбардировщика.

Погода была хуже, чем ожидали, и ориентиры на земле было трудно находить, но, когда самолеты приблизились к острову Рюген, немного прояснилось, и команды многих самолетов прибыли на место вовремя. Над районом цели облачность была еще большей, и к тому же он был скрыт дымовой завесой, но, по словам Гарриса, «тщательное планирование налета обеспечило хорошую концентрацию бомб над всеми объектами». Большая часть наших самолетов успела улететь, но немецкие истребители настигли их на обратном пути и при ярком лунном свете было сбито 40 наших бомбардировщиков.

* * *

Результаты бомбардировки имели огромное значение. Хотя материальный ущерб был меньшим, чем мы предполагали, налет возымел глубокое влияние на ход событий. Все рабочие чертежи, которые были только что выполнены и должны были быть переданы в цеха, сгорели, и начало серийного производства сильно задержалось. Основной завод в Пенемюнде был поврежден, и боязнь налетов на ракетные заводы в других районах заставила немцев сконцентрировать производство на подземных заводах в горах Гарца. Все эти изменения вызвали

¹ В то время — генеральный казначей и личный консультант Черчилля по научным вопросам. Участвовал в работе по созданию атомной бомбы. — *Примеч. ред.*

серьезную задержку в совершенствовании и в производстве этого вида оружия. Было решено также перенести экспериментальную работу в Польшу за пределы радиуса действия наших бомбардировщиков. Там за ней пристально следили наши польские агенты.

* * *

Налет на Пенемюнде, который стоил нам стольких жертв, сыграл определенную и важную роль в общем ходе войны. Если бы не этот налет и не последующие налеты на пусковые станции во Франции, Гитлер мог бы предпринять обстрел Лондона ракетами в самом начале 1944 года. Теперь же это было отложено до сентября. К тому времени подготовленные пусковые станции в Северной Франции были захвачены войсками генерала Монтгомери. В связи с этим снаряды пришлось пускать с наспех подготовленных площадок в Голландии, находившихся на вдвое большем расстоянии от Лондона, что обусловило гораздо меньшую точность попадания. К осени германские коммуникации были настолько загружены в связи с нуждами фронта, что доставке ракет к пусковым станциям больше не придавалось первостепенного значения.

Генерал Эйзенхауэр в своей книге «Крестовый поход в Европу» выразил мнение, что создание и применение оружия «фау» сильно задержалось в результате бомбардировки экспериментальных заводов в Пенемюнде и других районах, где они производились. Он даже пишет:

«Казалось вероятным, что если бы немцам удалось усовершенствовать и использовать это новое оружие на шесть месяцев ранее, то это чрезвычайно затруднило бы наше вторжение в Европу или даже сделало его невозможным. Я уверен, что, если бы им удалось применять это оружие в течение шестимесячного периода и в особенности если бы они избрали одним из главных объектов своих атак район Портсмут—Саутгемптон, операция «Оверлорд», возможно, была бы исключена».

Это преувеличение. В среднем неточность попадания обоих этих видов оружия составляла более чем 10 миль. Даже если бы немцы смогли пускать в день по 120 ракет и ни одна из них не была бы сбита, результат был бы равен сбрасыванию всего лишь двух или трех однотонных бомб на квадратную милю в неделю. Однако слова Эйзенхауэра показывают, что командующие считали необходимым устранить угрозу оружия «фау» не только в целях защиты гражданского населения и собственности, но также и для того, чтобы не допустить нарушения хода наших наступательных операций.

* * *

Ранней осенью стало ясно, что немцы собираются атаковать нас не только с помощью ракет, но и с помощью самолетов-снарядов. 13 сентября 1943 года Сэндис сообщил:

«Есть свидетельства того, что противник намерен использовать самолеты-снаряды как средство сбрасывания бомб на Лондон. Если только эти самолеты не чрезвычайно малы и если они не летают на исключительно большой высоте и с исключительной скоростью, то с ними можно бороться с помощью наших истребителей и зенитной артиллерии. Если эти самолеты-снаряды способны летать на такой высоте и при такой скорости, что их нельзя будет перехватить средствами нашей противовоздушной обороны, то с точки зрения всех практических выводов их следует рассматривать как снаряды.

Контрмеры могут быть приняты те же, что и против ракет дальнего действия, а именно уничтожение путем бомбардировки источников производства и станций или аэродромов, с которых они запускаются».

Тем временем было замечено, что в Северной Франции возводятся целый ряд сооружений странной формы. Все они создавались по одному образцу, и большинство их, казалось, было направлено на Лондон. В каждом пункте было одно или несколько сооружений, напоминавших лыжи. Позже мы обнаружили по аэрофотоснимкам, что такие сооружения есть и в районе Пенемюнде, и на одном из снимков мы увидели крохотный самолет близ наклонной площадки. Из этого было заключено, что так называемые «площадки-лыжи» в Северной Франции, вероятно, предназначались для складирования, наполнения и запуска небольших самолетов-снарядов или летающих бомб.

* * *

Фактические данные и мнения ученых и моих коллег в комитете обороны были столь противоречивыми, что я просил сэра Стаффорда Криппса, нашего министра авиационной промышленности, обладающего специальными знаниями и рассудительным умом, просмотреть всю информацию о германском оружии дальнего действия и дать свое заключение. 17 ноября он представил свой доклад.

«Представляется следующая последовательность возможностей с чисто экспериментальной точки зрения: 1) Крупные снаряды-планеры. 2) Самолеты-снаряды. 3) Небольшие ракеты дальнего действия. 4) Крупные ракеты дальнего действия.

Налет английской авиации на Пенемюнде, бесспорно, был весьма ценным и задержал работы по производству наступательного оружия дальнего действия.

Несомненно, что немцы прилагают все усилия для усовершенствования какого-то оружия дальнего действия, и новые непонятные сооружения в Северной Франции, безусловно, весьма подозрительны, если мы не можем приписать им какое-то иное назначение. При этих обстоятельствах я считаю, что мы должны принять все возможные разумные меры на случай такого нападения, хотя нет данных, которые говорили бы о том, что оно может произойти раньше нового года.

Мы в то же время должны продолжать фотографирование и уничтожение таких станций при малейшей к тому возможности».

Таким образом, многое все же оставалось неясным. 14 декабря маршал авиации Боттомли, заместитель начальника штаба военно-воздушных сил, сообщил:

«Как подозревают, «большие станции» в Северной Франции (включая три уже подвергшиеся налетам) связаны с подготовкой нападения посредством ракет. Одна из этих станций охраняется ни много ни мало как 56 тяжелыми и 76 легкими зенитными орудиями.

Поступают сведения, что «площадки-лыжи» рассчитаны на запуск самолетов-снарядов. Существование 69 таких станций подтверждается фоторазведкой, и, как полагают, их число может составить приблизительно 100. Если сохранятся нынешние темпы строительства, то работы приблизительно на 20 станциях будут завершены в начале января 1944 года, а на остальных к февралю. Пусковые станции в районах Па-де-Кале, Соммы и Сены ориентируются на Лондон, а станции, расположенные в районе Шербура, — на Бристоль».

18 декабря лорд Черуэлл, все время поддерживавший тесный контакт с д-ром Джонсом¹, представил мне доклад, в котором изложил свое мнение относительно даты и интенсивности возможного налета самолетов-снарядов. Он считал, что обстрел начнется не ранее апреля и после первых двух дней будет запускаться не более сотни снарядов в день, а из этого числа около 25 упадет в радиусе 10 миль от цели. Поскольку это будет означать всего от 50 до 100 жертв в день, Черуэлл высказывался против панических мер по эвакуации. Он все еще исключал возможность использования крупных ракет. Даже если бы их и можно было создать, а это казалось невероятным при существующем уровне техники, то на их производство пришлось бы затратить в 20 или 30 раз больше человеко-часов, чем на самолеты-снаряды, причем, по его мнению, они к тому же будут не более эффективными.

¹ Начальник отдела научной разведки министерства авиации. — *Примеч. ред.*

В первые месяцы 1944 года мы подготовили планы борьбы с налетами самолетов-снарядов. Мы решили, что оборону следует построить тремя зонами: аэростаты заграждения на окраинах Лондона, за ними — пояс зенитных орудий, а еще дальше — зона, в которой будут действовать истребители. Были приняты также меры для ускорения доставки из Америки электронных приборов управления огнем зенитной артиллерии и радиовзрывателей, которые, когда начался обстрел, дали возможность артиллеристам сбить много самолетов-снарядов.

Тем временем английская и американская авиация продолжала бомбить около сотни «площадок-лыж» в Северной Франции. Эта бомбардировка была настолько успешной, что в конце апреля авиаразведка донесла, что противник прекратил работу на них. Но мы радовались недолго, ибо было обнаружено, что он вместо них строит другие станции, менее сложные и более тщательно замаскированные, которые поэтому было труднее обнаружить и поразить. Как только удавалось находить эти новые станции, они подвергались бомбардировке. Многие были уничтожены, но около 40 не удалось обнаружить и разрушить. Именно с этих станций в июне в конце концов начались налеты.

* * *

С того момента, когда начальники штабов в апреле 1943 года послали мне докладную записку, и до первых налетов в июне 1944 года прошло около 15 месяцев. Не пропал даром ни один день. Не была упущена ни одна возможность. Своевременно начались широкие приготовления, длившиеся много месяцев и стоившие больших средств. Когда наконец на нас обрушился этот удар, мы смогли, как это будет описано ниже, отразить его, хотя и при тяжелых потерях в людях и сильном ущербе собственности, но без особого урона для нашей боеспособности или для операции во Франции. Все это может послужить примером деспособности нашего правительственного аппарата и дальновидности и бдительности всех находившихся в прямой связи с ним людей.

Глава четырнадцатая

ТУПИК НА ТРЕТЬЕМ ФРОНТЕ

В начале октября по совету Кессельринга Гитлер изменил свои намерения в отношении стратегии на Итальянском театре военных действий. Раньше он собирался отвести войска за Рим и удерживать только Северную Италию. Теперь он приказал им закрепиться на рубежах как можно южнее Рима. Избран-

ная им линия обороны, так называемая Винтерштеллюнг, проходила за рекой Сангро у Адриатического побережья, через горную цепь Италии, к устью Гарильяно на западе. Характер местности, горные кручи и быстрые речки делали эту позицию, простиравшуюся на несколько миль в глубину, исключительно сильной. После года почти непрерывного отступления в Африке, на Сицилии и в Италии германские войска с радостью повернулись и начали сражаться.

Приближение зимы неизбежно должно было серьезно затруднить наши действия, однако то, что немцы так глубоко увязли в Италии, помогало осуществлению главных стратегических решений, принятых в Квебеке. Первостепенное значение придавалось вторжению через Ла-Манш, и поэтому Италия становилась второстепенным театром военных действий. То обстоятельство, что Гитлер был вынужден использовать такое большое количество войск, чтобы противодействовать нашему наступлению, благоприятствовало достижению нашей главной цели, однако это отнюдь не могло бы служить оправданием неудачи в итальянской кампании.

5-я армия возобновила наступление 12 октября, и после десятидневного сражения оба ее корпуса — английский 10-й и американский 6-й — форсировали реку Вольтурно, укрепились на ее противоположном берегу и были готовы атаковать следующие позиции противника — несколько высот южнее реки Гарильяно. Чтобы изгнать противника с этих позиций, нужно было не менее недели, но в первую половину ноября армия натолкнулась на передовую оборону Винтерштеллюнг. На этом фронте 5-й армии, насчитывавшей шесть дивизий, противостояло равное количество немцев, сражавшихся с обычным упорством. Первые пробные атаки против германских линий не увенчались особым успехом. Наши солдаты ожесточенно сражались уже два месяца. Погода была ужасной, и войскам нужно было отдохнуть и перегруппироваться. Тем не менее планы, составленные в Квебеке и предусматривавшие совершенно иную ситуацию, неукоснительно проводились в жизнь, и со Средиземноморского театра военных действий должно было быть переброшено большое число десантных судов.

Таким образом, положение в Италии сильно изменилось не в нашу пользу. Немцы получили большие подкрепления, и им дан приказ сопротивляться, а не отступать. Союзники же, напротив, отправляли свои лучшие семь дивизий из Италии и района Средиземного моря в Англию для высадки через Ла-Манш в 1944 году. Четыре дивизии, которые я отправил сверх намечавшихся ранее, не возместили этой потери. Возник тупик, и восемь месяцев ожесточенных боев, о чем я расскажу ниже, не сдвинули дела с мертвой точки.

24 октября генерал Эйзенхауэр созвал совещание. Он предложил Александру доложить об обстановке. Доклад Александра был настолько серьезен, что Эйзенхауэр переслал его текст целиком президенту Рузвельту и мне. Он подтвердил все то, что заявил Александер, и указал, что этот доклад рисует ясную и точную картину.

Часть I

«1. а) К 9 сентября, дате начала операции «Аваланш» и объявления о перемирии с Италией, общее положение противника было таково, что 2 дивизии оказывали сопротивление наступлению 8-й армии в Калабрии, 1 дивизия находилась на итальянском «каблуке», 3 дивизии занимали позиции южнее Рима и были готовы принять меры против высадки союзников в заливе Салерно, более 2 дивизий находилось вблизи Рима и 9 — в Северной Италии. Таким образом, немцы имели на полуострове в общей сложности около 18 дивизий. Предполагалось, что из этого числа некоторые будут заняты в Северной Италии, так как внутреннее положение в этом районе сулило немцам серьезные затруднения.

б) Мы, конечно, понимали, что наше наступление у Салерно будет рискованным ввиду ответных действий немцев, но вместе с тем учитывалось, что общая обстановка в Италии, наряду с возможностью высадки небольших сил на «каблуке» и при нашем подавляющем превосходстве в воздухе, склоняла чашу весов сильно в нашу пользу, и совершенно правильно было решено пойти на риск. Далее, мы располагали значительным количеством десантных судов, и это обеспечивало нам свободу маневра при переброске войск и снабжении морем. Это также давало возможность вести дальнейшие десантные операции для содействия наступлению на суше. Эта маневренность оказалась весьма ценной и была полностью использована 8-й армией во время ее операций на побережье Калабрии и 7-й армией, укрепившей наши силы в районе Салерно одной дивизией из Сицилии в критические первые дни боев.

в) Хотя в это время было известно, что суда будут изъяты у нас в течение зимы, но какое количество и когда — не было точно установлено. Наши планы в то время предусматривали доставку 1300 машин в день через все средиземноморские порты. Это означало, что к концу года в Италии фактически будет насчитываться 20 союзных дивизий наряду с тактическими военно-воздушными силами при условии, что они смогут быть снаряжены и будет гарантировано их снабжение. В то же время,

основываясь на предположительном подсчете судов, которыми мы должны были располагать, мы считали возможным обеспечить, если бы это понадобилось, значительную маневренность в снабжении и в проведении десантных операций наряду с продвижением к Риму.

Часть II

2. а) Сейчас положение сильно изменилось. На юге 11 союзных дивизий противостоят 9 немецким, в то время как далее на север находится еще 15, то есть всего 24 вражеские дивизии, а может быть, даже 28. Исходя из предположения, что не возникнет никаких непредвиденных осложнений, которые могли бы повести к еще большему снижению темпов накопления наших сил, оптимальное число дивизий в нашем распоряжении на полуострове будет: конец ноября — 13 дивизий, конец декабря — 14—15 дивизий, конец января — 16—17 дивизий. Темп переброски нашего снаряжения сократился с предусматривавшихся ранее 1300 машин в день до 2000 в неделю, что обусловило и задержку в переброске авиационных и армейских частей. Одной из причин ослабления темпов накопления наземных войск послужило также решение о переброске стратегической авиации в район Фоджи в самые кратчайшие сроки, не ожидая захвата баз в районе Рима. Требования военно-воздушных сил следует удовлетворить к концу года.

б) Сокращение числа судов, и без того уменьшившегося вследствие износа, было настолько серьезным, что не дало нам возможности в полной мере воспользоваться слабостью противника, в частности уязвимостью его двух флангов, для обходного движения с моря. Большинство наличных судов требуется для переброски войск и каботажного сообщения ввиду разрушения шоссе и железных дорог, а также для перевозок в портах ввиду нехватки лихтеров и буксиров и в результате разрушения противником путем диверсий пристаней, восстановление которых требует определенного времени.

3. а) Изучение позиций противника показывает, что его линии коммуникаций дают ему возможность накапливать силы в Италии главным образом на севере и довести их до 60 дивизий, если он сможет собрать столько, а также обеспечить их снабжение в зимние месяцы, несмотря на наше превосходство в воздухе. Немцы явно стараются создать резерв, укоротив свои линии вокруг европейской крепости. Этот резерв может быть использован для подкрепления их армии в Италии.

б) По сравнению с этим положение союзников менее благоприятно. При наличных ресурсах невозможно увеличить темп накопления сил. Нельзя допустить стабилизации фронта

южнее Рима, ибо значение столицы выходит далеко за рамки ее стратегического положения; кроме того, необходимо обеспечить достаточную глубину наших позиций для того, чтобы аэродромы Фоджи и порт Неаполя можно было считать в безопасности. В связи с этим возникает настоятельная необходимость в занятии прочных оборонительных позиций севернее Рима. К тому же мы не можем позволить себе ограничиться чисто оборонительной ролью, ибо это будет означать передачу инициативы в руки немцев.

Часть III

4. Совершенно очевидно, что немцы сейчас намереваются удержать линию южнее Рима, где местность благоприятствует обороне и ограничивает реализацию нашего превосходства в танках и артиллерии. Надвигающийся период неблагоприятной погоды ограничит возможности использования нашей авиации, как это уже имело место. Войска противника, может быть, и утомлены, но им на смену придут части с севера. По имеющимся данным, такое передвижение уже происходит. У нас же нет ни свободных частей, ни судов, чтобы произвести подобную замену. Поэтому, по всей вероятности, нам предстоит длительное и дорогостоящее наступление на Рим, причем мы располагаем очень незначительным превосходством в численности на поле боя, да и оно сводится на нет способностью противника перебрасывать подкрепления, ибо, не имея достаточного количества судов, мы не можем произвести значительных десантных операций на флангах, чтобы ускорить свое продвижение. Существует опасность, что, успешно завершив это наступление и достигнув позиции севернее Рима, мы окажемся настолько истощенными и ослабленными, что не сможем удержать того, что завоевали, если немцы перебросят с севера свежие дивизии для контрнаступления. Вследствие условий зимнего времени наши воздушные силы не смогут полностью нейтрализовать контрудар противника, иначе эта проблема меня бы не беспокоила. Подкрепления, которые немцы перебрасывают в Италию, больше тех, чем требует внутреннее положение или только соображения обороны. Если возникнет возможность добиться успеха ценой не слишком больших жертв, немцы, без сомнения, воспользуются ею для того, чтобы свести на нет последствия поражения, которое они несли в течение целого года на всех фронтах, и поднять моральное состояние немцев перед началом кампаний 1944 года. Это поведет к весьма неблагоприятным для нас последствиям, особенно на Балканах и во Франции.

5. а) В заключение следует сказать, что в сентябре перспективы представлялись благоприятными при условии, что

первое наступление в Салерно будет успешным. Ожидалось, что немецкие дивизии на севере будут связаны по рукам и ногам трудными проблемами внутренней безопасности. На юге обстановка, казалось, складывалась так, что при условии, если немцы не стали бы присылать подкреплений за счет резервных частей, мы должны были иметь к концу декабря 20 дивизий против немецких 18. И вся необходимая нам авиация была уже переброшена. Предполагалось, что у нас будет достаточно судов для того, чтобы обойти фланги противника с моря и снабжать войска через побережье в случае необходимости.

б) Сейчас же положение таково, что 11 союзных дивизий ведут фронтальные бои на местности, благоприятствующей обороняющейся стороне, против 9 германских дивизий, которые могут в любой момент получить подкрепления. Наши темпы накопления настолько ослабли, что мы будем иметь максимум 16—17 дивизий к концу января против верных 24 дивизий противника и располагаем ресурсами только для десантных операций местного характера. Мы можем задержаться южнее Рима так долго, что дадим немцам возможность справиться с положением в Северной Италии, а затем укрепить свой южный фронт. В этом случае инициатива может перейти к ним».

Это был документ, составленный с полным знанием дела, и в нем затрагивались все основные проблемы нашей стратегии.

* * *

Я уже поставил некоторые из этих вопросов перед генералом Маршаллом.

Премьер-министр — генералу Маршаллу, Вашингтон

24 октября 1943 года

«Я надеюсь, что президент покажет Вам мою пространную телеграмму о крайней необходимости нашей встречи в Африке. Естественно, я с глубокой горечью думаю об отозвании наших 50-й и 51-й дивизий, наших лучших дивизий, с самых передовых позиций битвы за Рим в интересах отдаленной еще операции «Оверлорд». Мы выполняем заключенный нами договор, но я молю Бога, чтобы это не обошлось нам слишком дорого».

Генерал Маршалл ответил 27 октября, что, по его мнению, Эйзенхауэр располагает достаточным количеством войск для того, чтобы сражаться в Италии, не подвергая себя излишнему риску. Ближайшая проблема, стоящая перед ним, — десантные суда, и она будет рассмотрена. Маршаллу казалось, что при оценке положения в Италии почти целиком игнорировалось колоссальное преимущество нашего преобладания в воз-

духе. Неблагоприятная погода, по его мнению, не могла решающим образом или на длительный период парализовать активность нашей авиации, и ее массированные налеты на коммуникации противника должны были дать свои результаты.

* * *

Теперь я обратился к президенту по поводу десантных судов на Средиземном море.

Премьер-министр — президенту Рузвельту

4 ноября 1943 года

«1. Я с глубоким сожалением обращаю Ваше внимание на растущее беспокойство правительства его величества в связи с переброской десантных судов из Средиземного моря в этот критический момент. Теперь мы знаем мнение генерала Эйзенхауэра, считающего, что он не сможет занять позиции, необходимые для защиты римских аэродромов, до конца января или даже февраля, если строго следовать существующей ныне программе переброски десантных судов. Он далее объясняет, какие дорогостоящие и длительные фронтальные атаки будут необходимы для того, чтобы добиться этого разочарывающего результата. Мы считаем себя вправе просить своих американских союзников учесть наши серьезные представления ввиду весьма значительного преобладания английских войск, занятых в боях с врагом в Италии и несущих соответствующие потери, а также определенное мнение американского главнокомандующего, которому подчинены наши войска.

2. В связи с этим военный кабинет официально поручил мне просить, чтобы американские начальники штабов приняли во внимание просьбы английских начальников штабов. Мы глубоко сожалеем, что срочность вопроса не дает нам возможности подождать еще три недели, когда можно будет созвать новое совещание начальников штабов, поскольку тем временем произойдет переброска или изъятие десантных судов, что причинит серьезный ущерб итальянской кампании.

3. Я хочу указать в связи с этим, что в результате энергичных усилий мы можем надеяться на постройку в Соединенном Королевстве еще 75 танкодесантных барж к дате, намеченной для операции «Оверлорд».

Его ответ доставил мне большое облегчение.

Президент Рузвельт — премьер-министру

6 ноября 1943 года

«Объединенный англо-американский штаб сегодня дал указание Эйзенхауэру оставить до 15 декабря 68 танкодесантных

барж, которые предназначались для отправки в Соединенное Королевство.

Мне кажется, что таким образом его главные требования будут выполнены».

Я сейчас же сообщил об этом Александру. Он ответил:

Генерал Александер — премьер-министру

9 ноября 1943 года

«Сохранение в нашем распоряжении танкодесантных барж значительно поможет осуществлению моих планов, и я весьма благодарен за это. Однако к 15 декабря я не смогу осуществить весь свой план, и я объяснил это в телеграмме начальнику имперского генерального штаба».

Премьер-министр — генералу Александру

9 ноября 1943 года

«Вы должны изменить планы кампании с учетом, что танкодесантные баржи останутся до 15 января. Я уверен, что мы договоримся об этом на нашем совещании».

Я также направил следующую телеграмму нашему послу в Москве:

Премьер-министр — Кларку Керру

9 ноября 1943 года

«...Исключительно хорошая погода на русском фронте вызвала сильное ненастье в Италии. Фронтальные атаки, которые мы вынуждены предпринимать силами хотя и несколько превышающими силы противника, но находившимися все время в действии, неизбежно дают незначительные результаты.

Я всегда стремился форсировать кампанию в Италии и направлять на этот фронт и держать там как можно больше дивизий. Я рад сообщить, что объединенный англо-американский штаб достиг согласия относительно того, что десантные суда больше не будут перебрасываться оттуда до 15 декабря. Это даст возможность использовать большие силы в нашей итальянской операции в целом. Новыми энергичными усилиями у нас в стране я надеюсь обеспечить дополнительный выпуск десантных судов и, таким образом, восполнить задержку в отправке в Англию других судов.

Половина германских сил находится в Северной Италии и Истрии, на расстоянии примерно 300 миль от нашего фронта. Оттуда-то и перебрасывались войска обратно в Южную Россию. Возможность этих перебросок была обусловлена вовсе не бездей-

ствием на нашем фронте, но уменьшением угрозы внутренней безопасности в силу пассивной позиции итальянцев в Северной Италии. Мы не сомневаемся в правильности данных о силах немцев, сообщенных генералом Исмеем. Когда он представлял эти данные, там находилось 6 танковых дивизий, причем половина их сражалась на нашем фронте. Теперь южнее Рима находится 10 германских дивизий, против которых мы имеем 12 или 13 несколько большего состава. Это не очень большое превосходство в условиях непрерывных фронтальных атак в горной местности».

Генералу Бруку я писал:

Премьер-министр — начальнику имперского генерального штаба

16 ноября 1943 года

«Теперь крайне важно, чтобы в бой вступили поляки. Они бездействовали все эти годы, хотя проводилась огромная подготовка и направлялось огромное количество материалов. К тому же в Италии крайне необходимы подкрепления и намечается послать поляков после новозеландцев. Сейчас не время производить изменения в их организации. Лучше примириться с тем, что две дивизии будут недоукомплектованы. Они постарому будут называться польским корпусом, и мы должны постараться найти подкрепление им в других местах...

Вместо того чтобы расформировывать эти единицы, с таким трудом созданные в Персии, я предпочел бы увеличить наши силы за счет польской бронетанковой дивизии, находящейся в Англии, которая в течение некоторого времени не будет еще введена в действие. Однако я считаю, что если бы польские войска выступили и было бы видно, что они сражаются против немцев, то у Сталина можно было бы получить новые группы поляков, и я надеюсь попытаться это сделать, когда мы с ним встретимся. Советское правительство относится скептически к этому польскому корпусу и подозревает, что его держат и готовят к использованию против русских в защиту прав поляков. Однако если польский корпус выступит против немцев и примет участие в боях, эти подозрения будут рассеяны. Пока что я не могу одобрить какой-либо реорганизации в существующем соединении».

* * *

Тем временем 8-я армия продвигалась и в результате ряда операций вышла к реке Сангро. Здесь находились четыре германские дивизии. Для того чтобы сохранить инициативу, генерал Александер хотел, чтобы 8-я армия форсировала реку, прорвала Винтерштеллюнг на этом фронте и затем оседлала

дорогу Пескара — Авеццано, откуда она могла бы угрожать Риму и коммуникациям противника на западном побережье. Неблагоприятная погода — дождь, грязь, вздувшиеся реки — задержала наступление до 28 ноября. К 20 декабря канадцы достигли предместья Ортоны, но город был очищен от врага только на четвертый день Рождества в результате тяжелых боев. Это были первые большие уличные бои, из них было извлечено много уроков. Но противник все еще твердо держался и получал подкрепления из Северной Италии. В течение декабря 8-я армия заняла еще некоторые позиции, но не захватила никаких серьезных объектов, а зимняя погода положила конец дальнейшим активным операциям.

Американская 5-я армия под командованием генерала Кларка двигалась по дороге к Кассино и атаковала передовые оборонительные позиции немцев. Противник сильно укрепился в горах по обе стороны дороги. Большой массив Монте-Кассино к западу был атакован английским 10-м и американским 2-м корпусами 2 декабря и в конце концов был очищен неделю спустя в результате ожесточенных боев. К востоку от дороги столь же ожесточенные бои вели американские 2-й и 6-й корпуса, причем в последний была включена марокканская 2-я дивизия. Но только в начале нового года удалось выбить противника с этих позиций, и 5-я армия полностью заняла рубеж реки Гарильяно и ее притока Рапидо, оказавшись перед высотами Кассино.

В ходе всех этих наземных операций армии пользовались полной поддержкой нашей тактической авиации, в то время как наша стратегическая авиация совершила целый ряд давших хорошие результаты налетов на тылы противника, в частности на Турин, где американские «летающие крепости» разрушили важный шарикоподшипниковый завод. Германская же авиация проявляла сравнительно небольшую активность. Днем их истребители и истребители-бомбардировщики появлялись редко. Полдюжины налетов их тяжелых бомбардировщиков дальнего действия на Неаполь не причинили большого ущерба, но в результате неожиданного ожесточенного налета 2 декабря на гавань Бари, где находилось много наших судов, немцы взорвали судно с боеприпасами и потопили 16 других судов, в результате чего погибло 30 тысяч тонн груза.

Немцы почти не пытались оспаривать господство в воздухе в Италии в эту зиму и сильно сократили свою воздушную мощь, как показывает следующая таблица.

Силы германской авиации

	1 июля 1943 года	1 октября 1943 года	1 января 1944 года
Центральная часть Средиземного моря	975	430	370

Наше все усиливавшееся воздушное наступление со стороны Англии заставило противника перебросить все силы, какие он только мог, из района Средиземного моря и России. Все бомбардировщики дальнего действия были переброшены из Италии для того, чтобы начать ответные бомбардировки Англии — «малый блиц» следующей весной.

По причинам, о которых уже я говорил, я называл итальянскую кампанию третьим фронтом. Он отвлекал 20 хороших германских дивизий. Если прибавить к этому гарнизоны, которые держали немцы на Балканах, опасаясь нападения, то союзникам в Средиземном море противостояло почти 40 дивизий. Наш второй фронт в Северо-Западной Европе еще не вступил в действие, но уже реально существовал. Ему противостояло всегда не менее 30 дивизий противника, а с приближением вторжения это число достигло 60. Наши стратегические бомбардировки из Англии заставили противника перебросить большое число людей и колоссальную материальную часть для защиты своей родины. Это отнюдь не в малой степени помогло русским на первом фронте, как они имели все основания называть его.

* * *

Я должен заключить эту главу кратким резюме.

В этот период войны недостаток танкодезантичных барж, необходимых для переброски не столько танков, сколько вообще всяких машин, служил помехой осуществлению крупных стратегических комбинаций западных держав и ограничивал их масштабы. Буквы LST (обозначение танкодезантичных барж) не выходили из головы у тех, кто занимался военными делами в этот период. Мы совершили вторжение в Италию большими силами. Мы имели там армию, которая, лишившись снабжения, была бы обречена на уничтожение, что означало бы величайший военный триумф Гитлера со времени падения Франции. С другой стороны, не могло быть и речи о том, что мы не совершим операцию «Оверлорд» в 1944 году. Самое большее, чего я просил, это отсрочки, если потребуется, на два месяца, то есть с мая 1944 года до июля. Это решило бы проблему десантных судов. Вместо того чтобы вернуться в Англию в конце осени 1943 года до зимних штормов, они могли бы возвратиться в начале весны 1944 года. Если бы упорно настаивали на мае или, точнее, на 1 мая, то союзные армии в Италии оказались бы в крайне опасном положении. Если бы некоторым десантным судам, предназначавшимся для операции «Оверлорд», разрешили остаться в Средиземном море на зиму, то без труда удалось бы обеспечить успех итальянской кампании. В Африке бездействовало огромное количество войск: три или четыре французские дивизии, две или три аме-

риканские и по крайней мере четыре (включая поляков) английские и находившиеся под командованием англичан; все они были готовы к действиям. Их участию в операциях в Италии мешало только отсутствие танкодесантных барж, а использование этих судов препятствовало настойчивое требование скорейшего их возвращения в Англию.

Из содержания телеграмм, приведенных в данной главе, не следует на основании некоторых отдельных фраз делать вывод: а) что я был против осуществления операции «Оверлорд», б) что я хотел лишить операцию «Оверлорд» необходимых для ее проведения сил или в) что я предполагал начать настоящую, с участием армий, кампанию на Балканском полуострове. Все это выдумки. Мне никогда и в голову это не приходило. Если бы дата операции «Оверлорд» — 1 мая — была бы отодвинута на шесть недель или на два месяца, я мог бы в течение нескольких месяцев использовать десантные суда в Средиземном море, накопил бы действительно мощные силы в Италии и не только взял бы Рим, но и отвлек бы германские дивизии с русского или нормандского, либо с обоих этих фронтов. Все эти вопросы обсуждались в Вашингтоне без учета ограниченного характера проблем, относительно которых я спорил.

Однако пришлось вести длительную борьбу за эти небольшие отсрочки и против свертывания операции на громадном фронте, которое предполагалось произвести только ради того, чтобы строго выдержать дату начала операций на другом фронте. В результате военные действия в Италии затянулись и шли неудовлетворительно. Было потеряно несколько месяцев, пролито много крови и истрачено много ресурсов.

Глава пятнадцатая

СНОВА АРКТИЧЕСКИЕ КОНВОИ

Конец 1942 года был ознаменован в арктических водах смелой операцией английских эсминцев, эскортировавших конвой в Северную Россию. Как отмечалось в предыдущем томе, это привело к кризису в немецком верховном командовании и к отстранению адмирала Редера от руководства военно-морскими делами. Между январем и мартом, в оставшиеся месяцы почти непрерывной темноты, еще два конвоя (42 и 6 судов), вышедшие в разное время, отправились в это опасное плавание. 40 судов добрались до пункта назначения. В течение того же самого периода 36 судов благополучно прибыли из русских портов, 5 судов было потеряно. Возвращение дневного света облегчило противнику нападения на конвои. То, что осталось

от германского флота, включая «Тирпиц», было теперь сосредоточено в норвежских водах и представляло страшную и непрерывную угрозу на значительной части пути. К тому же Атлантический океан по-прежнему оставался решающим театром войны на море, и в марте 1943 года борьба с немецкими подводными лодками близилась к своему критическому пункту. На наши эсминцы легло непосильное бремя. Отправку мартовского конвоя пришлось отложить, а в апреле адмиралтейство предложило и я согласился, чтобы снабжение России этим путем было прекращено до осенней темноты.

* * *

Это решение было принято с глубоким сожалением ввиду грандиозных сражений на русском фронте, которыми отличалась кампания 1943 года. После весенней распутицы обе стороны сосредоточили свои силы для решающих битв. Русские теперь имели перевес как на суше, так и в воздухе, и у немцев было мало шансов рассчитывать на конечную победу. Тем не менее они нанесли удар первыми. Русский выступ у Курска опасно врезался в немецкий фронт, и было решено срезать его одновременными атаками с севера и с юга. Это предвидели русские, которые были заранее предупреждены и готовы. Поэтому, когда 5 июля началось наступление, немцы натолкнулись на противника, прочно укрепившегося на хорошо подготовленных оборонительных рубежах. Силы, наступавшие с севера, захватили некоторую территорию, но в конце второй недели были отброшены назад. На юге сначала были достигнуты более значительные успехи, и немцы вклинились в русские линии на 15 миль. Затем началось крупное контрнаступление, и к 23 июля русские войска вышли на свои прежние позиции. Немецкое наступление потерпело полный провал. Немцы не достигли никаких преимуществ, которые компенсировали бы их тяжелые потери, а их новые танки «тигры», на которые они рассчитывали, были основательно потрепаны русской артиллерией.

Немецкая армия была уже истощена предыдущими кампаниями в России и разбавлена включением в нее второсортных союзников. Значительная часть ее была сконцентрирована против Курска за счет других секторов тысячемильного действующего фронта. Теперь, когда посыпались русские удары, она не была в состоянии отразить их.

Три грандиозных сражения — у Курска, Орла и Харькова, происшедшие в период двух месяцев, ознаменовали разгром немецкой армии на Восточном фронте. Немцы повсюду были разбиты и подавлены. Русский план, несмотря на всю свою грандиозность, полностью соответствовал их ресурсам. Русские

доказали свое новое превосходство не только на суше. В воздухе приблизительно 2500 немецких самолетов столкнулись по крайней мере с вдвое большим числом русских самолетов, боеспособность которых значительно возросла. Немецкие воздушные силы в этот период войны достигли максимальной численности — всего приблизительно 6 тысяч самолетов. То обстоятельство, что для поддержки этой решающей операции они не могли уделить и половину этих сил, достаточно убедительно доказывает, какое большое значение для России имели наши операции на Средиземном море и принимавшие все более широкие масштабы бомбардировки союзными силами, базирующимися в Англии. Немцы особенно остро ощущали недостаток истребителей. Хотя их и так было мало на Восточном фронте, в сентябре немцам все же пришлось еще более ослабить здесь свою истребительную авиацию, чтобы укрепить свою оборону на Западе, где к зиме было сосредоточено почти три четверти общего числа немецких истребителей.

В сентябре немцы отступали по всему Южному фронту, начиная от района вблизи Москвы и кончая Черным морем. К декабрю, после трехмесячного преследования, немецкие армии в Центральной и Южной России были отброшены более чем на 200 миль и, не сумев удержаться на днепровском рубеже, оказались уязвимыми для зимней кампании, в которой, как они знали по горькому опыту, противник превосходил их. Так разворачивались в 1943 году великие события в России.

* * *

Естественно, что Советское правительство должно было неодобрительно отнестись к прекращению посылки конвоев, в которых так остро нуждались его армии. Вечером 21 сентября Молотов вызвал нашего посла в Москве и попросил возобновить движение конвоев. Он указал на то, что итальянский флот перестал быть угрозой и что немецкие подводные лодки ушли из Северной Атлантики на южный путь. Персидская железная дорога не обладает достаточной пропускной способностью. В течение трех месяцев Советский Союз ведет широкое и весьма напряженное наступление, однако в 1943 году он получил менее одной трети снабжения прошлого года. Советское правительство поэтому настаивает на срочном возобновлении движения конвоев и надеется, что правительство его величества примет все необходимые меры в ближайшие несколько дней.

Хотя в ответ на все это можно было сказать многое, я 25 сентября поставил этот вопрос перед военно-морским министерством и другими инстанциями.

Премьер-министр — министру иностранных дел, министру военного производства, министру транспорта военного времени, генералу Исмею для комитета начальников штабов и исполняющего обязанности начальника военно-морского штаба

25 сентября 1943 года

«Если это в человеческих силах, то нашим долгом является возобновить движение этих арктических конвоев начиная со второй половины ноября, в соответствии с фазой луны. Мы должны попытаться провести ноябрьский, декабрьский, январский, февральский и мартовский конвои — всего пять. Военно-морское министерство и министерство транспорта военного времени должны подготовить соответствующие планы. Насколько я знаю, это вполне выполнимо.

Теперь, когда русские попросили о возобновлении движения этих конвоев, мы имеем право обратиться к ним с весьма откровенным требованием о лучшем отношении к нашему персоналу в Северной России».

Первый ответ военно-морского министерства о конвоях разочаровал меня.

Конвои в Северную Россию

Премьер-министр — министру иностранных дел, военноморскому министру, генералу Исмею для комитета начальников штабов и другим

27 сентября 1943 года

«Ваш ответ неудовлетворителен. Почему ноябрьский конвой не может быть полного состава? Это относится также к конвою от 8 декабря. Мы должны попытаться провести по крайней мере пять конвоев полного состава до начала операций «Оверлорд». Я не думаю, что положение в Атлантике и на Средиземном море будет таким напряженным, каким оно было, когда мы посылали эти конвои раньше. Я, конечно, не собираюсь заключать торжественный контракт с маршалом Сталиным, и мы должны ограждать себя на случай непредвиденных обстоятельств, но я считаю, что в ноябре, декабре, январе, феврале и марте необходимо послать по одному конвою полного состава.

Я созову штабное заседание по этому вопросу в 10 часов вечера во вторник».

Когда мы собрались вечером 29 сентября, чтобы обсудить эту проблему, нам стал известен новый отрядный факт. Сме-

лой героической операцией наших подводных лодок «малюток» линкор «Тирпиц» был выведен из строя. Из шести подводных лодок «малюток», принявших участие в операции, две проникли через всю сложную систему обороны. Их командиры, лейтенант запаса английского военно-морского флота Камерон и лейтенант английского военно-морского флота Плейс, спасенные немцами и захваченные ими в плен, получили Крест Виктории. Позже воздушная разведка сообщила, что линкор получил серьезные повреждения и может вступить в действие только после основательного ремонта в доках. «Лютцов» уже ушел в Балтийское море. Таким образом, в арктических водах наше положение облегчилось, вероятно, на несколько месяцев, и я смог сообщить министру иностранных дел следующее:

«Вопрос о возобновлении движения конвоев практически решен в благоприятном смысле. Прежде чем я пошлю телеграмму Сталину об этом, представьте мне ваш список жалоб относительно обращения с нашими людьми в Северной России, чтобы я мог наиболее выгодным образом объединить эти два вопроса. Я хотел бы составить телеграмму сегодня вечером».

Жалобы Идена были серьезны, и в соответствии с этим я послал Сталину следующую телеграмму:

Премьер-министр — премьеру Сталину

1 октября 1943 года

«1. Получил Вашу просьбу о возобновлении конвоев в Северную Россию. Я и все мои коллеги весьма желаем помочь Вам и руководимым Вами доблестным армиям до пределов наших возможностей. Поэтому я не отвечаю на различные противоречивые моменты, содержащиеся в сообщении г-на Молотова. С 22 июня 1941 года мы неустанно старались, несмотря на наше собственное тяжелое бремя, помочь Вам защищать Вашу страну от жестокого вторжения гитлеровской банды, и мы никогда не переставали признавать и провозглашать великие преимущества, которые мы получили благодаря замечательным победам, одержанным Вами, и благодаря смертельным ударам, которые Вы нанесли германским армиям.

2. В течение последних четырех дней я работал вместе с Адмиралтейством над составлением плана отправки в Северную Россию новой серии конвоев. Это связано с весьма большими трудностями. Во-первых, битва за Атлантику снова началась. Подводные лодки нападают на нас с помощью нового типа акустической торпеды, которая показала себя эффективной против эскортирующих судов, когда последние преследуют подводные лодки. Во-вторых, наши силы на Средиземном море весьма на-

пряжены из-за создания армии в Италии численностью около 600 000 человек к концу ноября, а также вследствие того, что мы пытаемся полностью воспользоваться крахом Италии на Ионических островах и на Балканском полуострове. В-третьих, мы должны вносить нашу долю в войну против Японии, в ведении которой Соединенные Штаты весьма заинтересованы и народ которых был бы обижен, если бы мы были к этому равнодушны.

3. Несмотря на вышеизложенное, я весьма рад сообщить Вам, что мы рассчитываем отправить в Северную Россию четыре конвоя в течение ноября, декабря, января и февраля, каждый из которых будет состоять приблизительно из 35 британских и американских судов. Конвои можно будет отправлять двумя частями для того, чтобы удовлетворить оперативным требованиям. Первый конвой выйдет из Соединенного Королевства около 12 ноября и прибудет в Северную Россию через 10 дней; последующие конвои будут выводить с интервалами приблизительно в 28 дней. Мы намерены к концу октября вывести возможно большее количество торговых судов, находящихся в настоящее время в Северной России, а остаток — с возвращающимися эскортами конвоев.

4. Однако я должен заявить, что это не обязательство и не соглашение, а, скорее, заявление о нашем торжественном и серьезном решении. На основе этого я распорядился о принятии необходимых мер к отправке этих четырех конвоев в составе 35 судов».

Затем я перешел к нашим жалобам на плохое обращение с нашими людьми в Северной России:

«5. Однако Министерство иностранных дел и Адмиралтейство просят меня обратить Ваше внимание на трудности, которые мы испытывали в Северной России, в надежде, что Вы лично с этим ознакомитесь.

6. Если мы возобновим конвои, нам придется увеличить наш персонал в Северной России, численность которого с марта этого года была сокращена. Нынешняя численность военно-морского персонала ниже той, которая необходима для наших настоящих требований вследствие того, что приходится отправлять на родную родину людей, не присылая им замены. Ваши гражданские власти отказывали нам во всех визах для отправки людей в Северную Россию, даже для замены тех, которые уже давно должны быть заменены. Г-н Молотов настаивал на том, чтобы правительство его величества согласилось с тем, чтобы количество британского военного персонала в Северной России не превышало количества советского военного персонала и персонала торгового представительства в Англии. Мы не были в состоянии принять это предложение, поскольку их работа совершенно различна и количество

людей, необходимых для военных операций, не может быть определено таким нереальным путем. Во-вторых, как мы уже сообщали Советскому правительству, ясно, что мы сами должны судить о количестве персонала, необходимого для выполнения операций, за которые мы несем ответственность; г-н Иден уже давал свои заверения в том, что особое внимание будет уделено тому, чтобы ограничить количество персонала минимумом.

7. Поэтому я должен просить Вас согласиться на немедленную выдачу виз дополнительному персоналу, необходимому в настоящее время, и просить Вашего заверения в том, что Вы в будущем не будете отказывать в визах, когда мы сочтем необходимым просить о них, в связи с помощью, которую мы оказываем Вам в Северной России. Я подчеркиваю, что приблизительно из 170 человек военно-морского персонала, находящегося в настоящее время на Севере, свыше 150 человек должны были быть заменены несколько месяцев тому назад, но советские визы не были выданы. Состояние здоровья этих людей, которые не привыкли к климату и другим условиям, таково, что крайне необходимо заменить их без дальнейшего промедления.

8. Мы также хотели послать небольшой медицинский персонал в Архангельск, на что Ваши власти согласились. Но этому персоналу не были выданы необходимые визы. Прошу Вас помнить о том, что у нас может быть много несчастных случаев.

9. Я должен также просить Вашей помощи в облегчении условий, в которых в настоящее время находятся наш военный персонал и моряки в Северной России. Эти лица, конечно, заняты в операциях против врага в наших общих интересах, и они работают главным образом для того, чтобы доставить снабжение союзников в Вашу страну. Они, с чем, как я уверен, Вы согласитесь, находятся в совершенно другом положении по сравнению с обычными лицами, отправляющимися на русскую территорию. Однако Ваши власти подвергают их следующим ограничениям, которые кажутся мне неуместными в отношении людей, посылаемых союзником для выполнения операций, в которых весьма заинтересован Советский Союз:

а) никто не может высадиться на берег с какого-либо военного судна его величества или с британского торгового судна, кроме как на советском катере, в присутствии советского должностного лица и после проверки документов в каждом случае;

б) никому с британского военного судна не разрешается переходить на британское торговое судно без предварительного уведомления советских властей. Это относится даже к британскому адмиралу, являющемуся там старшим;

с) от британских офицеров и рядовых требуют, чтобы они получали специальные пропуска, прежде чем они могут сойти с судна на берег или смогут передвигаться между двумя британскими

учреждениями на берегу; выдача этих пропусков часто сильно задерживается, вызывая нарушение выполняемой работы;

d) никакие грузы, багаж или почта, предназначенные этому оперативному персоналу, не могут быть выгружены, кроме как в присутствии советского должностного лица, и требуется соблюдения многочисленных формальности для отправки всяких грузов и почты;

e) частная переписка подвергается цензуре, хотя для оперативного персонала этого рода цензура, по нашему мнению, должна проводиться британскими военными властями.

10. Введение этих ограничений производит как на офицеров, так и на рядовых впечатление, неблагоприятное для англо-советских отношений, и был бы нанесен большой ущерб, если бы об этом узнал парламент. Все эти формальности крайне затрудняли этим людям эффективное выполнение ими своих обязанностей, причем не раз при выполнении срочных и важных операций. Советский персонал в Англии не подвергается таким ограничениям.

11. Мы уже сделали г-ну Молотову предложение о том, чтобы в случае нарушений советских законов военным персоналом и персоналом судов конвоев эти дела передавались британским военным властям для рассмотрения. Таких случаев было несколько. Несомненно, они частично происходили из-за суровых условий службы на Севере.

12. Поэтому я искренне верю, что Вы сочтете возможным дать указания о разрешении этих трудностей в дружественном духе так, чтобы мы смогли помочь друг другу и общему делу, насколько это будет в наших силах».

По сравнению с усилиями, которые мы собирались предпринять, это были скромные просьбы. Ответа не было почти две недели.

* * *

Как будет описано в следующей главе, давно планировавшаяся конференция министров иностранных дел трех главных союзников наконец должна была состояться в Москве. 9 октября Иден вылетел на самолете. Его путь лежал через Каир и Тегеран, где у него было много дел, и он прибыл в Москву только утром 18 октября. Во время его отсутствия я руководил министерством иностранных дел.

Премьер-министр — Кларку Керру, Москва

12 октября 1943 года

«Я не получил ответа на мою длинную телеграмму от 1 октября о возобновлении движения арктических конвоев. Чтобы

цикл конвоев можно было начать 12 ноября, нам необходимо быстро получить ответ на наши просьбы о персонале. Несколько десятков радистов и связистов, от работы которых может зависеть безопасность конвоев, а также приблизительно 150 человек, посылаемых для смены тех, кто должен вернуться домой, готовятся отправиться в путь на эсминцах, отбывающих из Соединенного Королевства 21 октября. Поэтому прошу вас добиваться ответа. Пока что мы готовим конвои в надежде на то, что Советы все еще хотят, чтобы они были посланы».

На следующий день я получил ответ Сталина.

Премьер Сталин — премьер-министру

13 октября 1943 года

«1. Получил Ваше послание от 1 октября с сообщением о намерении направить в Советский Союз северным путем четыре конвоя в ноябре, декабре, январе и феврале. Однако это сообщение обесценивается Вашим же заявлением о том, что намерение направить в СССР северные конвои не является ни обязательством, ни соглашением, а всего лишь заявлением, от которого, как можно понять, британская сторона может в любой момент отказаться, не считаясь с тем, как это отразится на советских армиях, находящихся на фронте. Должен сказать, что я не могу согласиться с такой постановкой вопроса. Поставки британским правительством в СССР вооружения и других военных грузов нельзя рассматривать иначе, как обязательство, которое в силу особого соглашения между нашими странами приняло на себя британское правительство в отношении СССР, выносящего на своих плечах вот уже третий год громадную тяжесть борьбы с общим врагом союзников — гитлеровской Германией.

Нельзя также не считаться с тем, что северный путь является наиболее коротким путем, позволяющим в наиболее краткий срок доставить на советско-германский фронт поставляемое союзниками вооружение, и что без надлежащего использования этого пути осуществление поставок в СССР в должном объеме невозможно. Как я уже Вам писал раньше и как это подтвердил опыт, подвоз вооружения и военных грузов для СССР через персидские порты ни в какой мере не может окупить недопоставок, получающихся в результате отсутствия подвоза северным путем вооружения и материалов, которые, как это вполне понятно, входят в расчет снабжения советских армий. Между тем отправка военных грузов северным путем в этом году почему-то и без того сократилась в несколько раз по сравнению с прошлым годом, что делает невозможным выполнение установленного плана военного снабжения и находится в противоречии с соответствующим англо-советским протоколом о военных поставках. Поэтому

и настоящее время, когда силы Советского Союза напряжены до крайности для обеспечения нужд фронта в интересах успеха борьбы против главных сил нашего общего противника, было бы недопустимым ставить снабжение советских армий в зависимости от произвольного усмотрения британской стороны. Такую постановку вопроса нельзя рассматривать иначе, как отказ британского правительства от принятых на себя обязательств и как своего рода угрозу по адресу СССР.

2. Что касается Вашего упоминания о будто бы имеющихся в сообщении В. М. Молотова противоречивых моментах, то я должен сказать, что не нахожу для такого замечания какого-либо основания. Принцип взаимности и равенства, предложенный советской стороной для разрешения визовых вопросов в отношении персонала военных миссий, мне представляется правильным и действительно справедливым. Ссылки на то, что различие в функциях британской и советской военных миссий исключает применение указанного принципа и что количественный состав британской военной миссии должен определяться только британским правительством, мне представляются необоснованными. Это достаточно подробно было уже освещено в соответствующих памятных записках НКВД.

3. Я не вижу необходимости в увеличении количества британских военнослужащих на Севере СССР, так как подавляющая часть находящихся там британских военнослужащих не используется надлежащим образом и уже в течение многих месяцев обречена на праздность, на что уже не раз указывалось с советской стороны. В качестве примера можно указать на 126-ю британскую портовую базу в Архангельске, о ликвидации которой за ее ненужность неоднократно ставился вопрос и на ликвидацию которой только теперь получено согласие британской стороны. Имеются также, к сожалению, факты недопустимого поведения отдельных британских военнослужащих, пытающихся в ряде случаев путем подкупа завербовать некоторых советских граждан в разведывательных целях. Подобные оскорбительные для советских граждан явления, естественно, порождают инциденты, приводящие к нежелательным осложнениям.

4. В отношении упоминаемых Вами формальностей и некоторых ограничений, применяемых в северных портах, следует иметь в виду, что в прифронтовой зоне такие формальности и ограничения неизбежны, если не забывать о военной обстановке, в которой находится СССР. К тому же это применяется одинаково как к британским и вообще иностранным, так и к советским гражданам. Тем не менее советскими властями был предоставлен британским военнослужащим и морякам и в этом отношении ряд льгот, о чем было сообщено британскому посольству еще в марте сего года. Таким образом, упоминание Вами о многочисленных

формальностях и ограничениях покоится на неточной информации.

Что касается вопроса о цензуре и привлечении к ответственности британских военнослужащих, у меня нет возражений против того, чтобы на условиях взаимности цензура частной почты для британского персонала в северных портах производилась самими британскими властями, а также чтобы дела английских военнослужащих о мелких нарушениях, не влекущих за собой судебного разбирательства, передавались на рассмотрение соответствующих военных властей».

* * *

Иден уже вылетел из Каира в Тегеран на пути в Москву; поэтому я послал ему следующую телеграмму:

Премьер-министр — министру иностранных дел, Тегеран

15 октября 1943 года

«Этот оскорбительный ответ был получен на нашу телеграмму о конвоях. Я посылаю Вам ответ, который я набросал. Как только Вы будете на месте, я предоставляю Вам поступать, как Вы найдете нужным. Я не думаю, что мы должны уступить в вопросе относительно смены военно-морского персонала и относительно связистов. Было бы большим облегчением, если бы мы избавились от бремени этих конвоев и вернули наших людей из Северной России. Если это то, что они в действительности подразумевают и хотят, мы должны пойти им навстречу».

Вот мой проект ответа:

Премьер-министр — министру иностранных дел

15 октября 1943 года

«1. Правительство его величества не в состоянии гарантировать, что упомянутые четыре конвоя смогут быть отправлены независимо от военной ситуации на море. Однако мы приложим все силы и пойдем на большие потери и жертвы ради достижения этой цели, если Советское правительство считает важным получение этих грузов. Я могу лишь обещать сделать все, что в моих силах, но правительство его величества должно сохранить за собой право решать, осуществима или неосуществима та или иная военная операция, которая должна быть выполнена его силами.

2. Проведение этих четырех конвоев будет очень большим бременем для английского военно-морского флота; оно потребует отвлечения флотилий, в которых испытывается большая нужда, от противолодочных операций и эскортирования войск и других важных конвоев. Оно также подвергнет серьезной

опасности главные боевые единицы (нашего) флота. Правительство его величества было бы очень радо возможности избавиться от задачи проведения этих конвоев, если Советское правительство не придает им большого значения.

3. В частности, отказ удовлетворить просьбу английского правительства в отношении смены и небольшого увеличения английского военного персонала на Севере СССР, насчитывающего несколько сот человек, и в особенности связистов, от чего до некоторой степени зависит безопасность этих конвоев, создает непреодолимое препятствие. Правительство его величества было бы очень радо эвакуировать из Северной России горстку находящегося там военного персонала и сделает это, как только оно получит заверение, что Советское правительство не имеет желания получать грузы, доставляемые этими конвоями на тех скромных и разумных условиях, которые английское правительство считает обязательными».

Я телеграфировал президенту:

Бывший военный моряк — президенту Рузвельту

16 октября 1943 года

«1. О конвоях в Россию. Я получил от Дяди Джо телеграмму, которая — я полагаю, Вы согласитесь с этим — представляет собой не совсем то, что можно было надеяться получить от джентльмена, ради которого мы идем на неудобную и дорогостоящую операцию, требующую крайнего напряжения сил. Я послал проект ответа Антони, уполномочив его поступать, как он найдет наилучшим.

2. Я думаю или по крайней мере надеюсь, что это послание исходит скорее от аппарата, чем от Сталина, поскольку для его составления потребовалось 12 дней. Советский аппарат убежден, что запугиванием можно добиться всего. И я уверен, что довольно важно показать, что это не всегда и не обязательно так».

Иден наконец прибыл в Москву.

Премьер-министр — министру иностранных дел

18 октября 1943 года

«Очень хорошо, что Вы можете на месте заняться вопросом о конвоях. Я увижу советского посла сегодня в 3 часа дня и собираюсь вернуть ему оскорбительную телеграмму Сталина, сказав, что я не желаю ее получать, поскольку этот вопрос будет урегулирован Вами в Москве. Вам не следует вручать предложенный мной ответ или принимать его за нечто большее, чем руководящее указание.

Далее, первый конвой собирается и выйдет 12 ноября. Суда принимают грузы, и я не считал нужным мешать этой погрузке, особенно ввиду того, что это затрагивает Соединенные Штаты, пославшие свои суда по нашему предложению. Однако я надеюсь, что во время личной встречи со Сталиным Вам представится возможность подчеркнуть, во-первых, большое значение этих четырех конвоев в составе 140 грузовых судов, а также те усилия, которые я должен был приложить, чтобы обеспечить необходимые эскортные корабли; во-вторых, незначительность мелких уступок, о которых мы просим и которые касаются обращения с нашими людьми в Северной России; в-третьих, наше естественное желание освободиться от бремени этих конвоев и вернуть наших людей домой из Северной России; в-четвертых, Вы также могли бы рассеять его представление, будто в моем отказе заключить нерушимый контракт или сделку содержится какая-то угроза; единственное, чего я хотел, это резервировать право окончательно решить, осуществима ли эта операция с военной точки зрения и можно ли ее предпринять с учетом общей ситуации в Атлантике, так как я не желаю подвергаться обычным обвинениям в нарушении обещания, и я должен настаивать на этой оговорке.

Я очень сочувствую Вам, поскольку Вы вынуждены участвовать в этой унылой конференции, и хотел бы быть с Вами. Вы можете быть вполне уверены в твердости английской позиции во всех этих вопросах, и я надеюсь, что Вы дадите им почувствовать как наше желание быть в дружбе с ними, так и нашу твердую волю в важных вопросах. Всего наилучшего».

* * *

В тот же самый день я пригласил к себе советского посла. Так как это была моя первая встреча с Гусевым, заменившим Майского, он передал мне приветствие от маршала Сталина и от Молотова, а я сказал ему, что он в бытность свою в Канаде оставил у нас о себе хорошую память. После этих комплиментов мы коротко поговорили о Московской конференции и втором фронте. Я объяснил ему, что такого рода операция не может быть предпринята под влиянием импульса и что я всегда готов организовать совещание между английскими и русскими военными экспертами, чтобы они рассмотрели факты и цифры, от которых все зависит и без знания которых обсуждение бесполезно. Я говорил ему о нашем искреннем большом желании сотрудничать и дружить с Россией, о том, что мы понимаем, что после войны Россия должна занять видное место в мире, что мы это приветствуем и делаем все от нас зависящее, чтобы добиться хороших отношений между ней и Соединенными Штатами. Я далее сказал,

что очень хотел бы встретиться с маршалом Сталиным, если это можно организовать, и отметил, что эта встреча глав английского, американского и советского правительств имела бы большое значение для будущего всего мира.

Затем я перешел к телеграмме Сталина о конвоях. Я сказал очень коротко, что не думаю, чтобы эта телеграмма помогла делу; что она очень огорчила меня и я опасаясь, что любой ответ, который я могу послать, только ухудшит положение; что (наш) министр иностранных дел находится в Москве и я предоставил ему урегулировать этот вопрос на месте и поэтому не хочу принимать телеграмму. Затем я вручил послу конверт. Гусев вскрыл конверт, чтобы ознакомиться с его содержанием, и, увидев телеграмму, сказал, что ему поручено вручить ее мне. Тогда я заявил: «Я не намерен принимать ее» — и встал, чтобы вежливым образом дать понять, что наш разговор окончен. Я прошел к двери и открыл ее. В дверях мы обменялись несколькими словами — я пригласил его прийти в ближайшее время на завтрак и обсудить с г-жой Черчилль некоторые вопросы, касающиеся ее фонда помощи России, который, как я сказал ему, достиг четырех миллионов фунтов стерлингов. Не давая Гусеву возможности вернуться к вопросу о конвоях или сделать попытку вручить мне обратный конверт, я вежливо выпроводил его.

Военный кабинет одобрил мой отказ принять телеграмму Сталина. Это был, безусловно, необычный дипломатический инцидент, и, как я узнал позже, он произвел впечатление на советское правительство. Действительно, Молотов несколько раз упоминал о нем в разговоре. Еще до того как об этом могло быть сообщено в Москву, в советских кругах возникли определенные опасения. 19 октября Иден телеграфировал, что Молотов нанес ему визит в посольстве и сказал, что его правительство придает большое значение этим конвоям и остро ощущает их отсутствие. Северный путь — самый короткий и самый быстрый путь для доставки снабжения на фронт, где русские переживают сейчас трудное время. Нужно сломать зимнюю линию обороны немцев. Молотов обещал поговорить обо всем этом со Сталиным и договориться о встрече.

Важная беседа состоялась 21-го. Тем временем, чтобы подкрепить позицию Идена, я по его предложению задержал выход английских эсминцев, который должен был положить начало возобновлению движения конвоев.

Министр иностранных дел — премьер-министру

22 октября 1943 года

«1. Вчера вечером я видел Сталина и Молотова. Меня сопровождал посол его величества, и беседа, во время которой было затронуто множество самых различных вопросов, продолжалась два с четвертью часа.

2. После вступительного обмена приветствиями я поднял вопрос о конвоях. Я сказал, что должен объяснить, какого большого напряжения сил требуют эти конвои от английского военно-морского флота. Проведение каждого из них — крупная операция, могущая потребовать 4 крейсера и 12 эсминцев для непосредственной защиты, и, кроме того, весь флот метрополии должен будет выйти в море, чтобы обеспечить прикрытие. Чтобы выделить необходимые эскортные корабли, мы вынуждены сократить наши военно-морские силы в Атлантике. Хотя борьба с немецкими подводными лодками действительно принимает более благоприятный для нас оборот, она все еще остается напряженной. В подтверждение моих слов я передал Сталину диаграмму, показывающую число немецких подводных лодок в строю за последние три года. По диаграмме видно, что это число все еще близко к максимуму. Причина, почему мы отказываемся обещать, что обязательно пошлем все четыре конвоя, заключается в том, что мы не хотим, чтобы нас упрекали, если из-за какого-либо неожиданного поворота в ходе войны нам не удастся послать все четыре конвоя. Но мы искренне желаем провести эти конвои, и я сказал Сталину, что вы, лично много потрудившийся, чтобы добиться принятия необходимых мер, теперь сообщили мне по телеграфу, что, по вашим подсчетам, мы сможем послать в общей сложности 130—140 судов с 860 тысячами тонн груза. Если будет решено посылать конвои, то мы хотим начать их отправку немедленно. Мы дислоцировали наши военно-морские силы, исходя из этого, и мы хотим воспользоваться тем периодом, пока «Тирпиц» выведен из строя. Наши требования в отношении военно-морского персонала сокращены до абсолютного минимума, и мы вынуждены настаивать на этом минимуме. Есть также некоторые второстепенные требования, которые, если будет достигнуто принципиальное соглашение, я хочу изложить Молотову.

3. Сталин, кивавший в знак согласия, когда я рассказывал о борьбе с немецкими подводными лодками, сказал, что его расхождение с Вами касается не трудностей операции, а вопроса о том, обязаны ли мы провести ее. Вы дали понять, что если мы отправим хотя бы один из этих конвоев, то это будет как бы подарком. Сталин не считает, что это правильная характеристика положения. Как он понимает это, мы обязаны стараться доставить эти грузы. Однако, когда он послал Вам свой ответ, вы были сильно оскорблены и не пожелали принять его. Я ответил, что мы никогда не говорили, что посылка этих конвоев есть услуга или акт благотворительности. Вы всегда всеми силами стремились доставить эти грузы нашему союзнику, но, по изложенным мною причинам, Вы не можете связать себя обязательством предпринять ряд операций, которые Вы, быть может, не в состоянии будете осуществить. Сталин,

безусловно, должен доверять своему союзнику, и поэтому неудивительно, что Вы были обижены телеграммой. Маршал сказал, что у него не было намерения обидеть Вас.

4. После некоторого дальнейшего обсуждения Сталин сказал, что он не может согласиться на увеличение численности персонала. В портах Северной России и так уже много наших моряков, которым нечего делать, и в результате у них возникают разные неприятности с русскими моряками. Русские могли бы обслуживать конвои сами. Я ответил, что это невозможно. Он сказал, что, если бы только наши люди в Северной России относились к его людям как к равным, никаких трудностей не возникло бы, и что если наши люди будут относиться к его людям как к равным, мы сможем иметь столько личного состава, сколько захотим. После некоторой дальнейшей дискуссии было решено, что Молотов и я встретимся завтра, я представлю ему список наших требований, и мы посмотрим, можно ли прийти к соглашению».

* * *

Так была достигнута договоренность, что движение конвоев будет возобновлено. Первый конвой вышел в ноябре, второй последовал за ним в декабре. В состав обоих этих конвоев входило 72 судна. Все прибыли благополучно, и в то же время были благополучно проведены обратные конвои пустых судов.

Во время следования конвоя, вышедшего в декабре, произошло морское сражение, приведшее к радостным для нас результатам. После того как «Тирпиц» был выведен из строя, «Шарнхорст» остался единственным тяжелым кораблем противника в Северной Норвегии.

Вечером в день Рождества 1943 года он с пятью эсминцами вышел из Альтен-фиорда, чтобы напасть на конвой приблизительно в 50 милях к югу от острова Медвежьего. Усиленный эскорт конвоя состоял из 14 эсминцев и 3 прикрывающих крейсеров. Командующий эскротом адмирал Фрэзер на своем флагманском корабле линкоре «Дьюк ов Йорк» с крейсером «Ямайка» и четырьмя эсминцами держался юго-западнее.

«Шарнхорст» дважды пытался атаковать конвой. Эскортные крейсера и эсминцы каждый раз перехватывали его и вступали с ним в бой, и после сражения, не давшего решающих результатов, во время которого были повреждены как «Шарнхорст», так и английский крейсер «Норфолк», немцы вышли из боевого соприкосновения и взяли курс на юг. Адмирал Фрэзер послал четыре эсминца с приказом атаковать противника, как только представится возможность. Приблизительно в 7 часов они предприняли атаку объединенными силами. Четыре торпеды попали в цель. Только один эсминец был поврежден. «Шарнхорст» раз-

вернулся, чтобы отогнать эсминцы, и таким образом «Дьюк ов Йорк» смог быстро приблизиться на дистанцию приблизительно 10 тысяч ярдов и снова открыл сокрушительный огонь. Через полчаса неравный бой между линкорами закончился, и «Дьюк ов Йорк» предоставил крейсерам и эсминцам завершить задачу. «Шарнхорст» скоро затонул. Из его команды, насчитывавшей 1970 человек офицеров и рядовых, включая контр-адмирала Бея, нам удалось спасти только 36 человек.

Хотя гибель выведенного из строя «Тирпица» была отсрочена почти на год, потопление «Шарнхорста» не только устранило самую серьезную угрозу для наших арктических конвоев, но и вновь предоставило свободу действий флоту метрополии. Нам больше не грозила опасность, что немецкие тяжелые корабли в любой момент могут прорваться в Атлантику. Это было значительным облегчением.

Глава шестнадцатая

КОНФЕРЕНЦИЯ МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ В МОСКВЕ

Теперь необходимо вернуться назад, чтобы восстановить последовательность дипломатических событий. Начиная с Квебекской конференции мы все время предлагали Сталину организовать встречу глав трех правительств. Уже в Квебеке я получил от него следующий ответ:

Премьер Сталин — премьер-министру, Квебек

10 августа 1943 года

«Я только что вернулся с фронта и успел уже познакомиться с посланием британского правительства от 7 августа.

1. Я согласен с тем, что встреча глав трех правительств безусловно желательна. Такую встречу следует осуществить при первой же возможности, согласовав место и время этой встречи с президентом.

Вместе с тем я должен сказать, что при данной обстановке на советско-германском фронте я, к сожалению, лишен возможности отлучиться и оторваться от фронта даже на одну неделю. Хотя мы имеем в последнее время на фронте некоторые успехи, от советских войск и советского командования требуются именно теперь исключительное напряжение сил и особая бдительность в отношении к вероятным новым действиям противника. В связи с этим мне приходится чаще чем обыкновенно выезжать в войска, на те или иные участки нашего фронта. При таком положении я не могу в данное время

направиться для встречи с Вами и президентом в Скапа-Флоу или в другой отдаленный пункт.

Тем не менее, чтобы не откладывать выяснения вопросов, интересующих наши страны, целесообразно было бы организовать встречу ответственных представителей наших государств, причем о месте и времени такой встречи можно было бы договориться в ближайшее время.

Кроме того, следует заранее условиться о круге вопросов, подлежащих обсуждению, и о тех проектах предложений, которые должны быть приняты. Без этого встреча едва ли даст какие-либо ощутительные результаты.

2. Пользуюсь случаем, чтобы поздравить британское правительство и англо-американские войска по случаю весьма успешных операций в Сицилии, которые уже привели к падению Муссолини и к краху его банды».

Это было первое благоприятное упоминание с русской стороны о совещании между тремя союзниками на том или ином уровне. Передавая нижеследующее послание Идену для вручения в Москве, я сказал: «Я был очень рад снова получить весточку от самого Медведя. Пожалуйста, передайте ему мой ответ, который составлен в таком духе, как Вы этого желаете».

После обсуждения с президентом Рузвельтом мы составили совместную телеграмму Сталину.

*Премьер-министр и президент Рузвельт,
Квебек — премьеру Сталину*

19 августа 1943 года

«Г-н Черчилль и я находимся здесь в сопровождении наших сотрудников и будем совещаться, возможно, в течение десяти дней. Мы снова желаем обратить Ваше внимание на важность встречи всех нас троих. В то же время мы полностью понимаем те веские причины, которые заставляют Вас находиться вблизи боевых фронтов, фронтов, где Ваше личное присутствие столь содействовало победам.

По нашему мнению, ни Астрахань, ни Архангельск не подходят. Однако мы вполне готовы отправиться с соответствующими офицерами в Фербенкс на Аляске. Там совместно с Вами мы сможем подвергнуть изучению всю обстановку в целом.

Сейчас мы переживаем решающий момент войны, период, представляющий единственную в своем роде возможность для встречи. Мы оба, г-н Черчилль и я, искренне надеемся, что Вы еще раз рассмотрите эту возможность.

Если мы не сможем прийти к соглашению по поводу этой очень важной встречи между тремя главами наших правительств, Черчилль и я согласны с Вами в том, что в ближай-

шем будущем мы должны устроить встречу представителей, ведающих иностранными делами. Принятие окончательных решений должно, конечно, быть предоставлено нашим соответственным правительствам таким образом, чтобы подобная встреча носила бы исследовательский характер...»

Сталин ответил:

«1. Получил Ваше совместное послание от 19 августа.

Я всецело разделяю Ваше мнение и мнение г. Рузвельта о важности встречи нас троих. Вместе с тем я очень прошу понять мое положение в момент, когда наши армии с исключительным напряжением ведут борьбу с главными силами Гитлера и когда Гитлер не только не снимает с нашего фронта ни одной дивизии, а, наоборот, уже успел перебросить и продолжает перебрасывать новые дивизии на советско-германский фронт. В такой момент, по мнению всех моих коллег, я не могу без ущерба для наших военных операций уехать от фронта в столь отдаленный пункт, как Фербенкс, хотя при другом положении на нашем фронте Фербенкс, несомненно, был бы вполне подходящим местом нашей встречи, как это я считал и раньше.

Что касается встречи представителей наших государств и, может быть, именно представителей, ведающих иностранными делами, то я разделяю Ваше мнение о целесообразности такой встречи в близком будущем. Этой встрече, однако, следовало бы придать не узко исследовательский характер, а практически-подготовительный характер для того, чтобы после этого совещания наши правительства могли принять определенные решения и тем самым можно было бы избежать задержки в принятии решений по неотложным вопросам.

Поэтому я считаю необходимым возвратиться к своему предложению о том, что следует заранее определить круг вопросов, подлежащих обсуждению представителями трех государств, и наметить предложения, которые должны быть ими обсуждены и представлены нашим правительствам для окончательного решения.

2. Вчера были получены от г-на Керра дополнения и поправки к Вашему и г. Рузвельта посланию, в котором Вы сообщали об инструкциях, посланных генералу Эйзенхауэру в связи с выработанными для Италии условиями капитуляции при переговорах с ген. Каstellано. Я и мои коллеги считаем, что инструкция, данная ген. Эйзенхауэру, целиком вытекает из установки на безоговорочную капитуляцию Италии и потому не может вызвать каких-либо возражений.

Все же я считаю совершенно недостаточной полученную пока информацию для того, чтобы можно было судить о необходимых шагах со стороны союзников во время переговоров с Италией. Это обстоятельство подтверждает необходимость

участия советского представителя в деле принятия решения в ходе переговоров. Поэтому я считаю вполне назревшим создание военно-политической комиссии из представителей трех стран, о которой я писал Вам 22 августа».

Премьер-министр — премьеру Сталину

5 сентября 1943 года

«О конференции министров иностранных дел.

1. Я был рад получить Ваше послание от 25 августа, в котором Вы соглашаетесь на встречу в скором времени советского представителя, представителя Соединенных Штатов и британского представителя, ведающих иностранными делами. Если приедет г-н Молотов, то мы пошлем г-на Идена.

2. Совещание даже в составе этих лиц, конечно, не могло бы подменить полномочия всех заинтересованных правительств. Мы очень хотим знать, каковы Ваши пожелания в отношении будущего, и мы сообщим Вам наши взгляды, как только они сложатся. После этого правительства должны будут принять решение, и я надеюсь, что мы сможем встретиться где-либо лично. Если нужно, я отправился бы в Москву.

3. Политическим представителям могла бы потребоваться помощь военных советников. Я выделил бы общевойскового офицера сэра Гастингса Исмея, который является моим личным представителем в Комитете начальников штабов и который руководит Секретариатом Министерства обороны. Он мог бы представить аргументы, факты и цифры по возникающим военным вопросам. Я полагаю, что Соединенные Штаты послали бы офицера подобной же квалификации. Этого, я полагаю, было бы достаточно на данной стадии для встречи министров иностранных дел.

4. Если, однако, Вы желаете войти в технические детали вопроса, почему мы еще не вторглись во Францию через Канал и почему мы не можем сделать этого раньше или большими силами, чем предполагается сейчас, я бы приветствовал приезд отдельной технической миссии Ваших генералов и адмиралов в Лондон или в Вашингтон или в оба эти города, где им были бы предоставлены и где были бы обсуждены в деталях, насколько возможно, самые полные данные относительно наших совместных ресурсов и намерений. Я действительно был бы очень рад, если бы Вы получили эти разъяснения, на что Вы, конечно, имеете все права.

5. Мы склонны думать, что Британия, находящаяся на половине пути, была бы наиболее подходящим местом для встречи, хотя можно было бы предпочесть, чтобы встреча состоялась вне Лондона. Я сделал это предложение президенту, но он не сообщил мне окончательного решения об этом. Если Англия

была бы для Вас приемлема, я был бы рад, если бы Вы поддержали это предложение.

6. Я надеюсь, что мы можем рассчитывать на созыв конференции в начале октября».

Премьер Сталин — премьер-министру

8 сентября 1943 года

«...Предложенное Вами время встречи представителей трех правительств — начало октября — считаю приемлемым. Местом встречи предлагаю назначить Москву. Дело теперь за тем, чтобы предварительно согласовать между нами круг вопросов и предложения по этим вопросам, в которых заинтересованы наши правительства. Я по-прежнему держусь того мнения, что это необходимо для успеха совещания, которое должно было бы подготовить согласованные последующие решения правительств. По другим вопросам, относящимся к организации совещания, я не предвижу затруднений в согласовании.

...Что касается вопроса о личной встрече глав трех правительств, то я написал президенту по этому поводу, что я также стремлюсь осуществить ее в возможно скором времени, что его предложение о времени встречи (ноябрь — декабрь) мне представляется приемлемым, но что местом встречи было бы целесообразно назначить страну, где имеется представительство всех трех государств, например Иран. При этом я оговорился, что придется еще дополнительно уточнить момент встречи, считаясь с обстановкой на советско-германском фронте, где втянуто в войну с обеих сторон свыше 500 дивизий¹ и где контроль со стороны Верховного Командования СССР требуется почти каждодневно...»

10 сентября я ответил на предложение премьера Сталина:

Премьер-министр — премьеру Сталину

10 сентября 1943 года

«...В отношении встречи представителей министерств иностранных дел мы уступаем Вашему желанию, чтобы Москва была местом встречи. В соответствии с этим наш министр иностранных дел г-н Иден отправится туда в начале октября. Его будут сопровождать соответствующие сотрудники.

...*Повестка дня.* Правительство его величества заявляет о своей готовности обсудить любой и всякий вопрос со своими русским и американским союзниками. Через несколько дней

¹ Советская дивизия была эквивалентна приблизительно одной третьей или одной четвертой части английской или американской дивизии. — *Примеч. ред.*

мы представим Вам наши соображения. Но мы особенно хотели бы узнать, какие главные вопросы Вы имеете в виду.

...Эта встреча представителей министерств иностранных дел расценивается мной как чрезвычайно важная и необходимая предпосылка для встречи трех глав правительств. Я доволен и с облегчением чувствую, что имеются хорошие перспективы того, что эта встреча состоится между 15 ноября и 15 декабря. Некоторое время тому назад я сообщал Вам, что я отправлюсь ради такой встречи в любой пункт, в любое время, с каким бы риском это ни было связано. Поэтому я готов отправиться в Тегеран, если Вы не считаете, что в Иране имеется более подходящее место. Я предпочел бы Кипр или Хартум, но я уступаю Вашим желаниям, Маршал Сталин. Я хочу сказать Вам, что от этой встречи нас троих, столь сильно желаемой всеми Объединенными Нациями, может зависеть не только наилучший метод скорейшего окончания войны, но и те хорошие мероприятия для будущности мира, которые позволят британской, американской и русской нациям оказать человечеству услугу на долгие годы...»

* * *

Позже, по возвращении из Квебека в Лондон, я набросал для своих коллег замечания по общим вопросам, подлежавшим обсуждению на предстоящей конференции министров иностранных дел, относительно которой теперь была достигнута договоренность.

Замечания премьер-министра для министра иностранных дел к руководству на предстоящей конференции

11 октября 1943 года

«1. Великобритания не стремится приобрести для себя какую-либо территорию или специальные преимущества после войны, в которую она вступила ради выполнения своих обязательств и во имя защиты законности.

2. Мы решительно стоим за систему Лиги Наций, которая будет включать Европейский совет с Международным судом и вооруженными силами, способными обеспечить выполнение его решений¹. Мы считаем, что в период перемирия, который может быть продолжительным, три великие державы — Британское Содружество наций и империя, Соединенные Штаты и Союз Советских Социалистических Республик, а также Китай должны оставаться объединенными, хорошо вооруженными, способными обеспечить выполнение условий перемирия и создать на всем земном шаре постоянную систему поддержания мира.

¹ Подчеркнуто позже мною. — *Примеч. авт.*

3. Мы считаем, что государствам и нациям, в результате насилия поработанным нацистами и фашистами во время войны, должны быть полностью гарантированы на мирной конференции их суверенные права и что все вопросы, касающиеся окончательной передачи территорий, должны быть урегулированы на мирной конференции, при должном учете интересов населения, которого это касается.

4. Мы подтверждаем принципы Атлантической хартии, отмечая, что присоединение России к ней основывается на границах 22 июня 1941 года. Мы также принимаем во внимание исторические границы России перед двумя агрессивными войнами, начатыми Германией в 1914 и в 1939 годах¹.

5. Мы приветствовали бы всякое соглашение между Польшей и Россией, которое, обеспечивая создание сильной и независимой Польши, принесло бы России необходимую безопасность ее западной границы.

6. Мы твердо намерены искоренить нацизм и фашизм в странах-агрессорах, где они укоренились, и создать там демократические правительства, основанные на свободном выражении воли народа в условиях достаточного спокойствия. Это не должно исключать мер военной дипломатии или установления отношений с временными правительствами, которые могут быть образованы, с тем чтобы наши главные цели могли быть достигнуты при минимуме жертв, особенно поскольку это касается вооруженных сил союзников.

7. Мы не признаем никаких территориальных приобретений Германии или Италии, сделанных во время нацистского или фашистского режимов, и, далее, мы считаем, что вопрос о будущей структуре Германии и положении Пруссии как составной части германского государства должен стать предметом согласованной политики трех великих держав Запада.

8. Мы исполнены решимости принять все необходимые меры и не допустить, чтобы виновные державы стали вооруженной угрозой миру в Европе. Для этого необходимо не только

¹ Вопрос о признании западных границ СССР, существовавших на 22 июня 1941 г., был поставлен Советским правительством перед союзниками еще в 1941 г. Весной 1942 г., когда остро встал вопрос об открытии второго фронта в Западной Европе в этом же году, Черчилль, противник этого решения, выразил готовность признать западные границы СССР 1941 г. в обмен на снятие правительством СССР требования о высадке во Франции в 1942 г. Однако президент Рузвельт накануне выборов в конгресс США в ноябре 1942 г., опасаясь отрицательной реакции части американской общественности, посчитал постановку этого вопроса «несвоевременной» и предложил отложить его решение на более поздний срок.

И вот теперь, осенью 1943 г., после убедительных побед Советской Армии на советско-германском фронте и при колоссальном росте международного авторитета СССР Черчилль счел возможным, чтобы Англия выступила за признание советской западной границы 1941 г. Окончательно вопрос был решен в Ялте в 1945 г.

осуществить разоружение, но и установить продолжительный контроль над всякого рода военными учреждениями и организациями внутри границ этих держав.

9. У нас нет желания держать какого-либо члена европейской семьи наций в состоянии поражения или подвергать его каким бы то ни было ограничениям, если того не требуют всеобщие нужды и безопасность всего мира.

10. Мы провозглашаем свою твердую решимость использовать власть, которую победа даст трем великим державам, для содействия всеобщему благу и прогрессу человечества».

* * *

Первое официальное заседание конференции состоялось днем 19 октября. Молотов, немного поломавшись, подобно тому, как это делает спикер в палате общин, когда его провожают к председательскому креслу, был избран председателем к явному удовлетворению его самого и его делегации. Затем была принята повестка дня. После этих предварительных формальностей Молотов раздал следующую записку с советскими предложениями¹.

«1. Правительства Великобритании и Соединенных Штатов примут в 1943 году такие неотложные меры, которые обеспечат вторжение англо-американских армий в Северную Францию, что в сочетании с мощными ударами советских войск по главным немецким силам на советско-германском фронте в корне подорвет военно-стратегическое положение Германии и приведет к значительному сокращению сроков войны.

В этой связи Советское правительство считает необходимым удостовериться, остается ли в силе заявление, сделанное в начале июня 1943 года Черчиллем и Рузвельтом, относительно того, что англо-американские силы предпримут вторжение в Северную Францию весной 1944 года.

2. Три державы предложат турецкому правительству, чтобы Турция немедленно вступила в войну.

3. Три державы предложат Швеции передать в распоряжение союзников авиационные базы для борьбы против Германии».

Молотов спросил, будут ли Хэлл и Иден готовы обсудить эти предложения на совещании в самом узком кругу после того, как они изучат их. На это тотчас же было дано согласие.

Иден прислал мне отчет о том, что произошло, и я немедленно сообщил ему свое мнение.

¹ Дается в переводе с английского. — *Примеч. ред.*

«1. Наши теперешние планы на 1944 год, по-видимому, имеют весьма серьезные недочеты. Мы должны в мае высадить во Франции 15 американских и 12 английских дивизий и будем иметь приблизительно 6 американских и 16 английских или контролируемых англичанами дивизий на Итальянском фронте. Если только Германия не потерпит краха, Гитлер, находясь в центре самых лучших путей сообщения в мире, сможет сосредоточить, по меньшей мере, 40—50 дивизий против любой из этих группировок, в то же время сдерживая другую. Он может получить все необходимые силы, уменьшив свои потери на Балканах и отойдя к Саве и Дунаю, без ослабления своего русского фронта. Это одно из самых элементарных стратегических положений. Вопрос о распределении наших сил между Итальянским театром военных действий и районом Ла-Манша был решен не в соответствии со стратегическими нуждами, но под влиянием событий, исходя из транспортных возможностей и произвольных соглашений между англичанами и американцами. Ни силы, накопленные в Италии, ни те силы, которые будут готовы в мае пересечь Ла-Манш, не являются достаточными для выполнения стоящих перед ними задач, а численность войск, которые могут быть переброшены с одного фронта на другой, ограничивается цифрой порядка 7 или 8 дивизий. Я твердо намерен добиться пересмотра этого положения.

2. Если бы решение зависело от меня, я не стал бы отводить никаких войск со Средиземноморского ТВД и не вышел бы из узкого «голенища» итальянского «сапога» в долину По, а решительно связал бы противника на узком фронте и в то же самое время поощрял бы волнения на Балканах и в Южной Франции. В случае если Германия не потерпит краха, я не думаю, что нам следует переправляться через Ла-Манш, располагая менее чем 40 дивизиями на 60-й день, и то только при условии, если на Итальянском фронте будут вестись решительные бои с противником. Я не согласен с американским доводом относительно того, что воздушные силы метрополии могут уничтожить все в зоне боев и на подходах к ней. Наш теперешний опыт не подтверждает этого. Все вышесказанное предназначается только для Вас лично: на данном этапе не следует развертывать эту аргументацию. Однако мои замечания могут показать Вам опасности, с какими связано для нас твердое обязательство начать операцию «Оверлорд» в мае, ради чего мы можем погубить Итальянский фронт, упустить возможности на Балканах и все же не иметь достаточных сил для того, чтобы удержаться на 30-й или 40-й день.

3. Вы должны попытаться выяснить подлинные намерения русских относительно Балкан. Может ли получить их одобрение

план наших действий через Эгейское море, вовлечения в войну Турции и открытия Дарданелл и Босфора с тем, чтобы английские военно-морские силы и торговые суда могли оказать помощь русскому наступлению, и мы в конце концов могли бы подать русскому правую руку на Дунае? Насколько они будут заинтересованы в открытии нами Черного моря для союзных военных кораблей, снабжения и союзных вооруженных сил, включая турецкие? Заинтересованы ли они в осуществлении такого плана действий на правом фланге или же они по-прежнему настаивают лишь на нашем вторжении во Францию? При этом Вы должны, конечно, отметить, что при всех обстоятельствах в Англии будут неуклонно накапливаться силы, связывающие крупные немецкие силы на Западе. По политическим причинам русские, возможно, не пожелают, чтобы мы создавали балканскую стратегию крупных масштабов. С другой стороны, их желание, чтобы Турция вступила в войну, показывает, что они заинтересованы в Юго-Восточном театре военных действий. Все вышесказанное — опять-таки лишь для Вас лично».

* * *

21 октября в Москве состоялось заседание, посвященное рассмотрению советских предложений. Англичан представляли Иден, посол сэр Арчибальд Кларк Керр, Стрэнг¹ и генерал Исмей; американцев — Хэлл, посол Гарриман и генерал-майор Дин; русских — Молотов, маршал Ворошилов, Вышинский и Литвинов. Исмей открыл заседание заявлением от имени английской и американской делегаций, основанным на квебекских решениях; в своем заявлении он подчеркнул условия, лимитировавшие организацию вторжения через Ла-Манш.

В ходе последовавшего затем обсуждения наши представители дали абсолютно ясно понять, что мы с нашей стороны нисколько не отступали от намеченного плана и намерены продолжать осуществлять этот план, если будет возможно выполнить условия, указанные нами. С этим русские, казалось, пока что согласились. Молотов сказал, что Советское правительство детально изучит заявление Исмея и что оно хотело бы продолжить это обсуждение на более позднем этапе конференции.

Иден после этого перешел к вопросу о Турции и сказал, что в настоящее время мы не можем оказать необходимую эффективную поддержку. Вопрос о совместном обращении к Турции был отложен. Русское предложение о Швеции также упоминалось. Было ясно, что Швеция потребует гарантий от-

¹ В то время — помощник заместителя министра иностранных дел Англии. — *Примеч. ред.*

носительно Финляндии — вопрос, который русские не хотели обсуждать.

* * *

Вечером Иден посетил Сталина, и более двух часов они обсуждали широкий круг вопросов. Первым по значению, как читатель об этом уже знает, был вопрос об арктических конвоях. Затем разговор перешел на предполагаемую встречу глав трех союзных правительств. Сталин настаивал на том, что она должна состояться в Тегеране.

В целом беседа, по-видимому, прошла хорошо.

* * *

Иден получил мою телеграмму от 20 октября и прислал свои замечания. Он сообщал, что русские упрямо и слепо настаивают на нашем вторжении в Северную Францию. Это единственное решение, к которому они проявляют всепоглощающий интерес. Они снова и снова спрашивают, не произошло ли какого-либо изменения в отношении договоренности, о которой сообщили Сталину президент и я после Вашингтонской конференции в мае, а именно, что мы вторгнемся в начале весны 1944 года.

* * *

К тому времени мною была получена важная телеграмма от генерала Эйзенхауэра, в которой он сообщал об оценке военного положения в Италии генералом Александером. Я послал эту телеграмму Идену и просил его показать ее Сталину.

Я послал свои последние замечания по этому вопросу три дня спустя:

Премьер-министр — Идену, Москва 29 октября 1943 года

«Конечно, не может быть и речи об отказе от операции «Оверлорд», которая останется нашей главной операцией в 1944 году. Задержка десантных судов на Средиземном море, необходимая, чтобы не проиграть битву за Рим, может привести к отсрочке операции — например, до июля, поскольку мелкие десантные суда не могут пересечь Бискайский залив в зимние месяцы и должны будут совершить переход весной. Эта отсрочка, однако, может означать, что удар будет нанесен несколько более значительными силами, а также что мощные удары бомбардировочной авиации по Германии не будут ослаблены так скоро. Мы также готовы в любое время совершить переправу и воспользоваться крахом Германии. Эти соображения могут пригодиться Вам во время обсуждения».

Вечером наш посол и Исмей сопровождали в Кремль Идена. Со Сталиным был Молотов. Иден в самом начале вручил Сталину русский текст телеграммы Эйзенхауэра о положении в Италии. Сталин прочитал его вслух Молотову. Когда он кончил читать, на его лице не было никаких признаков разочарования, но он сказал, что, по сведениям русской разведки, южнее Рима 12 англо-американских дивизий сражаются с 6 немецкими дивизиями и что имеется еще 6 немецких дивизий на реке По. Однако он признал, что генерал Александер, вероятно, имеет более точные сведения. Иден сказал, что я очень хотел, чтобы Сталину были сообщены последние сведения о положении в Италии и чтобы он знал не только то, что оно меня тревожит, но также и то, что я настаиваю на том, что кампанию в Италии нужно обеспечить и довести до победного конца, как бы это ни повлияло на операцию «Оверлорд». Иден добавил, что жизненно важные вопросы, вставшие теперь перед союзниками, делают еще более необходимым, чтобы главы трех правительств встретились как можно скорее.

Сталин заметил с улыбкой, что если не хватает дивизий, то и встреча глав правительств не создаст их. Затем он прямо спросил, означает ли только что прочитанная им телеграмма отсрочку операции «Оверлорд». Иден ответил, что ничего нельзя сказать до тех пор, пока это не будет полностью изучено объединенным англо-американским штабом и пока не будут приняты решения об улучшении положения, но что следует считаться с этой возможностью. Он процитировал то место в моей телеграмме, в котором говорится о нашей решимости сделать «все, что в наших силах» для операции «Оверлорд», но что «нет смысла подготавливать поражение на поле боя ради временного политического удовлетворения». Имеются две трудности: во-первых, десантные суда и, во-вторых, переброска семи испытанных в боях дивизий в Соединенное Королевство в начале ноября, чтобы составить из них головной отряд для операции «Оверлорд». Переброску некоторых из них или всех этих дивизий теперь, возможно, придется отложить, но повлияет ли это на дату операции «Оверлорд», и если да, то в какой мере, — сейчас невозможно сказать.

Сталин затем перешел к вопросам общей стратегии. Насколько я понимаю, сказал он, перед нами две возможности: перейти к обороне севернее Рима и использовать все остальные наши силы для операции «Оверлорд» или же вступить в Германию через Италию.

Иден заявил, что мы имели в виду первую возможность. Насколько ему известно, не было намерения идти дальше линии Пиза—Римини. Это даст нам известное пространство севернее Рима и авиационные базы для бомбардировки Южной Германии. Было ясно, что Сталин счел это правильным; он заметил, что было бы очень трудно перейти через Альпы и

что немцев вполне устраивало бы сражаться с нами там. После занятия Рима английский престиж будет, несомненно, достаточно высок, чтобы мы могли перейти в Италию к обороне.

Разговор затем перешел к вопросу о другом пункте — где может быть нанесен удар. Иден сказал, что нам, возможно, удастся одновременно с операцией «Оверлорд» предпринять отвлекающее нападение на Южную Францию. Если бы силами каких-нибудь двух дивизий удалось захватить здесь плацдарм, то можно было бы пустить в ход французские дивизии, обученные и снаряженные в Северной Африке. Сталин нашел, что это хорошая идея, так как, чем больше мы заставляем Гитлера расплыть свои силы, тем лучше. Он сказал, что применяет такую же тактику на русском фронте. Но хватит ли у нас десантных судов?

Затем он задал вопрос: «Будет ли операция “Оверлорд” отложена на месяц или на два месяца?» Иден сказал, что он не в состоянии ответить на этот вопрос. Единственное, о чем он может определенно заявить, это то, что мы сделаем все возможное, чтобы начать операцию «Оверлорд» как можно скорее, как только появятся достаточные шансы на успех, и что очень желательно, чтобы главы трех правительств встретились в ближайшее время. Сталин целиком согласился с этим, но отметил, что у президента относительно поездки в Тегеран есть некоторое колебание. Когда Иден предложил Хаббанию, Сталин и Молотов решительно отказались. Сталин сказал, что он не может уезжать далеко до тех пор, пока существует благоприятная возможность продолжать наносить урон армиям Гитлера. Немцы недавно перебросили из Франции и Бельгии на советский фронт несколько танковых дивизий, но у них ощущается недостаток вооружения и сырья. Важно не давать Гитлеру передышки, сказал он и добавил, что советские армии не добились бы таких успехов, если бы немцы могли перебросить с Запада 40 дивизий, которые скованы там одной лишь угрозой нашего вторжения. Советский Союз хорошо понимает значение этого вклада в общее дело.

Иден сказал, что, как маршал хорошо это знает, премьер-министр так же, как и он, стремится наносить удары Гитлеру. Сталин полностью согласился с этим, но, рассмеявшись, добавил, что у меня есть склонность выбирать легкий путь для себя и предоставлять трудную работу русским. Иден не согласился с этим и упомянул о трудностях военно-морских операций и о наших больших потерях в эсминцах в последнее время. Сталин снова стал серьезен и сказал, что его люди мало говорят о морских операциях, но понимают, насколько они трудны.

Во время этой конференции было много признаков, указывавших на то, что Советское правительство искренне желает прочной дружбы с Англией и Соединенными Штатами. Оно пошло нам на уступки в ряде вопросов, как важных, так и

незначительных, относительно которых, как мы опасались, могут возникнуть трудности. Сталин показал, что он понимает наши проблемы, и пока что никаких неблагоприятных перемен в настроении не было.

«Русские представители, — писал Иден, — дали много доказательств того, что они намерены открыть новую главу. Ваш жест в отношении конвоев произвел глубокое впечатление. Сегодня вечером, впервые за многие годы, Молотов и ряд его коллег прибыли на обед в наше посольство. Микоян, в задачу которого входит информирование этих людей, был особенно красноречив, когда отмечал Вашу личную роль в принятии решения об отправке этих конвоев.

В этой обстановке я многое бы дал, чтобы иметь возможность заключить конференцию каким-нибудь осязательным свидетельством нашей доброжелательности. Я вполне уверен, что, если бы я мог сообщить им какое-нибудь отрадное известие относительно их желаниа получить небольшую часть итальянского флота, психологический эффект значительно превысил бы ценность этих кораблей, какова бы она ни была. Посол и Гарриман полностью поддерживают эту точку зрения. Если невозможно дать конкретный ответ до моего отъезда, было бы очень хорошо, если бы я мог по крайней мере сказать Молотову, что в принципе мы согласны с тем, что Советское правительство должно получить часть захваченных итальянских кораблей и что оно просит разумную долю. Подробности, в том числе даты передачи, могут быть разработаны позже. Если Вы можете помочь мне таким образом, я уверен, что результат более чем оправдает ваш жест. Прошу Вашей помощи».

29 октября я послал ему мнение кабинета относительно итальянского флота.

Премьер-министр — министру иностранных дел

29 октября 1943 года

«...В принципе мы готовы признать право русских на долю итальянского флота. Однако мы полагали, что этот флот должен сыграть свою роль в борьбе против Японии, и мы собирались приспособить к тропическим условиям линкоры типа «Литторио» и некоторые другие корабли для этого заключительного этапа войны. Если Россия пожелала бы иметь эскадру на Тихом океане, это было бы весьма значительным событием, и мы хотели бы обсудить этот проект, когда встретимся».

И позже, в тот же самый день, я писал:

«1. При условии, если американцы согласятся, Вы можете сказать Молотову, что в принципе мы согласны, чтобы Совет-

ское правительство получило часть захваченных итальянских кораблей, и что доля, о которой они просят, разумна.

2. Совершенно и особо секретно, только для Ваших собственных размышлений и, быть может, чтобы закинуть удочку, сообщаю следующее: если будет решено, что после разгрома Гитлера Россия сыграет свою роль в войне против Японии, может быть осуществлен великий план и в том числе возникнет перспектива снаряжения под советским флагом и укомплектования русскими моряками на какой-нибудь тихоокеанской базе, находящейся в нашем распоряжении, значительных военно-морских сил, которые будут участвовать в заключительной фазе войны. Как бы то ни было, я надеюсь, что согласие, которое я даю Вам в первых строках этой телеграммы, разрешит Ваши трудности».

* * *

В качестве основы для обсуждения на предстоящей конференции глав трех правительств я составил проект декларации о германских военных преступниках.

*Премьер-министр — президенту Рузвельту
и премьеру Сталину*

12 октября 1943 года

«Не будете ли Вы любезны рассмотреть вопрос о том, не стоит ли опубликовать за нашими тремя подписями что-либо в духе нижеследующего:

«1. Великобритания, Соединенные Штаты и Советский Союз (если какой-либо другой порядок перечисления считается более подходящим, мы вполне готовы быть последними) получили из различных источников свидетельства о зверствах, убийствах и кладнокровных массовых казнях, которые совершаются гитлеровскими вооруженными силами во многих странах, захваченных ими, из которых они теперь неуклонно изгоняются. Жестокости нацистского господства не являются новым фактом, и все народы или территории, находящиеся в их власти, страдали от самой скверной формы террористического правления. Новое заключается в том, что многие из этих территорий теперь освобождаются наступающими армиями держав-освободительниц и что в своем отчаянии отступающие гитлеровцы и гунны удваивают свои зверства.

2. В соответствии с вышеизложенным три союзные державы, выступая в интересах тридцати двух Объединенных Наций, настоящим торжественно делают заявление и предупреждение своей следующей декларацией:

В момент предоставления любого перемирия любому правительству, которое может быть создано в Германии, все герман-

ские офицеры и солдаты и члены нацистской партии, которые были ответственны за вышеупомянутые зверства, убийства и казни или добровольно приняли участие в них, будут отосланы в страны, в которых были совершены ими эти отвратительные действия, для того, чтобы они могли быть судимы и наказаны в соответствии с законами этих освобожденных стран и свободных правительств, которые будут там созданы. Списки будут составлены со всеми возможными подробностями, полученными от всех этих стран, в особенности с учетом оккупированных частей России, Польши и Чехословакии, Югославии и Греции, включая Крит и другие острова, Норвегии, Дании, Нидерландов, Бельгии, Люксембурга, Франции и Италии.

Таким образом, немцы, которые принимают участие в массовых расстрелах итальянских офицеров или в казнях французских, нидерландских, бельгийских и норвежских заложников или критских крестьян, или же те, которые принимали участие в истреблении, которому был подвергнут народ Польши, или в истреблении населения на территориях Советских Республик, которые ныне очищаются от врага, должны знать, что они независимо от расходов будут отправлены обратно в места, где ими были совершены преступления, и будут судимы на месте народами, над которыми они совершали насилия. Пусть те, кто еще не обагрив своих рук невинной кровью, будут предупреждены с тем, чтобы они не оказались в числе виновных, ибо три союзные державы наверняка найдут их даже на краю света и выдадут их обвинителям с тем, чтобы могло свершиться правосудие.

Эта декларация не затрагивает вопроса о главных преступлениях, преступления которых не связаны с определенным географическим местом.

(Подписи) Рузвельт
Сталин
Черчилль».

Если бы что-либо вроде этого (а я особенно не настаиваю на формулировках) было бы опубликовано за нашими тремя подписями, это, как я полагаю, вызвало бы у некоторых из этих негодяев опасение быть замешанными в этих убийствах, особенно теперь, когда они знают, что они будут побеждены...»

Это было принято и одобрено с незначительными изменениями формулировок.

* * *

Три министра иностранных дел совещались регулярно каждый день и достигли согласия по самому широкому кругу вопросов.

Было решено образовать в Лондоне Европейскую консультативную комиссию, чтобы она начала изучение проблем, которые должны были возникнуть в Германии и на континенте накануне крушения гитлеровского режима.

Для рассмотрения итальянских дел было намечено создать другой консультативный совет, включив в него русского представителя. Договорились об обмене информацией относительно мирного зондажа со стороны сателлитов стран оси. Американцы хотели, чтобы на Московской конференции была подписана декларация четырех держав, включая Китай, обязывающая вести войну совместными усилиями «против тех держав оси, с которыми они соответственно находятся в состоянии войны». Это было сделано 30 октября. Наконец, был составлен Иденом и подписан 2 ноября протокол о совместной акции России и Великобритании в отношении Турции.

У нас были все основания быть довольными этими результатами. Многие вопросы, вызывавшие трения, были сглажены; были приняты практические меры, обеспечивавшие дальнейшее сотрудничество, была подготовлена почва для созыва в ближайшее время конференции глав правительств трех основных союзников, и возраставшие затруднения в наших отношениях с Советским Союзом были частично устранены.

Те, кто принимал участие в конференции, почувствовали как на официальных заседаниях, так и при неофициальных встречах гораздо более дружественную атмосферу, чем раньше.

Глава семнадцатая

ВСТРЕЧА «ТРЕХ» ПРИБЛИЖАЕТСЯ

Верховное командование

Выбор верховного главнокомандующего для операции «Оверлорд» (наше вторжение в Европу через Ла-Манш в 1944 году) стал неотложным делом. Это, конечно, прямым образом затрагивало военное руководство войной и поднимало ряд важных и деликатных вопросов персонального порядка. На Квебекской конференции я договорился с президентом, что операцией «Оверлорд» должен командовать американский офицер, и я информировал об этом генерала Брука, которому я прежде предложил взять на себя эту задачу. Со слов президента я понял, что он предполагает назначить генерала Маршалла, и это нас вполне удовлетворяло. Однако в период между Квебеком и нашей встречей в Каире мне стало ясно, что президент не принял окончательного решения насчет Маршалла. Никакие другие назначения, конечно, не могли быть произведены, пока не было

принято главное решение. Между тем в американской печати стали распространяться слухи и возникла перспектива парламентской реакции в Лондоне.

Бывший военный моряк — президенту Рузвельту

1 октября 1943 года

«Я несколько обеспокоен тем, как о наших важных изменениях в верховном командовании доводится до сведения публики. Здесь пока что ничего не сообщалось, но в Соединенных Штатах почти каждый день делается какое-нибудь заявление о Маршалле, и мне, несомненно, будут заданы вопросы, когда во вторник 12-го соберется парламент. Кроме того, у меня возникнут трудности, если о назначении Маршалла главой верховного командования, находящегося в Великобритании, будет сообщено отдельно от сообщения о назначении Александра командующим на Средиземном море. Слухи циркулируют безудержно и питаются тщательно взвешенными и осторожными заявлениями, такими как заявление Стимсона¹, опубликованное в сегодняшних газетах. Создается впечатление, будто что-то утаивается и скрывается. Это весьма благоприятная почва для злонамеренных людей. Со всем этим было бы покончено, если бы мы предали гласности ясные и четкие решения, к которым пришли. Я надеюсь, что, учитывая все эти обстоятельства, Вы найдете возможным сделать так, чтобы мы одновременно объявили о том и другом перемещении, заявив при этом, что решение вступит в силу, как только это будет целесообразно с точки зрения военного положения.

Учтите также трудности, стоящие передо мной в отношении последующих назначений. Например, как я понял, Маршалл хотел бы, чтобы Монтгомери был его заместителем или же чтобы под его руководством Монтгомери командовал английскими экспедиционными армиями в операции «Оверлорд». Для этого требуется освободить место командующего войсками метрополии, которое сейчас занимает генерал Пэйджет. Сейчас для этого представляется возможность, так как генерал Поунолл, который раньше был главнокомандующим в Ираке и Персии, отправляется с Маунтбэттенем в Индию в качестве начальника штаба, и я могу назначить Пэйджета в Ирак и Персию. Оставлять эти командные посты вакантными в течение длительного времени трудно и, кроме того, вредно для дела.

При этих обстоятельствах, по-моему, было бы очень хорошо сделать ясное заявление о наших решениях и в отношении всех театров, в том числе о назначении командующих, их

¹ С 1940 по 1945 г. занимал пост военного министра США. — *Примеч. ред.*

начальников штабов и одного-двух старших офицеров, причем сообщить обо всех назначениях одновременно. Я мог бы, если Вы хотите, составить проект такого заявления и представить его Вам».

Президент ответил:

Президент Рузвельт — премьер-министру

5 октября 1943 года

«Здесь газеты, начиная с Херста — Маккормика с братией, досыта наговорились по поводу служебных обязанностей генерала Маршалла. Остальная печать в течение нескольких дней трубила довольно громко, но теперь буря почти совсем улеглась. Мне кажется, что, если мы поставим себя в такое положение, что будем делать публичные заявления о наших военных назначениях, уступая нажиму, это поведет к тому, что войной будут руководить газеты. Я надеюсь поэтому, что об этом деле ничего не будет сообщено, пока оно фактически не совершится. Может случиться, что другие соображения, а не газетная критика со стороны наших политических противников вынудят нас сделать совместное заявление раньше, чем я предполагал, но в настоящий момент я очень хотел бы, чтобы мы ничего не заявляли. Я согласен с Вами, что в подходящий момент мы должны будем опубликовать общее заявление относительно всех назначений, и я вполне понимаю Ваше положение у себя в стране, но я не думаю, что затруднения в связи с второстепенными командными назначениями на наших военных фронтах могут служить достаточным основанием для опубликования важного заявления о назначении Маршалла...

Я горячо надеюсь, что Вы согласитесь с тем, что в настоящее время нет нужды делать заявление о Маршалле».

* * *

К началу ноября нам стало ясно, что сам президент и его советники хотят, чтобы верховный главнокомандующий вооруженными силами в операции «Оверлорд» командовал также и войсками на Средиземноморском театре военных действий, и что, по мысли президента, Маршалл должен командовать обоими театрами, обеспечивая их полное взаимодействие. Я же исходил из предположения, что это будет осуществляться из штаба в Гибралтаре. Я нашел, что нужно без промедления разъяснить английскую позицию. Поскольку на этом этапе мне неудобно было обращаться по этому вопросу лично к президенту, я решил, что лучше будет попросить фельдмаршала сэра Джона Дилла переговорить об этом с председателем объединенного комитета начальников штабов в Вашингтоне адмиралом Леги.

8 ноября 1943 года

«Вы должны разъяснить адмиралу Леги, что мы ни в коем случае не можем согласиться с предложением подчинить операцию «Оверлорд» и Средиземноморский ТВД американскому главнокомандующему. Такое положение было бы несовместимо с принципом равного статуса в отношениях между великими союзниками. Я не могу согласиться с объединением двух театров под руководством одного главнокомандующего. Это поставило бы его над объединенным англо-американским штабом, а также ущемило бы право распоряжаться перебросками вооруженных сил, принадлежащее по конституции президенту, как главнокомандующему вооруженными силами США, и премьер-министру, действующему от имени военного кабинета. Я, безусловно, никогда не смог бы взять на себя ответственность за такое решение. До сих пор нам успешно удавалось предотвращать здесь нападки по поводу того факта, что в Тунисе, Сицилии и Италии наши силы и наши потери находились в соотношении приблизительно два с половиной к одному, хотя мы верно служим под командованием американского генерала. Если бы я попытался провести что-нибудь подобное предложенному выше, произошел бы взрыв. Однако этого не случится, пока я нахожусь на своем посту. Вы можете по Вашему усмотрению сообщить вышесказанное Гопкинсу».

На следующий день Дилл увиделся с Леги и совершенно ясно объяснил мое отношение к объединению командования силами «Оверлорд» и Средиземноморского театра военных действий. Леги, хотя он лично и был разочарован, примирился с положением, сказав: «Если это мнение премьер-министра, то об этом нечего больше говорить». Дилл виделся также с Гопкинсом, который, как он сообщил, тоже был «разочарован». «Во всяком случае, — передавал Дилл, — Гопкинс и Леги знают, насколько бесполезна была бы новая атака, и, я надеюсь, они не предпримут ее».

* * *

Не успел я вернуться домой после Квебекской конференции, как снова занялся вопросом о встрече глав трех правительств, к которой логически вели англо-американские переговоры. В принципе было достигнуто общее согласие относительно того, что она должна быть организована в самом ближайшем будущем, но тот, кто сам не участвовал во всем этом, не может представить себе, сколько тревоги и осложнений пришлось испытать, прежде чем была достигнута договоренность о времени, месте и обста-

новке этой первой конференции «большой тройки», как ее стали называть потом. Ниже я даю полный отчет об этом, так как вся эта история любопытна, хотя бы с дипломатической точки зрения.

Я обратился сначала к Сталину, который, как я знал, поддерживал идею встречи в Тегеране.

Премьер-министр — премьеру Сталину

25 сентября 1943 года

«1. Я обдумывал нашу встречу глав правительств в Тегеране. Должны быть проведены надежные подготовительные мероприятия для обеспечения безопасности в этом до некоторой степени слабо контролируемом районе. Поэтому я вношу на Ваше рассмотрение предложение, чтобы я провел в Каире приготовления в отношении размещения, безопасности и т. д., которые обязательно будут замечены, несмотря на все явные усилия сохранить их в тайне. Потом, возможно лишь за два или за три дня до нашей встречи, мы бросим британскую и русскую бригады вокруг подходящего района в Тегеране, включая аэродром, и будем держать этот район абсолютно закрытым до тех пор, пока мы не закончим наших бесед. Мы не будем ставить в известность иранское правительство и не будем делать никаких приготовлений для нашего размещения, пока не наступит этот момент. Нам, конечно, будет необходимо контролировать абсолютно все исходящие сообщения. Таким образом, мы будем иметь эффективную ширму от мировой прессы, а также от каких-либо неприятных людей, которым мы не так нравимся, как должны были бы нравиться.

2. Я предлагаю также, чтобы во всей будущей переписке по этому вопросу мы пользовались выражением «Каир-три» вместо Тегерана, который должен быть похоронен, а также что условным обозначением для этой операции должно быть слово «Эврика», являющееся, как я полагаю, древнегреческим. Если у Вас имеются другие соображения, дайте мне знать, и мы тогда сможем изложить их президенту. Я еще ничего не сообщил ему по этому вопросу».

Сталин ответил немедленно и положительно:

Премьер Сталин — премьеру Черчиллю

3 октября 1943 года

«Я получил Ваше послание от 27 сентября по поводу предстоящей встречи глав трех правительств. У меня нет возражений против тех отвлекающих приготовлений, которые Вы намерены провести в Каире. Что же касается Вашего предло-

жения бросить британскую и русскую бригады в подходящий район Каир-3 за несколько дней до нашей встречи в этом городе, то я нахожу это мероприятие нецелесообразным, так как оно может вызвать ненужный шум и демаскировку. Я предлагаю, чтобы каждый из нас взял с собой солидную полицейскую охрану. По-моему, этого будет достаточно для обеспечения безопасности.

У меня нет возражений против других Ваших предложений, касающихся предстоящей встречи, и я согласен с теми условными наименованиями, которыми Вы предлагаете пользоваться в переписке, касающейся этой встречи».

На деле же был установлен самый настоящий непроницаемый кордон, и военные и полицейские силы исчислялись тысячами, особенно много их было с русской стороны.

* * *

Так как я не мог быть уверен, что советники по безопасности разрешат президенту отправиться в Тегеран, я предложил другие варианты. Одним из них было расположиться лагерем в пустыне вокруг авиационной школы в Хаббании, которая так блестяще оборонялась в 1941 году. Здесь мы были бы абсолютно одни и в полной безопасности, и президенту было бы нетрудно прилететь туда за несколько часов из Каира. Я поэтому сообщил ему по телеграфу это предложение.

Президент Рузвельт — премьер-министру

15 октября 1943 года

«Я наконец послал Дяде Джо нижеследующую телеграмму и думаю, что Ваша идея превосходна. На св. Петра иногда находило истинное вдохновение. Мне нравится идея трех скиний. Позже мы сможем добавить еще одну для Вашего старого друга Чан Кайши.

“Проблема моей поездки в Тегеран так затрудняется, что, мне кажется, я должен сказать Вам откровенно, что по конституционным причинам я не смогу пойти на этот риск. Будет заседать конгресс. Мне нужно будет подписывать новые законы и резолюции, которые должны быть возвращены конгрессу не позже чем через десять дней после их получения. Это нельзя сделать по радио или телеграфу. Тегеран слишком далек, чтобы быть уверенным, что эти требования будут удовлетворены. Возможность задержки при перелете через горы — сначала на восток, а потом на запад — неустранима. Мы из опыта знаем, что самолеты часто задерживаются на три-четыре дня при полетах в обоих направлениях...

Каир во многих отношениях привлекателен, и, насколько мне известно, там есть отель и несколько вилл близ пирамид, которые можно абсолютно изолировать.

В Асмаре, бывшей итальянской столице Эритреи, говорят, есть превосходные здания и аэродром, на который можно совершать посадку в любое время.

Затем, есть возможность встретиться в каком-нибудь порту в восточной части Средиземного моря, где у каждого из нас будет корабль... Другое предложение — встреча в окрестностях Багдада...

Во всяком случае, я думаю, что пресса должна быть совершенно исключена и все место окружено кордоном — так, чтобы нас никак не беспокоили.

Личным и откровенным переговорам с Вами и Черчиллем и придаю и всегда буду придавать очень большое значение, ибо от них в большой мере зависят надежды на будущее мира.

Сохранение Вами инициативы вдоль всего Вашего фронта радует всех нас».

Премьер-министр — президенту Рузвельту,

16 октября 1943 года

«Я целиком согласен с телеграммой, посланной Вами Дяде Джо относительно “Эврики”. Сообщите мне, что он ответит».

Сталин, однако, упорно настаивал на Тегеране.

Иден все еще был в Москве и делал все, что мог, чтобы добиться у Сталина согласия на такое место и время встречи, какое удовлетворило бы президента. Стало ясно, что Сталин будет настаивать на Тегеране как на месте встречи, и, хотя еще ни в коей мере нельзя было быть уверенным в том, что удастся уговорить президента прибыть туда, я приступил к планированию такой встречи.

* * *

Мое внимание поглощали некоторые серьезные аспекты предстоящей конференции. Я считал очень важным, чтобы английский и американский штабы, и в особенности президент и я, достигли общего согласия относительно операции «Оверлорд» и ее влияния на Средиземноморский театр военных действий. Это предполагало решение вопроса об использовании всех заморских вооруженных сил наших двух стран, причем английские силы должны были быть по численности равны американским в начале операции «Оверлорд», должны были в два раза превосходить американцев в Италии и в три раза в остальных районах Средиземного моря. Мы, безусловно, дол-

жны были достигнуть какого-то ясного взаимопонимания, прежде чем приглашать советских представителей — политических или военных — присоединиться к нам.

Я поэтому предложил президенту соответствующий план.

Президент Рузвельт — премьер-министру

22 октября 1943 года

«...1. Нужно иметь достаточно времени, чтобы проанализировать результаты теперешней Московской конференции¹ и, я думаю, также последующей конференции, которую мы имеем в виду. Решение созвать наше совещание, когда еще не кончилась Московская конференция или хотя бы прежде, чем можно будет внимательно изучить ее результаты, вероятно, привело бы к неблагоприятным результатам в России.

2. Штабы, планирующие операции, сейчас составляют общий план разгрома Японии. Важно, чтобы эта работа была закончена и чтобы соответствующие начальники штабов имели возможность изучить ее до общего совещания.

3. Некоторые наметки планов, касающихся операций, одобренных в Квебеке, должны быть представлены Эйзенхауэром и командующими на Тихом океане 1 ноября; их необходимо рассмотреть до совместного совещания...»

Таким образом, президент, по-видимому, поддерживал эту идею, но не был согласен с предложенным сроком. В американских правительственных кругах возникло сильное течение, казалось, желавшее завоевать доверие русских даже в ущерб координации англо-американских усилий. Поэтому я снова перешел в наступление. Я считал чрезвычайно важным встретиться с русскими, уже имея ясную и согласованную точку зрения как по важнейшим проблемам операции «Оверлорд», так и по вопросу о верховном командовании.

Бывший военный моряк — президенту Рузвельту

23 октября 1943 года

«1. Русских не должно раздражать, если американцы и англичане тщательно согласуют те великие операции, которые они собираются провести в 1944 году на фронтах, где русских войск не будет. И я думаю, что мы должны встретиться со Сталиным, если об этой встрече удастся когда-нибудь договориться, придя предварительно к согласию относительно англо-американских операций как таковых.

¹ Речь идет о конференции министров иностранных дел трех держав, проходившей в это время в Москве.

2. Меня устроило бы 15 октября, если это самая ближайшая удобная дата для Ваших штабов. Я думал, что штабы могли бы в течение нескольких дней работать совместно до Вашего и моего прибытия, скажем, 18-го или 19-го, а затем мы могли бы вместе отправиться на «Эврику». Я еще не знаю, будет ли это 20 или 25 ноября. Я не думаю, чтобы «Эврика» заняла более трех-четырёх дней или чтобы в ней принял участие большой технический аппарат.

3. 15 ноября исполнится 90 дней с начала нашей конференции в Квебеке. За эти 90 дней произошли события первостепенного значения: Муссолини свергнут; Италия капитулировала; ее флот перешел к нам; мы успешно вторглись в Италию и идем на Рим с хорошими шансами на успех. Немцы сосредоточивают в Италии и в долине По около 25 или более дивизий. Все это — новые факты.

4. ...Дата операции «Оверлорд» была установлена путем компромисса между американской и английской точками зрения. Можно спорить, достаточны ли для выполнения задач, поставленных перед нами, силы, которые мы накапливаем в Италии, а также силы, которыми мы будем располагать в мае для операции «Оверлорд».

5. Английские штабы, мои коллеги и я — все мы думаем, что это положение необходимо снова рассмотреть и что командующие обоими нашими фронтами должны быть назначены и должны присутствовать. Выполняя квебекские решения, мы уже подготовили две наши лучшие дивизии — 50-ю и 51-ю, теперь находящиеся в Сицилии, для переброски в Англию. Таким образом, они не могут принимать участия в битве в Италии, хотя и находятся так близко от района операций, и примут участие в боях лишь через семь месяцев, и то только если будут выполнены некоторые гипотетические условия. В начале ноября должно быть принято решение о переброске десантных судов со Средиземного моря в район операции «Оверлорд». Это причинит большой ущерб средиземноморским операциям, причем вышеуказанные суда не будут оказывать влияния на события в других местах в течение многих месяцев. Мы придерживаемся решений, достигнутых в Квебеке, но мы не считаем, что подобные соглашения следует истолковывать жестко, без учета быстро меняющейся военной обстановки.

6. Лично я считаю, что если мы допустим серьезные ошибки в кампании 1944 года, то мы можем дать Гитлеру шанс оправиться и добиться новых поразительных успехов. Было подслушано, как военнопленный немецкий генерал фон Тома сказал: «Нам остается надеяться только на то, что они выступят там, где мы сможем бросить против них армию». Все это показывает, как необходимы в наших планах величайшая осторожность и предусмотрительность, самая точная согласован-

ность сроков между двумя театрами и сосредоточение максимально больших сил для обеих операций, в особенности для операции «Оверлорд». Я не сомневаюсь в нашей способности в намеченных условиях высадить десант и развернуть силы. Однако меня глубоко тревожит вопрос о наращивании сил и положении, которое может возникнуть между 30-м и 60-м днем. Я убежден, что командующий, которому будет поручено руководство операцией «Оверлорд», должен тщательно изучить вопрос о колоссальных перебросках американского личного состава в Соединенное Королевство и боевом составе частей.

Я хотел бы, чтобы вопрос об обоих командующих был разрешен к удовлетворению наших двух стран, а затем можно будет решить вопрос о второстепенных командных постах, которые также имеют очень большое значение. Повторяю, я питаю очень большое доверие к генералу Маршаллу, и, если он будет руководить операцией «Оверлорд», мы, англичане, будем помогать ему, не щадя сил и жизни. Мой дорогой друг! Это — самое великое дело, которое мы когда-либо предпринимали, и я не уверен, что мы уже приняли все меры, которые необходимы для того, чтобы обеспечить максимальные шансы на успех. Я в настоящий момент довольно смутно представляю себе некоторые проблемы и не способен думать или действовать с той решительностью, с какой необходимо. По этим причинам я стремлюсь к созыву конференции в ближайшее время.

7. Все, что Вы говорите о планах для Эйзенхауэра и командующих на Тихом океане, которые должны быть представлены 1 ноября, прекрасно согласуется с созывом совещания 15 ноября, самое позднее. Я не знаю, сколько времени Вы считаете необходимым для того, чтобы долгосрочный общий план разгрома Японии был составлен объединенным англо-американским штабом и изучен нашими соответствующими начальниками штабов. Я думаю, что более срочные решения, о которых я упоминал выше, не следует откладывать из-за этого долгосрочного плана войны против Японии, которая тем не менее должна вестись со всей энергией.

8. Я надеюсь, что Вы найдете эти причины для созыва (англо-американского) совещания основательными. Мы не можем принять окончательного решения до тех пор, пока не получим ответа Дяди Джо. Если тегеранская встреча окажется невозможной, то тем более необходимо, чтобы мы встретились для рассмотрения вопросов в свете информации, которую мы получаем с Московской конференции (министров иностранных дел). Я надеюсь, что Антони¹ вылетит домой в конце этого месяца, а я лично готов тронуться в путь в любой день после первой недели ноября.

¹ Иден. — Примеч. ред.

9. Я уверен, что Вы, так же как и я, будете довольны тем, что Лерос до сих пор держится. «Собаки питаются крохами со стола своего хозяина»».

* * *

Прежде чем президент ответил на это предложение, он прислал мне следующую телеграмму, которая показывала, что он все еще не решился принять предложение о поездке в Тегеран.

Президент Рузвельт — премьер-министру

25 октября 1943 года

«Грипп надоедает страшно. Макинтайр¹ говорит, что мне необходимо морское путешествие.

Еще нет ни слова от Дяди Джо.

Если он останется непоколебим, то как Вы отнеслись бы к нашей с небольшим сопровождением встрече в Северной Африке или хотя бы у пирамид, с тем чтобы к концу наших переговоров к нам присоединился на два-три дня генералиссимус (Чан Кайши). В то же время мы можем попросить Дядю Джо прислать Молотова встретиться с Вами и со мной. Наши предлагают 20 ноября».

Через два дня он прислал мне свои замечания о моей идее организовать предварительное совещание объединенного англо-американского штаба.

Президент Рузвельт — премьер-министру

27 октября 1943 года

«Теперьшняя Московская конференция, по-видимому, является подлинным началом англо-русско-американского сотрудничества, которое должно привести к скорейшему разгрому Гитлера...»

Он предложил послать Сталину следующую телеграмму:

«До сих пор мы информировали Вас о результатах объединенных совещаний англо-американских штабов. Вы, возможно, считаете, что было бы лучше иметь на таких совещаниях русского военного представителя, который бы слушал дискус-

¹ В то время — личный врач Рузвельта и начальник военно-медицинского управления США. — *Примеч. ред.*

сии относительно англо-американских операций и принимал к сведению решения. Он имел бы право делать такие замечания и предложения, какие Вы найдете желательными. Это мероприятие дало бы Вам и Вашему штабу возможность быстро получать подробные отчеты об этих заседаниях».

Предложение допустить русских на такое совещание вызвало у меня тревогу.

Бывший военный моряк — президенту Рузвельту

27 октября 1943 года

«1. Как и Вы, я радуюсь большим успехам, достигнутым в Москве, и горячо надеюсь, что нам удастся договориться об «Эврике».

2. Я не одобряю идею приглашения русского военного представителя на заседания нашего объединенного англо-американского штаба. Если только он не будет понимать и говорить по-английски, это приведет к нестерпимым задержкам. Я не знаю ни одного действительно высокопоставленного офицера русской армии, который говорил бы по-английски. Такой представитель не имел бы права или полномочия говорить что-либо, кроме того, что ему указано. Он просто приставал бы насчет скорейшего открытия второго фронта и препятствовал обсуждению всех других вопросов. Принимая во внимание, что они не посвящают нас в свои операции, я не думаю, что мы должны открыть им эту дверь, поскольку это, вероятно, будет означать, что они захотят иметь наблюдателей на всех будущих совещаниях, и всякое обсуждение между нами будет парализовано. Очень скоро у нас в Италии будет 600 или 700 тысяч английских и американских войск и летчиков, и мы планируем великую операцию «Оверлорд». Ни в одной из этих операций не будет участвовать ни один русский солдат. С другой стороны, вся наша судьба зависит от них.

Я считаю наше право совместно обсуждать переброски наших собственных вооруженных сил основным и жизненно важным. Пока наши дела шли превосходно, но теперь я чувствую, что 1944 год чреват опасностью. Между нами могут возникнуть серьезные разногласия, и мы можем пойти не тем путем, каким нужно. Или же опять-таки мы можем пойти на компромисс и очутиться меж двух стульев. Остается надеяться лишь на близость и дружбу, установившиеся между нами и нашими верховными штабами; если бы они были нарушены, ближайшее будущее казалось бы мне безнадежным... Вряд ли мне нужно говорить, что английские начальники штабов целиком разделяют эту точку зрения. Я должен добавить, что кампания 1944 года тревожит меня больше, чем любая другая кампания, в которой я принимал участие».

Президент все еще не решался на поездку в Тегеран; в американских политических кругах на него стали оказывать сильное давление, и неудобства возникали также в связи с конституцией Соединенных Штатов. Я вполне понимал его затруднения.

Премьер-министр — президенту Рузвельту

30 октября 1943 года

«Я встречу Вас в Каире 20-го, как Вы предлагаете, и, если Вы позволите мне, я возьму на себя ответственность за все меры по обеспечению Вашей безопасности, которые мы должны принять как оккупирующая держава, и всех удобств для Вас».

Президент Рузвельт — премьер-министру

31 октября 1943 года

«Чрезвычайно благодарен за Ваше предложение приготовить все в Каире, которое мы принимаем с радостью. Если там возникнет какая-нибудь неполадка, мы можем, конечно, встретиться в Александрии; штабы разместятся на берегу, а мы — каждый на своем корабле.

Я телеграфирую генералиссимусу (Чан Кайши), чтобы он был готов встретиться с нами в окрестностях Каира приблизительно 25 ноября».

Премьер-министр — президенту Рузвельту

31 октября 1943 года

«Начиная с 20-го все будет готово для операции «Секстант»¹. Размещение штабов не встретит никаких трудностей».

Иден сообщил мне, что нечего и думать, чтобы Сталин отказался от предложения о Тегеране. Я поэтому приложил все силы к тому, чтобы сгладить трудности. Я испытал последнее средство, а именно, предложил, чтобы президент и я встретились в Ороне на наших линкорах и чтобы наши штабы провели предварительное четырехдневное совещание на Мальте. Это предложение не было принято, но президент решил тронуться в путь на своем линкоре. Теперь он выдвинул предложение, чтобы объединенный англо-американский штаб собрался в Каире до того, как будет установлен какой-либо контакт с русскими или китайцами, на присутствии которых в Каире он так решительно настаивал. Но ближайшей датой совещания англо-американского штаба

¹ Наше кодовое наименование для англо-американо-китайской конференции. — *Примеч. авт.*

могло быть только 22 ноября. Американцы предлагали, чтобы китайская делегация прибыла в этот же день, а ее присутствие неизбежно привело бы к тому, что китайцы были бы вовлечены в обсуждение. Далее я косвенным путем узнал, что президент одновременно приглашает в Каир Молотова. Поэтому я послал президенту следующую телеграмму:

Премьер-министр — президенту Рузвельту

11 ноября 1943 года

«1. По-видимому, произошло весьма плачевное недоразумение. Из Вашей телеграммы я понял, что английский и американский штабы проведут «много заседаний», прежде чем к ним присоединятся русские или китайцы. Но теперь я узнаю от посла Кларка Керра, что 9 ноября американский посол в Москве передал телеграмму от Вас Сталину, в которой Молотова приглашают приехать в Каир 22 ноября с военным представителем. Но 22 ноября — это первый день, когда могут встретиться штабы. Поэтому я прошу, чтобы прибытие Молотова и его военного представителя было отложено по меньшей мере до 25 ноября.

2. Я был также очень рад узнать от посла Кларка Керра, что Вы предполагаете 26 ноября отправиться в Тегеран. Я предпочел бы, чтобы Вы могли сообщить мне об этом лично».

Я хотел, чтобы все произошло тремя этапами: во-первых, широкое англо-американское соглашение в Каире; во-вторых, верховная конференция трех глав правительств трех великих держав в Тегеране; и, в-третьих, по возвращении в Каир обсуждение чисто англо-американских дел, касающихся войны на Индийском театре военных действий и в Индийском океане, которые, несомненно, носили неотложный характер. Я не хотел, чтобы то короткое время, которое мы имели в своем распоряжении, было истрачено на рассмотрение в конце концов относительно мелких вопросов, тогда как требовалось принять по крайней мере предварительное решение, касающееся хода всей войны. Кроме того, казалось неподобающим официально привлекать Советский Союз на конференцию с участием китайского правительства, когда он еще не объявил войны Японии.

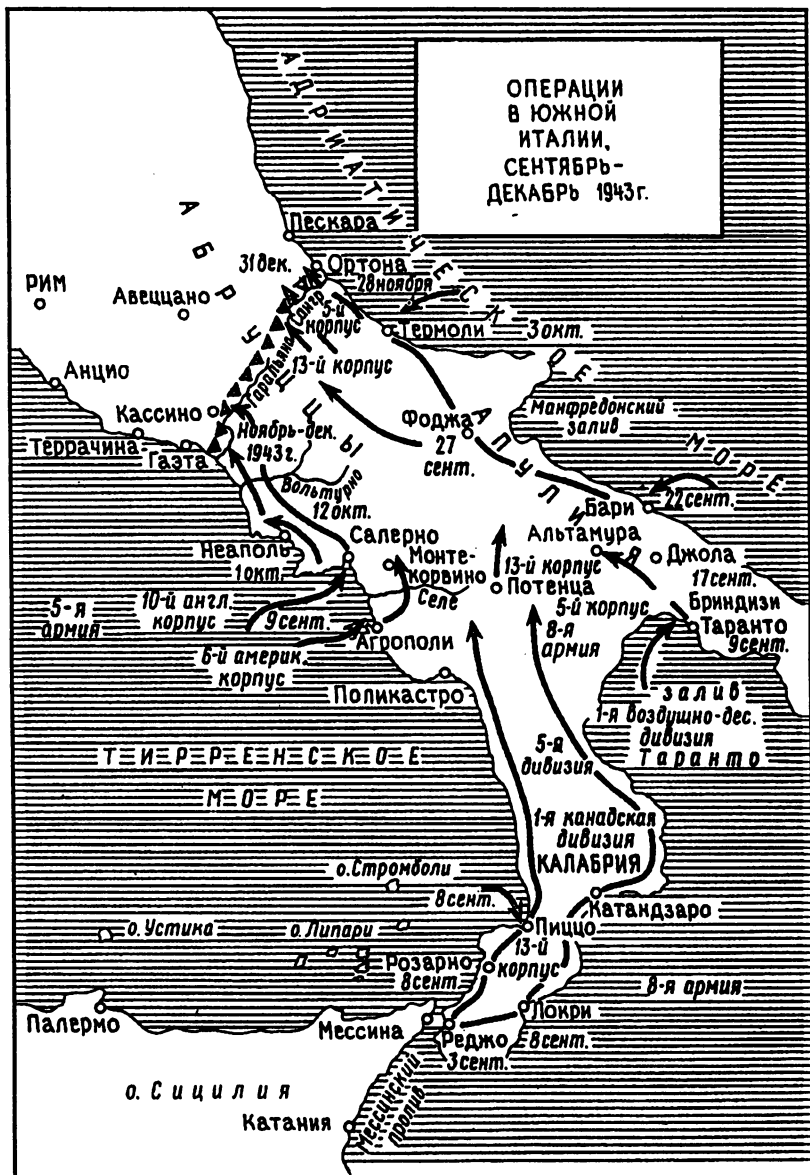
11 ноября я писал Сталину: «Трехсторонней перепиской очень трудно решать дела, особенно когда люди путешествуют по морю и по воздуху». Некоторые трудности, к счастью, разрешились сами собой.

Президент Рузвельт — премьер-министру

12 ноября 1943 года

«Я только что получил известие, что Дядя Джо прибудет в Тегеран... Я немедленно телеграфировал ему, что я уладил здесь

ОПЕРАЦИИ
В ЮЖНОЙ
ИТАЛИИ,
СЕНТЯБРЬ-
ДЕКАБРЬ 1943 г.

конституционный вопрос и поэтому могу приехать в Тегеран на короткую встречу с ним, и сообщил ему, что я очень рад. Даже тогда я сомневался, поступит ли он согласно своему прежнему предложению прибыть в Тегеран. Его последняя телеграмма окончательно решила вопрос, и я думаю, что теперь не может быть сомнения, что Вы и я сможем встретиться с ним там между 27 и 30 ноября. Наконец-то мы вышли из этого очень трудного положения и, я полагаю, можем быть довольны.

Что касается Каира, то я всегда считал, так же, как, я знаю, считали и Вы, что было бы ужасной ошибкой, если бы Дядя Джо подумал, что мы сговорились с Вами за его спиной о военных действиях. Во время предварительных совещаний в Каире объединенный англо-американский штаб, как вы знаете, будет заниматься планированием будущих операций. Вот и все. Ни вам, ни мне не повредит, если в Каире будут также Молотов и русский военный представитель. У них не возникнет чувства, что их «обходят». С ними не будет ни штаба, ни людей, занимающихся планированием. Давайте допустим их к участию в высоких инстанциях.

Телеграмму Дяди Джо, подтверждающую Тегеран, я получил только пять часов назад. Молотов и военный представитель, несомненно, вернутся туда с нами между 27 и 30 ноября, а после того, как мы завершим наши разговоры с Дядей Джо, они вернутся с нами в Каир, возможно, добавив других военных к одному представителю, который будет сопровождать Молотова в первую поездку.

Я думаю, что этот план необходимо провести в жизнь. Я могу заверить Вас, что не будет никаких затруднений.

Я трогаясь. Счастливого пути нам обоим».

Премьер-министр — президенту Рузвельту

12 ноября 1943 года

«1. Я очень рад, что Вам удалось уладить конституционное затруднение и что вопрос о нашей встрече теперь решен. Это большой шаг вперед.

2. Однако начальники штабов очень обеспокоены Вашими планами относительно военных переговоров, и я разделяю их опасения. Из Вашей телеграммы я понял, что английский и американский штабы проведут «много заседаний», прежде чем к ним присоединятся русские и китайцы. Я по-прежнему считаю это абсолютно необходимым ввиду серьезных вопросов, которые должны быть решены. Против того, чтобы Вы и я встретились с Молотовым до нашей встречи с Дядей Джо, нет возражений, но присутствие советского военного наблюдателя на таком раннем этапе конференции может причинить серьезные неудобства. Правительство его величества не может от-

казаться от своего права откровенно и во всех подробностях обсуждать с Вами и Вашими офицерами жизненно важные дела, касающиеся наших перемешанных друг с другом армий. Советского наблюдателя никак нельзя допустить на конфиденциальные заседания, которые наши начальники штабов должны провести, а его отстранение легко может вызвать обиду. Ни одно из этих затруднений не возникло бы при организации официальной трехсторонней конференции штабов, которую, как я предложил, следует провести в свое время».

В конце концов эта опасность была устранена в результате того, что президент пригласил Чан Кайши. Ничто не могло побудить Сталина скомпрометировать его отношения с японцами участием в четырехсторонней конференции с тремя их врагами. Вопрос о прибытии советских представителей в Каир, таким образом, отпал. Это само по себе было большим облегчением. Однако оно было достигнуто ценой серьезного неудобства, и позже за это пришлось расплачиваться.

Премьер Сталин — премьеру Черчиллю ,

12 ноября 1943 года

«...Хотя я писал президенту, что В. М. Молотов будет к 22 ноября в Каире, должен, однако, сказать, что по некоторым причинам, имеющим серьезный характер, Молотов, к сожалению, не может приехать в Каир. Он сможет быть в конце ноября в Тегеране и приедет туда вместе со мной. Со мной приедут и несколько военных.

Само собой разумеется, что в Тегеране должна состояться встреча глав только трех правительств, как это было условлено. Участие же представителей каких-либо других держав должно быть безусловно исключено.

Желаю успеха Вашему совещанию с китайцами по дальневосточным делам».

Вот так наши планы приняли окончательную форму, и мы тронулись в путь.

Часть вторая ОТ ТЕГЕРАНА ДО РИМА

Глава первая

КАИР

Днем 12 ноября на линкоре «Ринаун» я со своим личным штабом отправился из Плимута в путешествие, из-за которого мне почти три месяца пришлось пробыть вне Англии. Со мною были американский посол Уайнант¹, начальник военно-морского штаба адмирал Кэннингхэм, генерал Исмей и другие сотрудники министерства обороны. Переход через Бискайский залив прошел без особых событий. Во время остановки на несколько часов в Алжире 15 ноября я имел длительную беседу с генералом Жоржем о положении французов в Африке. С наступлением темноты мы взяли курс на Мальту. Туда мы прибыли 17-го.

Здесь я встретился с генералами Эйзенхауэром и Александером и другими ответственными лицами.

«Ринаун» прибыл в Александрию утром 21 ноября, и я немедленно вылетел на аэродром в Пустыне близ пирамид. Мы расположились на удобной вилле, среди широко раскинувшихся Кассеринских роц с многочисленными роскошными особняками и садами каирских магнатов-космополитов. В полумиле уже обосновались генералиссимус Чан Кайши и его супруга. Президент должен был занять просторную виллу американского посла Кэрка примерно в трех милях по дороге в Каир. Я отправился на аэродром в Пустыне, чтобы встретить его, когда он прибудет; он прибыл на следующий день на «Священной корове»² из Орана, и мы вместе поехали на его виллу.

Штабы собрались быстро. Секретариат конференции и все английские и американские начальники штабов находились в отеле «Мена-Хаус», напротив пирамид, а я расположился всего в полумиле отсюда. Весь этот район ошетинился штыками и зенитными орудиями; все подходы охранялись самыми строгими кордонами. Мы немедленно приступили к работе. Нужно было решить и урегулировать огромную массу вопросов.

Присутствие Чан Кайши привело как раз к тому, чего мы опасались. Китайский вопрос, длинный, запутанный и второ-

¹ В то время — посол США в Англии. — *Примеч. ред.*

² Личный самолет Рузвельта. — *Примеч. ред.*

степенный, сильно мешал переговорам английских и американских штабов. Кроме того, как будет видно из дальнейшего, президент, преувеличивавший значение индийско-китайской сферы, вскоре оказался поглощен продолжительными совещаниями с генералиссимусом. Надежда убедить Чан Кайши и его супругу поехать посмотреть пирамиды и развлечься до тех пор, пока мы не вернемся из Тегерана, оказалась тщетной, и в результате китайские дела заняли в Каире не последнее, как это должно было бы быть, а первое место. Президент, вопреки моим доводам, обещал китайцам в ближайшие месяцы осуществить значительную десантную операцию через Бенгальский залив. Это в гораздо большей степени, чем какой-либо из моих турецких или эгейских проектов, должно было отвлечь от операции «Оверлорд» десантные суда и танкодесантные баржи, которые теперь стали узким местом. Это также было бы серьезной помехой для наших грандиозных операций в Италии. 29 ноября я писал начальникам штабов: «Премьер-министр желает запротоколировать тот факт, что он отказывался удовлетворить просьбу Чан Кайши о том, чтобы мы предприняли десантную операцию одновременно с сухопутными операциями в Бирме». Только после того как мы вернулись из Тегерана в Каир, мне наконец удалось убедить президента отказаться от своего обещания. И все же возникло много осложнений. Но об этом позже.

* * *

Во время своего путешествия я подготовил то, что, в сущности, было обвинительным актом в связи с дурным руководством нашими операциями на Средиземном море в течение двух месяцев, прошедших после нашей победы в Салерно. Я передал этот документ начальникам штабов, и они, согласившись в принципе, сделали ряд замечаний в деталях. Окончательный вариант гласил:

«1. В течение года, от Эль-Аламейна и до высадки десантов в Северо-Западной Африке, англичане и американцы одерживали фактически непрерывные победы на всех фронтах, и нет никакого сомнения в том, что наши методы руководства войной через объединенный англо-американский штаб, подчиненный главам двух правительств, дали возможность нашим командирам на полях сражений добиться крупных побед и прочных результатов. Во всей истории союзов никогда не было такого согласия и взаимного понимания не только в верховном руководстве войной, но и между командирами и войсками на полях сражений. Наши совместные операции, начиная от Эль-Аламейнской битвы и кончая битвой за Неаполь и разверты-

ванием войск в Италии, вполне можно считать образцовыми по руководству и чрезвычайно удачными.

2. Однако с тех пор произошла перемена. Наши собственные успехи застигли нас врасплох и в некотором смысле сбили с толку. Между английским и американским штабами обнаружилось разногласия, касающиеся скорее вопроса о том, чему должно быть уделено наибольшее внимание, чем принципов. Мы не должны допускать, чтобы уже завоеванные победы привели к такому положению, когда мы перестали относиться критически к самим себе, каждый в отдельности и совместно; это необходимо в интересах совершенствования наших методов и неуклонного повышения нашей боеспособности.

3. Со времени успешной высадки и развертывания войск в Италии в сентябре война на Средиземноморском театре военных действий пошла неудовлетворительно. Следует считать, что как накопление сил, так и продвижение армии в Италии, даже делая скидку на плохую погоду, были крайне медленными. На линии фронта нет достаточного перевеса над противником. Многие дивизии без всякой передышки непрерывно участвовали в боях с момента высадки. В то же время две лучшие английские дивизии, 50-я и 51-я, которые стояли в Сицилии, близости от поля сражения, сначала были лишены снаряжения, а затем отправлены в Соединенное Королевство. Не было найдено возможным содействовать продвижению армии в такой мере, в какой на это можно было надеяться, путем высадки десантов вдоль обоих побережий. Часть десантных судов, которые были так нужны, была отправлена в Англию, причем многие из них были потеряны в пути из-за плохой погоды. Большое число десантных судов было снято с этого театра и приготовлено для отправки в Англию. Выполнение этого приказа теперь приостановлено до 15 декабря, но установление такого срока не имеет никакого смысла, если иметь в виду цели, которые стоят перед нами в Средиземноморской кампании. В октябре и ноябре десантные суда не оказали никакой помощи, если не считать переброски на берег машин. В то же время усилению действующего фронта мешало накопление в Италии стратегической авиации. Таким образом, вся кампания на суше приобрела вялый характер. Взятие Рима в 1943 году не предвидится...

5. Вместе с тем мы не оказали сколько-нибудь реальной поддержки партизанам и патриотам в Югославии и Албании. Эти партизанские силы сковывают столько же (немецких) дивизий, сколько английские и американские армии вместе взятые. До сих пор они снабжались только по воздуху. Прошло уже более двух месяцев с тех пор, как мы установили свое господство на море и в воздухе у входа в Адриатическое море, однако ни одно судно с грузом еще не вошло в порты, захва-

ченные партизанами. Наоборот, немцы систематически изгоняют их из всех портов и устанавливают свое господство над всем побережьем Далмации. Нам не удалось помешать немцам занять Корфу и Аргостоли, и в настоящий момент они удерживают эти острова. Таким образом, немцы справились с трудностями, вызванными поражением и дезертирством Италии, и с большой жестокостью уничтожают группировки патриотических сил и оттесняют их от моря.

6. Как это произошло? Через Средиземное море была проведена воображаемая линия, которая снимает с армий Эйзенхауэра всякую ответственность за побережье Далмации и Балканы. Они переданы в ведение генерала Вильсона, командующего на Среднем Востоке, но последний не располагает необходимыми силами. У одного командующего есть вооруженные силы, но нет обязанностей, у другого есть обязанности, но нет вооруженных сил. Это едва ли можно считать идеальной договоренностью...

11. Эти неудачи объясняются двумя причинами. О первой причине уже упоминалось — это искусственная линия, разделяющая Средиземное море на восточную и западную части и снимающая с командования западной части, располагающего вооруженными силами, всякую ответственность за жизненно важные интересы, поставленные на карту в восточной части. Вторая причина — это нависшая над нами тень операции «Оверлорд». Квебекские решения были приняты до того, как стали ясны последствия краха Италии, до капитуляции итальянского флота и до успешного вторжения на Европейский континент. Тем не менее еще две недели назад от них не допускалось никаких отклонений. Собраться раньше было сочтено невозможным. Теперь перед нами возникла перспектива того, что если мы будем строго придерживаться намеченной даты начала операции «Оверлорд», это помешает Средиземноморской кампании и ослабит ее, наши дела на Балканах пойдут хуже, а Эгейское море останется под прочным контролем немцев. Со всем этим приходится мириться ради операции, намеченной на май, причем приходится также считаться с тем, что, по всей вероятности, она не будет осуществлена в этот срок и, конечно, наверняка не будет осуществлена, если нажим на Средиземном море ослабеет.

12. Нам не следует также упускать из виду обескураживающего и расслабляющего влияния на все средиземноморские операции того обстоятельства, что в войсках теперь всем известно, что этот театр будет ослаблен в такой мере, в какой это потребуется, ради какой-то операции в другом месте, намеченной на весну. Отвод войск и десантных судов из района непосредственных действий и приказ, чтобы части приготовились к отправке домой, вредны уже сами по себе. Горячее

стремление отдать все силы борьбе против врага, двигавшее нас от Эль-Аламейна и поддерживавшее нас в Тунисе, подорвано. Между тем только на Средиземноморском театре военных действий мы находимся в боевом соприкосновении с противником и можем теперь же выставить против него численно превосходящие силы. Ослабление нажима на единственном театре, где только и может быть что-то сделано в ближайшие месяцы, — это поистине странный способ оказания помощи русским».

* * *

Первое пленарное заседание Каирской конференции (получившей кодовое наименование «Секстант») состоялось на вилле президента во вторник 23 ноября.

Его целью было официально сообщить Чан Кайши и китайской делегации план намеченных операций в Юго-Восточной Азии, как он был составлен объединенным англо-американским штабом в Квебеке. Из Индии прилетел адмирал Маунтбэттен со своими офицерами, и он первый рассказал о военных планах на 1944 год, которыми он должен был руководствоваться и которые выполнял на том театре. К этому я добавил характеристику общей картины положения на море. Ввиду капитуляции итальянского флота и других благоприятных событий на море, сказал я, в Индийском океане скоро будет создан английский флот. Здесь будет со временем не менее пяти модернизированных крупных боевых кораблей, четыре тяжелых бронированных крейсера и до двенадцати вспомогательных авианосцев. Чан Кайши, прервав меня, заявил, что, по его мнению, успех операции в Бирме зависит не только от мощи наших военно-морских сил в Индийском океане, но и от тщательной координации морских операций с операциями на суше. Я указал на то, что между сухопутной кампанией и действиями флота в Бенгальском заливе нет неразрывной связи. Наша главная военно-морская база сможет оказывать влияние своими военно-морскими силами на сухопутные операции в районах, отдаленных от нее на две-три тысячи миль. Поэтому эти операции нельзя сравнить с операциями в Сицилии, где флот мог оказывать непосредственную поддержку армии.

Это заседание было коротким, и было решено, что дальнейшие детали Чан Кайши обсудит с объединенным англо-американским штабом.

* * *

На следующий день президент созвал второе заседание объединенного англо-американского штаба, без участия китайской

делегации, чтобы обсудить операции в Европе и на Средиземном море. Мы хотели рассмотреть взаимоотношение этих двух театров и обменяться мнениями перед Тегераном. Президент начал с вопроса о том, какое влияние на операцию «Оверлорд» окажет какое-либо действие, которое мы могли бы в остающееся время предпринять на Средиземном море, включая проблему вступления Турции в войну.

Я в своем выступлении сказал, что «Оверлорд» остается главной операцией, но что эта операция не должна тиранически совершенно исключать действия на Средиземном море; например, следует допустить некоторую гибкость в использовании десантных судов. Генерал Александер просил отодвинуть срок переброски этих судов для операции «Оверлорд» с середины декабря на середину января. В Англии и Канаде размещены заказы на строительство еще восьми—десяти танкодесантных барж. Мы должны добиться даже большего. Разногласия между американским и английским штабами касаются, вероятно, лишь одной десятой части наших общих ресурсов, если не считать Тихого океана. Некоторая степень гибкости, безусловно, может быть достигнута. Однако я хотел бы энергично отвергнуть какие бы то ни было предположения, будто мы ослабили подготовку к операции «Оверлорд», проявляем к ней равнодушные или пытаемся отказаться от нее. Мы делаем для нее все, что возможно. Подытоживая, я сказал, что в соответствии с выдвигаемым мною планом необходимо попытаться взять Рим в январе, Родос — в феврале; следует возобновить посылку снабжения югославам, урегулировать вопрос о сферах командования и открыть Эгейское море (в зависимости от результата нашего обращения к Турции); подготовку к операции «Оверлорд» следует вести полным ходом в рамках вышеуказанной программы для Средиземного моря.

Таково правдивое отображение моей позиции накануне Тегерана.

* * *

Поскольку я больше ничего не слышал о планах создания объединенного командования для операции «Оверлорд» и для Средиземного моря, я считал, что английская точка зрения принята. Однако 25 ноября, во время нашего пребывания в Каире, американские начальники штабов в официальном меморандуме предложили нам создать единое верховное командование. Из этого меморандума явствовало, что президент и американское верховное командование весьма желали назначения верховного командующего для руководства всеми операциями Объединенных Наций против Германии как со стороны Средиземного моря, так и со стороны Атлантики. Они

по-прежнему считали, что должен быть командующий операциями в Северо-Западной Европе, командующий союзными силами в Средиземном море, а над ними обоими — верховный главнокомандующий, который не только планировал бы и руководил военными операциями на обоих театрах, но и мог бы перебрасывать по своему усмотрению войска с одного театра на другой. Следует иметь в виду, что в то время у нас было весьма значительное превосходство во всех видах вооруженных сил — в армии, на флоте и в авиации, — и это превосходство нам предстояло сохранить в течение многих предстоящих месяцев, а кроме того, наш авторитет был очень высок в результате побед Александра и Монтомгери в Тунисе и в Пустыне. Американский меморандум сразу же вызвал резкие возражения у английского комитета начальников штабов. И они, и я изложили нашу точку зрения в письменном виде. Английский комитет начальников штабов выдвинул следующие возражения.

Командование английскими и американскими вооруженными силами, действующими против Германии

Меморандум английского комитета начальников штабов

22 ноября 1943 года

«Английский комитет начальников штабов внимательно рассмотрел предложение американского комитета начальников штабов о «немедленном назначении верховного главнокомандующего для руководства всеми операциями Объединенных Наций против Германии со стороны Средиземного моря и Атлантики». Это предложение чревато огромными политическими осложнениями и, естественно, должно быть подвергнуто самому тщательному изучению правительствами Соединенных Штатов и Англии. Тем не менее английский комитет начальников штабов считает нужным уже теперь заявить, что, с военной точки зрения, он совершенно не согласен с этим предложением. Причины этого несогласия изложены ниже.

Тотальная война втягивает в свою сферу не только военные силы, употребляя слово «военные» в самом широком его смысле. Почти всякая важная военная проблема связана с политическими, экономическими, промышленными и внутренними вопросами. Отсюда ясно, что верховному главнокомандующему операциями против Германии пришлось бы консультироваться с правительствами Соединенных Штатов и Великобритании почти по всем важным вопросам. Фактически все дело сведется к тому, что он сможет принимать решения без согласования с высшими инстанциями лишь по сравнительно незначитель-

ным и чисто военным вопросам, как то: о переброске одной или двух дивизий, или нескольких эскадрилий самолетов, или нескольких десантных судов с одного своего фронта на другой. Таким образом, он будет излишним и ненужным звеном в системе командования.

Не может быть никакой аналогии между положением маршала Фоша в Первую мировую войну и положением, намечаемым для верховного главнокомандующего операциями против Германии. Маршал Фош нес ответственность лишь за Западный и Итальянский фронты. Его полномочия не распространялись на Салоникский, Палестинский и Месопотамский фронты. Согласно же намеченным теперь планам верховный главнокомандующий будет иметь в своем подчинении не только «Оверлорд» и Итальянский фронт, но и Балканский фронт, и Турецкий фронт (если таковой будет открыт). Должен существовать какой-то предел полномочий, которыми союзные правительства могут наделить одно лицо, а предлагаемая ныне сфера полномочий, очевидно, значительно выходит за эти пределы.

Американский комитет начальников штабов заявляет в своем предложении, что решения верховного главнокомандующего смогут быть «изменены объединенным англо-американским штабом». Если главная цель создания этого нового поста заключается в обеспечении быстрого принятия решений, то вышеуказанная оговорка может, пожалуй, привести к неприятным последствиям. Может случиться, что верховный главнокомандующий отдаст приказ и войска будут действовать согласно этому приказу, а затем объединенный англо-американский штаб отменит его, и, таким образом, создастся неразбериха. Возможен и такой случай, когда английский комитет начальников штабов согласится с решением, принятым верховным главнокомандующим, а американский комитет начальников штабов будет категорически против него. Что делать в этом случае? Или же объединенный англо-американский штаб будет искренне поддерживать по военным соображениям решение, принятое верховным главнокомандующим, а затем окажется, что то или иное заинтересованное правительство не намерено утвердить его. Что же произойдет тогда?

Чтобы верховный главнокомандующий мог осуществлять реальное руководство, ему придется сосредоточить в своих руках в невиданных масштабах весь аппарат разведки, планирования и управления. Этот аппарат будет в очень большой мере затруднять связь между командующими фронтами и объединенным англо-американским штабом.

Если наш испытанный механизм, который вполне оправдал себя на протяжении последних двух лет, и не сумел справиться с некоторыми второстепенными проблемами, то лучше еще раз проверить его и посмотреть, каким образом его можно сделать

более гибким и удобным, чем приступать к совершенно новому опыту, результатом которого будет лишь появление громоздкого и ненужного звена в системе командования, что наверняка не оправдает себя».

* * *

Я полностью одобрил меморандум начальников штабов и развил этот довод в докладной записке, написанной мною в тот же день.

Верховный главнокомандующий всеми операциями против Германии

Записка премьер-министра и министра обороны

25 ноября 1943 года

«1. Трудности и недостатки в нашем руководстве войной после битвы за Салерно возникли из-за расхождений во взглядах между нашими двумя штабами и правительствами. Не представляется вероятным, что эти расхождения могут быть устранены в результате назначения верховного главнокомандующего, действующего под началом объединенного англо-американского штаба, который сможет отменять его решения. Расхождения, которые носят в равной мере и политический и военный характер, должны будут по-прежнему устраняться существующими методами консультаций между объединенным англо-американским штабом и нашими двумя правительствами. Значит, верховный главнокомандующий после того, как его провозгласят человеком, который принесет победу в мировой войне, на практике убедится, что его функции весьма ограничены и сводятся к действиям, не затрагивающим главных политических и стратегических решений, которые должны приниматься только существующими сейчас методами, и не вторгающимся в сферу главных двух региональных командующих.

2. Это не оправдывает надежд, которые возникнут, и не окупит создания аппарата, соответствующего пышному рангу верховного главнокомандующего по обеспечению победы над Германией.

3. С другой стороны, если верховному командующему будет действительно дано право принимать решения, деятельность объединенного англо-американского штаба окажется фактически излишней и сразу же возникнет напряженность в отношениях между правительствами и верховным главнокомандующим. Не вдаваясь в вопрос о личностях, можно усомниться в том, что найдется такой офицер, который был бы в

состоянии принимать решения по огромному кругу проблем, которыми теперь занимаются главы правительств с помощью объединенного англо-американского штаба.

4. Принцип равного статуса, которого должны по возможности придерживаться союзники, состоит в том, что командование любым театром военных действий должно быть поручено тому союзнику, который имеет или будет иметь на этом театре самые крупные силы. Исходя из этого, командование на Средиземном море должно принадлежать англичанам, а командование операцией «Оверлорд» — американцам.

5. Если эти два командования будут объединены под началом верховного главнокомандующего, то следует учесть, что к маю (1944 года) англичане будут располагать гораздо более крупными силами для борьбы против Германии, чем американцы. Поэтому можно было бы сказать, что верховное командование должно быть поручено английскому офицеру. Я в качестве главы правительства его величества очень не хотел бы возложить такую неприятную ответственность на английского офицера. Если же, с другой стороны, независимо от переклада в силах верховное командование было бы поручено американскому офицеру и он высказался бы за концентрацию войск для операции «Оверлорд», не считаясь с ущербом, который это нанесло бы нашим планам на Средиземном море, правительство его величества не могло бы согласиться с этим решением. Таким образом, верховный главнокомандующий, будь то англичанин или американец, был бы поставлен в невыносимое положение. Поскольку он принял бы на себя перед всем миром ответственность за верховное командование, ему бы ничего не оставалось, как подать в отставку, если бы то или иное правительство отвергло его решение. Это могло бы привести к очень серьезному кризису в исполненных духа гармонии хороших отношениях, которые до сих пор существовали между нашими двумя правительствами.

6. Непонятно, почему нельзя сохранить ныне существующий порядок, внося в него некоторые улучшения, если таковые будут предложены. В соответствии с существующей договоренностью американский командующий должен руководить выполнением огромной задачи — операцией через Ла-Манш, а английский командующий — военными действиями на Средиземном море. Их действия будут согласовываться, а вооруженные силы — выделяться объединенным англо-американским штабом, работающим под руководством глав наших двух правительств... Следует также более часто созывать совещания объединенного англо-американского штаба и договориться о том, чтобы ежемесячно председатели комитета начальников штабов каждой страны приезжали на неделю поочередно соответственно в Лондон и Вашингтон».

Этот документ я вручил президенту перед отъездом в Тегеран, и во время конференции в Тегеране я не знал, каков будет ответ. Из частных источников мне стало известно, что американский комитет начальников штабов полностью понял, какие могут возникнуть неурядицы в разграничении функций между нашим объединенным англо-американским штабом и новым верховным командующим, а также что, ознакомившись с нашими доводами, они отказались от мысли во что бы то ни стало отстаивать свой план. Ни сам президент, ни кто-либо из его непосредственного окружения не касался этого вопроса при наших официальных и неофициальных и неизменно дружественных встречах. Поэтому у меня создалось впечатление, что генерал Маршалл будет командовать операцией «Оверлорд», что генерал Эйзенхауэр заменит его в Вашингтоне и что я, как представитель правительства его величества, должен буду подобрать командующего Средиземноморским фронтом. В то время я твердо считал, что последний пост займет Александер, осуществлявший руководство военными операциями в Италии. Вопрос этот оставался в таком положении вплоть до нашего возвращения в Каир.

Наконец все проблемы были разрешены. Трудности, связанные с американской конституцией, здоровьем Рузвельта, упрямством Сталина, сложностью поездки в Басру и по Транс-персидской железной дороге, — все это было сметено прочь неотложной необходимостью тройственной встречи и провалом всех других вариантов, кроме полета в Тегеран. Поэтому 27 ноября на рассвете в чудесную погоду мы вылетели из Каира в долго выбиравшееся место встречи и благополучно прибыли туда различными путями и в разное время.

Глава вторая

ТЕГЕРАН: ОТКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Я был не в восторге от того, как была организована встреча по моему прибытию на самолете в Тегеран. Английский посланник встретил меня на своей машине, и мы отправились с аэродрома в нашу дипломатическую миссию. По пути нашего следования в город на протяжении почти 3 миль через каждые 50 ярдов были расставлены персидские конные патрули. Таким образом, каждый злоумышленник мог знать, какая важная особа приезжает и каким путем она проследует. Не было никакой защиты на случай, если бы нашлись два-три решительных человека, вооруженных пистолетами или бомбой.

Американская служба безопасности более умно обеспечила защиту президента. Президентская машина проследовала в со-

провожении усиленного эскорта бронемашин. В то же время самолет президента приземлился в неизвестном месте, и президент отправился без всякой охраны в американскую миссию по улицам и переулкам, где его никто не ждал.

Здание английской миссии и окружающие его сады почти примыкают к советскому посольству, и посольку англо-индийская бригада, которой было поручено нас охранять, поддерживала прямую связь с еще более многочисленными русскими войсками, окружавшими их владение, то вскоре они объединились, и мы, таким образом, оказались в изолированном районе, в котором соблюдались все меры предосторожности военного времени. Американская миссия, которая охранялась американскими войсками, находилась более чем в полумиле, а это означало, что в течение всего периода конференции либо президенту, либо Сталину и мне пришлось бы дважды или трижды в день ездить туда и обратно по узким улицам Тегерана. К тому же Молотов, прибывший в Тегеран за 24 часа до нашего приезда, выступил с рассказом о том, что советская разведка раскрыла заговор, имевший целью убийство одного или более членов «большой тройки», как нас называли, и поэтому мысль о том, что кто-то из нас должен постоянно разъезжать туда и обратно, вызвала у него глубокую тревогу. «Если что-нибудь подобное случится, — сказал он, — это может создать самое неблагоприятное впечатление». Этого нельзя было отрицать. Я всячески поддерживал просьбу Молотова к президенту переехать в здание советского посольства, которое было в три или четыре раза больше, чем остальные, и занимало большую территорию, окруженную теперь советскими войсками и полицией. Мы уговорили Рузвельта принять этот разумный совет, и на следующий день он со всем своим штатом, включая и превосходных филиппинских поваров с его яхты, переехал в русское владение, где ему было отведено обширное и удобное помещение. Таким образом, мы все оказались внутри одного круга и могли спокойно, без помех обсуждать проблемы мировой войны. Я очень удобно устроился в английской миссии, и мне нужно было пройти всего лишь несколько сот ярдов до здания советского посольства, которое на время превратилось, можно сказать, в центр всего мира.

Появилось много неправильных отчетов о позиции, которую я с полного согласия английского комитета начальников штабов занимал на конференции. В Америке утвердилось мнение, будто я старался помешать осуществлению операции «Оверлорд» и тщетно пытался склонить союзников предпринять массовое вторжение на Балканы или крупную кампанию в восточной части Средиземного моря, которая поставила бы крест на операции «Оверлорд». Многие из этой чепухи было

разоблачено и опровергнуто в предыдущих главах, но все же, пожалуй, есть смысл рассказать, чего я в действительности добивался и чего в весьма значительной степени добился.

Операция «Оверлорд», к детальному планированию которой мы приступили, должна была быть начата в мае или июне, или самое позднее в первых числах июля 1944 года. Войскам и судам, которые должны были перевозить их, по-прежнему предоставлялся приоритет. Далее, требовалось снабжать действующую в Италии многочисленную англо-американскую армию, перед которой стояла задача захватить Рим и продвинуться к северу от него, чтобы занять аэродромы, с которых можно было бы подвергать воздушной бомбардировке Южную Германию. После достижения этих целей войска в Италии должны были остановиться на линии Пиза—Римини, то есть мы не должны были переносить линию фронта в более широкую часть Итальянского полуострова. Эти операции в случае сопротивления противника отвлекли бы и сковали крупные германские силы, дали бы итальянцам возможность искупить свою вину и непрерывно поддерживали бы пламя войны на вражеском фронте.

Я в то время не возражал против высадки на юге Франции, вдоль Ривьеры, с целью захвата Марселя и Тулона и дальнейшего продвижения англо-американских войск на север вдоль долины Роны в помощь главным силам, которые предпримут основное вторжение через Ла-Манш. В качестве другого варианта я предпочитал правофланговое наступление из Северной Италии на Вену, используя Истрийский полуостров и Люблянский проход. Я был очень рад, когда президент внес это предложение, и пытался, как это будет видно из последующего, добиться, чтобы оно было принято. Если бы немцы оказали сопротивление, нам удалось бы отвлечь много их дивизий с русского фронта и с побережья Ла-Манша. Если бы они не стали сопротивляться, мы могли бы освободить небольшой ценой огромные и очень важные районы. Я был уверен, что немцы будут сопротивляться и этим мы поможем операции «Оверлорд» самым решительным образом.

Мое третье требование состояло в том, чтобы не пренебрегать восточной частью Средиземного моря со всеми преимуществами, которые она могла дать, при условии, конечно, что не будут отвлечены силы, которые можно использовать в операции форсирования Ла-Манша. Во всех этих своих планах я придерживался тех пропорций, о которых говорил генералу Эйзенхауэру двумя месяцами ранее, а именно: шесть десятых наших наличных сил — на операцию форсирования Ла-Манша, три десятых — в Италии и одна десятая — в восточной части Средиземного моря. От этого своего мнения я никогда ни на шаг не отклонялся.

* * *

Вскоре после переезда президента на новую квартиру, в советское посольство, Сталин пришел его приветствовать, и между ними состоялась дружественная беседа. По словам биографа Гопкинса, президент сообщил Сталину, что он обещал Чан Кайши развернуть активные операции в Бирме. Сталин был невысокого мнения о боевых качествах китайских войск. Президент «коснулся одной из его излюбленных тем... обучения колониальных народов Дальнего Востока... искусству самоуправления... Он предостерег Сталина против обсуждения проблем Индии с Черчиллем, и Сталин согласился, что это, несомненно, больной вопрос. Рузвельт сказал, что реформа в Индии должна начаться снизу, а Сталин заметил, что реформа снизу означает революцию»¹. Я провел это утро спокойно, занимаясь многочисленными телеграммами из Лондона.

* * *

Первое пленарное заседание состоялось в советском посольстве в воскресенье 28 ноября в 4 часа дня. В просторном и красивом зале заседаний мы уселись за большим круглым столом. Со мной были Иден, Дилл, три начальника штабов и Исмей. С президентом были Гарри Гопкинс, адмирал Леги, адмирал Кинг и два других офицера. Генерал Маршалл и генерал Арнольд не присутствовали, так как, по свидетельству биографа Гопкинса, «они перепутали час заседания и поехали осматривать достопримечательности Тегерана»². Со мной был мой превосходный переводчик, который обслуживал меня и в предыдущем году, майор Бирс. Павлов снова выполнял эту роль для советских представителей, а Болен, новый человек, — для представителей США. Сталина сопровождали только Молотов и маршал Ворошилов. Мы сидели со Сталиным почти напротив. Мы заранее договорились, что на первом заседании будет председательствовать президент Рузвельт, который не возражал против этого. Он открыл наше заседание поздравительной речью, заявив, согласно нашим записям, что русские, англичане и американцы впервые сидят за столом как члены одной семьи, добывающиеся единой цели — победы в войне. Никакой повестки дня для совещания заранее намечено не было, и каждый может обсуждать все, что угодно, и не обсуждать то, что ему неудобно. Каждый может свободно высказать все, что желает, на дружественной основе, и ничто не подлежит опубликованию.

¹ Sherwood. Roosevelt and Hopkins. P. 777.

² Sherwood. Roosevelt and Hopkins. P. 778.

В своем вступительном слове я тоже подчеркнул значение этого события. Это совещание, сказал я, представляет, пожалуй, величайшую концентрацию мировых сил, неизвестную еще в истории человечества. От нас зависит сокращение сроков войны, почти верная победа и, вне всякого сомнения, счастье и судьбы всего человечества.

Сталин сказал, что он высоко ценит наши заявления о дружбе трех держав. Им действительно предоставляется великая возможность, и он надеется, что они хорошо используют ее.

Затем президент начал обсуждение кратким обзором военного положения с американской точки зрения. Он сначала коснулся положения на Тихом океане, который имел особое значение для Соединенных Штатов, поскольку американские вооруженные силы несли там главное бремя войны, пользуясь помощью Австралии, Новой Зеландии и Китая. Соединенные Штаты сконцентрировали на Тихом океане основную часть своего флота и чуть ли не миллионную армию. О гигантских масштабах этого театра войны можно судить хотя бы по тому, что грузовое судно могло сделать в год всего три рейса. Соединенные Штаты ведут войну на истощение, и до сих пор она шла успешно. Совершенно очевидно, что Япония теряет суда, как военные, так и торговые, гораздо быстрее, чем она их строит. Затем Рузвельт изложил планы отвоевания Северной Бирмы. Англо-американские войска будут действовать в сотрудничестве с китайскими и будут находиться под командованием адмирала лорда Луиса Маунтбэттена. Обсуждались также планы комбинированных операций против японских линий коммуникаций со стороны Бангкока. Для этого требуются значительные силы, хотя принимаются все меры к тому, чтобы ограничить их минимумом, необходимым для достижения наших основных целей. Эти цели заключаются в том, чтобы поддерживать активное участие Китая в войне, открыть Бирманскую дорогу и захватить позиции, с которых можно было бы наибоьстрейшим образом разделаться с Японией после краха Германии. Предполагается создать в Китае базы, с которых в предстоящем году можно было бы бомбить Токио.

Затем президент перешел к Европе. Было проведено много англо-американских совещаний и разработано много планов. Полтора года назад было решено предпринять экспедицию через Ла-Манш, но из-за транспортных и других трудностей все еще было невозможно установить точную дату начала операции. Необходимо собрать в Англии силы, достаточные не только для высадки, но и для продвижения в глубь страны. Воды Ла-Манша оказались столь беспокойными, что невозможно будет начать экспедицию до 1 мая 1944 года. Решение об этом сроке было принято в Квебеке. Рузвельт пояснил, что во всех

десантных операциях ограничивающим фактором являются десантные суда, и, если бы мы решили начать очень крупную экспедицию в Средиземном море, мы должны были бы совершенно отказаться от высадки на другом берегу Ла-Манша. Если бы мы предприняли в Средиземном море операцию меньших масштабов, то она задержала бы нас на один, два и даже три месяца. Поэтому оба мы — как президент, так и я — хотели бы на этой военной конференции услышать от маршала Сталина и маршала Ворошилова, какие действия будут наиболее полезными для Советского Союза. Было рассмотрено множество разных проблем: усиление нашего наступления в Италии; Балканы; Эгейское море; Турция и т. д. Главная задача конференции и состоит в том, чтобы решить, какие из них принять. Основной задачей англо-американских армий будет как можно больше облегчить бремя, лежащее на советских войсках.

Сталин, выступивший следующим, приветствовал успехи Соединенных Штатов на Тихом океане, но заявил, что Советский Союз не может в настоящее время присоединиться к борьбе против Японии, поскольку все его вооруженные силы нужны для борьбы с Германией. Советских войск на Дальнем Востоке более или менее достаточно для обороны, но для наступления их надо было бы по меньшей мере утроить. Советский Союз сможет присоединиться к своим друзьям на этом театре после поражения Германии; тогда можно будет выступить в поход вместе.

Касаясь Европы, Сталин заявил, что он хотел бы сказать несколько слов о советском опыте ведения войны. Немцы предвидели июльское наступление советских войск, но в результате того, что было сконцентрировано достаточно войск и оружия, советским войскам было сравнительно легко перейти в наступление. Сталин откровенно признал, что русские не ожидали таких успехов, каких они достигли в июле, августе и сентябре. Немцы оказались слабее, чем предполагалось.

Затем он сообщил последние сведения о положении на советском фронте. На некоторых участках русские замедлили наступление, на других совсем приостановили, а на Украине, к западу и к югу от Киева, инициатива в последние три недели перешла в руки немцев. Немцы снова захватили Житомир и, вероятно, снова займут Коростень. Их целью является вторичный захват Киева. Тем не менее в основном инициатива по-прежнему находится в руках Советской Армии.

Меня спрашивали, сказал он, каким образом англо-американские войска могут лучше помочь России. Советское правительство всегда считало, что итальянская кампания имела

большое значение для дела союзников, поскольку она дала возможность открыть Средиземное море. Однако Италия не является подходящим плацдармом для вторжения в Германию. Мешают Альпы. Поэтому концентрация крупных сил в Италии для вторжения в Германию ничего не даст. Турция была бы лучшим подступом, чем Италия, но она находится далеко от сердца Германии. По его мнению, Северная или Северо-Западная Франция является самым подходящим местом для высадки англо-американских войск, хотя немцы действительно будут там отчаянно сопротивляться.

* * *

Мне предлагали выступить раньше, однако я пока воздерживался от этого. Теперь я решил изложить позицию Англии.

Уже давно решено с Соединенными Штатами, сказал я, что нам надо вторгнуться через Ла-Манш в Северную или Северо-Западную Францию. Именно эту цель преследует большинство наших подготовительных мероприятий, и на ее достижение отведена большая часть наших ресурсов. Потребовался бы целый том цифр и фактов, чтобы показать, почему невозможно было осуществить эту операцию в 1943 году. Но мы решили провести ее в 1944 году. В 1943 году вместо вторжения через Ла-Манш мы предприняли ряд операций в Средиземном море. Это было сделано с полным сознанием того, что они носят второстепенный характер, но мы считали, что это самое большее, что мы могли сделать в 1943 году, учитывая наши ресурсы и транспортные возможности. Английское и американское правительства поставили перед собой задачу предпринять вторжение через Ла-Манш в конце весны или летом 1944 года. Силы, которые можно будет накопить к тому времени, будут состоять из 16 английских и 19 американских дивизий — в общей сложности из 35 дивизий. Эти дивизии как по численности, так и по вооружению значительно сильнее немецких.

Сталин в этот момент заметил, что он никогда не считал операции в Средиземном море второстепенными. Они имели первостепенное значение, но не с точки зрения вторжения в Германию.

Я ответил, что тем не менее мы с президентом считали их ступенями к решающей операции через Ла-Манш. Если учесть, что английские войска заняты на Средиземном море и в Индии, то 16 английских дивизий, выделенных для операции через Ла-Манш, — это максимум того, что может выставить страна с населением в 45 миллионов человек. Эти дивизии можно будет содержать в полном штатном составе, но число их увеличить нельзя. Придется Соединенным Шта-

там, у которых имеется много резервных дивизий, расширять и питать фронт. Однако до весны и лета 1944 года остается еще шесть месяцев, и мы с президентом задались вопросом, что можно за эти шесть месяцев сделать с нашими наличными ресурсами на Средиземном море для того, чтобы максимально облегчить бремя России и в то же время не задержать операцию «Оверлорд» более чем на месяц или на два. Семь лучших англо-американских дивизий и некоторое количество десантных судов уже отправлены или отправляются из Средиземного моря в Соединенное Королевство. Это привело к ослаблению наших усилий на Итальянском фронте. Погода плохая, и мы до сих пор не смогли занять Рим. Но мы надеемся занять его к январю. А генерал Александер, который под началом генерала Эйзенхауэра командует 15-й группой армий в Италии, намерен не только занять Рим, но и уничтожить или захватить в плен десять-одиннадцать германских дивизий.

Я пояснил, что мы не намечали продвижения в широкую часть итальянского «сапога» и тем более вторжения в Германию через Альпы. Генеральный план предусматривал сначала занятие Рима и аэродромов к северу от него, что позволило бы нам бомбить Южную Германию, а затем — закрепление на линии в направлении Пиза—Римини. После этого должен был быть рассмотрен план создания третьего фронта в соответствии с операцией вторжения через Ла-Манш, но не вместо нее. Существовали две возможности: первая — продвинуться в Южную Францию и вторая, предложенная президентом, — начать продвижение на северо-восток от Адриатического моря в сторону Дуная.

Встает вопрос, что же нам делать в следующие шесть месяцев? Можно многое сказать в поддержку Тито, который скопывает больше германских дивизий и делает больше для союзников, нежели четники Михайловича. Можно было бы, несомненно, извлечь большую пользу от поддержки его снаряжением, но это не отвлекло бы сколько-нибудь значительного числа вражеских солдат. В связи с этим перед нами встает крупнейшая проблема, к разрешению которой можно было бы приступить после того, как ее обсудят войсковые штабы, — проблема вовлечения Турции в войну и открытия доступа через Эгейское море в Дарданеллы и, следовательно, в Черное море. Как только Турция вступит в войну и предоставит нам свои авиабазы, мы сможем захватить острова в Эгейском море сравнительно небольшими силами, порядка двух-трех дивизий плюс авиация, уже находящаяся на этом театре войны. Если бы был открыт доступ в черноморские порты, конвои могли бы идти непрерывно. В настоящее время мы вынуждены ограничиться четырьмя конвоями, идущими Северным путем, поскольку эскортные корабли нужны для операции «Овер-

лорд». Но как только Дарданеллы будут открыты, эскортные суда, уже находящиеся в Средиземном море, могли бы поддерживать непрерывный поток материалов в советские черноморские порты.

Как нам убедить Турцию вступить в войну? Если она вступит, что мы должны у нее просить? Должна ли она просто предоставить нам свои базы или же она должна выступить против Болгарии и объявить войну Германии? Должны ли ее войска двинуться вперед или им следует оставаться на границе Фракии? Какое это окажет влияние на Болгарию, которая глубоко обязана России за спасение в свое время от турецкого ига? Как будет реагировать Румыния? Она уже зондировала почву относительно безоговорочной капитуляции. Затем имеется еще Венгрия. По какому пути она пойдет? Вполне возможен коренной политический сдвиг в странах-сателлитах, что позволило бы грекам восстать и вытеснить немцев из Греции. Все это вопросы, по которым у представителей СССР имеется своя информация и своя особая точка зрения. Крайне важно знать, каково их мнение на этот счет. Соответствуют ли эти планы операций в восточной части Средиземного моря интересам Советского правительства настолько, что оно согласится на их осуществление, даже если это на месяц или два отодвинет начало операции «Оверлорд», назначенной на 1 мая? Английское и американское правительства сознательно не принимали окончательного решения по этому вопросу, желая выяснить позицию Советского правительства.

Президент напомнил мне в этот момент еще об одном плане — плане продвижения в северную часть Адриатики и затем на северо-восток — к Дунаю. Я согласился и сказал, что, как только мы зайдем Рим и разгромим немецкие армии южнее Апеннин в узкой части Италии, англо-американские армии продвинулись достаточно далеко для того, чтобы войти в соприкосновение с противником. Тогда мы могли бы удерживать линию при помощи минимального количества войск и сохранить за собой возможность, используя оставшиеся войска, нанести удар либо по Южной Франции, либо, в соответствии с предложением президента, на северо-восток от северной части Адриатики. Ни одна из этих перспектив не обсуждалась подробно, но если бы Сталин отнесся к ним благосклонно, то можно было бы создать технический подкомитет, который занялся бы изучением путей и средств, фактов и цифр и представил бы доклад конференции.

Дискуссия подошла затем к критическому моменту. В протоколах записано:

«Маршал Сталин обратился к премьер-министру со следующими вопросами:

Вопрос: Правильно ли я понял, что вторжение во Францию должно быть предпринято силами тридцати пяти дивизий?

Ответ: Да. Особенно сильных дивизий.

Вопрос: Существует ли намерение предпринять эту операцию силами, находящимися сейчас в Италии?

Ответ: Нет. Семь дивизий уже переброшены или находятся в процессе переброски из (Италии) и Северной Африки для участия в операции «Оверлорд». Эти семь дивизий необходимы, чтобы дополнить имеющееся число дивизий и довести их до тридцати пяти, упомянутых в вашем первом вопросе. За вычетом семи этих дивизий на Средиземном море еще останется около двадцати двух дивизий для Италии или других объектов. Часть из них может быть использована либо для операции против Южной Франции, либо для наступления в северной части Адриатического моря в сторону Дуная. Обе эти операции будут приурочены к операции «Оверлорд». Тем временем можно было бы без труда выделить две-три дивизии для захвата островов на Эгейском море.

* * *

Затем я пояснил, что нет никакой возможности перебросить со Средиземного моря в Соединенное Королевство какие-либо другие дивизии сверх семи упомянутых. Для этого не хватит судов. Тридцать пять англо-американских дивизий будет собрано в Соединенном Королевстве для первоначального штурма. После этого англичане смогут только поддерживать свои шестнадцать дивизий в Северной Франции, однако Соединенные Штаты будут продолжать подбрасывать все новые войска до тех пор, пока экспедиционные силы в Северной Франции не достигнут пятидесяти или шестидесяти дивизий. Каждая английская и каждая американская дивизия, если учитывать войска на коммуникационных линиях, корпусные части, зенитные части и т. д., насчитывает в общей сложности около 40 тысяч человек. В Соединенном Королевстве уже сконцентрированы значительные англо-американские военно-воздушные силы, и тем не менее в ближайшие шесть месяцев американские военно-воздушные силы будут удвоены или даже утроены. Таким образом, в районе, откуда можно легко нанести удар противнику, будет сконцентрировано огромное количество авиации. Войска и снаряжение накапливаются согласно заранее намеченному плану, с которым советские представители смогут ознакомиться, если пожелают.

Сталин спросил меня насчет операции против Южной Франции. Я сказал, что пока еще нет подробных планов, но идея заключается в том, что эта операция должна быть начата в

соответствии или одновременно с операцией «Оверлорд». Штурмовые войска будут состоять из солдат, находящихся сейчас в Италии. Я добавил, что необходимо будет также рассмотреть предложение президента о наступлении на северо-восток с северной части Адриатического моря.

Затем Сталин спросил, сколько англо-американских войск надо будет выделить, если Турция вступит в войну?

Отметив, что я выражаю только свое личное мнение, я сказал, что потребуется самое большее две или три дивизии для того, чтобы занять острова в Эгейском море, и, кроме того, нам, вероятно, придется дать Турции около двадцати авиаэскадрилий и несколько зенитных полков для ее защиты. Как авиаэскадрильи, так и зенитные части могут быть выделены без ущерба для других операций.

Сталин считал, что было бы ошибкой посылать часть наших войск в Турцию и в другие места и часть в Южную Францию. Наиболее правильно было бы сделать «Оверлорд» главной операцией в 1944 году и, как только Рим будет занят, послать все имеющиеся в Италии войска в Южную Францию. Эти войска могли бы потом, когда начнется вторжение, соединиться с войсками «Оверлорд». Франция является самым слабым звеном на германском фронте. Он лично не думает, что Турция согласится вступить в войну.

Затем я сказал, что полностью согласен с замечаниями маршала Сталина о нежелательности распыления сил, но осуществление моего предложения потребует только горстки дивизий — двух или трех, которые могли бы быть хорошо использованы для установления контакта с Турцией. Что же касается авиации, то можно будет использовать военно-воздушные силы, которые защищают Египет; они лишь передвинутся на более передовые базы. Таким образом, не потребуется значительного отвлечения сил ни с итальянского фронта, ни от операции «Оверлорд».

Сталин считал, что вполне имело бы смысл занять эти острова, если бы это можно было сделать тремя или четырьмя дивизиями.

Я сказал, что меня больше всего тревожит интервал шестимесячной бездеятельности между захватом Рима и операцией «Оверлорд». Мы должны бить противника все время, и поэтому предложенные мною операции, хотя они, безусловно, имеют второстепенный характер, должны быть внимательно обсуждены.

Сталин повторил, что «Оверлорд» является очень серьезной операцией и что лучше помочь ее осуществлению путем вторжения в Южную Францию. Он даже предпочел бы занять оборонительную позицию в Италии и воздержаться пока от занятия Рима, если бы вместо этого можно было вторгнуться в Южную Францию, скажем, десятью дивизиями. Спустя два

месяца последовала бы операция «Оверлорд», и тогда обе армии вторжения могли бы соединиться.

Я ответил, что мы не станем сильнее, если откажемся от наступления на Рим; наоборот, как только мы зайдем город, наши позиции укрепятся в результате уничтожения или разгрома десяти-одиннадцати германских дивизий. Кроме того, нам нужны аэродромы к северу от Рима для бомбардировки Германии. Мы не можем отказаться от занятия Рима — это рассматривалось бы всеми как сокрушительное поражение, и английский парламент ни за что не согласится на это.

* * *

Президент затем заявил, что сроки операций должны быть обсуждены самым внимательным образом. Любая операция в восточной части Средиземного моря повлекла бы за собой отсрочку операции «Оверлорд» до июня или до июля. Он лично против такой отсрочки, если ее можно избежать. Поэтому он предложил, чтобы военные эксперты рассмотрели возможности операции против Южной Франции в сроки, предложенные Сталиным, то есть за два месяца до операции «Оверлорд», причем исходить надо из того, что операция «Оверлорд» должна начаться в намеченное время.

Сталин заявил, что опыт, накопленный Советским Союзом за последние два года войны, показал, что крупное наступление, предпринятое только с одного направления, редко дает результаты. Лучше всего начать наступление одновременно с двух или больше направлений. Это заставляет противника расплывать свои силы и в то же время создает возможности для атак при условии, что эти направления настолько близки друг к другу, что можно установить контакт и увеличить силу наступления в целом. Он сказал, что этот принцип вполне применим и к обсуждаемой проблеме.

Я в принципе не возражал против этой точки зрения. Сделанные мною предложения об оказании небольшой помощи Югославии и Турции, сказал я, отнюдь не противоречат этой общей установке. В то же время я прошу отметить, что я ни при каких обстоятельствах не соглашусь приостановить операции средиземноморских армий, включающих двадцать английских и подчиненных англичанам дивизий, к тому же только для того, чтобы точно выдержать срок — первое мая — начала операции «Оверлорд». Если Турция откажется вступить в войну, — что же, ничего не поделаешь. Я искренне надеюсь, что с меня не потребуют согласия на такие жесткие сроки операций, какие предлагает президент.

БЕСЕДЫ И СОВЕЩАНИЯ

В воскресенье вечером 28 ноября президент Рузвельт пригласил нас на обед. Нас было человек десять или одиннадцать, включая переводчиков, и беседа вскоре приняла общий и серьезный характер.

В этот первый вечер, когда мы прогуливались после обеда по комнате, я пригласил Сталина присесть на диван и предложил ему поговорить немного о том, что должно произойти после того, как война будет выиграна. Он с удовольствием согласился, и мы присели. К нам присоединился и Иден. «Давайте прежде всего рассмотрим самое худшее, что может произойти», — сказал маршал. По его мнению, Германия имеет все возможности восстановить свои силы после этой войны и через сравнительно непродолжительное время начать новую. Он опасался возрождения германского национализма. После Версаля казалось, что мир обеспечен, однако Германия оправилась очень быстро. Поэтому мы должны создать сильный орган для того, чтобы помешать Германии начать новую войну. Он был убежден, что она оправится. Когда я спросил: «Как скоро?», он ответил: «В течение 15—20 лет». Я сказал, что надо обеспечить безопасность всего мира по крайней мере на 50 лет. Если же речь идет только о 15 или 20 годах, тогда выходит, что мы предали наших солдат.

Сталин считал, что мы должны рассмотреть меры ограничения производственной мощности Германии. Немцы — очень способный, трудолюбивый и изобретательный народ, и они быстро восстановят свои силы. Я ответил, что необходимы некоторые меры контроля. Я бы полностью запретил им иметь авиацию, как гражданскую, так и военную, а также генеральный штаб. «Вы, быть может, потребовали бы закрытия часовых заводов и мебельных фабрик, чтобы они не производили части для снарядов? — спросил Сталин. — Немцы выпускали игрушечные ружья, которые они использовали для обучения сотен тысяч людей стрельбе».

«Ничто, — сказал я, — не стоит на месте. Мир движется вперед. Мы теперь кое-чему научились. Наш долг обеспечить безопасность в мире по крайней мере на 50 лет путем разоружения Германии, предотвращения перевооружения, установления контроля над германскими предприятиями, запрещения военной и гражданской авиации и путем далеко идущих территориальных изменений. Все зависит от того, смогут ли Великобритания, Соединенные Штаты и СССР сохранить тесную дружбу и контролировать Германию в своих общих интересах. Нам не следует бояться отдавать приказы, как только мы увидим опасность».

«После Первой мировой войны, — сказал Сталин, — тоже существовал контроль, но он ни к чему не привел».

«Тогда мы еще были неопытны, — ответил я, — прошлая война не была в такой мере национальной войной, и Россия не участвовала в мирной конференции. На сей раз будет иначе». Я считал, что Пруссия должна быть изолирована и ослаблена, что Бавария, Австрия и Венгрия могли бы создать широкую мирную, неагрессивную конфедерацию. Я полагал также, что с Пруссией следует обойтись более сурово, чем с другими частями рейха, и это могло бы склонить их не связывать свою судьбу с Пруссией. Следует иметь в виду, что все это были настроения военного времени.

«Все это хорошо, но недостаточно», — сказал Сталин.

«Россия, — продолжал я, — будет иметь свою армию. Великобритания и Соединенные Штаты — свои морские флоты, авиацию. Кроме того, все эти три державы будут располагать и другими ресурсами. Все они будут сильно вооружены и не должны брать никакого обязательства о разоружении. Мы являемся попечителями всеобщего мира. Если наши усилия окажутся тщетными, то разразится хаос, который, возможно, продлится целое столетие. Если мы будем сильны, мы сможем выполнить наши обязанности попечителей. Речь идет не только о сохранении мира, — продолжал я. — Эти три державы должны руководить будущим мира. Я не хочу навязывать какую-либо систему другим нациям. Я требую свободы и права всех наций развиваться так, как они хотят. Мы трое должны оставаться друзьями, чтобы обеспечить счастливую жизнь во всех странах».

Сталин снова спросил, как же быть с Германией.

Я ответил, что я не против трудящихся Германии, я лишь против руководителей и опасных комбинаций. Он сказал, что в рядах немецких дивизий много трудящихся, которые сражаются по приказу. Когда он спрашивал германских военнопленных, выходцев из трудящихся классов, почему они сражаются за Гитлера, они отвечали, что выполняют приказ. Таких военнопленных он расстреливал.

* * *

Я предложил обсудить польский вопрос. Он согласился и предложил мне начать. Я сказал, что мы объявили войну из-за Польши, поэтому Польша имеет для нас большое значение. Нет ничего важнее, чем безопасность западной границы России. Однако я не давал никаких обещаний относительно границ. Мне хотелось бы поговорить по душам с русскими по этому вопросу. Если маршал Сталин пожелает сказать нам, что он примерно думает, можно было бы обсудить этот вопрос

и достигнуть некоторого соглашения. Маршал должен сказать мне, что он считает необходимым для защиты западных границ России. После этой войны в Европе, которая, возможно, закончится в 1944 году, Советский Союз будет исключительно сильным и Россия будет нести большую ответственность за любое решение, которое она примет в отношении Польши. Лично я считал, что Польша может продвинуться на запад, подобно солдатам, по команде «два шага влево». Если Польша наступит при этом кое-где на ногу Германии, то ничего не поделаешь, но сильная Польша необходима. Польша является инструментом, необходимым для европейского оркестра.

Сталин сказал, что польский народ имеет свою культуру и свой язык, которые должны быть сохранены. Их невозможно уничтожить.

«Не попытаемся ли мы, — спросил я, — наметить линии границ?»

«Да».

«У меня нет никаких полномочий от парламента определять границы, и, как я полагаю, их нет и у президента. Однако мы можем здесь, в Тегеране, проверить, смогут ли главы трех правительств, действуя в согласии, наметить определенную политику, которую мы могли бы рекомендовать полякам и посоветовать им принять ее».

Мы согласились изучить эту проблему. Сталин спросил, должны ли мы это делать без участия поляков. Я ответил, «да» и сказал, что позже, когда все будет неофициально согласовано между нами, мы сможем обратиться к полякам. Тут Иден отметил, что его очень поразило заявление Сталина о том, что поляки могут продвинуться на запад вплоть до Одера. Он считает, что это заявление имеет обнадеживающий характер и он весьма этим доволен. Сталин спросил, не думаем ли мы, что он собирается проглотить Польшу. Иден ответил, что он не знает, сколько Россия собирается съесть, а сколько она оставит непереваренным. Сталин сказал, что русские не хотят ничего, что принадлежит другому народу, хотя они, возможно, откусят что-нибудь у Германии. Иден сказал, что то, что Польша потеряет на востоке, она может получить на западе. Сталин ответил, что такая возможность существует, но он не знает, как поступить в данном деле. Тогда я показал при помощи трех спичек, как я себе мыслю передвижение Польши на запад. Это понравилось Сталину, и на этом мы разошлись.

* * *

Утро 29-го было занято совещанием английских, советских и американских военных руководителей. Поскольку мне было известно, что Сталин и Рузвельт уже имели частный разговор

и жили в одном и том же здании, я предложил президенту позавтракать вместе перед вторым пленарным заседанием, назначенным на вторую половину дня. Однако Рузвельт отклонил мое приглашение и прислал ко мне Гарримана с разъяснением, что он не хочет, чтобы Сталин знал, что мы встречаемся конфиденциально. Меня это удивило, ибо я считал, что все мы трое должны относиться друг к другу с одинаковым доверием. После завтрака президент имел новую беседу со Сталиным и Молотовым, во время которой обсуждалось много важных вопросов, включая, в частности, план Рузвельта об управлении послевоенным миром. Оно должно было осуществляться «четырьмя полицейскими», а именно СССР, Соединенными Штатами, Великобританией и Китаем. Это предложение не встретило поддержки со стороны Сталина. Он сказал, что «четверо полицейских» вряд ли могут рассчитывать на благосклонное отношение со стороны малых стран Европы. Он выразил сомнение в том, что Китай будет очень сильным государством после окончания войны, но, если бы он и был таковым, европейские страны не согласились бы на то, чтобы Китай обладал в отношении них правом принуждения. В этом вопросе советский вождь показал себя определенно более проницательным и выказал гораздо более правильное понимание действительного положения вещей, нежели президент. Когда Сталин предложил в качестве альтернативы создание одного комитета для Европы и другого для Дальнего Востока, причем европейский комитет должен был состоять из Англии, России, Соединенных Штатов и, возможно, еще одной европейской страны, президент ответил, что это предложение несколько схоже с моей идеей региональных комитетов: одного для Европы, одного для Дальнего Востока и одного для Американского континента. Он, кажется, недостаточно ясно сказал, что, кроме того, я намечал создание верховного совета Объединенных Наций, в состав которого вошли бы три региональных комитета. Поскольку меня только значительно позднее информировали о том, что произошло, я не был в состоянии исправить это ошибочное представление.

* * *

Перед нашим вторым пленарным заседанием, начавшимся в 4 часа, я по поручению короля вручил Почетный меч, который был изготовлен по специальному заказу его величества в честь славной обороны Сталинграда. Большой зал был заполнен русскими офицерами и солдатами. Когда после нескольких пояснительных слов я вручил это великолепное оружие маршалу Сталину, он весьма внушительным жестом поднес его к губам и поцеловал. Затем он передал меч Воро-

шилову, который его уронил. Меч был вынесен из зала с большой торжественностью в сопровождении русского почетного караула. Когда эта процессия удалась, я заметил, что президент, сидевший сбоку, был явно взволнован этой церемонией. После этого мы перешли в зал заседаний и заняли свои места за круглым столом, на сей раз вместе с начальниками штабов, которые должны были доложить нам о результатах своих утренних трудов.

Начальник имперского генерального штаба сообщил, что они рассмотрели ряд операций и пришли к выводу, что, если в Средиземном море ничего не будет предпринято до начала операции «Оверлорд», немцы смогут перебросить войска из Италии в Россию или в Северную Францию. Они рассмотрели план продвижения вверх по Итальянскому полуострову, план усиления партизанского движения в Югославии, с тем чтобы оно могло сковать германские дивизии на Балканах, и план вовлечения Турции в войну. Они также обсудили вопрос о высадке в Южной Франции, которая должна совпасть с операцией «Оверлорд». Портал сделал обзор наступления нашей бомбардировочной авиации, а Маршалл доложил о ходе сосредоточения американских вооруженных сил в Англии.

Генерал Маршалл заявил, что проблема, стоящая перед западными союзниками в Европе, заключается не в нехватке войск или материалов, а в недостатке кораблей и десантных средств, а также аэродромов, достаточно близко расположенных к району операций. В особенности не хватает десантных судов, и наиболее острый недостаток ощущается в танкодесантных баржах, которые могут сразу взять на борт по 40 танков. Что же касается операции «Оверлорд», то переброска войск и материалов продолжается согласно плану. Самым непостоянным и ненадежным фактором во всех проблемах, стоящих перед союзниками, являются десантные средства. Выполнение программы их строительства было ускорено как в Соединенном Королевстве, так и в Соединенных Штатах с двойной целью: 1) увеличения масштабов первого штурма в операции «Оверлорд» и 2) создания возможности для осуществления нами операций в Средиземном море, какие будут сочтены необходимыми.

* * *

Затем Сталин задал самый важный вопрос: «Кто будет командовать операцией «Оверлорд»?» Президент ответил, что это еще не решено. Сталин прямо сказал, что операция будет сведена к нулю, если вся подготовка к ней не будет поручена одному человеку. Рузвельт разъяснил, что это уже сделано. Английскому генералу Моргану выделен объединенный англо-американский штаб, и он уже в течение значительного вре-

мени разрабатывает планы этой операции. Фактически все уже решено, за исключением того, кто будет верховным командующим. Сталин заявил, что необходимо немедленно назначить человека, который нес бы ответственность не только за разработку плана, но и за его осуществление. Иначе может получиться, что, по мнению генерала Моргана, все будет уже готово, а верховный главнокомандующий, когда он будет назначен, может придерживаться совершенно иного взгляда и пожелает все изменить.

Я сказал, что генерал Морган был назначен несколько месяцев назад объединенным англо-американским штабом с согласия президента и моего согласия главным штабным офицером при верховном командующем (который должен быть назначен). Правительство его величества выразило готовность действовать под началом американского командующего, поскольку Соединенные Штаты несут ответственность за сосредоточение сил вторжения и будут иметь превосходство в численности войск. С другой стороны, на Средиземном море фактически все военно-морские силы являются английскими, и мы имеем там также значительное превосходство в вооруженных силах. Поэтому мы считаем, что командование на этом театре должно быть поручено англичанину. Я сказал, что вопрос о назначении верховного главнокомандующего скорее подлежит обсуждению тремя главами правительств, чем на довольно широком заседании. Сталин сказал, что Советское правительство не претендует на право голоса в этом назначении. Оно желает лишь знать, кто будет этим главнокомандующим. Очень важно, чтобы это назначение было сделано по возможности скорее и чтобы генерал, который будет избран для этого, нес ответственность не только за подготовку плана, но и за его осуществление. Я согласился, что вопрос о том, кто будет командовать операцией «Оверлорд», является одним из важнейших моментов, которыми нужно заняться, и заявил, что он будет решен не позже ближайших двух недель.

* * *

Затем я изложил позицию Англии.

Первый вопрос — какую помощь могут оказать операции «Оверлорд» крупные вооруженные силы, уже сосредоточенные на Средиземном море? В частности, каковы масштабы операций, которые могут быть начаты против Южной Франции войсками, находящимися в Италии? Об этом плане уже упоминали президент и Сталин, но он еще не был изучен достаточно подробно для того, чтобы можно было высказать окончательное мнение. Сталин совершенно правильно подчеркнул значение клещеобразных операций, однако было бы явно

бесполезно предпринимать наступление малыми силами, которые могли бы быть истреблены до прибытия главных сил. Высказывая свое личное мнение, я заявил, что на Средиземном море следует оставить такое количество десантных судов, которое было бы достаточно для переброски по меньшей мере двух дивизий. При наличии этих десантных средств мы могли бы поддержать наступление вверх по итальянскому «сапогу» десантными фланговыми ударами и, таким образом, избежать медленных и трудных методов фронтальной атаки. Кроме того, наличие этих десантных судов дало бы нам возможность занять остров Родос и открыть доступ в Эгейское море одновременно с вступлением Турции в войну. Используя эти же десантные суда, мы могли бы через пять или шесть месяцев высадиться в Южной Франции, приурочив эту высадку к началу операции «Оверлорд».

Конечно, сроки всех этих операций должны быть изучены и скоординированы самым тщательным образом, но есть полное основание надеяться, что все, о чем я упоминал, может быть осуществлено. С другой стороны, совершенно очевидно, что если десантные суда, достаточные для транспортировки двух дивизий, будут оставлены на Средиземном море, то это повлечет за собой либо перенесение срока начала операции «Оверлорд» на шесть или восемь недель, либо отзыв с Востока кораблей и десантных судов, посланных туда для военных действий против Японии. Это ставит нас перед дилеммой.

Второй вопрос — о Югославии и далматинском побережье. Партизанские силы на Балканах сковывают не менее двадцати одной германской дивизии. Помимо этого имеется девять болгарских дивизий в Греции и Югославии. Таким образом, тридцать вражеских дивизий сковываются этими доблестными партизанами. Поэтому Балканский театр военных действий является одним из таких театров, на котором мы можем заставить противника напрячь его силы до предела и облегчить себе положение в предстоящих тяжелых боях. У нас нет никаких притязаний на Балканах. Наше единственное желание заключается в том, чтобы сковать эти тридцать вражеских дивизий. Мы полны решимости работать в полном согласии с ними. С военной точки зрения речь идет не об использовании крупных вооруженных сил в этом районе. Требуется только одно — оказать партизанам помощь материалами, снаряжением и диверсионно-десантными операциями.

Третий и последний вопрос — о Турции. Великобритания является союзником Турции и взяла на себя задачу уговорить или убедить Турцию вступить в войну до Рождества. Если президент готов вмешаться на данном этапе и взять на себя инициативу, английское правительство будет радо этому. Я

сказал, что могу от имени правительства его величества дать заверение в том, что Англия готова на многое ради того, чтобы вовлечь Турцию в войну. С военной точки зрения вступление Турции в войну отвлечет не больше двух или трех союзных дивизий. Затем я спросил о позиции Советского правительства в отношении Болгарии. Цель всех операций на Средиземном море, которые я имею в виду, заключается в том, чтобы облегчить положение России и обеспечить наилучшие возможности для осуществления операции «Оверлорд».

* * *

Я говорил около десяти минут. Затем наступила пауза. После этого Сталин сказал: «Советское правительство будет считать себя в состоянии войны с Болгарией, если в результате вступления Турции в войну Болгария будет угрожать Турции». Я поблагодарил его за это заверение и спросил, могу ли я сообщить об этом туркам. Сталин сказал, что у него нет возражений. Затем он перешел к изложению своего мнения о Балканах. Он сказал, что расхождений во взглядах, по-видимому, не существует и что он поддерживает предложение о всемерной помощи партизанам. Однако он прямо заявил, что вступление Турции в войну, оказание поддержки Югославии и занятие Рима имеют, с точки зрения русских, сравнительно небольшое значение. Если конференция созвана для того, чтобы обсудить военные вопросы, то операции «Оверлорд» должно быть отведено первое место.

Если в соответствии с внесенным здесь предложением будет создана комиссия по военным вопросам, то ей необходимо будет дать совершенно точные инструкции о том, какие задачи она должна будет выполнить. Русским нужна помощь, и неотложная помощь, в их великой борьбе против германской армии. Такая помощь может быть лучше всего оказана скорейшим и энергичным осуществлением операции «Оверлорд». Необходимо решить три главных вопроса. Первый вопрос — срок: начало операции должно быть назначено на май, но никак не позже. Второй — операция «Оверлорд» должна быть поддержана высадкой в Южной Франции. Если это может быть сделано за два или за три месяца до операции «Оверлорд», тем лучше. Если это невозможно, то высадка должна совпасть с операцией «Оверлорд». Если же это не удастся осуществить и десант начнется несколько позже, он все равно будет служить подспорьем главной операции. Наступление на Южную Францию в качестве вспомогательной операции будет весьма полезно для операции «Оверлорд». Занятие Рима и другие операции на Средиземном море могут рассматриваться лишь как отвлекающие операции.

Третий вопрос, требующий решения, — это назначение главнокомандующего войсками в операции «Оверлорд». Сталин заявил, что он хотел бы, чтобы это было сделано до окончания конференции или в крайнем случае через неделю после ее окончания. Подготовка к операции «Оверлорд» не может быть осуществлена успешно без верховного главнокомандующего. Выбор кандидатуры верховного главнокомандующего — это, конечно, дело английского и американского правительств, однако Советское правительство хотело бы знать, кто именно будет назначен.

Президент сказал, что все мы согласны по поводу значения операции «Оверлорд», но не по поводу ее срока. Если операция «Оверлорд» должна быть осуществлена в течение мая, то по меньшей мере из средиземноморских операций надо отказаться. Если же десантные суда и другое снаряжение будут оставлены на Средиземном море, тогда операцию «Оверлорд» придется отложить до июня или июля. Существует очевидная опасность отсрочки операции «Оверлорд». Если мы предпримем экспедиции в восточной части Средиземного моря даже силами только двух или трех дивизий, то всегда будет существовать опасность их перерастания в более крупные операции, которые потребуют использования более крупных сил. Если это случится, тогда даже более поздний срок операции «Оверлорд» окажется под угрозой.

* * *

Затем Рузвельт коснулся моего заявления о тридцати германских и болгарских дивизиях, скованных на Балканах. Он предложил сковать их более основательно при помощи диверсионно-десантных операций. Очень важно удержать их в этом районе и не позволить им причинять ущерб где-либо в другом месте. Все согласны с тем, что Тито надо поддержать, но это должно быть сделано не в ущерб операции «Оверлорд».

Сталин заявил, что, по имеющимся у него сведениям, немцы имеют восемь дивизий в Югославии, пять в Греции, три в Болгарии и двадцать пять дивизий во Франции. Он не согласен на то, чтобы перенести срок операции «Оверлорд» дальше мая.

Я заявил, что не могу дать такого обязательства. Тем не менее я не считаю, что имеются какие-либо серьезные расхождения в до сих пор выраженных взглядах. Я готов сделать все, что только в силах правительства его величества, чтобы начать операцию «Оверлорд» как можно раньше, но считаю, что великие возможности, открывающиеся на Средиземном море, не должны быть безжалостно принесены в жертву и отброшены как не имеющие никакого значения только ради того, чтобы сэкономить месяц или около этого в сроке начала

операции «Оверлорд». На Средиземном море находится крупная английская армия, и я не могу согласиться на то, чтобы она бездействовала в течение примерно шести месяцев. Она должна сражаться с противником самым энергичным образом вместе с ее американскими союзниками. Я твердо надеюсь, что английские и американские войска вместе уничтожат значительные немецкие силы в Италии и, продвинувшись к северу от Рима, скуют многочисленную германскую армию на Итальянском фронте. Оставаться неподвижными и инертными в Италии в течение примерно шести месяцев значило бы неправильно использовать наши вооруженные силы и навлечь на себя упреки в том, что русские несут на себе почти все бремя войны на суше. Сталин сказал, что он никогда не предлагал полного прекращения всех операций в Италии в течение зимы.

Я разъяснил, что, если десантные суда будут переброшены из Средиземного моря, это будет означать определенное свертывание там наших операций. Я напомнил Сталину три условия, от которых зависит успех операции «Оверлорд». Во-первых, до начала наступления необходимо добиться значительного ослабления германской истребительной авиации в Северо-Западной Европе. Во-вторых, германские резервы во Франции, Бельгии и Голландии должны ко дню высадки насчитывать не более 12 полностью укомплектованных первоклассных дивизий в течение первых 60 дней операции. Для обеспечения этих условий мы должны сковать как можно больше германских дивизий в Италии и Югославии. Если Турция вступит в войну, это послужит нам дополнительной помощью, но это не является необходимым условием. Немцы, находящиеся сейчас в Италии, большей частью прибыли из Франции. Если мы ослабим наше давление в Италии, они вернутся обратно. Мы должны воевать с противником на том единственном фронте, на котором мы сейчас можем сражаться с ним. Если мы будем как можно ожесточеннее сражаться с ним в зимние месяцы на Средиземном море, это послужит наилучшей помощью для обеспечения условий, необходимых для успешного исхода операции «Оверлорд».

* * *

Затем я снова вернулся к вопросу о Турции.

От турецкого вопроса не следует отмахиваться. Как уже указывали президент и генерал Маршалл, масштаб, характер и сроки наших операций зависят от наличия десантных средств и возможности переброски наших войск морем. Я сказал, что готов обсудить этот вопрос в любое время и самым подробным образом, но если некоторое небольшое число десантных судов

не будет оставлено на Средиземном море или переброшено с какого-либо другого театра, то операции в районе Средиземного моря будут невозможны и от наступления на Южную Францию придется отказаться.

Сталин заявил, что неотложными вопросами являются срок операции «Оверлорд», назначение главнокомандующего, а также вопрос о том, могут ли быть предприняты какие-либо вспомогательные операции в Южной Франции. Все эти вопросы должны быть решены на пленарном заседании.

Президент сказал, что он наметил самые простые предварительные инструкции комитету по военным вопросам, если будет решено, чтобы этот орган приступил к работе. Они состоят из двух фраз, а именно: «Параграф 1. Комитет представителей трех штабов будет исходить из того, что операция «Оверлорд» является главной операцией в 1944 году. Параграф 2. Комитет представит рекомендации о вспомогательных операциях, которые надлежит провести, и должен при этом обратить особое внимание на их влияние в смысле отсрочки операции «Оверлорд». Это предложение было принято.

Перед тем как мы разошлись, Сталин посмотрел на меня через стол и сказал: «Я хочу задать премьер-министру весьма прямой вопрос насчет операции «Оверлорд». Верят ли действительно премьер-министр и английский штаб в операцию «Оверлорд»?» Я ответил: «Если изложенные выше условия осуществления операции «Оверлорд» будут созданы, когда наступит время, мы будем считать своим неуклонным долгом бросить через Ла-Манш против немцев все имеющиеся у нас силы». На этом мы разошлись.

* * *

Обедали мы у Сталина, в узкой компании: Сталин и Молотов, президент, Гопкинс, Гарриман, Кларк Керр, я, Иден и наши переводчики. Усталости от трудов заседания как не бывало, было довольно весело, предлагалось много тостов. Как раз в это время в дверях появился Эллиот Рузвельт, который прилетел, чтобы присоединиться к своему отцу; кто-то жестом пригласил его войти. Поэтому он вошел и занял место за столом. Он даже вмешивался в разговор и впоследствии дал весьма пристрастный и крайне неверный отчет о том, что он слышал. Сталин, как рассказывает Гопкинс, сильно меня «поддразнивал», но я принимал это спокойно до тех пор, пока маршал в шутовском тоне не затронул серьезного и даже жуткого вопроса наказания немцев. Германский генеральный штаб, сказал он, должен быть ликвидирован. Вся сила могущественных армий Гитлера зависит примерно от 50 тысяч офицеров и специалистов. Если этих людей выловить и

расстрелять после войны, военная мощь Германии будет уничтожена с корнем. Здесь я счел нужным сказать: «Английский парламент и общественное мнение никогда не потерпят массовых казней. Даже если в период военного возбуждения и будет дозволено начать их, английский парламент и общественное мнение после первой же массовой бойни решительно выступят против тех, кто несет за это ответственность. Советские представители не должны заблуждаться на этот счет».

Однако Сталин, быть может только шутки ради, продолжал говорить на эту тему. «50 тысяч, — сказал он, — должны быть расстреляны». Я очень рассердился. «Я предпочел бы, — сказал я, — чтобы меня тут же вывели в этот сад и самого расстреляли, чем согласиться запятнать свою честь и честь своей страны подобным позором».

Здесь вмешался президент. Он внес компромиссное предложение. Надо расстрелять не 50 тысяч, а только 49 тысяч человек. Этим он, несомненно, рассчитывал свести все к шутке. Иден тоже делал мне знаки и жесты, чтобы успокоить меня и показать, что это шутка. Однако в этот момент Эллиот Рузвельт поднялся со своего места в конце стола и произнес речь, в которой выразил свое полное согласие с планом маршала Сталина и свою полную уверенность в том, что американская армия поддержит его. Здесь я не выдержал, встал из-за стола и ушел в соседнюю комнату, где царил полумрак. Я не пробыл там и минуты, как почувствовал, что кто-то хлопнул меня сзади руками по плечам. Это были Сталин и Молотов; оба они широко улыбались и с живостью заявили, что они просто шутили и что ничего серьезного они и не думали. Сталин бывает обаятелен, когда он того хочет, и мне никогда не приходилось видеть, чтобы он проявлял это в такой степени, как в этот момент. Хотя в то время — как и сейчас — я не вполне был уверен, что все это была шутка и что за ней не скрывалось серьезного намерения, я согласился вернуться к столу, и остальная часть вечера прошла очень приятно.

Глава четвертая

ТЕГЕРАН: ТРУДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

30 ноября было для меня очень хлопотливым и памятным днем. Это было 69-летие со дня моего рождения, и почти весь день я был занят самыми важными делами, какими мне когда-либо приходилось заниматься. Тот факт, что президент встречался с маршалом Сталиным в частном порядке и жил в советском посольстве, что он избегал встречи со мной нае-

дине с тех пор как мы выехали из Каира, несмотря на наши прежние близкие отношения и на то, что наши важнейшие дела переплетались самым тесным образом, побудил меня стремиться к личной беседе со Сталиным. Я чувствовал, что у русского лидера складывалось неправильное представление о позиции Англии. У него создавалось ложное впечатление, которое коротко может быть выражено следующим образом: «Черчилль и английский штаб собираются сорвать операцию «Оверлорд» и, если это им удастся, вторгнуться на Балканы». Я считал своим долгом рассеять это вдвойне неправильное представление.

Установление точного срока для операции «Оверлорд» зависело от перебросок сравнительно небольшого количества десантных средств. Для операций на Балканах эти десантные средства не были нужны. Президент связал нас обещанием предпринять операцию в Бенгальском заливе. Если бы эта операция была отменена, то у нас было бы достаточно десантных средств для всех намечавшихся мною операций, а именно, у нас были бы комбинированные силы для одновременной высадки, невзирая на сопротивление, двух дивизий на побережье Италии или на юге Франции, а также для начала операции «Оверлорд» в мае, как это было намечено. Я согласился с президентом, что операция должна быть начата в мае, а он со своей стороны отказался от точной даты — 1 мая. Это должно было дать мне необходимое время. Если бы я мог убедить президента отказаться от обещания, данного Чан Кайши, и от плана операции в Бенгальском заливе, о котором на наших заседаниях в Тегеране не упоминалось, у нас было бы достаточно десантных средств как для операций на Средиземном море, так и для начала операции «Оверлорд» точно в намеченный срок. В действительности великий десант начался 6 июня, но решение об этом сроке было принято значительно позже и не по моему требованию, а из-за фаз луны и метеорологических условий. По возвращении в Каир мне удалось, как это будет видно из дальнейшего, убедить президента отказаться от операции в Бенгальском заливе. Поэтому я полагаю, что добился того, что считал абсолютно необходимым. Однако в это ноябрьское утро в Тегеране все это казалось далеко не определенным. Я твердо решил, что Сталин должен знать главный факт. Я не считал себя вправе сказать ему о нашей с президентом договоренности начать операцию «Оверлорд» в мае. Я знал, что Рузвельт хотел сам сообщить ему об этом за завтраком, который должен был последовать за моей беседой с маршалом.

То, что следует ниже, основано на записях, сделанных моим доверенным переводчиком майором Бирсом, о моей конфиденциальной беседе со Сталиным.

Сначала я напомнил маршалу, что я наполовину американец и питаю большую любовь к американскому народу. То, что я собираюсь сказать, не должно быть воспринято как пренебрежение к американцам, и я буду полностью лоялен по отношению к ним, но есть вещи, которые лучше говорить с глазу на глаз прямо.

У нас имеется превосходство в войсках по сравнению с американцами на Средиземном море. Там находится в два или три раза больше английских войск, чем американских. Вот почему мне хотелось, чтобы наши армии на Средиземном море не бездействовали, если только этого можно избежать. Я хотел бы использовать их все время. В Италии имеется около тринадцати-четырнадцати дивизий, из которых девять или десять английских. Там имеются две армии — англо-американская 5-я армия и 8-я армия, полностью английская. Дело изображается таким образом, будто приходится делать выбор между сохранением даты операции «Оверлорд» и продолжением операций на Средиземном море. Однако в действительности это далеко не все. Американцы хотят, чтобы я предпринял в марте десантную операцию в Бенгальском заливе против японцев. Мне этого не хочется. Если бы мы располагали на Средиземном море десантными средствами, которые выделяются для операции в Бенгальском заливе, то у нас было бы их достаточно, чтобы осуществить все наши планы на Средиземном море и в то же время возможно скорее начать операцию «Оверлорд».

Речь идет о выборе не между операциями на Средиземном море и сроком начала операции «Оверлорд», а между операцией в Бенгальском заливе и сроком начала операции «Оверлорд». Однако американцы связали нас сроком операции «Оверлорд», и в результате этого в последние два месяца пострадали наши операции на Средиземном море. Наша армия в Италии несколько обескуражена переброской семи дивизий. В порядке подготовки к операции «Оверлорд» мы отправили в Англию три наши дивизии и американцы отправляют свои четыре дивизии. Вот почему мы не смогли полностью воспользоваться преимуществами поражения Италии. Однако в то же время это свидетельствует о серьезности наших приготовлений к операции «Оверлорд».

Крайне важно принять в ближайшее время решение о назначении главнокомандующего. Вплоть до августа считали, что верховное командование войсками в операции «Оверлорд» будет вверено англичанину, однако в Квебеке я сказал президенту, что согласен с назначением на этот пост американца, но зато верховное командование на Средиземном море должно принадлежать нам. Я согласился на это потому, что амери-

канцы, хотя они и будут иметь равное с нами количество войск во время высадки, очень скоро превзойдут нас, и их роль будет гораздо шире после первых нескольких месяцев. С другой стороны, англичане имеют превосходство на Средиземном море; у меня свои взгляды на войну на этом театре, и я считаю справедливым, чтобы верховное командование на нем принадлежало нам. Президент согласился с этим предложением, и теперь назначение главнокомандующего войсками в операции «Оверлорд» зависит от него. Как только президент это сделает, я назначу главнокомандующего и других командующих на Средиземноморском театре военных действий. Президент задержал это назначение по соображениям внутреннего порядка, связанным с высокопоставленными личностями, но я просил его принять решение до нашего отъезда из Тегерана.

Сталин сказал, что это хорошо.

Затем я снова вернулся к вопросу о десантных средствах и еще раз разъяснил, почему они являются узким местом. У нас более чем достаточно войск на Средиземном море даже после переброски упомянутых семи дивизий, и в Соединенном Королевстве будет сконцентрирована достаточно сильная англо-американская армия вторжения. Все зависит от десантных средств. Когда маршал сделал два дня назад свое важное заявление о том, что Россия вступит в войну против Японии после капитуляции Гитлера, я немедленно указал американцам, что им следовало бы либо изыскать больше десантных средств для операций, которые нас просили предпринять в Индийском океане, либо перебросить некоторые десантные средства с Тихого океана в помощь операции «Оверлорд» на первом этапе. В таком случае десантных средств было бы достаточно для всего. Однако американцы весьма чувствительны ко всему тому, что относится к Тихому океану. Я сказал им, что Япония может быть гораздо быстрее выведена из войны, если против нее выступит и Россия, и что поэтому американцы могут позволить себе оказать нам большую помощь.

Различия между моей точкой зрения и американской, по существу, весьма незначительны. Речь идет не о том, что я как-то равнодушен к операции «Оверлорд». Я хочу получить то, что мне нужно для действий на Средиземном море, и в то же время выдерживать срок операции «Оверлорд». Подробные планы должны были быть разработаны представителями штабов, и я рассчитывал, что это будет сделано в Каире. К сожалению, там был Чан Кайши, и китайский вопрос занял почти все наше время. Однако я уверен, что в конце концов найдется достаточно десантных средств для выполнения всех планов.

Теперь об операции «Оверлорд». К установленному сроку в мае или июне англичане будут иметь в готовности около

шестнадцать дивизий вместе с корпусными частями, десантными войсками, зенитными частями и различными службами, в общей сложности несколько более полумиллиона человек. Они будут состоять из некоторых наших лучших войск, включая закаленных в боях солдат со Средиземноморского театра военных действий. Кроме того, англичане будут иметь все необходимое, что требуется от флота для транспортировки и прикрытия армии, и наряду с этим мы будем располагать военно-воздушными силами метрополии численностью четыре тысячи английских самолетов первой линии, которые будут действовать непрерывно. Сейчас начинается переброска американских войск на Британские острова. До сих пор американцы посылали главным образом авиачасти и продовольствие для армии, в ближайшие же четыре-пять месяцев будет прибывать ежемесячно по сто пятьдесят тысяч или более человек, и к маю количество их составит семьсот-восемьсот тысяч человек. Переброска войск в таком большом масштабе стала возможной лишь в результате разгрома вражеских подводных лодок в Атлантическом океане. Я высказываюсь за то, чтобы операция в Южной Франции была начата примерно в то же время, что и операция «Оверлорд», или в любой момент, который будет сочтен подходящим. Мы будем удерживать вражеские войска в Италии и из наших двадцати двух-двадцати трех дивизий на Средиземном море по возможности большая часть будет использована для операции против Южной Франции, а другая останется в Италии.

В Италии предстоит большое сражение. У генерала Александера находится под командованием около полумиллиона человек. Там имеется тринадцать-четырнадцать союзных дивизий против девяти или десяти германских. Погода стоит неблагоприятная, и все мосты снесены. Однако мы намерены двинуться в декабре, причем первой выступит находящаяся под командованием генерала Монтгомери 8-я армия. Около Тибра будет предпринята десантная операция. В то же время 5-я армия будет вести ожесточенные бои, сковывая противника. Это может перерасти в Сталинград в миниатюре. Мы не намерены продвигаться в широкую часть Итальянского полуострова, а хотим удержать узкую его часть.

Сталин сказал, что он должен предупредить меня о том, что действия Красной Армии зависят от успеха нашего вторжения в Северную Францию. Если в мае 1944 года не будет операций, тогда Красная Армия сочтет, что никаких операций вообще не будет предпринято в течение всего этого года. Погода будет плохая, будут затруднения с транспортом. Если операция не состоится, он не хочет внушать Красной Армии ложные надежды. Разочарование может вызвать лишь недоброжелательство. Если не произойдет крупных изменений в

европейской войне в 1944 году, русским будет очень трудно продолжать войну. Они устали от войны, и он опасается, как бы в Красной Армии не возникло чувства одиночества. Вот почему он пытался точно выяснить, будет ли операция «Оверлорд» предпринята вовремя, как обещано. Если же нет, то он должен принять меры для предотвращения возникновения чувства недоброжелательства в Красной Армии. Это крайне важно.

Я сказал, что операция «Оверлорд», несомненно, состоится при условии, если противник не перебросит во Францию более крупные силы, чем смогут сосредоточить там американцы и англичане. Если у немцев будет во Франции тридцать или сорок дивизий, то я не думаю, чтобы войска, которые мы собираемся перебросить через Ла-Манш, смогли устоять. Я боюсь не высадки на побережье, я опасюсь того, что может произойти на тридцатый, сороковой или пятидесятый день. Однако если Красная Армия будет вести бои с противником и мы скуем его в Италии, да к тому же еще Турция, возможно, вступит в войну, тогда, я полагаю, мы сможем одержать победу.

Сталин сказал, что первые же этапы операции «Оверлорд» произведут хорошее впечатление на Красную Армию, и, если бы он знал, что она состоится в мае или июне, он мог бы уже сейчас подготовить удары по Германии. Весна является для этого лучшим временем. Март и апрель — месяцы затишья, во время которых он сможет сосредоточить войска и материальную часть и в мае и июне начать наступление. У Германии не будет войск для переброски во Францию. Немцы продолжают перебрасывать дивизии на Восток. Немцы боятся за свой Восточный фронт, потому что там нет Ла-Манша, который надо форсировать, и нет Франции, куда бы надо было высадиться. Немцы боятся наступления Красной Армии, Красная Армия будет наступать, если она увидит, что от союзников идет помощь. Он спросил, когда начнется операция «Оверлорд».

Я сказал, что не могу раскрыть дату операции «Оверлорд» без согласия президента, но ответ будет дан за завтраком, и я полагаю, что Сталин будет им удовлетворен.

* * *

После некоторого промежутка времени маршал и я отправились, каждый в отдельности, к президенту на завтрак «только трех» (вместе с нашими переводчиками), на который он нас пригласил, и тогда Рузвельт сказал Сталину, что мы договорились о том, чтобы начать операцию «Оверлорд» в течение мая. Маршал явно был очень доволен и успокоен этим торжественным и прямым обещанием, какое мы оба дали ему.

После короткого перерыва началось третье пленарное заседание, как и прежде, в русском посольстве, в 4 часа. На этом заседании присутствовали все, нас было около 30 человек.

Президент заявил, что он рад сообщить участникам совещания о достижении соглашения по главным военным проблемам. Алан Брук сообщил, что после совместного заседания американские и английские начальники штабов рекомендовали нам начать операцию «Оверлорд» в мае «вместе с вспомогательной операцией против Южной Франции в самых широких масштабах, какие только позволит нам наличие десантных средств в то время».

Затем я подчеркнул необходимость для американских и английских штабов поддерживать теснейшую связь с советскими военными властями, с тем чтобы все операции на Восточном, Западном и Средиземноморском фронтах были согласованы. Таким путем три великие державы сумеют окружить дикого зверя и будут одновременно наносить ему удары со всех сторон. Штабам придется детально разработать планы операции «Оверлорд», которая будет представлять собой самую крупную комбинированную операцию в истории.

Сталин заявил, что он понимает важность решения, принятого штабами, и трудности, связанные с его осуществлением. Опасным периодом для операции «Оверлорд» будет период развертывания войск после высадки. В этот момент немцы могут перебросить войска с востока, для того чтобы создать максимальные трудности для операции «Оверлорд». Для того чтобы предотвратить переброску с востока сколько-нибудь значительных германских сил, он берется организовать крупное наступление русских войск в мае¹.

Президент подчеркнул значение согласования по времени операций на всех фронтах. Теперь, когда представители трех штабов собрались вместе, он надеется, что они будут и дальше действовать совместно. Он уже сообщил маршалу Сталину, что следующим шагом будет назначение главнокомандующего операцией «Оверлорд». После совещания с его собственным штабом и со мной возможно будет принять решение в течение трех или четырех дней. Теперь, когда главные военные решения уже приняты, английскому и американскому штабам было бы целесообразно вернуться по возможности скорее в Каир для разработки деталей. Мы со Сталиным согласились с этим.

Я добавил, что теперь, когда важнейшие решения уже приняты, все усилия должны быть направлены на изыскание путей и методов получения возможно большего количества

¹ Генеральное наступление русских началось 23 июня. — *Примеч. авт.*

десантных средств. Поскольку до начала операции «Оверлорд» остается еще пять месяцев и все ресурсы Америки и Великобритании находятся в нашем распоряжении, это может быть сделано. Если уж предпринимать операцию «Оверлорд», то это должно быть сделано с сокрушительной силой, и я надеюсь, что штабы найдут средства и способы увеличения мощи нашего удара в первоначальный период.

Я спросил, нельзя ли сделать так, чтобы три штаба согласовали планы маскировки. Сталин объяснил, что русские часто прибегали к обману противника, применяя для этого макеты танков, самолетов и аэродромов. Радиообман тоже оказался эффективным. Он полностью согласен с тем, чтобы штабы сотрудничали в деле разработки планов маскировки и обмана. «В военное время, — сказал я, — правда является такой драгоценностью, что ее всегда должен охранять целый отряд лжи». Сталину и его коллегам очень понравилось это замечание, когда оно было переведено, и на этой веселой нотке наше официальное совещание закончилось.

Я затем предложил, чтобы представители штабов составили краткое коммюнике о военных переговорах и представили его президенту, маршалу Сталину и мне. Это коммюнике должно быть коротким, загадочным и должно указывать на неизбежную обреченность Германии. С общего согласия было опубликовано следующее коммюнике:

«...Представители наших военных штабов участвовали в наших переговорах за круглым столом, и мы согласовали наши планы уничтожения германских вооруженных сил. Мы пришли к полному соглашению относительно масштаба и сроков операций, которые будут предприняты с востока, запада и юга».

* * *

До сих пор мы собирались для наших заседаний и обедов в советском посольстве. Но теперь я заявил, что третий обед даю я и он должен состояться в английской миссии. Никто не мог против этого возражать. По алфавиту и Великобритания, и я сам стояли первыми, а по возрасту я был лет на пять старше Рузвельта и Сталина. Из трех правительств наше старше других на целые столетия. Я мог бы также добавить, но не сделал этого, что мы дольше всех воюем; наконец, я сказал, что 30 ноября мой день рождения. Эти аргументы, в особенности последний, оказались решающими, и наш посланник сделал все необходимые приготовления к обеду примерно на 40 человек, включая не только политических и военных руководителей, но и некоторых ответственных работников их аппарата. Советская политическая полиция, НКВД, настояла на том, чтобы обыскать здание английской дипломатической мис-

сии снизу доверху, заглядывая за каждую дверь и под каждую подушку, перед тем как прибыл Сталин. Около 50 вооруженных русских полицейских под началом своего собственного генерала стали около всех дверей и окон. Сотрудников американской тайной полиции также было достаточно. Однако все прошло хорошо. Сталин, прибывший под усиленной охраной, был в прекрасном настроении, а президент, сидя в своем кресле, смотрел на нас с сияющей улыбкой.

Это был памятный день в моей жизни. Справа от меня сидел президент Соединенных Штатов, слева — хозяин России. Вместе мы фактически контролировали все флоты и три четверти всей авиации в мире и управляли армиями примерно в 20 миллионов человек, участвовавшими в самой ужасной из всех войн в истории человечества. Я не мог не радоваться тому, как далеко мы продвинулись по пути к победе начиная с лета 1940 года, когда мы были одиноки и, если не считать флота и авиации, фактически безоружны перед лицом победоносных и свежих сил Германии и Италии, державших в своих руках почти всю Европу с ее ресурсами. Рузвельт преподнес мне в подарок прекрасную персидскую фарфоровую вазу; она разбилась в пути, когда я возвращался на родину, но была чудесно восстановлена, и я храню ее среди прочих дорогих для меня вещей.

Во время обеда у меня завязался исключительно приятный разговор с обоими моими знатными гостями. Сталин повторил вопрос, который он задавал на совещании: «Кто будет командовать операцией “Оверлорд”?» Я сказал, что президент еще окончательно не решил, но я почти уверен, что это будет генерал Маршалл, который как раз в это время сидел недалеко от нас по другую сторону стола, — во всяком случае, так предполагалось до сих пор. Сталин явно был этим очень доволен. Затем он заговорил о генерале Бруке. Он считал, что Брук не любит русских. Брук был очень резок и груб с ними на нашем первом совещании в Москве в августе 1942 года. Я разубеждал Сталина, говоря, что военные бывают склонны к прямоте и резкости, когда они обсуждают военные проблемы со своими коллегами. Сталин сказал, что этим они особенно нравятся ему. Он внимательно посмотрел на Брука через всю комнату.

Когда наступило время, я предложил тост за здоровье наших знаменитых гостей, а президент предложил тост за мое здоровье и пожелал мне много лет здравствовать. После него выступил Сталин в таком же духе.

* * *

Затем было предложено много неофициальных тостов, согласно русскому обычаю, который, безусловно, очень хорошо

подходит для банкетов такого рода. Гопкинс произнес веселую речь, в которой сказал, что он «очень долго и глубоко изучал английскую конституцию, которая не зафиксирована на бумаге, и деятельность военного кабинета, полномочия и состав которого нигде конкретно не определены». В результате этого изучения, сказал он, «я убедился, что статьи британской конституции и полномочия военного кабинета означают именно то, что Уинстон Черчилль хочет, чтобы они означали в каждый данный момент». Это вызвало общий смех. Читатель этой книги узнает, как мало оснований было для этого шуточного утверждения. Я действительно пользовался лояльной поддержкой в руководстве войной со стороны парламента и моих коллег по кабинету, и эта поддержка оказывалась мне в такой полной мере, какая, возможно, и в самом деле являлась беспрецедентной. Число таких случаев, когда бы в важных вопросах мое мнение не восторжествовало, было очень невелико. Но я не без гордости не раз напоминал моим обоим великим товарищам, что из нашей тройки я — единственный, кого могут в любой момент отстранить от власти голосованием в палате общин, свободно избранной на основании всеобщих выборов, и кто подчинен повседневному контролю военного кабинета, представляющего все партии в государстве. Срок пребывания президента у власти твердо установлен, а его полномочия не только как президента, но и как главнокомандующего являются в соответствии с американской конституцией почти неограниченными. Сталин, казалось, обладал, а в данный момент наверняка обладал всей полнотой власти в России. Они оба могли приказывать. Я же должен был уговаривать и убеждать. Но я был доволен таким положением вещей. Система была сложной, однако у меня не было оснований жаловаться на то, как она действовала.

* * *

Во время обеда было произнесено много речей, и большинство самых видных гостей, включая Молотова и генерала Маршалла, тоже внесли свой вклад. Но больше всего мне запомнилась речь генерала Брука. Я привожу ее согласно отчету, любезно написанному им для меня.

«Примерно в середине обеда президент любезно предложил тост за мое здоровье, вспомнив те времена, когда мой отец посетил его отца в Гайд-парке. Когда он заканчивал свой тост, а я думал над тем, как лучше ответить на его любезные слова, Сталин поднялся и сказал, что он хочет продолжить этот тост. Он начал говорить о том, что я не проявил настоящих дружественных чувств к Красной Армии, что я недооцениваю ее

замечательных качеств и что он надеется в будущем на более товарищеское с моей стороны отношение к солдатам Красной Армии!

Я был крайне удивлен этим обвинением, поскольку не мог понять, на чем оно основано. Однако к тому времени я уже достаточно хорошо знал Сталина и понимал, что если я ничего не отвечу на эти оскорбления, то тем самым потеряю всякое уважение, какое он когда-либо мог питать ко мне, и что он будет продолжать подобные нападки и впредь.

Поэтому я встал, чтобы как можно учтивее поблагодарить президента за его любезные слова, а затем обратился к Сталину примерно со следующими словами:

«Теперь, маршал, разрешите мне ответить на Ваш тост. Я удивлен тем, что Вы сочли нужным выдвинуть против меня совершенно необоснованные обвинения. Вы, вероятно, помните, что сегодня утром, когда мы обсуждали планы маскировки, г-н Черчилль сказал, что «в военное время правда должна иметь целый эскорт лжи». Вы, наверное, также помните, как сами рассказывали нам, что при всех Ваших великих наступлениях Вы всегда скрывали свои истинные намерения от внешнего мира. Вы рассказали нам, что Ваши макеты танков и макеты самолетов сосредоточивались на тех фронтах, которые представляли непосредственный интерес, в то время как Ваши истинные намерения были окутаны стройжайшей тайной.

Да, маршал, Вы были введены в заблуждение макетами танков и самолетов, и Вы не смогли распознать те чувства искренней дружбы, которые я питаю к Красной Армии, и те чувства подлинного товарищества, с которыми я отношусь ко всему ее составу».

Пока Павлов фразу за фразой переводил это Сталину, я внимательно наблюдал за последним. Выражение его лица было непроницаемым. Однако в конце он повернулся ко мне и сказал с видимым удовольствием: «Этот человек мне нравится. Он говорит правду. Я должен с ним потом потолковать».

Затем мы перешли в приемную и там прохаживались группами. Я чувствовал, что мы достигли такой солидарности и такого настоящего товарищества, каких никогда прежде не достигали в этом великом союзе. Я не пригласил Рандольфа и Сару¹ на обед, хотя они зашли, когда поднимали тост в честь дня моего рождения, но теперь Сталин отозвал их в сторону и весьма тепло приветствовал их. Президент, конечно, был с ними хорошо знаком.

¹ Сын и дочь Черчилля. — *Примеч. ред.*

Проходясь вокруг, я увидел, что Сталин стоит в тесном кругу рядом с Бруки, как я его называю. Отчет генерала об этом разговоре гласит:

«Когда мы вышли из комнаты, премьер-министр сказал мне, что он несколько волновался, не зная, что я скажу после того, как я упомянул о «правде» и «лжи». Однако он успокоил меня, сказав, что мой ответ на тост произвел на Сталина надлежащее впечатление. Поэтому я решил возобновить атаку в приемной. Я подошел к Сталину и сказал ему, что был удивлен и огорчен тем, что он счел нужным выдвинуть против меня такие обвинения в своем тосте. Он тут же ответил через Павлова: «Лучшая дружба та, которая начинается с недоразумений», и тепло пожал мне руку».

Мне казалось, что все тучи рассеялись. И действительно, доверие Сталина к моему другу было установлено на основе уважения и доброжелательства, которые на протяжении всей нашей совместной работы никогда не были нарушены.

Наверное, было уже более 2 часов ночи, когда мы наконец разошлись. Маршал отдал себя на попечение своего эскорта и отбыл, а президента повезли на квартиру в советское посольство. Я лег в постель усталый донельзя, но довольный, чувствуя, что ничего, кроме хорошего, не было сделано. Этот день рождения был для меня действительно счастливым днем.

Глава пятая

ТЕГЕРАН: ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Некоторые из важнейших политических вопросов, стоявших перед нами, все еще оставались открытыми даже после принятия главных решений стратегического характера. 1 декабря «тройка» снова собралась за завтраком у президента в советском посольстве. На этот раз присутствовали также Молотов, Гопкинс, Иден, Кларк Керр и Гарриман. Первой темой нашего разговора был вопрос о вовлечении Турции в войну.

Я сказал, что у нас имеется в Египте семнадцать английских эскадрилий, не находящихся под началом англо-американского командования, и главный маршал авиации Теддер располагает еще тремя эскадрильями, которые мы можем выделить. Они состоят преимущественно из истребителей и могут быть использованы для защиты Турции. Кроме того, у нас имеется три полка зенитной артиллерии. Вот и все, что мы обещали. Мы не обещали Турции никаких войск. Она имеет пятьдесят оснащенных дивизий, и, следовательно, нет никакой необходимости посылать ей войска.

«Каких мер ожидает г-н Черчилль от Советского Союза в случае, если Турция объявит войну Германии и если в результате этого Болгария нападет на Турцию, а Советский Союз объявит войну Болгарии?» — спросил Сталин.

Я сказал, что не прошу ничего конкретного, но продвижение советских армий к Одессе и дальше окажет большое влияние на население Болгарии. Турецкая армия имеет винтовки, храбрую пехоту, неплохую артиллерию, но у нее нет зенитных орудий, самолетов, и она располагает лишь небольшим количеством танков. Мы создали военные школы, но турки посещают их нерегулярно. Турки не очень восприимчивы к учебе. Их армия — храбрая, но несовременная. 25 миллионов фунтов стерлингов было израсходовано на оружие, главным образом американское, и мы отправили им это оружие.

Сталин сказал, что Турции, возможно, не придется воевать. Она предоставит нам свои воздушные базы; таков может быть ход событий, и это будет хорошо.

Президент попросил Идена сообщить нам, что сказали турки в Каире. Иден ответил, что он просил турецкого министра иностранных дел предоставить нам авиабазы и заверил его, что Германия не нападет на Турцию. Министр иностранных дел отказался, заявив, что Германия ответит на это как на турецкую провокацию. Турция скорее предпочтет вступить в войну на основе соглашения, чем оказаться вовлеченной в нее косвенно.

Я сообщил, что, когда мы просим турок несколько отойти от своего нейтралитета, предоставив нам авиационные базы, они отвечают: «О нет, мы не можем играть пассивной роли». А когда мы просим их вступить в войну всерьез, они отвечают: «О нет, мы недостаточно вооружены». Я предложил испытать, если необходимо, другие методы. Если Турция откажется, она упустит возможность участвовать в мирной конференции. С ней будут обращаться так, как с другими нейтралами. Мы скажем ей, что Великобритания больше не заинтересована в ней и что мы прекратим поставки оружия.

Иден заявил, что он хотел бы полностью уяснить себе требования, которые мы собираемся предъявить Турции. Следует ли понимать, что Турция должна объявить войну только Германии и никому другому? Если в результате этого немцы заставят Болгарию присоединиться к ним в войне с Турцией, то объявит ли в этом случае Советское правительство войну Болгарии? Сталин ответил утвердительно по обоим пунктам.

* * *

Молотов спросил затем, не может ли Советское правительство получить ответ по вопросу о судьбе итальянских кораблей.

Ответ Рузвельта был очень прост. Большое число торговых судов и несколько меньшее число военных кораблей могут быть использованы тремя державами во время войны и затем могут быть распределены между ними. Но до сих пор эти суда должны использоваться теми, кто может использовать их наилучшим образом. Молотов сказал, что Россия могла бы хорошо их использовать. Я спросил, где бы Советское правительство хотело получить их. Сталин сказал, что в Черном море, а если это невозможно, то на Севере. Если Турция не вступит в войну, Черное море отпадает. Но они могут быть использованы на Севере.

Я сказал, что это мелочь в сравнении с усилиями, которые Россия прилагала и прилагает. Мы лишь просили дать нам немного времени для того, чтобы урегулировать это дело с итальянцами. Мне бы хотелось, сказал я, чтобы эти суда были переброшены в Черное море, и, пожалуй, я мог бы одновременно послать вместе с ними несколько английских кораблей. Но мне и президенту необходимо время для того, чтобы уладить этот вопрос с итальянцами, — некоторые из их небольших судов уже оказывают нам помощь в патрульной службе, а некоторые итальянские подводные лодки перевозят важные материалы. Необходимо избежать бунта в итальянском флоте и потопления судов командами. Мне и президенту нужно примерно два месяца для того, чтобы договориться с итальянцами. К тому времени эти корабли после их переоснащения можно будет передать русским. Далее я сказал, что мне хотелось бы послать в Черное море четыре-пять английских подводных лодок. Это будет одна из просьб, с которой можно было бы обратиться к Турции, если она согласится лишь на «смягчение нейтралитета». Но мы не пойдем наперекор желаниям маршала Сталина. У нас нет никаких притязаний в Черном море.

Сталин ответил, что он будет благодарен за любую помощь.

* * *

После некоторого промежутка времени, когда завтрак уже закончился, мы перешли в другую комнату и заняли свои места за столом конференции. Наше обсуждение продолжалось в течение всей второй половины дня. Следующим важным вопросом был вопрос о Польше.

Президент начал с выражения надежды, что польское и Советское правительства возобновят свои отношения, чтобы любое достигнутое решение могло быть принято польским правительством. Однако он признал, что имеются трудности. Сталин спросил, с каким правительством ему вести переговоры. Польское правительство и его друзья в Польше поддерживают связь с немцами. Они убивают партизан. Ни президент, ни я

не имеем никакого представления о том, что сейчас происходит в Польше.

Я сказал, что для Соединенного Королевства польский вопрос является важным, ибо мы объявили Германии войну за то, что она вторглась в Польшу. Хотя Великобритания еще не была подготовлена, нападение Германии на Польшу вовлекло нас в войну. Я вернулся к своей иллюстрации при помощи трех спичек — Германия, Польша и Советский Союз. Одна из главных целей союзников — обеспечение безопасности западной границы Советского Союза и, таким образом, предотвращение нападения со стороны Германии в будущем. При этом я напомнил Сталину об упоминании им линии Одера на западе.

Сталин, прервав меня, сказал, что раньше не было никакого разговора о восстановлении отношений с польским правительством и речь шла только об определении польских границ. Сегодня этот вопрос ставится совсем иначе. Россия даже больше, чем другие государства, заинтересована в хороших отношениях с Польшей, ибо для нее это является вопросом безопасности ее границ. Россия — за восстановление, развитие и расширение Польши главным образом за счет Германии. Однако он делает различие между Польшей и польским эмигрантским правительством в изгнании не из-за каприза, а потому, что оно присоединилось к клеветнической пропаганде Гитлера против России. Какая существует гарантия, что это не повторится? Он хотел бы иметь гарантию, что польское эмигрантское правительство не будет убивать партизан, а, наоборот, будет призывать поляков бороться с немцами и не будет заниматься никакими махинациями. Он будет приветствовать любое польское правительство, какое предпримет подобные активные меры, и он был бы рад возобновить с ним отношения. Но он отнюдь не уверен в том, что польское эмигрантское правительство когда-нибудь сможет стать таким правительством, каким ему следовало бы быть.

Тут я заявил, что было бы очень хорошо, если бы за этим круглым столом мы могли узнать взгляды России в отношении границ. Тогда я поставил бы этот вопрос перед поляками и прямо сказал бы им, считаю ли я эти условия справедливыми. Правительство его величества, а я выступаю только от его имени, хотело бы получить возможность заявить полякам, что этот план — хороший и даже самый лучший из всех, на какой они могут рассчитывать, и что правительство его величества не будет возражать против него на мирной конференции. После этого мы могли бы заняться предложением президента о возобновлении отношений. Чего мы хотим, так это сильной и независимой Польши, дружественной к России.

Сталин сказал, что это верно, однако нельзя позволить полякам захватить украинскую и белорусскую территории. Это

было бы несправедливо. В соответствии с границей 1939 года земли Украины и Белоруссии были возвращены Украине и Белоруссии. Советская Россия придерживается границ 1939 года, потому что они справедливы с этнической точки зрения.

Иден спросил, означает ли это линию Риббентроп — Молотов.

«Называйте ее, как хотите», — сказал Сталин.

Молотов заметил, что эту линию обычно называют линией Керзона.

«Нет, — сказал Иден, — имеются существенные различия».

Молотов сказал, что никаких различий нет.

Тогда я взял карту и показал линию Керзона и линию 1939 года, а также линию, проходящую по Одеру. Иден сказал, что южная часть линии Керзона никогда точно не была определена.

Участники совещания разбились на группы и собрались возле моей карты и карты американцев; поэтому переводчикам трудно было вести записи.

Иден заявил, что линия Керзона должна была пройти восточнее Львова.

Сталин ответил, что эта линия на моей карте проведена неправильно. Львов должен остаться на русской стороне, и линия должна пройти к западу в направлении Перемышля. Молотов достанет карту с линией Керзона и описание к ней. Сталин заявил, что не желает никакого польского населения и что если где-либо окажется район, населенный поляками, он с удовольствием отдаст его.

Я сказал, что германские земли гораздо ценнее Пинских болот. Это развитые в промышленном отношении районы, и они сыграют свою роль при создании гораздо лучшего польского государства. Мы хотели бы иметь возможность сказать полякам, что русские правы, что они должны согласиться, что с поляками обходятся справедливо. Если же поляки не согласятся, тогда мы ничего не сможем поделать. Здесь я пояснил, что говорю только от имени Англии, добавив, что в Соединенных Штатах имеется много поляков, являющихся согражданами президента.

Сталин снова повторил, что, если будет доказано, что какой-либо район является польским, он не будет претендовать на него, и тут же заштриховал кое-где на карте районы западнее линии Керзона и южнее Вильно, которые, как он сказал, населены главным образом поляками.

Участники заседания снова разбились на группы и в течение длительного времени изучали на карте линию, проходящую по Одеру. Когда это кончилось, я сказал, что мне все это нравится и я скажу полякам, что, если они не согласятся,

они совершат глупость, и напомним им, что, если бы не Красная Армия, они были бы полностью уничтожены. Я скажу полякам, что им дано прекрасное место для существования — территория протяженностью более 300 миль в любой конец.

Сталин сказал, что в самом деле это будет большое промышленное государство.

«И дружественное по отношению к России», — вставил я.

Сталин ответил, что Россия желает дружественной Польши.

Согласно протокольной записи, я после этого сказал Идену несколько подчеркнуто, что я не собираюсь расстраиваться из-за передачи части территории Германии Польше или же из-за Львова. Иден сказал, что если маршал Сталин примет за основу линию Керзона и линию Одера, то это может послужить началом.

В этот момент Молотов представил русский вариант линии Керзона и текст радиограммы лорда Керзона, в которой перечисляются названия всех пунктов. Я спросил, будет ли Молотов возражать против передачи полякам района Оппельна¹. Он ответил, что едва ли.

Я сказал, что со стороны поляков будет благоразумно принять наш совет. Я не намерен поднимать шум из-за Львова. Обращаясь к маршалу Сталину, я добавил, что, как мне кажется, между нами нет особых разногласий в принципе. Рузвельт спросил Сталина, считает ли он возможным переселение жителей на добровольной основе. Маршал ответил, что, вероятно, это будет возможно.

На этом мы пока что оставили обсуждение вопроса о Польше.

* * *

Затем президент спросил Сталина, согласен ли он обсудить вопрос о Финляндии. Может ли правительство Соединенных Штатов сделать что-либо для того, чтобы помочь вывести Финляндию из войны?

Сталин сказал, что недавно шведский заместитель министра иностранных дел заявил Коллонтай (советский посол), что финны опасаются намерения со стороны России превратить Финляндию в русскую провинцию. Советское правительство ответило, что у него нет никакого намерения превращать Финляндию в русскую провинцию, если только финны не вынудят его это сделать. Коллонтай было затем дано указание сказать финнам, что Советское правительство не будет возражать против приезда в Москву финской делегации. Однако оно желает,

¹ Опольское воеводство. — *Примеч. ред.*

чтобы финны высказали свои взгляды относительно выхода из войны. Здесь, в Тегеране, он только что получил содержание финского ответа, который был ему передан через Богемана¹. В этом ответе ничего не говорится о желании Финляндии поехать с Германией. В нем ставится вопрос о границах. Финны предлагают в качестве основы для обсуждения границу 1939 года с некоторыми исправлениями в пользу Советского Союза. Сталин считал, что финны не стремятся по-настоящему к серьезным переговорам. Их условия неприемлемы, и финнам это хорошо известно. Финны все еще надеются на победу Германии, и по крайней мере некоторые из них твердо верят, что немцы одержат победу.

Рузвельт спросил, имеет ли смысл, чтобы правительство Соединенных Штатов посоветовало финнам поехать в Москву. Сталин ответил, что они готовы поехать в Москву, но эта поездка будет бесполезна, если они поедут туда со своей нынешней программой.

Я сказал, что в дни первой русско-финской войны я сочувствовал Финляндии, но после того, как она вступила в войну против Советского Союза, я против Финляндии. Россия должна добиться безопасности Ленинграда и подступов к нему. Положение Советского Союза как морской и воздушной державы на Балтике должно быть обеспечено. Однако народ Соединенного Королевства был бы огорчен, если бы финны были включены в состав Советского Союза против их воли. Поэтому я был рад услышать то, что сказал маршал Сталин. Не думаю, что было бы полезно требовать контрибуции. Финны могут срубить некоторое количество деревьев, но едва ли это что-нибудь даст.

Сталин сказал, что ему не нужны деньги, но финны в течение, скажем, пяти или восьми лет вполне могли бы возместить причиненный России ущерб, снабжая ее бумагой, древесиной и многими другими вещами. Он считает, что финнам должен быть преподан урок, и он решил получить компенсацию.

Я сказал, что, как мне представляется, ущерб, который причинили финны, напав на Россию и совершив, таким образом, недостойный и нелепый поступок, значительно превышает то, что может поставить такая бедная страна, как Финляндия. Я добавил, что «у меня в ушах все еще звучит знаменитый лозунг: “Никаких аннексий и контрибуций”. Может быть, маршалу Сталину не понравится, что я говорю это».

Сталин с широкой улыбкой ответил: «Я же сказал Вам, что становлюсь консерватором».

¹ В то время — заместитель министра иностранных дел Швеции. — *Примеч. ред.*

Затем я спросил, чего он хочет. Близится «Оверлорд». Мне бы хотелось, чтобы к весне Швеция вступила в войну на нашей стороне, а Финляндия вышла из войны. Сталин сказал, что это было бы хорошо.

Затем разговор перешел на территориальные детали: Выборг («О Выборге нечего и говорить», — сказал Сталин); Карельский перешеек; Ханко. «Если уступка Ханко вызывает трудности, — сказал Сталин, — я готов взять взамен Петсамо». «Справедливая мена», — заметил Рузвельт.

Я сказал, что англичане хотят, во-первых, чтобы Россия была довольна своими границами и, во-вторых, чтобы финны были свободными и независимыми и жили, как сумеют, в этих весьма неудобных районах. Но мы не хотим оказывать какого бы то ни было нажима на Россию. Сталин сказал, что, если на то пошло, союзники могут, если хотят, время от времени нажимать друг на друга. Но пусть финны живут, как хотят. Все будет в порядке, если они возместят половину причиненного ими ущерба. Рузвельт спросил, принесет ли поездка финнов в Москву, если они не привезут с собой конкретных предложений, какие-либо результаты. Сталин сказал, что, если финны не дадут заверений в том, что будет заключено соглашение, эта поездка в Москву окажется на руку лишь Германии, которая широко использует всякую неудачу. То же самое можно сказать и об агрессивных элементах Финляндии, которые скажут, что русские в действительности не хотят мира.

Я сказал, что это было бы ложью и что все мы громко заявили бы об этом.

«Ладно, — сказал Сталин. — Пусть приезжают, если вы настаиваете».

Рузвельт заявил, что нынешние финские лидеры настроены прогермански. Будь там другие руководители, мы могли бы чего-то добиться. По мнению Сталина, было бы лучше иметь других руководителей, но он не возражает даже против Рюти. Пусть приезжает кто угодно, хотя бы сам черт. Он не боится чертей.

Я выразил надежду, что маршал Сталин подойдет к вопросу о Финляндии с должным учетом возможности вступления Швеции в войну во время нашего общего наступления в мае.

Сталин согласился, но сказал, что он не может отказаться от нескольких условий:

1) Восстановление договора 1940 года.

2) Ханко или Петсамо (здесь он добавил, что Ханко был предоставлен Советскому Союзу в аренду, но что он предложит взять Петсамо).

3) Компенсация натурой до 50 процентов причиненного ущерба. Вопрос о количествах можно будет обсудить позднее.

- 4) Разрыв с Германией.
- 5) Высылка всех немцев.
- б) Демобилизация.

Насчет компенсации я ответил, что ущерб причинить легко, но возместить его очень трудно, и что для всякой страны плохо оказаться данником другой. Сталин сказал, что финнам может быть предоставлена возможность оплатить причиненный ими ущерб, скажем, за пять—восемь лет. Я заявил: «Опыт показывает, что возмещения в крупных масштабах неосуществимы». Сталин предложил оккупировать один из районов Финляндии, если финны не заплатят, а если они заплатят, русские уйдут через год.

«Я еще не избран советским комиссаром, — заявил я, — но, будь я им, я бы отсоветовал делать это. Есть гораздо более важные вещи, о которых следует подумать». Мы поддерживаем русских и готовы помогать им на каждом шагу, но мы должны подумать о майской битве. Президент Рузвельт сказал, что он готов поддержать все, что было сказано (против возмещений в крупных масштабах).

* * *

Затем Сталин спросил: «Есть еще вопросы?» Президент ответил: «Есть вопрос о Германии». Сталин сказал, что он хотел бы видеть Германию расчлененной. Президент согласился. Сталин высказал предположение, что я стану возражать.

Я сказал, что в принципе не возражаю. Рузвельт заявил, что, учитывая возможность обсуждения, он и его советники набросали около трех месяцев назад план, предусматривающий раздел Германии на пять частей. Сталин, усмехнувшись, предположил, что я не слушаю, так как не склонен поддерживать предложение о разделе Германии. Я сказал, что, по моему мнению, корень зла таится в Пруссии, в прусской армии и генеральном штабе.

Затем Рузвельт изложил свой план раздела Германии на пять частей:

1. Пруссия.
2. Ганновер и северо-западная часть Германии.
3. Саксония и район Лейпцига.
4. Гессен-Дармштадт, Гессен-Кассель и район к югу от Рейна.
5. Бавария, Баден и Вюртемберг.

Эти пять частей должны быть самоуправляющимися, но кроме них намечается создать еще части, управляемые Объединенными Нациями:

1. Киль, Кильский канал и Гамбург.
2. Рур и Саар.

Эти районы находились бы под опекой Объединенных Наций. Он¹ предлагает это лишь в качестве идеи, которую можно будет обсудить.

«Если позволительно применить американское выражение, — сказал я, — то президент “наговорил уйму”. План Рузвельта для меня нов. На мой взгляд, имеются два момента, один — разрушительный, другой — созидательный. У меня две ясные идеи. Первая — это изоляция Пруссии. Что следует сделать с Пруссией после — вопрос второстепенный. Затем я отделил бы Баварию, Вюртемберг, Пфальц, Саксонию и Баден. В то время как с Пруссией я поступил бы сурово, ко второй группе я отнесся бы мягче, так как я хотел бы, чтобы она вросла в то, что я назвал бы Дунайской конфедерацией. Население этих районов Германии не отличается особой жесткостью, и я хотел бы, чтобы оно жило в сносных условиях, и тогда через поколение оно будет исповедовать совсем иные взгляды. Южные немцы не начнут новую войну, а мы должны будем сделать так, чтобы им имело смысл забыть Пруссию. Мне довольно безразлично, будет ли это одна или две группы». Я спросил маршала Сталина, готов ли он действовать на этом фронте.

Сталин сказал, что дунайская комбинация была бы нежизнеспособной и что немцы воспользовались бы этим, чтобы облечь в плоть то, что являлось бы лишь костяком, и, таким образом, создали бы новое большое государство. В этом он усматривал большую опасность, которую необходимо будет нейтрализовать рядом экономических мероприятий и в конечном счете, если понадобится, силой. Это единственный способ сохранить мир. Однако, если мы создадим какую-то большую комбинацию и включим в нее немцев, неизбежно возникнут неприятности. Мы должны проследить за тем, чтобы держать их отдельно и чтобы Венгрия и Германия не объединялись. Нет никаких способов не допустить движения к воссоединению. Немцы всегда будут стремиться воссоединиться и взять реванш. Мы должны быть достаточно сильными, чтобы разбить их, если они когда-либо развяжут новую войну.

Я спросил Сталина, предусматривает ли он Европу, состоящую из малых разрозненных государств, не имеющую никаких более крупных единиц.

Он ответил, что говорит о Германии, а не о Европе. Польша и Франция — большие государства. Румыния и Болгария — малые государства. Но Германия должна быть раздроблена любой ценой так, чтобы она не могла воссоединиться. Президент сказал, что его предложение предусматривает метод осуществления этого. Я сказал, что должен уточнить, что все

¹ Рузвельт. — *Примеч. ред.*

это — лишь предварительный обзор колоссальной исторической проблемы. Сталин подтвердил, сказав: «Да, несомненно, весьма предварительный обзор ее».

* * *

Затем я вновь перевел разговор на Польшу. Я сказал, что не прошу ни о каком соглашении и что сам не убежден насчет этого дела, но хотел бы занести кое-что на бумагу. Затем я предложил следующую формулу: «Считается в принципе, что территория польского государства и нации должна находиться между так называемой линией Керзона и линией Одера¹, включая для Польши Восточную Пруссию (в тех рамках, как она будет определена) и Оппельн. Но фактическое проведение границы требует тщательного изучения и, возможно, перемещения части населения в некоторых пунктах». Почему бы не принять такую формулу, на основании которой я мог бы сказать полякам примерно следующее: «Я не знаю, одобряют ли это русские, но думаю, что смогу добиться этого для вас. Вы видите, о вас хорошо заботятся». Я добавил, что нам никогда не добиться того, чтобы поляки сказали, что они удовлетворены. Ничто не удовлетворит поляков.

Сталин сказал затем, что русские хотели бы иметь незамерзающий порт Кенигсберг, и набросал возможную линию на карте. Таким образом, Россия оказалась бы как бы у самого затылка Германии. Если он это получит, он будет готов согласиться на мою формулу насчет Польши. Я спросил, как со Львовом. Сталин сказал, что он согласится на линию Керзона.

* * *

В тот же вечер Рузвельт, Сталин и я парафировали следующий документ, который излагает военные выводы нашей Тройственной конференции.

«Участники конференции

1. Договорились, что партизан в Югославии следует всемерно поддерживать поставками и снаряжением, а также диверсионно-десантными операциями.

2. Договорились, что с военной точки зрения весьма желательно, чтобы Турция вступила до конца года в войну на стороне союзников.

3. Приняли к сведению заявление маршала Сталина о том, что, если Турция окажется в войне с Германией и в результате Болгария объявит войну Турции или нападет на нее, Совет-

¹ В то время вопрос о том, должна ли это быть Восточная или Западная Нейсе, еще не возникал. — *Примеч. авт.*

ский Союз немедленно вступит в войну с Болгарией. Участники конференции приняли к сведению, что на этот факт будет прямо указано во время последующих переговоров о вовлечении Турции в войну.

4. Приняли к сведению, что операция «Оверлорд» начнется в течение мая 1944 года наряду с операцией против Южной Франции. Последняя операция будет предпринята возможно большими силами, насколько это позволит наличие десантных судов. Участники конференции приняли далее к сведению заявление маршала Сталина, что советские вооруженные силы начнут наступление примерно в то же время, чтобы помешать переброске германских войск с Восточного фронта на Западный.

5. Договорились, что военные штабы трех держав должны отныне поддерживать тесный контакт друг с другом по поводу предстоящих операций в Европе. В частности, достигнута договоренность о том, что между соответствующими штабами должен быть согласован план маскировки с целью мистифицировать и ввести в заблуждение противника в отношении этих операций».

* * *

Таким образом, наши долги и трудные переговоры в Тегеране пришли к концу. Военные выводы определяли в основном будущий ход войны. Вторжение через Ла-Манш было назначено на май, естественно, с учетом приливов и фаз луны. Ему должно было помочь новое крупное наступление русских.

* * *

Политические аспекты были и более отдаленными, и более гадательными. Они явно зависели от результатов великих битв, которые еще предстояли, а затем и от настроений каждого из союзников после победы. Обещание Сталина вступить в войну против Японии тотчас после свержения Гитлера и разгрома его армий имело величайшее значение.

Мы добились смягчения условий для Финляндии, которые в целом остаются в силе и по сей день. Были в общих чертах намечены границы новой Польши на востоке и на западе. Линия Керзона, с учетом возможных отклонений на востоке, и линия Одера на западе, казалось, давали подлинный и надежный очаг для польской нации, перенесшей столько страданий.

Важнейший вопрос об обращении победителей с Германией на этом этапе мог быть лишь объектом «предварительного об-

зора колоссальной политической проблемы» и, как выразился Сталин, «несомненно, весьма предварительного». Следует помнить, что мы находились в разгаре ужаснейшей борьбы с могучей нацистской державой.

Мы все сильно боялись мощи единой Германии. Пруссия имеет собственную большую историю. Я полагал, что можно будет заключить с ней суровый, но почетный мир и в то же время воссоздать в современных формах нечто вроде Австро-Венгерской империи, о которой, как говорят, Бисмарк сказал: «Если бы она не существовала, ее пришлось бы выдумать». Это был бы большой район, в котором не только мир, но и дружба могли бы воцариться гораздо раньше, чем при любом другом решении. Таким образом, можно было бы создать объединенную Европу, в которой все — победители и побежденные — могли бы найти надежную основу для жизни и свободы всего своего измученного многомиллионного населения.

Глава шестая

СНОВА КАИР: ВЕРХОВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ

2 декабря я вернулся из Тегерана в Каир и снова поселился на вилле близ пирамид. Президент прибыл в тот же вечер, и мы возобновили свои беседы обо всем военном положении и о результатах наших переговоров со Сталиным. В то же время члены объединенного англо-американского штаба, которые, чтобы немного проветриться, заехали на обратном пути из Тегерана в Иерусалим, должны были продолжить на следующий день переговоры по важным делам, ожидавшим их решения. Адмирал Маунтбэттен вернулся в Индию, откуда прислал пересмотренный план комбинированного нападения на Андаманские острова, который ему было поручено выработать (операция «Баккэнир»). Эта операция поглотила бы жизненно необходимые десантные суда, уже снятые со Средиземного моря. Я хотел предпринять последнюю попытку склонить американцев в пользу другого плана — операции против Родоса.

На следующий вечер я снова обедал с президентом. Со мной был Иден. Мы засиделись за столом за полночь, обсуждая свои разногласия. Я разделял взгляды наших начальников штабов, которые были весьма обеспокоены обещанием, данным президентом до Тегерана генералиссимусу Чан Кайши, предпринять в скором времени атаку через Бенгальский залив. Это означало бы отказ от всех моих надежд и планов захвата Родоса, от чего, по моему мнению, в большой мере зависело

вступление Турции в войну. Но Рузвельту очень хотелось провести первую операцию. Когда наши начальники штабов поднимали этот вопрос на военных совещаниях, американский комитет начальников штабов попросту отказывался его обсуждать. Президент, говорили американцы, уже принял решение, и нам остается лишь повиноваться.

Днем 4 декабря мы провели наше первое после Тегерана пленарное заседание, но мало чего добились. Президент начал с заявления, что он должен уехать 6 декабря и что все доклады должны быть готовы для окончательного согласования обеими сторонами к вечеру в воскресенье, 5 декабря. Если оставить в стороне вопрос о вступлении Турции в войну, то единственный важный нерешенный вопрос казался сравнительно несложным. Это был вопрос об использовании двух десятков десантных судов и их снаряжении.

Было немислимо представить, что такой мелкий вопрос может поставить нас в тупик, и президент счел себя обязанным сказать, что эта деталь должна быть решена.

Я сказал, что хочу совершенно ясно дать понять участникам конференции, что такое скорое окончание конференции внушает английской делегации серьезные опасения. Предстоит еще урегулировать много вопросов первостепенного значения. За последние несколько дней произошло два решающих события. Во-первых, маршал Сталин по доброй воле заявил, что Советский Союз объявит войну Японии немедленно после поражения Германии. Это обеспечит нам лучшие базы, чем те, которые мы можем найти в Китае, и в связи с этим становится тем более острой необходимость сосредоточить все свое внимание на успешном проведении операции «Оверлорд». Штабам надо изучить вопрос о том, как это новое обстоятельство отразится на операциях в Тихом океане и в Юго-Восточной Азии.

Вторым событием первостепенного значения было решение форсировать Ла-Манш в течение мая. Я лично предпочел бы июль и тем не менее намеревался сделать все от меня зависящее, чтобы операция была вполне успешно осуществлена в мае. Это — задача, превосходящая по своей важности все другие. В конечном счете в ее выполнении должны принять участие миллионы американцев и 500—600 тысяч англичан. Надо ожидать ужасающих битв гораздо большего масштаба, чем все испытанное нами до тех пор. Для обеспечения операции «Оверлорд» наибольших шансов на успех было сочтено необходимым, чтобы десант на Ривьере (операция «Энвил») был проведен как можно более крупными силами. Мне казалось, что критический момент для армий вторжения наступит примерно на 30-й день и необходимо принять в других местах все возможные меры, чтобы помешать немцам сосредоточить

превосходящие силы против наших береговых плацдармов. Как только войска, принимающие участие в операциях «Оверлорд» и «Энвил», окажутся в одной зоне, они перейдут под начало одного командующего.

Подводя итог дискуссии, президент спросил, прав ли он, считая, что существует общее согласие по следующим пунктам: а) не следует предпринимать ничего такого, что могло бы помешать операции «Оверлорд»; б) не следует предпринимать ничего, что могло бы помешать операции «Энвил»; в) во что бы то ни стало мы должны наскрести достаточное количество десантных судов для операций в восточной части Средиземного моря, если Турция вступит в войну; г) адмиралу Маунтбэттену следует сказать, чтобы он действовал и сделал все возможное (в Бенгальском заливе) с теми средствами, которые ему уже выделены.

По этому последнему пункту я высказал предположение, что, быть может, понадобится забрать десантные средства у Маунтбэттена, чтобы усилить «Оверлорд» и «Энвил». Президент сказал, что не может с этим согласиться. На нас лежит моральный долг сделать что-то для Китая, и он не намерен отказываться от комбинированной операции, если на это не будет какого-то очень веского и совершенно очевидного основания. Я ответил, что этим «очень веским основанием» может послужить затеваемое нами важнейшее предприятие во Франции. В настоящий момент операция «Оверлорд» строится на основе всего трех дивизий, тогда как в Сицилии мы в первый же день высадили на побережье девять дивизий. Таким образом, главная операция зиждется сейчас на весьма узкой основе.

Перейдя к вопросу о наступлении на Ривьеру, я выразил ту точку зрения, что его следует планировать, исходя из потребности в десантных силах в размере по меньшей мере двух дивизий. Это обеспечило бы достаточное количество десантных судов для фланговых операций в Италии, а также, если Турция вступит в скором времени в войну, для захвата Родоса. Далее я указал, что вопрос об операциях в Юго-Восточной Азии следует рассматривать под углом зрения преобладающего значения операции «Оверлорд». Я сказал, что меня удивляют требования, которые в связи с операцией по захвату Андаманских островов поступили от адмирала Маунтбэттена. Ввиду обещания маршала Сталина, что Россия вступит в войну, операции в Юго-Восточной Азии утратили в значительной мере свою ценность, тогда как, с другой стороны, они обходятся чрезмерно дорого.

Мы продолжали обсуждать вопрос о том, следует ли настаивать на проекте захвата Андаманских островов. Президент противился желанию англичан отказаться от этой операции.

Мы не пришли ни к какому выводу, кроме того, что деталями должны заняться начальники штабов.

* * *

5 декабря мы собрались снова. Президент зачитал доклад объединенного англо-американского штаба об операциях на Европейском театре военных действий, и мы приняли его. Теперь оставалось лишь решить вопрос о Дальневосточной операции. Родос отступил на задний план, и я сосредоточил свои усилия на получении десантных судов для операции «Энвил». Появился новый фактор. Произведенные командованием вооруженных сил в Юго-Восточной Азии подсчеты сил, необходимых для штурма Андаманских островов, вызвали удивление. Президент сказал, что 14 тысяч человек должно хватить. Как бы то ни было, предложенная цифра в 50 тысяч, несомненно, поставила крест на Андаманской экспедиции, по крайней мере на этом совещании. Пока что было решено запросить Маунтбэттена, какие комбинированные операции меньших масштабов может он предпринять, исходя из предположения, что большинство десантных и штурмовых судов будет в ближайшие недели отозвано из Юго-Восточной Азии. Итак, мы разошлись, оставив Рузвельта весьма расстроенным.

Прежде чем можно было предпринять еще какие-либо меры в этом направлении, тупик в Каире оказался ликвидированным. Во второй половине дня президент, проконсультировавшись со своими советниками, решил отказаться от плана захвата Андаманских островов. Он прислал мне лаконичную частную записку: «С операцией «Баккэнир» покончено». Генерал Исмей напомнил мне позже, что, сообщая ему в завуалированной форме по телефону приятную новость об изменении президентом своего решения и о том, что президент поставит об этом в известность Чан Кайши, я сказал: «Человек, умеющий владеть собой, на голову выше человека, берущего крепости».

Мы все собрались на следующий день в 7 часов 30 минут вечера на вилле Кэрка, чтобы обсудить окончательный вариант доклада конференции. Десантная операция в Южной Франции была официально одобрена, и президент зачитал свою телеграмму генералиссимусу Чан Кайши, в которой ставил последнего в известность о решении отказаться от плана захвата Андаманских островов.

* * *

Затем я разработал вместе с президентом изложение наших решений, которое надлежало направить Сталину.

6 декабря 1943 года

«Во время конференции, только что закончившейся в Каире, мы достигли следующих решений относительно ведения войны против Германии в 1944 году в дополнение к соглашениям, к которым пришли мы втроем в Тегеране.

В целях дезорганизации германской военной, экономической и промышленной системы, уничтожения германских военно-воздушных сил и подготовки к операции форсирования Канала наибольшей стратегической приоритет будет предоставлен бомбардировочному наступлению против Германии.

Размеры операции, планируемой в Бенгальском заливе на март, были сокращены для того, чтобы дать возможность усилить десантные средства для операций против Южной Франции.

Мы распорядились о том, чтобы были приложены величайшие усилия к расширению производства десантных средств в Соединенных Штатах и Великобритании в целях усиления предстоящих операций по форсированию Канала. Было дано указание о переброске некоторого числа десантных судов с Тихого океана для этой же цели».

* * *

Объединенный англо-американский штаб обсудил также вопрос о вкладе англичан в стратегию войны против Японии и представил свои рекомендации президенту и мне в окончательном докладе Каирской конференции. В общем они предложили, чтобы главные усилия командования силами в Юго-Восточной Азии были сосредоточены на Бирме. После разгрома Германии следует послать армейские и военно-воздушные соединения, которые будут базироваться на Австралию, для взаимодействия с силами генерала Макартура. Англичане должны сосредоточить свои морские операции главным образом в Тихом океане, а не в Бенгальском заливе. Английским начальникам штабов, как и мне самому, показались неприемлемой мысль о дорогостоящей и требующей большого напряжения сил кампании в Северной Бирме ради постройки дороги в Китай, представляющей сомнительную ценность. С другой стороны, они согласились с тем, что адмирал Маунтбэттен сможет проводить комбинированные операции широких масштабов только спустя шесть месяцев после краха Германии. Выполнение плана укрепления сил на Тихом океане можно было начать значительно раньше. Поэтому они поддержали американскую точку зрения. В своем окончатель-

ном докладе оба штаба заявили, что они «договорились в принципе в отношении общего плана разгрома Японии, взяв его за основу для дальнейшего изучения и уточнения».

Этот план предусматривал отправку части сил английского флота, которые ориентировочно должны были начать операции в Тихом океане в июне 1944 года. Президент и я парафировали этот документ, но, поскольку у нас были более срочные дела, а президенту необходимо было вернуться в США, у нас не было возможности обсудить долгосрочные планы с нашими советниками или между собой. Однако мы были уверены, что еще будет время изучить все положение впоследствии.

* * *

Одной из главных целей нашего совещания в Каире было возобновление переговоров с турецкими руководителями. 1 декабря я телеграфировал из Тегерана президенту Иненю, предложив ему встретиться с президентом и со мной в Каире. Было решено, что Вышинский также будет присутствовать. Эти переговоры начались как результат обмена взглядами между Иденом и турецким министром иностранных дел в Каире в начале ноября во время возвращения Идена из Москвы в Англию. Турки прибыли снова в Каир 4 декабря, и на следующий вечер я дал обед в честь турецкого президента. Мой гость проявил большую осторожность, и при последующих встречах ясно обнаружилось, какое большое впечатление все еще производит на его советников германская военная машина. Я употребил все свое влияние, чтобы добиться осуществления нашего плана. С выходом Италии из войны преимущества вступления в войну Турции явно возросли, а риск для нее уменьшился.

Турки уехали, чтобы доложить обо всем своему парламенту, и было решено, что тем временем английские специалисты должны начать подготовку к первым этапам операции «Сатурн»¹. В таком положении дело и осталось.

* * *

Во время всех наших многочисленных бесед в Каире президент ни разу не упомянул о жизненно важном и неотложном вопросе назначения главнокомандующего войсками в операции «Оверлорд», и я считал, что наша первоначальная договоренность остается в силе. Однако за день до отъезда из Каира он

¹ Предполагаемые действия союзников совместно с Турцией, если она вступит в войну. — *Примеч. ред.*

сообщил мне свое окончательное решение. Мы ехали в его машине из Каира к пирамидам. Он сказал почти вскользь, что не может отпустить генерала Маршалла, чье большое влияние как человека, стоящего во главе военных дел и руководства войной под началом президента, имеет неопределимое значение и необходимо для успешного ведения войны. Поэтому он намерен назначить для руководства операцией «Оверлорд» Эйзенхауэра и хотел бы узнать мое мнение об этом. Я сказал, что решать должен он, но что мы также питаем величайшее уважение к генералу Эйзенхауэру и от всего сердца доверим нашу судьбу его руководству.

7 декабря я попрощался со своим великим другом, когда он улетал с аэродрома по ту сторону пирамид.

Глава седьмая

СРЕДИ РАЗВАЛИН КАРФАГЕНА

Анцио

Вскоре после полуночи 11 декабря я и мой личный штат отправились на нашем самолете в Тунис. Я собирался провести там ночь на вилле генерала Эйзенхауэра, а на следующий день вылететь в штаб Александра, а затем в штаб Монтгомери в Италии, где, как сообщалось, стояла отвратительная погода и продвижение вперед шло перемежающимися рывками.

После посадки и встречи с Эйзенхауэром я сел к нему в машину и, когда мы немного отъехали, сказал: «Боюсь, что мне придется остаться у вас дольше, чем я намеревался. Я совершенно выбился из сил и не могу поехать на фронт, пока немного не окрепну».

Весь этот день я проспал, а на следующий появились лихорадка и симптомы в нижней части легкого, которые были признаны предвестниками воспаления легких. Так в этот чрезвычайными событиями момент я оказался прикованным к постели среди развалин древнего Карфагена.

* * *

Я, как английский министр обороны, несущий ответственность перед военным кабинетом, должен был предложить кандидатуру англичанина на пост верховного главнокомандующего вооруженными силами в районе Средиземного моря. Этот пост мы доверили генералу Вильсону. Было решено также, что руководить кампанией в Италии будет генерал Александер, подобно тому, как он это делал будучи под началом генерала Эйзенхауэра.

эра. Была также достигнута договоренность о том, что генерал американской армии Деверс должен стать заместителем генерала Вильсона в районе Средиземного моря, главный маршал авиации Теддер — заместителем генерала Эйзенхауэра по руководству операцией «Оверлорд», а генерал Монтгомери будет фактически командовать всеми силами вторжения через Ла-Манш, пока не наступит такое время, когда верховный главнокомандующий сможет перевести свой штаб во Францию и взять в свои руки прямой оперативный контроль. Это было осуществлено президентом и мной бесперебойно, в полном согласии, с одобрения кабинета, а все, кого это касалось, работали в духе товарищества и дружбы.

Дни шли, принося мне много неудобств. Лихорадка то вспыхивала, то спадала. Я жил войной и мысленно находился очень далеко от места своего пребывания. Врачи пытались не давать мне работать, но я не слушался их.

* * *

Лежа, таким образом, без движения, я чувствовал, что мы переживаем один из переломных моментов войны. Организация операции «Оверлорд» была величайшим в мире событием и нашим долгом. Но должны ли мы сорвать все, чего мы можем добиться в Италии, где находятся основные заморские силы нашей страны? Должны ли мы оставить там стоячий пруд, из которого мы выудили всю рыбу, какую нам хотелось? Насколько я понимал эту проблему, кампания в Италии, в которой принимали участие английские и союзные войска общей численностью миллион или более человек, была верным и необходимым спутником и дополнением к основной операции форсирования Ла-Манша. В этом отношении четкое, логичное мышление американцев, мышление широких масштабов и массового производства было потрясающим. Людей следует прежде всего учить «сосредоточиваться на основном». Это, несомненно, первый шаг, чтобы избавиться от путаницы и неувязок, но это только первый шаг. Второй шаг в войне — это общее согласование военных усилий путем полной координации, когда всякая, даже самая малая часть боевой силы действует все время на полную мощь. Я был уверен, что энергичная кампания в Италии в первой половине 1944 года оказала бы величайшую помощь основной операции форсирования Ла-Манша, к которой были устремлены все помыслы и в расчете на которую строились все планы. Однако по поводу каждой единицы снаряжения, которую любой офицер штаба имел право занести в разряд «необходимых» или «жизненно важных» (если употребить эти сильно затасканные слова), приходилось

спорить, словно от нее зависел успех или неудача нашей главной операции. За два десятка или дюжину десантных судов приходилось драться так, словно от них зависела основная проблема.

Дело казалось мне предельно простым. Все суда, которыми мы располагали, будут использованы для доставки в Англию всех тех людских сил и вооружения, которые могут поставить Соединенные Штаты. В то же время колоссальные силы, которые мы никак не могли перебросить морем с Итальянского театра военных действий, должны сыграть свою роль. Либо они легко завоюют Италию и немедленно нанесут удар по внутреннему фронту Германии, либо они отвлекут крупные германские силы с фронта, который мы собирались атаковать через Ла-Манш в последние дни мая или первые дни июня — в зависимости от фазы луны и прилива.

* * *

В результате упорного сопротивления немцев на 50-мильном фронте от Кассино до моря наши армии в Италии оказались в тупике, и это побудило генерала Эйзенхауэра стремиться к комбинированной фланговой атаке. Он собирался высадить одну дивизию южнее Тибра и совершить рывок к Риму одновременно с наступлением основных армий. Приостановление движения этих армий и отдаленность места высадки от их расположения заставляли предполагать, что потребуется больше одной дивизии. Я, разумеется, всегда был сторонником «захода с конца»¹, как выражаются американцы, или «кошачьей лапы», как называю это я. Во время нашего наступления в Пустыне мне ни разу не удалось произвести этот маневр, совершаемый силами флота. Однако в Сицилии генерал Паттон, продвигаясь вдоль северного побережья острова, дважды с большим успехом использовал морской фланг.

Военные горячо поддерживали эту операцию. Эйзенхауэр уже в принципе принял решение, хотя его новое назначение на пост главнокомандующего войсками в операции «Оверлорд» заставляло его сейчас иначе оценивать вещи и открывало перед ним новые горизонты. Заместитель верховного главнокомандующего и главнокомандующий армиями в Италии Александер считал эту операцию правильной и необходимой. Бедел Смит горел энтузиазмом и готов был помочь чем только возможно. То же самое можно было сказать об адмирале Джоне Кэннингхэме, у которого на руках были все морские козыри, и о главном маршале авиации Теддере. Следовательно, я имел за собой могучую

¹ Американский спортивный термин, означающий обходное движение. — *Примеч. ред.*

плеяду средиземноморских авторитетов. Кроме того, я был уверен, что этот план понравится английским начальникам штабов и что, имея их согласие, я смогу добиться одобрения со стороны военного кабинета. Когда нельзя отдавать приказы, приходится много и упорно трудиться.

Осуществление операции «Оверлорд» в мае было, что называется, святая святых. Мы дали обязательство в Тегеране всего месяц назад. Нельзя было и думать о чем-нибудь, что могло помешать нам выполнить наше важнейшее обязательство. В данном случае сухопутные, военно-воздушные и военно-морские силы не создавали препятствий. Все зависело от LST (танкодесантных барж). Сюда относилась и переброска колесного транспорта, поскольку переброска танков была лишь небольшой частицей работы, которую выполняли LST. Началась длительная шифрованная переписка между мной, Уайтхоллом и Вашингтоном. Военные специалисты могут когда-либо заинтересоваться подробностями этого острого и понятного спора, который я излагаю здесь лишь схематически.

Танкодесантные баржи должны были прибыть в Англию к определенному сроку для участия в операции «Оверлорд». Эти сроки были высчитаны весьма точно и, конечно, с запасом на случай непредвиденных обстоятельств. Резервное время предусматривается на всех стадиях военного планирования, и поэтому, если бы сверху не вносились соответствующие поправки, невозможно было бы сделать ни шагу. Каждый и на каждой стадии требует для себя резерва во времени, и сумма этих резервов обычно сводит на нет весь план.

Я начал свои попытки 19 декабря, когда начальник имперского генерального штаба проездом на родину из штаба Монтгомери в Италии прибыл в Карфаген, чтобы повидаться со мной. Мы думали отправиться домой вместе, но болезнь помешала мне. Мы всесторонне обсудили этот вопрос, и я увидел, что генерал Брук со своей стороны пришел к такому же выводу, как и я. Мы договорились относительно политики, а также о том, что в то время, как я займусь командующими на месте, он сделает все возможное, чтобы преодолеть все трудности на родине.

Затем генерал Брук отправился самолетом в Лондон. Я телеграфировал:

Премьер-министр — комитету начальников штабов

19 декабря 1943 года

«Я с нетерпением ожидаю полного списка всех десантных судов всех типов, имеющих сейчас на Средиземном море, сведений об их состоянии и о том, как они используются; в особенности я хочу знать, верно ли, что значительное число

этих судов занято чисто снабженческой работой вместо своих десантных функций. Застой в кампании на итальянском фронте приобретает, несомненно, скандальный характер. Визит начальника имперского генерального штаба подтвердил мои наихудшие опасения. Полнейшее нежелание осуществить десантную операцию на Адриатическом побережье и отказ нанести аналогичный удар на Западе — катастрофичны.

Ни одно из десантных судов на Средиземном море абсолютно не использовалось (для десантных операций) в течение трех месяцев. Их не перебросили на родину для подготовки к операции «Оверлорд», их не использовали для захвата островов в Эгейском море и в битве за Италию. Даже в этой войне найдется мало примеров столь расточительного отношения к таким ценным средствам».

Начальники штабов, очевидно, думали то же самое и, заслушав доклад генерала Брука, ответили 22 декабря.

Комитет начальников штабов — премьер-министру

22 декабря 1943 года

«Мы полностью согласны с вами, что продолжение нынешнего зстоя недопустимо. По всем причинам необходимо сделать что-то, чтобы ускорить ход событий. Решением, как вы говорите, является использование наших десантных сил для нанесения удара по противнику с фланга и открытие пути для быстрого продвижения к Риму.

После того как 15 января LST будут отозваны для подготовки к участию в операции «Оверлорд», у генерала Эйзенхауэра должны остаться десантные средства, достаточные для переброски немногим более одной дивизии, и он планирует произвести высадку в тылу противника непосредственно к югу от Рима. Слабое место этого плана состоит в том, что десант такими силами нельзя начать до тех пор, пока 5-я армия не подойдет достаточно близко, чтобы его поддержать. Однако если удастся получить больше десантных судов, можно будет высадить более крупные силы и в этом случае не нужно будет ждать, пока основная армия подойдет на достаточное расстояние, чтобы оказать поддержку. Высадка крупными силами оказала бы гораздо большее влияние на общий ход кампании и намного увеличила бы шансы быстрого продвижения вперед. Мы считаем, что целью должно быть обеспечение десантных средств для переброски по меньшей мере двух дивизий.

...Если вы одобряете изложенные выше мысли, мы намерены поставить этот вопрос перед объединенным англо-американским штабом с целью немедленно предпринять действия в этих направлениях».

Тем временем у меня состоялась длительная беседа с Александром. Он хотел получить средства для переброски двух дивизий, и вопрос заключался в том, как обеспечить их материально-техническую базу. Если бы это было обеспечено и решение принято на другой день или через день, Александр смог бы нанести удар в последнюю неделю января. Вопрос заключался в том, где найти десантные суда. Когда я спросил Беделла Смита, почему бы нам не отложить до 15 февраля переброску LST и т. д., предназначенных для участия в операции «Оверлорд», он ответил, что он просто не в силах просить передвинуть срок в третий раз. Я был не настолько совестлив.

В Средиземном море находилось 104 LST, но большая их часть должна была вернуться на родину для участия в операции «Оверлорд». К середине января у нас осталось бы всего 36 судов, и еще 15 судов должно было к этому времени прибыть из Индийского океана. Для переброски дивизий нужно было, как говорили, 88 судов. Больше количество судов нельзя было получить до апреля. Единственным решением оставалось задержать большую часть судов, находящихся в Средиземном море, еще на три недели. Имелись веские основания надеяться, что это можно сделать без ущерба для операции «Оверлорд» или для высадки на Ривьере.

* * *

24 декабря начальники штабов прислали мне подробное изложение своих взглядов и проект, который они намеревались послать своим вашингтонским коллегам. Они поддерживали этот план, но опасались, что нам не добиться согласия американцев.

Их выводы сводились к следующему:

«Мы просим объединенный англо-американский штаб согласиться: а) приказать командирам кораблей и капитанам судов, которые предполагалось использовать для штурма Андаманских островов, направиться в Средиземное море; б) разрешить, чтобы те ресурсы, которые могут быть своевременно доставлены в Центральный бассейн Средиземного моря, были использованы верховным главнокомандующим вооруженными силами союзников на Средиземноморском театре военных действий для организации десантной операции с участием двух дивизий, предназначенных обеспечить захват Рима и продвижение армий к линии Пиза—Римини и чтобы распоряжения на этот счет были отданы немедленно. Времени для последующего отвода этих судов в целях участия в нападении на Южную Францию будет достаточно; в) согласиться с тем, что наши переговоры с Турцией будут про-

должаться на нынешней основе, но десантные операции в Эгейском море должны быть отменены; г) поставить адмирала Маунтбэттена в известность об этих решениях и поручить ему представить свои окончательные рекомендации относительно операций, которые должны проводиться на его театре с использованием остающихся у него ресурсов».

* * *

В этот напряженный период при мне из всего министерства обороны был только генерал Холлис¹, но он оказался нецелесообразной опорой. Большую помощь оказывал мне также капитан английского военно-морского флота Пауэр, который был заместителем начальника штаба адмирала Джона Кэннингхэма по оперативной работе. Он показал несостоятельность целой массы доводов, мешавших принятию решения.

В результате подробного обсуждения с собравшимися командующими я направил в Англию в ночь на 25 декабря, после полуночи, следующие предложения:

Премьер-министр — комитету начальников штабов

25 декабря 1943 года
(12 ч. 30 м. ночи)

«Сегодня вечером я беседовал относительно Анцио с генералом Вильсоном, генералом Александером, главным маршалом авиации Теддером и их сотрудниками.

Мы все согласились с тем, что эту операцию необходимо провести в достаточно широком масштабе, чтобы обеспечить успех, а именно — это должен быть десант силой по меньшей мере в две дивизии. Ориентировочно она назначается примерно на 20 января. Мы исходим из предположения, что взятие Родоса не будет предусматриваться. Мы определенно считаем, что единственным правильным курсом будет отложить — не более чем на месяц — отправку из Средиземного моря всех английских танкодесантных самоходных барж, которые, как намечается сейчас, должны выйти в январе и 1 февраля (всего 56 LST). 15 LST из Бенгальского залива не смогут прибыть своевременно, чтобы принять участие в высадке в Анцио, но, в возмещение этого, сыграют свою роль в операции «Оверлорд» несколько позже...»

Необходимо было считаться с суровой реальностью — отсрочкой возвращения в Англию 56 танкодесантных барж. В то

¹ В 1939—1946 гг. был старшим помощником секретаря военного кабинета. — *Примеч. ред.*

же время на нас давила дата операции «Оверлорд» — май. В нижеследующей телеграмме читатель найдет первое упоминание о 6 июня.

Премьер-министр — комитету начальников штабов

26 декабря 1943 года

«Я действую, исходя всецело из намерения придерживаться мая как даты операции «Оверлорд». Я уверен, что, если мы приложим энергичные усилия, это может быть сделано, а проблема — разрешена. Я могу, однако, сказать сугубо секретно, что и Эйзенхауэр, и Монтгомери заявили, что их совершенно не удовлетворяет то, что они узнали о нынешнем плане операции «Оверлорд», и я полагаю, что они потребуют значительного увеличения первого эшелона. Я считаю весьма вероятным, что, когда они изучат план, они предложат отсрочить его осуществление. Мы обязались осуществить ее “в течение мая”, но я не знаю, нельзя ли будет предоставить лишнюю неделю, если командующие, ответственные за эту операцию, будут считать более благоприятной фазу луны около 6 июня и сумеют доказать, что перспективы в этом случае будут гораздо лучше. Предварительные бомбардировки с воздуха так или иначе начнутся в мае.

Поэтому мы ни в коем случае не должны жертвовать осуществлением важнейшей задачи в Италии во имя соблюдения срока, который, возможно, будет отодвинут по другим, и более важным, причинам. Эйзенхауэр даже говорил о том, что, как только он фактически примет командование и разберется в стоящих перед ним задачах, он лично телеграфирует Сталину, чтобы попросить о некоторой разумной отсрочке. Я не присоединился к нему, поскольку я отстаиваю свой план в рамках, намеченных Тегеранским соглашением. Тем более я рассчитываю, что вы поможете мне. Проследите за тем, чтобы обо всем вышесказанном не знал никто, кроме вас и трех министров — членов военного кабинета, входящих в комитет обороны, — Эттли, Идена и Литтлтона»¹.

Бывший военный моряк — президенту Рузвельту

25 декабря 1943 года

«Сегодня я провел совещание с Эйзенхауэром и всеми его высшими офицерами. Сообщаю следующее:

Генерал Александер готов осуществить десант в Анцио около 20 января, если он сможет получить средства для перебро-

¹ Занимал в 1942—1945 гг. пост министра военного производства. — *Примеч. ред.*

ски двух дивизий. Это должно решить исход битвы за Рим и, возможно, привести к уничтожению значительной части неприятельской армии. Нанести удар силами меньшими, чем две дивизии, значит идти на риск катастрофы, учитывая позиции, которые к тому времени будут, вероятно, занимать 5-я и 8-я армии.

Для этой цели нужно 88 танкодезантирных барж. Их можно получить, только задержав отправку в Англию 56 танкодезантирных барж, которые должны по плану покинуть Средиземное море после 15 января; отправка их в Англию должна быть произведена партиями начиная с 5 февраля. Меньшее число будет недостаточно. 15 танкодезантирных барж, направленных из Индии, не могут прибыть вовремя, хотя они очень нужны для возмещения потерь и для подготовки операции «Энвил».

Предполагается, что различными методами потеря этих трех недель может быть компенсирована и намеченный план накопления сил для операции «Оверлорд» выполнен.

После того как мы так долго держали эти 56 LST на Средиземном море, кажется неразумным отводить их как раз в тот момент, когда они могут оказать решающую услугу. К тому же что могло бы быть опаснее, чем продлить застой в битве за Италию еще на три месяца? Мы не можем позволить себе двигаться дальше, оставив позади гигантскую, лишь наполовину завершенную работу. Поэтому присутствовавшим (на совещании) казалось, что следует приложить все усилия, чтобы осуществить примерно 20 января высадку в Анцио силами двух дивизий, и в соответствии с этим генералу Александеру был отдан приказ готовиться. Если мы не воспользуемся этой возможностью, Средиземноморской кампании 1944 года грозит крах. Я искренне надеюсь поэтому, что вы согласитесь на трехнедельную отсрочку отправки 56 LST и что всем, от кого это зависит, будет дано указание сделать все возможное, чтобы это не повредило операции «Оверлорд», намеченной на май.

Я с сожалением признаю, что Родос и политика в районе Эгейского моря должны быть отодвинуты на задний план ради этих более важных интересов, и вполне может быть, что операции «Пигстик» (атака на араканском побережье, на западе Бирмы) придется придать более скромные масштабы, чтобы выделить три дивизии для высадки в Южной Франции. Мне это очень неприятно, но я не могу допустить тупика в Италии и катастрофы, которая последует, если указанные меры не будут приняты...»

* * *

Именно в этот момент, когда все висело в воздухе, я вылетел из Карфагена в Маракеш, увозя с собой все свои заботы.

В МАРАКЕШЕ

Выздоровление

Когда наступило утро 27 декабря, я в первый раз после болезни снова облачился в свой мундир. Когда я выходил из комнаты, мне подали телеграмму. «Шарнхорст» был потоплен — адмиралом Фрээрером — в бою с линкором «Дьюк ов Йорк». Я остановился, чтобы продиктовать следующую телеграмму Сталину:

Премьер-министр — премьеру Сталину

27 декабря 1943 года

«Арктические конвои в Россию принесли нам удачу. Вчера враг пытался преградить путь при помощи линкора «Шарнхорст». Главнокомандующий адмирал Фрээрер с «Дьюк ов Йорком» (линкором водоизмещением 35 000 тонн) отрезал «Шарнхорсту» путь к отступлению и после боя потопил его.

Я чувствую себя лучше и отправляюсь на юг для выздоровления».

На эту телеграмму спустя несколько дней был получен очень сердечный ответ, заканчивавшийся словами: «Крепко жму руку». Но один вопрос занимал меня больше всего — какой ответ даст президент на мою телеграмму? Вспоминая упорное, косное, не принимавшее в расчет ни времени, ни масштабов сопротивление, на которое наталкивались все мои средиземноморские проекты, я ждал ответа с глубокой тревогой. Я просил согласия на рискованное предприятие на итальянском побережье и возможную задержку операции по форсированию Ла-Манша на три недели начиная с 1 мая или на четыре, если учитывать фазу луны. Я добился согласия командующих на местах. Английские начальники штабов всегда соглашались на это в принципе, а сейчас были удовлетворены и в отношении деталей. Но что скажут американцы на предложение об отсрочке операции «Оверлорд» на четыре недели?

* * *

На следующий день я получил с радостью, к которой, признаюсь, примешивалось удивление, следующую телеграмму:

28 декабря 1943 года

«Мы согласны отложить отправку LST, предназначенных для операции «Оверлорд», с тем чтобы они могли принять участие в высадке в районе Анцио 20 января, при том условии, что «Оверлорд» остается первоочередной операцией и будет проведена в срок, о котором была достигнута договоренность в Каире и Тегеране. Следует принять все меры, чтобы предотвратить вероятное влияние отсрочки отправки LST на подготовку к операции «Оверлорд», для чего остальные 12 LST, предназначенные для «Оверлорда», должны отправиться, как намечено, тотчас, а 15 LST, предназначавшиеся для Андаманских островов и прибывающие в Средиземное море 14 января, должны направиться прямо в Соединенное Королевство. Я согласен с тем, что операции против Родоса и в Эгейском море должны быть отодвинуты на задний план и что мы не можем больше думать о том, чтобы осуществить операцию против Родоса до операции «Энвил» (Ривьера). Учитывая советско-англо-американское соглашение, достигнутое в Тегеране, я не могу без одобрения со стороны Сталина согласиться на какое-либо использование сил или снаряжения где-либо еще, если это может задержать операцию «Оверлорд» или «Энвил» или угрожать их успеху».

Я ответил:

Премьер-министр — президенту Рузвельту

28 декабря 1943 года

«Благодарю Бога за это замечательное решение, которое снова искренне объединяет нас в великом предприятии».

Персонал штабов на родине, особенно военно-морское министерство, действительно прилагал большие усилия, чтобы осуществить операцию «Кэт Кло», и я поспешил направить свои поздравления. Генерал Александер просил 88 десантных судов; они обещали ему все это количество минус одно судно. Телеграмма президента была чудом. Я был уверен, что обязан этим не только его доброжелательству, но и уравновешенному уму Маршалла, верности Эйзенхауэра делу, которое он вот-вот должен был оставить, и активной, основанной на знаниях и фактах дипломатии Беделла Смита.

В тот же день Александер прислал нам свой план. Посоветовавшись с генералом Марком Кларком и генералом Брайаном Робертсоном, начальником административно-хозяйственных служб, он решил использовать одну американскую и одну английскую дивизии. Танки, парашютные войска и

отряды «коммандос» будут на 50 процентов английскими и на 50 процентов американскими, а все войска будут находиться под командованием американского корпусного командира. Атака будет предпринята 20 января. За 10 дней до этого он начнет крупное наступление на Кассино, чтобы оттянуть германские резервы. За этим последует рывок вперед главных сил. Я был доволен. Пока все шло хорошо.

Существовал, однако, еще один маленький запас (времени), который можно было использовать. Я телеграфировал комитету начальников штабов:

Премьер-министр — комитету начальников штабов

29 декабря 1943 года

«Я веду борьбу в этом вопросе (срок операции «Оверлорд») всецело на основе договоренности, достигнутой в Тегеране. При этом предполагалось скорее 20 мая, а не 5-е, которое представляет собой совершенно новую дату. Наш договор со Сталиным будет выполнен, если операция будет предпринята в любой день, включая 31 мая. На основе того, что я узнал от Эйзенхауэра, мне кажется что срок 3 июня, когда наступает соответствующая фаза луны, вполне допустим, особенно если об этом попросят командующие, назначенные сейчас для руководства операцией. Нет необходимости обсуждать сейчас эти вопросы, но есть за счет чего “травить и выбирать”».

Сообщите мне данные о сравнительной возможности накопления сил к 5 мая и 3 июня. Повторяю, что это отнюдь не должно рассматриваться как нечто вроде решения об отсрочке и не должно стать известным кому-либо за пределами нашего узкого круга».

Комитет начальников штабов — премьер-министру

29 декабря 1943 года

«Чтобы выполнить условия плана, разработанного нынешними командующими операцией «Оверлорд», штурм должен состояться примерно 5 мая. Эту дату нельзя, однако, считать окончательной, и даже если в программе возвращения и переноса LST произойдут задержки, так что не все суда присоединятся к десантным силам к 13 апреля, это не должно лишить нас возможности провести операцию «Оверлорд» в мае.

Намеченные меры, несомненно, не исключают возможности осуществления десантной операции в мае, хотя выполнение этой программы и требует большого напряжения. Не предусматривается какого-либо нарушения соглашения, достигнутого в Тегеране, и мы не считаем необходимым на данном этапе консультироваться с русскими».

Я сделал по этому поводу следующие замечания:

Премьер-министр — комитету начальников штабов

30 декабря 1943 года

«Наш договор будет выполнен, если мы начнем действовать хотя бы даже 31 мая. На мой взгляд, было бы вполне добросовестным его выполнением, если бы мы установили для начала десанта дату — 3 июня, которая по фазе луны соответствует 5 мая. Однако лучше готовиться к 5 мая и иметь, таким образом, лишний месяц в запасе».

* * *

В это время выявились новые важные обстоятельства.

Премьер-министр — фельдмаршалу Диллу, Вашингтон

3 января 1944 года

«1. Александер сообщает следующее: Кларк разрабатывает план операции у Анцио, причем выявляются обычные трудности. Например, нам, по-видимому, не будет оставлен американский 504-й парашютный полк, а Эйзенхауэр не хочет настаивать на том, чтобы его задержали. Английская парашютная бригада — на фронте и занята в боях. У меня под рукой нет ничего для замены, и мы не можем позволить себе задерживать ее переброску в район Неаполя. Кроме того, она оперативно неопытна и крайне нуждается в обучении.

2. Эйзенхауэр сейчас вместе с Маршаллом. Не обратитесь ли вы к ним с просьбой разрешить 504-му американскому полку выполнить это замечательное и важное дело прежде, чем его перебросят в Англию для участия в операции “Оверлорд”?»

Генерал Маршалл согласился. Ниже мы увидим, почему эта жертва оказалась напрасной.

* * *

Я просил Монтгомери захватить ко мне по пути из Италии в Англию, где он должен был занять свой новый командный пост по руководству операцией «Оверлорд». Выполнением этой столь рискованной задачи предложил ему заняться именно я. Когда он прибыл в Маракеш, мы совершили двухчасовую поездку на пикник у подножия Атласских гор. Рано утром я вручил ему план, подготовленный за столько месяцев вперед генералом Морганом и англо-американскими штабистами в

Лондоне. Пробежав его, Монтгомери тут же сказал: «Это не годится. Для первого удара мне нужно больше». После довольно большого спора был принят целый ряд мер в соответствии с его пожеланиями, и это оказалось правильным. Было ясно, что он твердо верит в операцию, и я был очень доволен этим.

Все эти расчеты были основаны на том, что операция «Оверлорд» будет проведена, как намечено, в мае (или в дату «Х»), хотя я лично всегда считал, что лунная фаза 3 июня (дата «У») будет, вероятно, признана более удобной. Я был рад узнать от генерала Эйзенхауэра, когда он был проездом в Маракеше, что он склоняется к последнему решению, так как это давало ему и Монтгомери больше времени, чтобы накопить более крупные силы, которые предполагалось теперь использовать во время первого десанта. Я телеграфировал президенту, изложив весь вопрос в целом и напомнив ему о наших переговорах и соглашениях, достигнутых в Тегеране.

Премьер-министр — президенту Рузвельту

6 января 1944 года

«Беделл Смит и Деверс приехали сюда утром 5 января. Беделл рассказал мне, что он и Монтгомери убеждены в том, что лучше осуществить операцию «Оверлорд» гораздо более крупными силами и в более широких масштабах, чем расширять высадку на Ривьере за рамки нашего замысла, намечавшегося до Тегерана, и что он (Беделл Смит) ставит этот вопрос перед Эйзенхауэром и нашими начальниками штабов. Я всегда ожидал, что, когда командующие возьмут дело в свои руки, они внесут изменения в планы, которые тем не менее оказались весьма ценными как основа для будущих решений. Как Вы знаете, я всегда надеялся, что первую высадку десанта в операции «Оверлорд» можно будет осуществить гораздо большими силами, чем мы до сих пор намечали.

На основании того, что я узнал, мне также кажется весьма вероятным, что июньская фаза луны будет самой ранней осуществимой датой. Я не вижу оснований возражать против этого, если командующие считают, что тогда у них будут лучшие шансы. В Тегеране начальники штабов рекомендовали дату 1 июня или днем раньше, что Вы и я решили выразить в более приятной форме — «в течение мая». В разговоре с Дядей Джо мы никогда не упоминали о такой дате, как 5 мая или даже 8 мая, а всегда говорили ему о двадцатых числах. Мы также ни разу не останавливались на каком-либо точном этапе операции, который должен прийти на какой-нибудь определенный день. Если сейчас июньская дата будет принята в качестве окончательной, то я не считаю, что мы каким-нибудь образом нарушим свое обещание, данное ему. Операция в любом слу-

чае начнется в мае отвлекающими ударами и подготовительными бомбардировками, и я не думаю, чтобы Дядя Джо был такого рода человеком, который стал бы поднимать шум из-за 48 часов.

С другой стороны, к июню земля подсохнет для великих операций Дяди Джо. Мы предпримем значительно более сильную атаку с гораздо лучшими шансами на успех. Я посылаю Вам через Лезерса¹ предложения об организации еще одного арктического конвоя, для которого мы можем представить эскорт, если Вы со своей стороны сможете дать суда и грузы, поскольку мы фактически исчерпали свою квоту.

Я не считаю необходимым сообщать что-либо в настоящий момент Дяде Джо, но через несколько недель, после того как Эйзенхауэр представит нам свои окончательные выводы, мы, несомненно, должны будем рассказать ему обо всем и полностью, включая вопрос о всех изменениях в операции «Энвил», и подкрепить свое заявление авторитетом командующих, ответственных за операцию».

Президент ответил на эту важную телеграмму, фактическая сторона которой не вызвала у нас споров, через неделю. К этому времени он уже получил полный отчет о выводах, к которым мы пришли на своих совещаниях по поводу операции в Анцио и которые целиком основывались на том, что при желании можно будет сохранить для операции «Оверлорд» более раннюю дату.

Президент Рузвельт — премьер-министру

14 января 1944 года

«Насколько я понимаю, в Тегеране Дяде Джо было дано обещание, что операция «Оверлорд» будет начата в мае и поддержана примерно в это же время высадкой в Южной Франции, произведенной возможно более мощными силами. Со своей стороны он согласился одновременно начать наступление русских на Восточном фронте.

Я не думаю, что мы должны принять сейчас какое-то решение о перенесении срока операции, и, разумеется, мы не должны этого делать, пока командующие, ответственные за операцию, — Эйзенхауэр и Вильсон, — не будут в состоянии изучить все возможности и доложить о фактическом положении. Пока же Дяде Джо не следует сообщать ничего по этому вопросу.

¹ В то время — министр транспорта военного времени в кабинете Черчилля. — *Примеч. ред.*

Я думаю, что психологически было бы очень плохо поднимать этот вопрос сейчас, поскольку прошло лишь немногим более месяца с тех пор, как мы трое согласовали соответствующее заявление в Тегеране».

«Я очень рад, — ответил я 16 января, — что мы с Вами полностью согласны друг с другом».

* * *

Польский вопрос, игравший столь большую роль в Тегеране, побудил меня телеграфировать Идену из Карфагена.

Премьер-министр — министру иностранных дел

20 декабря 1943 года

«Я думаю, что вам следует поднять сейчас перед поляками вопрос о польских границах, сказав, что это делается по моему личному желанию и что я сделал бы это сам, если бы не моя временная инвалидность. Вы должны показать им формулу и примерную линию на карте на востоке и линию по Одере, включая район Оппельна на западе. Это дает им замечательный кусок территории протяжением 300—400 миль в обе стороны и более 150 миль побережья, даже если исходить из того, что граница пройдет западнее Кенигсберга. Поляки должны, конечно, понять, что это лишь сформулированные в общих чертах ориентировочные предложения, но что с их стороны было бы весьма неразумно отказываться от этого. Даже если они не получают Львова, я все же советую им согласиться и предоставить английским и американским друзьям попытаться претворить этот план в жизнь. Вы должны указать им, что, взяв и твердо удерживая нынешние германские территории вплоть до Одера, они окажут услугу Европе в целом, заложив основу дружественной политики в отношении России и тесных связей с Чехословакией. Это дало бы шансы на возрождение польской нации в доселе невиданном блеске.

Как только мы будем знать, что они примут и поддержат эти предложения, мы обратимся к русским и постараемся сделать все это определенным и точным. С другой стороны, если они отвергнут все это, я не представляю себе, как правительство его величества сможет добиться для них чего-либо большего. Русские армии через несколько месяцев, возможно, перейдут довоенные границы Польши, и представляется чрезвычайно важным, чтобы до этого Россия дружески признала польское правительство и чтобы между ними была достигнута общая договоренность об урегулировании, касающемся после-

военных границ. Мне будет очень интересно узнать, как они реагируют на это».

* * *

Президент Бенеш ехал в это время из Москвы в Лондон. Я просил его заглянуть ко мне в Маракеш на обратном пути. Глубокое знание им Восточной Европы придавало особую ценность его мнению по польскому вопросу и по поводу того, что сделают русские для Польши. В течение 20 или более лет Бенеш, как министр иностранных дел или президент Чехословакии, был верным союзником Франции и другом западных держав, поддерживая в то же время единственные в своем роде отношения со Сталиным. Когда Франция и Англия пожертвовали Чехословакией и позднее, когда накануне войны Риббентроп заключил свое соглашение с Молотовым, Бенеш был очень одинок. Но затем, после продолжительного промежутка времени, Гитлер напал на Россию, и дружественные связи Бенеша с Советами вновь обрели свое реальное значение. Россия вполне могла пойти в 1938 году на войну с Германией из-за Чехословакии. Как бы то ни было, сейчас обе они пострадали от одного и того же жестокого врага.

Мне было очень приятно побеседовать на солнышке, среди цветов своего маракешского жилища, с этим старым политическим коллегой и зрелым европейским государственным деятелем, которого я впервые встретил в 1918 году в обществе великого Масарика, создателя страны, сын которого с честью погиб ради ее дела. Бенеш, разумеется, был настроен оптимистически.

Я направил президенту следующий отчет о нашей беседе.

Премьер-министр — президенту Рузвельту

6 января 1944 года

«Бенеш был здесь. Он с большой надеждой взирает на русскую ситуацию. Он может принести чрезвычайно большую пользу, попытавшись убедить поляков быть благоразумными, и примирить их с русскими, доверием которых он издавна пользуется. Он привез новую карту с карандашными пометками Дяди Джо, показывающими восточную границу от Кенигсберга до линии Керзона; в соответствии с этой картой полякам отходят районы Ломжи и Белостока на севере, но без Лемберга на юге. В качестве польской западной границы он предлагает линию Одера, включая основную часть Оппельна. Это дает полякам прекрасное пространство для существования размером более 300 миль в длину и столько же в ширину вместе с 250 милями Балтийского побережья. Как только я

попаду домой, я приложу все усилия, чтобы добиться согласия польского правительства на это или на нечто аналогичное. Если поляки согласятся, они должны будут объявить о своей готовности выполнить роль оплота на Одере против новой германской агрессии в отношении России и должны будут до конца и всеми силами поддерживать заключенное соглашение. Это будет их долгом перед европейскими державами, которые дважды спасали их. Если я сумею наладить это в начале февраля, их визит к вам завершит дело.

Русские вполне благосклонно относятся к тому, чтобы Бенеш получил старую, домюнхенскую границу с незначительными изменениями по военным соображениям вдоль северных вершин гор и небольшую территорию на востоке, соединяющую их с Россией».

Поскольку тогда я видел президента Бенеша в последний раз, я хочу здесь воздать ему должное. Все его помыслы и деятельность были обращены на защиту и утверждение основных принципов, лежащих в основе западной цивилизации, и он всегда был верен делу своей родины, которую он возглавлял в течение двадцати лет. Он был мастером искусства управления и дипломатии. Он умел терпеливо и стойко переносить долгие периоды неблагоприятности судьбы. Его ошибкой, которая дорого обошлась ему и его стране, было то, что в решающий момент он не принял энергичных решений. Он был чересчур опытным дипломатом, чересчур хитрым политиком, чтобы осознать все значение момента и поставить все на одну карту — победы или смерти. Если бы во времена Мюнхена он приказал своим пушкам открыть огонь, Вторая мировая война началась бы в условиях, гораздо менее благоприятных для Гитлера, которому нужно было много месяцев для создания своей армии и танков.

Другой вопрос, возникший в связи с Тегераном, вызвал значительные трудности. Как мы уже знаем, Сталин просил часть итальянского флота, и у президента создалось впечатление, что он сам упомянул в разговоре об одной трети. Английским начальникам штабов это не нравилось; в своих переговорах с русскими коллегами они исходили из иной основы. Президента беспокоило его личное замечание насчет «одной трети», и он откровенно изложил мне создавшееся положение.

Президент Рузвельт — премьер-министру

9 января 1944 года

«Как я говорил Вам, Гарриман запросил информацию относительно действий, которые мы предпринимаем, чтобы вы-

полнить свои обязательства по передаче Советскому Союзу к 1 февраля итальянских кораблей и судов, с тем чтобы он мог обсудить этот вопрос с Молотовым, если его спросят. Я сказал ему, что намерен выделить для советских военных усилий одну треть захваченных итальянских кораблей и начать их передачу с 1 февраля, как только мы будем иметь их в своем распоряжении.

Гарриман затем напомнил мне, что требование Сталина в Тегеране было повторением советского требования, впервые предъявленного в Москве в октябре (а именно: один линкор, один крейсер, восемь эсминцев и четыре подводные лодки для Северной России и торговые суда общим водоизмещением 40 тысяч тонн для Черного моря) и что ни в Москве, ни в Тегеране не говорилось о том, что русские получают дополнительные корабли в количестве до одной трети всех захваченных. В соответствии с этим Гарриман не обсуждал с Молотовым вопрос об одной трети.

Гарриман также подчеркнул, какое огромное значение имеет выполнение нами обещания о передаче этих кораблей и судов. Невыполнение его нами и промедление с нашей стороны, по мнению Гарримана, лишь возбуждают у Сталина и его коллег подозрения относительно надежности других обязательств, взятых в Тегеране.

С другой стороны, начальники штабов выступают с множеством возражений против передачи, основанных на вероятном влиянии такого образа действий на предстоящие операции. Они опасаются отказа офицеров итальянского флота и других видов вооруженных сил от сотрудничества, затопления судов командами и диверсий на кораблях, которые представляют большую ценность и нужны нам для операций «Энвил» и «Оверлорд». Они не видят, какую материальную пользу это может дать в настоящий момент для военных усилий русских, поскольку военные корабли в их нынешнем состоянии совершенно не годятся для северных вод, а Черное море закрыто для торговых судов.

Весьма разумные положения измененного соглашения (которое заключил адмирал Кэннингхэм) дают Объединенным Нациям право распоряжаться любыми или всеми итальянскими судами так, как они сочтут нужным. Важно приобрести и сохранить доверие нашего союзника, и я считаю, что следует приложить все возможные усилия, чтобы прийти к решению передать Советскому Союзу итальянские суда, о которых он просит, и передача должна быть начата 1 февраля.

Не считаете ли Вы разумным рассказать Дяде Джо о возможном воздействии этого на операции «Оверлорд» и «Энвил», по оценке наших штабов, и предложить задержать выделение ему итальянских кораблей до того времени, когда операции

«Оверлорд» и «Энвил» уже начнутся? Я в особенности хочу знать Вашу точку зрения в связи с тем, что сейчас на Средиземноморском театре военных действий командуют англичане, а также для того, чтобы мы могли достичь полного согласия относительно мер, которые следует предпринять. Действовать по отдельности в этом вопросе, безусловно, непрактично, но, думаю, Вы согласитесь, что мы не должны отступать от того, что мы сказали Дяде Джо.

Это послание было не совсем ясно. Я согласился на передачу кораблей, упомянутых в нашем октябрьском соглашении, но не на более общее выражение «одна треть». Поэтому я ответил:

Премьер-министр — президенту Рузвельту

9 января 1944 года

«Я вполне согласен с Вами, что мы не должны нарушать обещание, данное Сталину в отношении кораблей. Я уже неделю переписываюсь с Антони¹ по этому вопросу и надеюсь представить Вам проект совместного нашего сообщения через день-два».

Я лично был вполне согласен с начальником штабов по обе стороны Атлантического океана. Я считал, что немедленная передача итальянских военных кораблей, которые столь решительно пробились к Мальте и отдали себя в наше распоряжение, могла бы иметь весьма отрицательное влияние на сотрудничество итальянцев с союзниками. На протяжении всего 1943 года моей целью было не только заставить Италию капитулировать, но и привлечь ее на нашу сторону со всеми вытекающими отсюда последствиями для хода войны и для будущего урегулирования в Европе. Поэтому я готов был оказать нажим на военный кабинет и на военно-морское министерство, чтобы они пошли на существенную жертву со стороны Англии и предоставили русским некоторое количество английских кораблей, но не разбивали сердца итальянцам в этот момент, который, как мне казалось, был чреват столь важными последствиями для будущего. Мы обменялись рядом телеграмм, и я был очень рад, обнаружив, какое согласие существовало в этом вопросе между моими коллегами на родине и начальниками штабов. Нельзя было ожидать, что Соединенные Штаты, на которых лежало все бремя войны на Тихом океане, внесут сколько-нибудь значительный вклад. С другой стороны, поскольку «Шарнхорст» покоился на дне морском, у

¹ Иден. — *Примеч. ред.*

нас в то время было в запасе много кораблей как на Средиземном море, так и в районе метрополии и в полярных водах. Как только я договорился со своими друзьями на родине, я направил президенту следующие предложения:

Премьер-министр — президенту Рузвельту

16 января 1944 года

«1. Я ясно помню, что в Тегеране ничего не говорилось насчет “одной трети”, но что было дано обещание удовлетворить требование русских, выдвинутое в Москве, о передаче им одного линкора, одного крейсера, восьми эсминцев, четырех подводных лодок и торговых судов общим водоизмещением 40 тысяч тонн.

2. С другой стороны, основные трудности, на которые указали начальники штабов, серьезные, и я считаю весьма вероятным, что, как только Сталин убедится в наших намерениях и в нашей добросовестности, он предоставит нам решить этот вопрос как можно глаже и быстрее.

3. Поэтому я предлагаю, чтобы мы совместно сообщили ему следующее:

а)...Объединенный англо-американский штаб считает, что для интересов всех трех наших стран было бы опасно производить сейчас какую-либо передачу или сказать что-либо о ней в настоящий момент итальянцам. Тем не менее, если после всестороннего рассмотрения Вы пожелаете, чтобы мы это сделали, мы обратимся в секретном порядке к Бадольо, чтобы договориться о необходимых мерах... в том плане, что отобранные итальянские корабли должны направиться в подходящий порт союзников, где их примут русские экипажи, которые поведут их в порты Северной России — единственные открытые сейчас порты, где может быть произведено необходимое переоснащение.

б) Мы, однако, полностью сознаем опасность этого образа действий и поэтому решили предложить следующую альтернативу.

Английский линкор «Ройал Соверин» недавно закончил переоснащение в США. Он оснащен радаром для всех видов вооружения. У Великобритании имеется также крейсер. Правительству его величества готово со своей стороны передать эти корабли в течение февраля в английских портах советским экипажам для отправки в порты Северной России. Затем Вы сможете произвести такие изменения, какие сочтете необходимыми применительно к условиям Арктики. Эти корабли будут временно переданы в займы Советскому правительству и будут действовать под советским флагом до тех пор, пока без ущерба для военных операций можно будет произвести необходимую передачу итальянских кораблей.

в) Если дела с турками примут благоприятный оборот и проливы будут открыты, корабли будут готовы действовать, если это будет желательно, в Черном море. Мы надеемся, что Вы весьма внимательно рассмотрите эту альтернативу, которая, на наш взгляд, во всех отношениях предпочтительнее первого предложения.

4. Если Вы сможете вместо нас выделить крейсер, Вы облегчите нашу задачу. Мы ничего не можем сделать в отношении восьми эсминцев, но, может быть, Вы сумеете дать их. В противном случае мы должны сказать, что у нас их наверняка не будет, пока не начнутся операции «Оверлорд» и «Энвил». Что касается торговых судов общим водоизмещением 40 тысяч тонн, то я думаю, что, учитывая размах Вашего строительства и значительное уменьшение потерь на море, Вы будете в состоянии предоставить их, но мы со своей стороны готовы участвовать в этом на половинных началах.

5. Я надеюсь, дорогой друг, Вы рассмотрите все эти возможности и дадите мне знать, что Вы думаете на этот счет. По-моему, это великодушное предложение произведет на Сталина хорошее впечатление. Во всяком случае, оно свидетельствует о нашей честности и доброй воле. Я сомневаюсь, чтобы, получив такое предложение, он стал настаивать на том, чтобы преждевременно поставить итальянский вопрос, и, таким образом, шаг, сделанный нами, принесет свои положительные результаты».

* * *

Президент принял это предложение. Американцы согласились предоставить крейсер, и весь вопрос в целом был изложен Сталину в основном в той форме, как я предложил. Это было сделано в совместной телеграмме за подписью президента и моей 23 января.

Сталин ответил:

Премьер Сталин — премьер-министру и президенту Рузвельту

29 января 1944 года

«Я получил 23 января оба Ваших совместных послания, подписанных Вами, г-н премьер-министр, и Вами, г-н президент, по вопросу о передаче в пользование Советского Союза итальянских судов.

Должен сказать, что после Вашего совместного положительного ответа в Тегеране на поставленный мною вопрос о передаче Советскому Союзу итальянских судов до конца января 1944 года я считал этот вопрос решенным и у меня не

возникло мысли о возможности какого-либо пересмотра этого принятого и согласованного между нами троими решения. Тем более что, как мы тогда уговорились, в течение декабря и января этот вопрос должен был быть полностью урегулирован и с итальянцами. Теперь я вижу, что это не так и что с итальянцами даже не говорилось ничего по этому поводу.

Чтобы не затягивать, однако, этого вопроса, имеющего столь важное значение для нашей общей борьбы против Германии, Советское правительство готово принять Ваше предложение о переправке из британских портов в СССР линейного корабля «Ройал Соверин» и одного крейсера и о временном использовании этих судов военно-морским командованием СССР до тех пор, пока не будут предоставлены Советскому Союзу соответствующие итальянские суда. Равным образом мы готовы будем принять от США и Англии суда торгового флота по 20 тысяч тонн, которые также будут использованы нами до тех пор, пока нам не будут переданы итальянские суда в таком же тоннаже. Важно, чтобы не было сейчас проволочки в этом деле и чтобы все указанные суда были бы переданы нам еще в течение февраля месяца.

В Вашем ответе, однако, ничего не говорится о передаче Советскому Союзу восьми итальянских эскадренных миноносцев и четырех подводных лодок, на передачу которых Советскому Союзу еще в конце января Вы, г-н премьер-министр, и Вы, г-н президент, дали согласие в Тегеране. Между тем для Советского Союза главным является именно этот вопрос, вопрос о миноносцах и подводных лодках, без которых не имеет значения передача 1 линкора и 1 крейсера. Сами понимаете, что крейсер и линкор бессильны без сопровождающих их миноносцев. Поскольку в Вашем распоряжении находится весь военно-морской флот Италии, выполнение принятого в Тегеране решения о передаче в пользование Советскому Союзу 8 миноносцев и 4 подводных лодок из этого флота не должно представлять затруднений. Я согласен и с тем, чтобы вместо итальянских миноносцев и подводных лодок Советскому Союзу было передано в наше пользование такое же количество американских или английских миноносцев и подводных лодок. При этом вопрос о передаче миноносцев и подводных лодок не может быть отложен, а должен быть решен одновременно с передачей линкора и крейсера, как это было между нами тремя условлено в Тегеране».

В конце концов вопрос был улажен так, как я надеялся, хотя по этому поводу с нашим советским союзником пришлось вести довольно большую переписку не совсем приятного характера. «Ройал Соверин» и американский крейсер были переданы, как предполагалось. Решение вопроса об эсминцах

неизбежно задержалось до завершения операции «Оверлорд». Адмиралтейство подсластило пиллюлю, предоставив России займы четыре наши современные подводные лодки. Как известно, Советы после войны честно вернули корабли, и были приняты меры к передаче кораблей из состава итальянского флота в форме, приемлемой для всех заинтересованных сторон.

Глава девятая

МАРШАЛ ТИТО И ЮГОСЛАВИЯ

Читатель должен вернуться теперь к рассказу о мрачных и грозных событиях, который на время заслонила основная нить повествования. С момента вторжения и завоевания Югославии гитлеровцами в апреле 1941 года эта страна стала ареной страшных событий. Смелый юноша-король нашел убежище в Англии вместе с теми министрами принца Павла¹ и другими лицами, которые не пожелали подчиниться немцам. В горах снова разгоралась свирепая партизанская война, какую сербы веками вели против турок. Генерал Михайлович одним из первых начал эту борьбу и скоро стал самым видным деятелем партизанского движения, а вокруг него сплотились уцелевшие представители югославской элиты. В вихре международных событий их борьба почти совсем не обращала на себя внимания. Михайловичу, как партизанскому вождю, очень мешало то, что многие из его сторонников были люди хорошо известные, имевшие родственников и друзей в Белграде, имущество и связи в разных местах. Немцы проводили политику кровавого шантажа. Они мстили за действия партизан, расстреливая в Белграде по 400—500 специально отобранных людей. Под давлением этого Михайлович постепенно занял такую позицию, что некоторые из его командиров договаривались с германскими и итальянскими войсками, что те оставят их в покое в тех или иных горных районах, они же в свою очередь почти ничего или вообще ничего не будут предпринимать против врага. Тот, кто остался непоколебим в подобных тяжелейших условиях, может клеймить Михайловича, однако история, более справедливая, не вычеркнет это имя из списка сербских патриотов. К осени 1941 года сопротивление сербов гер-

¹ Сын князя Арсена Карагеоргиевича — русского генерала и царского флигель-адъютанта, брата сербского короля Петра I. По завещанию короля Александра I, убитого в Марселе в 1934 г., был назначен регентский совет, который правил страной вместо малолетнего Петра II. Принц Павел был первым регентом. Принц Павел и его правительство проводили прогитлеровскую политику. 25 марта 1941 г. правительство Югославии присоединилось к пакту держав оси. Это вызвало народное возмущение. Правительство было свергнуто, и принц Павел бежал в Грецию. — *Примеч. ред.*

манскому террору стало чисто символическим. Национальная борьба могла продолжаться лишь благодаря врожденной доброте простого народа, а в ней недостатка не было.

Неистовая, ожесточенная война за существование, война против немцев пламенем разгорелась среди партизан. Среди них выдающуюся, а вскоре и доминирующую роль стал играть Тито. Тито, как он называл себя, был обученный в Советском Союзе коммунист, который, до того как Россия подверглась вторжению гитлеровцев и после нападения на Югославию, разжигал политические забастовки на далматинском побережье в соответствии с общей политикой Коминтерна. Но как только в его душе и мыслях коммунистическая доктрина слилась воедино со жгучей любовью к родной стране, переживавшей страшные муки, он стал вождем, и к нему примкнули люди, которым нечего было терять, кроме своей жизни, которые были готовы умереть, но умереть, уничтожая врага. Это поставило перед немцами проблему, которую нельзя было разрешить посредством массовых казней видных или состоятельных людей. Они оказались лицом к лицу с отчаянными людьми. Партизаны под командованием Тито вырывали оружие из рук немцев. Численность их быстро росла. Никакие самые кровавые репрессии против заложников или деревень не останавливали их. Для них речь шла о смерти или свободе. Вскоре они начали наносить тяжелый ущерб немцам и стали хозяевами обширных районов.

Движение партизан должно было неизбежно вступить в острейший конфликт с теми из их соотечественников, которые сопротивлялись кое-как или заключали сделки с общим врагом о неприкосновенности. Партизаны сознательно нарушали любые соглашения, которые заключали с врагом четники — так назывались сторонники генерала Михайловича. Тогда немцы стали расстреливать заложников из числа четников, а четники в отместку партизанам стали доставлять немцам сведения о партизанах. Все это происходило от случая к случаю и не поддавалось никакому контролю в этих диких гористых районах. Это была еще одна трагедия на фоне общей трагедии.

* * *

Насколько это было возможно, я, занятый другими делами, следил и за этими событиями. Если не считать ничтожного количества припасов, сброшенных с самолетов, мы ничем не могли помочь. Наш штаб на Среднем Востоке отвечал за все операции на этом театре военных действий и имел систему агентов и офицеров связи для поддержания контакта со сторонниками Михайловича. После того как летом 1943 года мы ворвались в Сицилию и Италию, мысль о Балканах, и осо-

бенно о Югославии, ни на минуту не покидала меня. До тех пор наши посланцы добирались лишь до отрядов под командованием Михайловича, который представлял официальное движение сопротивления немцам и югославское правительство, находившееся в Каире. В мае 1943 года мы предприняли новый ход. Было решено послать небольшие группы английских офицеров и военнослужащих сержантского состава для установления контакта с югославскими партизанами, несмотря на тот факт, что между ними и четниками шла ожесточенная борьба, и несмотря на то, что Тито вел войну как коммунист — не только против немецких захватчиков, но и против сербской монархии и Михайловича. В конце месяца капитан Дикин, преподаватель Оксфордского университета, который помогал мне в течение пяти лет перед войной в моей литературной работе, был переброшен из Каира и сброшен на парашюте, чтобы создать миссию при Тито. За этим последовали другие английские миссии, и к июню было собрано много данных. Комитет начальников штабов доложил 6 июня: «Из данных, имеющихся в военном министерстве, явствует, что четники безнадежно скомпрометировали себя своими связями с осью в Герцеговине и Черногории. Во время недавних боев в районе Черногории силы держав оси сдерживали организованные партизаны, а не четники».

К концу месяца мое внимание привлек вопрос о том, как достичь наилучших результатов с помощью местного сопротивления державам оси в Югославии. Затребовав полную информацию, я созвал под своим председательством 23 июня на Даунинг-стрит совещание начальников штабов. Во время обсуждения я подчеркнул, какое большое значение имеет оказание всемерной поддержки югославскому движению против держав оси, которые держали в этом районе около 33 дивизий. Этот вопрос имел такое значение, что я отдал распоряжение, чтобы то небольшое число дополнительных самолетов, которое было необходимо для увеличения нашей помощи, было выделено, если это нужно, за счет бомбардировок Германии и противолодочной войны.

7 июля, накануне нашей высадки в Сицилии, я обратил внимание генерала Александра на эти возможности.

Премьер-министр — генералу Александру

7 июля 1943 года

«Я полагаю, что Вы читали о недавних ожесточенных боях в Югославии и о широко распространенном саботаже и начале партизанской войны в Греции. Албания также должна быть благодатной почвой. Все это образовалось без всякой поддержки со стороны Великобритании, если не считать нескольких

посылок, сброшенных на парашютах. Если мы сможем захватить вход в Адриатику, чтобы иметь возможность посылать хотя бы небольшое число судов в порты Далмации или Греции, пламя пожара может охватить все Западные Балканы, и это поведет к далеко идущим последствиям. Все это, однако, еще дело будущего».

Две недели спустя я изложил свои мысли о том, как следует поддерживать необходимую связь между Балканским и Итальянским театрами военных действий, в следующей важной телеграмме:

Премьер-министр — генералу Александеру

22 июля 1943 года

«Я вместе с представителями комитета начальников штабов отправляюсь на встречу с президентом, которая состоится до 15 августа в Канаде. Таким образом, мы все будем на месте в момент, когда Сицилия, возможно, будет очищена...

Я посылаю Вам с офицером полный отчет, который я подготовил, о чудесном сопротивлении, оказываемом так называемыми партизанами — сторонниками Тито в Боснии, и об энергичных хладнокровных маневрах Михайловича в Сербии. Кроме того, существует партизанское движение сопротивления в Албании, а в последнее время и в Греции. Немцы не только перебрасывают на Балканский полуостров новые дивизии, но и постоянно улучшают качество и подвижность этих дивизий и поддерживают местных итальянцев. Противник не может обойтись без этих сил, и, если Италия рухнет, немцы не смогут нести сами все бремя. Действуя в направлении Балкан, можно добиться очень многого.

Ничто по своему значению не может сравниться с захватом Рима, а, захватив Рим, мы позже получим возможность полностью использовать все преимущества, которые даст освобождение Балкан... Падение Италии, его влияние на других сателлитов Германии и, как следствие этого, полное одиночество Германии могут дать решающие результаты в Европе, особенно если учесть, какую огромную мощь обнаружили русские армии.

Я посылаю эту телеграмму, чтобы полностью ознакомить Вас с моей точкой зрения, которая, я полагаю, целиком совпадает с точкой зрения комитета начальников штабов».

* * *

Перед отъездом в Квебек я решил расчистить путь для дальнейших действий на Балканах, назначив старшего офице-

ра для руководства более крупной миссией связи с партизанами на месте. Этому офицеру было дано право представлять непосредственно мне свои рекомендации насчет наших дальнейших действий в отношении этих партизан.

Премьер-министр — министру иностранных дел

28 июля 1943 года

«Член парламента Фицрой Маклин — человек смелый, обладающий парламентским статусом и опытом работы в министерстве иностранных дел. Он поедет в Югославию и будет работать с Тито. Мы посылаем его в звании бригадира. Помоему, мы должны остановиться на кандидатуре Маклина и поставить его во главе любой миссии, которую сейчас предполагается создать, дав в помощь ему хорошего штабного офицера. Мы хотим иметь смелого посла-руководителя при этих отважных и преследуемых партизанах».

Эта миссия была сброшена с парашютами в Югославии в сентябре 1943 года и обнаружила, что положение революционизировалось. Известие о капитуляции Италии дошло до Югославии лишь через официальные радиопередачи. Но, несмотря на полное отсутствие какого-либо предупреждения с нашей стороны, Тито предпринял быстрые и плодотворные действия. В течение нескольких недель шесть итальянских дивизий были разоружены партизанами, а две другие перешли на их сторону, чтобы вместе с ними сражаться против немцев. Получив итальянское снаряжение, югославы смогли вооружить еще 80 тысяч человек и оккупировать на время большую часть побережья Адриатического моря. Таким образом, возникла перспектива укрепления нашего общего положения в Адриатическом море по отношению к Итальянскому фронту. Югославская партизанская армия, насчитывавшая к тому времени 200 тысяч человек, хотя и сохраняла в основном свой партизанский характер, вела теперь широкие действия против немцев, которые с возраставшей яростью продолжали свои жестокие репрессии.

Одним из результатов этой активизации действий в Югославии было обострение конфликта между Тито и Михайловичем. Растущая военная мощь Тито ставила во все более острой форме вопрос о дальнейшем положении югославской монархии и эмигрантского правительства. До самого конца войны в Лондоне и в Югославии прилагались искренние усилия с целью достичь рабочего компромисса между обеими сторонами. Я надеялся, что русские сыграют в этом отношении роль посредника. Когда в октябре 1943 года Иден приехал в Москву, вопрос о Югославии был поставлен на повестку дня конфе-

ренции. На заседании 23 октября он сделал откровенное и честное заявление о нашей позиции в надежде добиться выработки общей политики союзников в отношении Югославии; но русские не проявили желания ни делиться информацией, ни обсуждать план действий.

Даже по истечении многих недель я не видел перспективы достижения какого бы то ни было рабочего соглашения между враждующими группировками в Югославии.

В конце ноября Тито созвал политический конгресс своего движения в Яйце, в Боснии, и не только создал временное правительство, «которому принадлежит исключительное право представлять югославскую нацию», но также официально лишил королевское югославское правительство, находившееся в Каире, всех его прав. Королю было запрещено возвращаться в страну до ее освобождения. Партизаны, вне всякого сомнения, заняли положение ведущего элемента сопротивления в Югославии, особенно со времени капитуляции Италии. Но было важно, чтобы в атмосфере оккупации, гражданской войны и эмигрантской политики не было принято никаких непоправимых политических решений по поводу будущего Югославии. Трагическая фигура Михайловича стала главным препятствием. Нам приходилось поддерживать тесную военную связь с партизанами, и поэтому требовалось убедить короля сместить Михайловича с его поста военного министра. В начале декабря мы перестали официально поддерживать Михайловича и отозвали английские миссии, действовавшие на контролируемой им территории.

* * *

Югославские дела рассматривались на Тегеранской конференции именно на этом фоне. Хотя три союзные державы решили оказать партизанам максимальную поддержку, Сталин заявил, что роль Югославии в войне является маловажной, и русские даже оспаривали наши данные относительно числа дивизий держав оси на Балканах. Однако в результате инициативы Идена Советское правительство согласилось послать к Тито русскую миссию. Оно также пожелало сохранять контакт с Михайловичем.

По возвращении из Тегерана в Каир я повидался с королем Петром и рассказал ему о силе и значении партизанского движения, сказав, что ему, возможно, придется вывести Михайловича из своего кабинета. Единственная надежда короля на возвращение в Югославию заключалась бы в достижении при нашем посредничестве какой-то временной договоренности с Тито — без всяких проволочек и прежде, чем партизаны расширят свою власть в стране. Русские также заявили о своей

готовности добиваться какого-то компромисса. 21 декабря советский посол вручил Идену следующее послание¹.

«Советское правительство знает, что в настоящее время существуют весьма напряженные отношения между маршалом Тито и Национальным комитетом освобождения Югославии, с одной стороны, и королем Петром и его правительством — с другой. Взаимные нападки и резкие обвинения с обеих сторон, особенно за последнее время, привели к открытым военным действиям, которые вредят делу борьбы за освобождение Югославии. Советское правительство разделяет точку зрения английского правительства, что в интересах борьбы югославского народа против немецких захватчиков необходимо приложить усилия, чтобы найти основу для сотрудничества между обеими сторонами. Советское правительство видит, какие большие трудности стоят на пути осуществления этой задачи, но оно готово сделать все возможное, чтобы найти компромисс между двумя сторонами с целью объединить все силы югославского народа в интересах общей борьбы союзников».

Я получил почти единодушный совет насчет того, какого курса действий следует держаться в этом неприятном положении. Офицеры, служившие при Тито, и руководители миссий при Михайловиче нарисовали одинаковую картину. Английский посол при королевском югославском правительстве Стивенсон также поддерживал эту точку зрения. Он телеграфировал 25 декабря министерству иностранных дел:

«Наша политика должна основываться на трех новых факторах.

Партизаны будут правителями Югославии. Они так важны для нас в военном отношении, что мы должны оказывать им полную поддержку, подчиняя политические соображения военным. Крайне сомнительно, сможем ли мы впредь рассматривать монархию как объединяющий элемент в Югославии».

Этот кризис в югославских делах давил на меня в то время, когда я лежал больной в Маракеше. Маклин, который был со мной в Каире, должен был теперь вернуться в Югославию. Он очень хотел, чтобы мой сын был с ним, и было решено, что Рандольф присоединится к миссии, спустившись на парашюте.

¹ Дается в переводе с английского. — *Примеч. ред.*

Премьер-министр — министру иностранных дел

29 декабря 1943 года

«Рандольф, который ждет сейчас, чтобы его сбросили в Югославии, оставил для меня следующую записку, датированную 25-м текущего месяца. Она кажется мне разумной и представляет в значительной мере Вашу и мою точку зрения. Несомненно, требуются две вещи: 1) Немедленный отказ правительства его величества от поддержки Михайловича, и по возможности это должен сделать король Петр. 2) Немедленное возвращение Маклина в штаб Тито, чтобы попытаться: а) добиться максимальных военных выгод из создавшегося положения и б) изучить, каких преимуществ можно добиться для короля в новой ситуации, которая создастся после отставки Михайловича».

Я высказал свои собственные взгляды и включил проект ответа Тито.

Премьер-министр — министру иностранных дел

30 декабря 1943 года

«Нет никакой возможности добиться сейчас, чтобы Тито признал короля Петра в обмен на отказ от Михайловича. Как только Михайловича не будет, шансы короля значительно увеличатся, и мы сможем отстаивать его дело в штабе Тито. Я считал, что в Каире мы все были согласны в том, чтобы посоветовать Петру уволить Михайловича до конца года. Все сказанное Дикином и Маклином и все полученные сообщения показывают, что он активно сотрудничает с немцами. Мы никогда не сведем эти стороны, пока не только мы, но и король не отмежуются от него.

Пожалуйста, дайте мне знать, должен ли я отправить нижеследующее послание, или же я должен послать лишь дружеское выражение признательности¹. В последнем случае я опасюсь, что мы упустим благоприятную возможность для установления личных отношений между мной и этим человеком, имеющим для нас большое значение.

Я не хочу, чтобы это частное послание путешествовало между Соединенными Штатами и Сталиным, что к тому же приведет к задержке. Если только вы не возражаете, я намерен послать это в виде письма воздушной почтой в Бари Маклину, который доставит его по назначению. Он и Рандольф будут сброшены через несколько дней. Дайте мне также знать, в какой форме вы откажетесь от Михайловича, и

¹ За поздравление, полученное от Тито в связи с выздоровлением Черчилля. — *Примеч. ред.*

попросите короля сделать это. На мой взгляд, это единственный шанс Петра».

Министр иностранных дел согласился, и я написал Тито, который прислал мне поздравление по случаю моего выздоровления.

Африка, 8 января 1944 года

«Очень благодарен Вам за любезное письмо по поводу моего здоровья от Вас лично и от героической патриотической партизанской Югославии.

...Перед нами стоит одна общая высшая цель, а именно — очистить землю Европы от грязного нацистско-фашистского пятна. Вы можете быть уверены, что у нас, англичан, нет никакого желания диктовать будущий образ правления Югославии. В то же время мы надеемся, что все сплотятся как можно теснее для разгрома общего врага, а потом решат вопрос о форме правления в соответствии с волей народа.

Я решил, что английское правительство не будет оказывать дальнейшей военной поддержки Михайловичу и будет помогать только Вам, и мы будем рады, если королевское югославское правительство устранил его из своих органов. Король Петр II, однако, мальчиком вырвался из предательских когтей регента принца Павла и прибыл к нам как представитель Югославии и как юный принц в беде. Со стороны Великобритании было бы не по-рыцарски и нечестно отступить от него. Не можем мы требовать от него и того, чтобы он порвал все связи со своей страной. Я надеюсь поэтому, Вы поймете, что мы во всяком случае сохраним официальные отношения с ним, оказывая Вам в то же время всю возможную военную помощь. Я надеюсь также, что полемика прекратится и с той, и с другой стороны, так как она только помогает немцам. Вы можете быть уверены, что я буду действовать в самом тесном контакте с моими друзьями маршалом Сталиным и президентом Рузвельтом. И я искренне надеюсь, что военная миссия, которую Советское правительство посылает в Ваш штаб, будет действовать в такой же гармонии с англо-американской миссией под командованием бригадира Маклина. Пожалуйста, переписывайтесь со мной через бригадира Маклина и сообщите мне, чем, по-Вашему, я могу помочь, ибо я, конечно, сделаю все, что только смогу.

Я горячо надеюсь на то, что конец Ваших страданий недалек и скоро вся Европа будет освобождена от тирании...»

Прошел почти месяц, прежде чем 3 февраля 1944 года я получил ответ.

Маршал Тито — премьер-министру

«Ваше превосходительство!

1. Ваше послание, доставленное бригадиром Маклином, служит ценным доказательством того, что наш народ имеет в своей сверхчеловеческой борьбе за свободу и независимость верного друга и союзника, который глубоко понимает наши нужды и наши чаяния. Для меня лично Ваше послание особенно лестно, ибо оно говорит о том, что Вы высоко цените нашу борьбу и усилия Народно-освободительной армии. Помощь, оказанная нашими союзниками, весьма помогает нам на поле боя. Мы надеемся также получить с Вашей помощью тяжелое вооружение (танки и самолеты), которые необходимы нам на данном этапе войны и ввиду нынешней мощи Народно-освободительной армии.

2. Я вполне понимаю Ваши обязательства по отношению к королю Петру II и его правительству, и я постараюсь, насколько это позволяют интересы нашего народа, избежать ненужной политики и не причинять неудобства нашим союзникам в этом вопросе. Я заверяю Вас, однако, Ваше превосходительство, что внутривполитическое положение, создавшееся в этой тяжелой борьбе за освобождение, это не только средство для осуществления домогательств отдельных лиц или какой-то политической группы, но и результат непреодолимого стремления всех патриотов, всех тех, кто борется и давно связан с этой борьбой, а они составляют огромное большинство народов Югославии. Поэтому народ поставил (перед собой) трудные задачи, и мы обязаны выполнить их.

3. В настоящий момент все наши усилия обращены в одном направлении, а именно: 1) сплотить все патриотические и честные элементы с тем, чтобы сделать нашу борьбу против захватчиков как можно более эффективной; 2) создать союз и братство югославских народов, которые не существовали до войны и отсутствие которых вызвало катастрофу в нашей стране; 3) установить условия для создания государства, в котором бы все народы Югославии чувствовали себя счастливыми, а таким государством является подлинно демократическая Югославия, федеративная Югославия. Я убежден, что Вы понимаете нас и что эти устремления нашего народа найдут с Вашей стороны ценную поддержку.

Искренне Ваш
Тито,
Маршал Югославии».

Я немедленно ответил:

Премьер-министр — маршалу Тито, Югославия

5 февраля 1944 года

«Я очень рад, что мое письмо благополучно дошло до Вас, и я с удовольствием получил Ваше послание. Я буду очень обязан Вам, если Вы дадите мне знать, откроет ли увольнение королем Михайловича путь к установлению дружественных отношений с Вами и вашим движением и к тому, чтобы позже он присоединился к Вам там, на месте, при этом предполагается, что вопрос о будущем монархии будет отложен до полного освобождения Югославии. Нет никакого сомнения, что рабочее соглашение между Вами и королем консолидировало бы многие силы, особенно сербские элементы, которые сейчас держатся отчужденно, что все это придало бы Вашему правительству и движению дополнительный авторитет и дало бы им обильные ресурсы. Тогда Югославия могла бы говорить единым голосом в советах союзников во время этого переходного периода, когда столь многое еще не определилось. Я очень надеюсь, что Вы сочтете возможным дать мне ответ, который, как Вы можете видеть, я хочу получить...

Я просил верховного главнокомандующего вооруженными силами союзников в Средиземноморском районе немедленно создать комбинированные диверсионно-десантные силы, поддерживаемые авиацией и флотилиями, чтобы с Вашей помощью нападать на гарнизоны, оставленные немцами на захваченных ими вдоль побережья Далмации островах. Ничто не мешает истребить эти гарнизоны с помощью сил, которыми мы вскоре будем располагать. Во-вторых, мы должны постараться организовать прямую линию связи с Вами с моря, даже если нам придется время от времени передвигать ее. Только таким образом мы сможем снабжать Вас танками, противотанковыми орудиями и другим тяжелым вооружением, а также необходимыми припасами в количествах, которых требуют Ваши армии».

Маршал Тито — премьер-министру

9 февраля 1944 года

«Я был обязан проконсультироваться с членами Национального комитета освобождения Югославии и с членами Антифашистского вече народного освобождения по вопросам, поднятым в Ваших посланиях. Рассмотрение этих вопросов привело к следующим выводам:

1) Антифашистское вече народного освобождения Югославии, как Вы знаете, подтвердило на своей второй сессии 29 ноября 1943 года, что оно твердо стоит за союз югославских народов. Однако покуда имеются два правительства, одно в

Югославии и другое в Каире, не может быть полного союза. Поэтому правительство в Каире необходимо ликвидировать, а вместе с ним устранить и Драже Михайловича. Это правительство должно отчитаться перед правительством АВНОЮ за разбазаривание колоссальных сумм народных денег.

2) Национальный комитет освобождения Югославии должен быть признан союзниками как единственное правительство Югославии, и король Петр II должен в подкрепление этого подчиняться законам АВНОЮ.

3) Если король Петр примет все эти условия, Антифашистское вече народного освобождения не откажется сотрудничать с ним при том условии, что вопрос о монархии в Югославии будет решен после освобождения Югославии на основании свободно выраженной воли народа.

4) Король Петр II должен опубликовать декларацию о том, что он думает только об интересах отечества, которое он желает видеть свободным и организованным, так, как это решит по своей свободной воле сам народ после окончания войны, а до тех пор он будет делать все, что в его силах, чтобы поддерживать народы Югославии в их тяжелой борьбе...»

Премьер-министр — маршалу Тито

25 февраля 1944 года

«Я вполне понимаю стоящие перед Вами трудности, и я приветствую мужество, с каким Вы подходите к ним.

Я обратился к королю Петру с предложением вернуться в Лондон, чтобы обсудить со мной эти вопросы. Я надеюсь поэтому, что, поразмыслив, Вы будете готовы изменить Ваши требования и, таким образом, дать нам обоим возможность трудиться над объединением Югославии в борьбе против общего врага».

* * *

Когда я получил возможность объяснить все это парламенту в феврале 1944 года, я рассказал ему следующее:

«Партизаны во главе с искусным руководством, организованные в отряды, были одновременно неуловимой и смертоносной силой. Не только хорваты и словены, но и большое число сербов примкнуло к маршалу Тито, и сейчас у него более четверти миллиона человек и большое количество вооружения, отнятого у врага или у итальянцев, и эти люди организованы в значительное число дивизий и корпусов.

Все движение приняло определенную форму, не утратив своих партизанских качеств, без которых оно, возможно, не могло бы иметь успеха. Вокруг и внутри этих героических сил

развивается национальное объединяющее движение. Коммунистическим элементам принадлежит честь зачинателей, но по мере того как это движение росло численно и крепло, произошел изменяющий и сплачивающий процесс и возобладали национальные концепции. В лице маршала Тито партизаны нашли выдающегося вождя, покрывшего себя славой в борьбе за свободу. К несчастью, — пожалуй, это было неизбежно, — эти новые силы пришли в столкновение с силами генерала Михайловича.

В течение длительного времени в прошлом я с особым интересом относился к движению маршала Тито, старался и стараюсь оказывать ему всю возможную помощь».

* * *

Еще два месяца в эмигрантских кругах в Лондоне продолжались политические распри из-за югославских дел. Каждый потерянный день уменьшал шансы на какое-то уравнивающее соглашение.

Премьер-министр — министру иностранных дел

1 апреля 1944 года

«Я считаю, что следует всемерно настаивать перед королем, чтобы он избавился от своих роковых советников, которые тянут его ко дну. Как Вам известно, я полагал, что это будет сделано до конца прошлого года. Я не знаю, чего можно достичь всеми этими проволочками... Я всегда считал, что король должен отмежеваться от Михайловича, что он должен принять отставку правительства Пурича¹ или сместить его и что не принесет никакого особого вреда, если на несколько недель он останется без правительства... Я согласен, что король Петр должен сделать соответствующее заявление. Боюсь, что пока мы не сможем добиться ничего большего... С тех пор как мы обсуждали эти вопросы в Каире, мы видели появление в штабе Тито многочисленной русской миссии, и не приходится сомневаться, что русские возьмут курс прямо на коммунистическую Югославию под управлением Тито.

Я надеюсь поэтому, что теперь Вы будете действовать с максимальной быстротой, составите королю хорошую декларацию, уговорите его уволить Пурича и компанию, отмежеваться от всякой связи с Михайловичем и создать временное правительство, которое не было бы неприятным для Тито».

¹ В то время — премьер-министр югославского эмигрантского правительства. В 1946 г. был заочно осужден югославским судом как военный преступник. — *Примеч. ред.*

17 мая 1944 года

«Сегодня утром по совету англичан король Петр II сместил правительство Пурича, в которое входил в качестве военного министра генерал Михайлович. Сейчас король собирается сформировать правительство или основать государственный совет во главе с баном¹ Хорватии (Иваном Шубашичем). Этот курс, конечно, горячо одобряется правительством его британского величества. Я бы очень сожалел, если бы Вы поспешили публично отмежеваться от происшедших изменений. В Европе предстоят важнейшие события. Битва за Италию развивается благоприятно для нас. Генерал Вильсон заверяет меня в своей решимости помогать Вам в максимальной степени. Я считаю поэтому, что имею право просить Вас воздержаться от каких-либо высказываний, могущих неблагоприятно отразиться на этом новом событии, по крайней мере на несколько недель, пока мы не обменяемся телеграммами на этот счет».

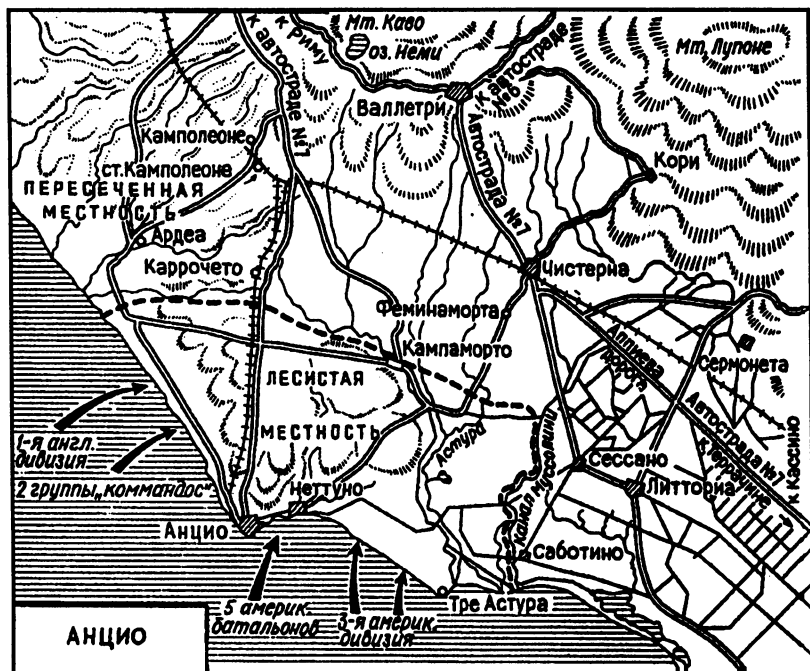
Здесь мы можем оставить эти события и перейти к освещению других, не менее значительных и бурных и в то же время более крупных по масштабам.

Глава десятая

УДАР В АНЦИО

Первые недели января прошли в усиленных приготовлениях к операции «Шингл» (кодовое название высадки в Анцио) и в подготовленных операциях 5-й армии, имевших целью отвлечь внимание и резервы противника от намеченного плацдарма на побережье. С этой целью армия предприняла ряд атак, которые, как надеялись, должны были дать ей возможность переправиться через реки Гарильяно и Рапидо, в то время как французский корпус обходным маневром справа должен был угрожать возвышенности севернее Кассино. Бои носили весьма ожесточенный характер, так как немцы явно намеревались помешать нам взломать линию Густава, которая с Кассино в качестве центрального опорного пункта была самой тыловой позицией их оборонительной зоны, тянувшейся на большую глубину. В этих скалистых горах была создана сильная система укреплений, в которой щедро использовались бетон и сталь. Со своих наблюдательных пунктов на высотах противник мог направлять артиллерийский огонь, чтобы вос-

¹ Губернатор. — *Примеч. ред.*

препятствовать каким бы то ни было передвижениям в долинах.

После предварительных атак в суровую зимнюю погоду 5-я армия начала 12 января свое главное наступление продвижением на 10 миль французского корпуса на северном фланге. Три дня спустя американский 2-й корпус занял Монте-Троккьо, последнюю преграду перед рекой Лири. Затем английский 10-й корпус форсировал реку Гарильяно в нижнем течении и захватил Минтурно и предместья Кастельфорте, но его дальнейшие попытки продвинуться на север не увенчались успехом. Правый его фланг также не смог взять Сан-Амброджо.

Все это, однако, произвело желаемый эффект. Наступление отвлекло внимание противника от приближавшейся угрозы его уязвимому морскому флангу и заставило подтянуть три хорошие дивизии из резерва, чтобы восстановить положение. Немцы атаковали английский 10-й корпус, но не смогли отбросить его назад. К полудню 21 января конвои, направлявшиеся в Анцио, уже были далеко в море под прикрытием авиации. Погода благоприятствовала незаметному подходу. Наши сильные налеты на вражеские аэродромы, в особенности на Перуджу — базу германских разведыватель-

ных самолетов, не позволили подняться с земли многим самолетам противника.

6-й корпус под командованием американского генерала Лукаса высадился на побережье Анцио в 2 часа утра 22 января, американская 3-я дивизия — южнее города, а английская 1-я — севернее него. Сопrotивление было очень незначительным, потерь почти не было. К полуночи 36 тысяч человек и более 3 тысяч машин были на берегу. «Мы, — сообщил Александер, который находился на месте действий, — по-видимому, добились почти полной внезапности».

Но затем наступила катастрофа, и самая главная цель предприятия не была достигнута. Генерал Лукас ограничился занятием своего плацдарма и подвозом на берег снаряжения и машин. Генерал Пенин, командовавший английской 1-й дивизией, стремился продвинуться вглубь. Однако его резервная бригада была оставлена при корпусе. 22 и 23 января ушли на слабые пробные атаки в направлении Чистерны и Камполеоне. Командующий экспедицией не предпринял решительной попытки продвинуться. К вечеру 23-го были высажены целиком обе дивизии и приданные им войска, включая два английских отряда «коммандос» и американские ударно-десантные группы. Оборона берегового плацдарма усиливалась, но возможность, ради которой было приложено так много усилий, была упущена.

Кессельринг быстро реагировал на создавшееся критическое положение. Основная масса его резервов уже была занята в боях против нас на фронте Кассино, но он стянул все имевшиеся у него в наличии части, и за 48 часов было собрано примерно две дивизии для того, чтобы помешать нашему дальнейшему продвижению. Угроза флангу не ослабила решимости Кессельринга противостоять нашим штурмам у Кассино.

25 января Александер сообщил, что плацдарм достаточно надежен.

Американская 3-я дивизия находилась в четырех милях от Чистерны, а английская 1-я дивизия — в двух милях от Камполеоне, и на всем протяжении фронта контакт был непрерывным. 27 января пришли серьезные известия. Ни тот, ни другой город не был взят. Гвардейская бригада отбила контратаку пехоты и танков и продвинулась вперед, но она все еще была в полутора милях от Камполеоне, а американцы все еще находились южнее Чистерны.

Тем временем наши атаки против немцев на участке Кассино продолжались. Английский 10-й корпус отвлек на свой участок фронта основную часть вражеских подкреплений, и было решено атаковать севернее от него, чтобы захватить возвышенность над Кассино и обойти позицию с этой стороны. Были достигнуты значительные успехи. Американский 2-й

корпус, имея справа от себя рядом французский корпус, форсировал реку Рапидо выше города Кассино и занял Монте-Кастеллоне и Колле-Майолу. Затем он нанес удар на юг, по Монастырскому холму, но немцы получили подкрепления и держались с фанатичным упорством. К началу февраля 2-й корпус выдохся. Генерал Александер решил, что для того, чтобы восстановить силу натиска, необходимы свежие войска. Он уже отдал приказ о сформировании новозеландского корпуса под командованием генерала Фрейберга в составе трех дивизий, переброшенных из 8-й армии.

Было ясно, что на обоих фронтах разыграются новые ожесточенные бои, и необходимо было найти дополнительные войска. В начале февраля на главный фронт должна была прибыть польская 3-я карпатская дивизия. Генерал Вильсон имел наготове в Северной Африке 18-ю пехотную и 1-ю гвардейскую бригады. К 30 января американская 1-я бронетанковая дивизия высадилась в Анцио, а американская 45-я дивизия находилась в пути. Их можно было высадить лишь на очень неудобном для высадки побережье или в маленьком рыбацком порту. «Сложившееся положение, — сообщил адмирал Джон Кэннингхэм, — мало напоминает молниеносный удар двумя или тремя дивизиями, который планировался в Маракеше, но вы можете быть уверены, что военно-морские силы сделают все возможное для того, чтобы обеспечить материальные условия победы».

В то время как бои в районе Кассино были в самом разгаре, 6-й корпус в Анцио предпринял 30 января первую атаку большими силами. Была захвачена некоторая территория, но американской 3-й дивизии не удалось занять Чистерну, а английская 1-я дивизия не смогла занять Камполеоне. На плацдарме было высажено уже более четырех дивизий. Но немцы, несмотря на действия нашей авиации против их коммуникаций, быстро перебросили крупные подкрепления. Нам противостояли части восьми дивизий, занявшие позиции, которые они к этому времени смогли укрепить. Александер доносил: «Скоро мы будем в состоянии осуществить должным образом координированный удар всеми силами, чтобы достигнуть нашей цели — перерезать главную неприятельскую линию снабжения; я отдал приказ подготовить соответствующие планы».

Прежде чем стало возможным осуществить приказ Александера, противник 3 февраля предпринял контратаку, которая уничтожила выступ английской 1-й дивизии, и стало ясно, что эта контратака является лишь прелюдией к более серьезным действиям. Говоря словами доклада генерала Вильсона, «плацдарм отрезан наглухо, и наши силы, находящиеся внутри него, не в состоянии двинуться вперед».

Я был сильно обеспокоен некоторыми моментами операции у Анцио.

*Премьер-министр — главнокомандующему
на Средиземном море*

8 февраля 1944 года

«Сообщите мне, какое число боевых и транспортных машин выгружено в Анцио за первую неделю и за две недели соответственно. Я был бы рад, если бы было возможно без излишних хлопот и задержки указать отдельно грузовики, пушки и танки».

Ответ пришел быстро и ошеломил меня. В первую неделю было выгружено 12 350 машин, включая 356 танков; за две недели — 21 940 машин, включая 380 танков. В целом это составляло 315 грузов танкодесантных барж. Интересно отметить, что, кроме 4 тысяч грузовиков, которые перевозились на судах туда и обратно, за две недели на плацдарме у Анцио было выгружено почти 18 тысяч машин для сил общей численностью 70 тысяч человек, включая, конечно, водителей и тех, кто обеспечивает обслуживание и ремонт машин.

10 февраля были получены дальнейшие сведения. Генерал Вильсон сообщал, что погода помешала нашим воздушным атакам. Английская 1-я дивизия подвергалась серьезному нажиму, ей пришлось отступить, и Александер принимал меры, чтобы сменить ее.

Все это вызвало большое разочарование в Англии и в Соединенных Штатах. Я, конечно, не знал, какие приказы были даны генералу Лукасу, но двигаться вперед и сражаться с противником — это основной принцип; между тем создавалось впечатление, что он с самого начала был против этого. Зрелище 18 тысяч машин, накопленных на берегу за две недели и предназначавшихся всего лишь для 70 тысяч человек, то есть одна машина меньше чем на четыре человека, включая водителей и обслуживающий персонал, хотя в то же время они продвинулись всего на 12 или 14 миль, было поразительным. Очевидно, мы были сильнее немцев по боевой мощи. Легкость, с какой они перебрасывали свои части на поле битвы, и быстрота, с какой они ликвидировали опасные бреши, которые создались у них на Южном фронте вследствие переброски ими части войск на другие участки, произвели самое внушительное впечатление. Все это, казалось, служило очень плохим предзнаменованием для «Оверлорда».

Генерал Александер — премьер-министру

11 февраля 1944 года

«Первая фаза операций, начало которых было таким многообещающим, сейчас только что закончилась благодаря тому,

что противник оказался способен быстро сосредоточить достаточные силы для стабилизации положения, которое для него было очень серьезным. Битва сейчас переходит во вторую фазу, и мы теперь должны любой ценой отразить его контратаки и затем, перегруппировав наши собственные силы, возобновить наступление, чтобы прорваться в глубь полуострова и перерезать неприятельские коммуникации, ведущие из Рима на юг. Это я твердо намереваюсь сделать».

* * *

Ожидавшаяся серьезная попытка сбросить нас в море у Анцио началась 16 февраля, когда противник ввел в действие более четырех дивизий, поддерживаемых 450 орудиями, и начал прямое наступление на юг от Камполеоне. Наступление началось в неудобный момент, когда американская 45-я и английская 56-я дивизии, переброшенные с фронта у Кассино, сменяли нашу доблестную 1-ю дивизию, которая вскоре снова оказалась втянутой в ожесточенное сражение. В расположении наших войск, которые были на этом участке отеснены к первоначальному плацдарму, был вбит глубокий и опасный клин. Артиллерийский огонь, с момента высадки сильно тревоживший всех наших людей на плацдарме, снова усилился. Все висело на волоске. Дальнейшее отступление было невозможно. Даже небольшое продвижение вперед позволило бы противнику использовать не только дальнобойные орудия против наших мест высадки и наших судов, но и дало бы ему возможность открыть настоящий заградительный огонь полевой артиллерии с целью срыва всех операций по погрузке и отправке. У меня не было никаких иллюзий относительно создавшегося положения. Речь шла о жизни или смерти.

Однако фортуна, до сих пор отворачивавшаяся от нас, наградила отчаянное мужество английских и американских армий. Еще не истек установленный Гитлером трехдневный срок, как немецкое наступление было остановлено. Затем их собственный выступ был контратакован с фланга и срезан огнем всей нашей артиллерии и бомбардировкой со всех самолетов, какие только мы могли поднять в воздух. Сражение было ожесточенным, обе стороны понесли тяжелые потери, но смертный бой нами был выигран.

* * *

22 февраля 1944 года я выступил в палате общин с общим отчетом о ходе войны. В этих рамках операция у Анцио была представлена в должной перспективе. Я рассказал о событиях с такой подробностью, с какой тогда было возможно.

«Это было, безусловно, нелегкое дело: перебросить такую значительную армию морем — 40 или 50 тысяч человек в первом броске — при всей неустойчивости зимней погоды и при всей неясности относительно силы неприятельской обороны. Сама эта операция была образцом совместных действий. Высадка, в сущности, не встретила сопротивления. Однако последующие события развивались не так, как мы надеялись или планировали. В результате мы высадили на берег большую армию, оснащенную массой артиллерии, танков и многими тысячами автомашин, и наши войска, двинувшись в глубь полуострова, вступили в соприкосновение с противником...

С широкой стратегической точки зрения решение Гитлера послать в Южную Италию 18 дивизий, насчитывающих вместе с обслуживающими войсками, вероятно, около полумиллиона, и создать в Италии большой вспомогательный фронт нельзя считать нежелательным для союзников. Мы где-то должны сражаться с немцами, если мы не хотим сидеть сложа руки и смотреть на русских. Изматывающая битва в Италии занимает войска, которые не могли бы быть использованы в других, более широких операциях».

* * *

Решительная операция наших армий в Италии, в частности высадка у Анцио, в полной мере внесла вклад в успех операции «Оверлорд». Позже мы увидим, какую роль она сыграла в освобождении Рима.

Глава одиннадцатая

ИТАЛИЯ: КАССИНО

Ожесточенность и смятение, царившие в Италии, усилились в новом году. Призрачная республика Муссолини испытывала все возрастающий нажим со стороны немцев. Интриги разъедали правящие круги, сплотившиеся вокруг Бадольо на юге Италии; в Англии и Соединенных Штатах общественное мнение относилось к ним с презрением. Муссолини начал действовать первым.

Прибыв после бегства в Мюнхен, он нашел там свою дочь Эдду и ее мужа графа Чиано. Они бежали из Рима в момент капитуляции, и, хотя Чиано голосовал против своего тестя на роковом заседании Большого совета, он надеялся, что влияние его жены поможет ему добиться примирения. В те дни в Мюнхене примирение действительно состоялось. Это вызвало возмущение Гитлера, который уже посадил семью Чиано по ее

прибытии под домашний арест. Нежелание дуче наказать изменников делу фашизма, и в особенности Чиано, было, пожалуй, главной причиной, почему у Гитлера сложилось в этот критический момент такое низкое мнение о его союзнике.

И только когда убывающая мощь «Республики Сало» почти совсем сошла на нет и нетерпение германских хозяев усилилось, Муссолини согласился дать ход волне рассчитанной мести. Все руководящие деятели старого фашистского режима, которые голосовали против него в июле и которых удалось захватить в оккупированной немцами Италии, предстали в конце 1943 года перед судом, собравшимся в средневековой крепости Вероны. Среди подсудимых был и Чиано. Всем им без исключения был вынесен смертный приговор. Несмотря на мольбы и угрозы Эдды, дуче не мог пойти на попятный. В январе 1944 года эта группа, включавшая не только Чиано, но также 78-летнего маршала де Боно, соратника Муссолини по походу на Рим, была предана казни — привязанных к стулу, их расстреливали в спину. Все они умерли мужественно.

* * *

На юге Бадольо доставляли все больше хлопот остатки оппозиции фашизму, уцелевшие с первых дней его существования; с прошлого лета они выросли в политические группировки. Они не только требовали создания более широкой администрации, в которой они могли бы принять участие, но пытались также уничтожить монархию, которая, по их утверждению, скомпрометировала себя тем, что так долго мирилась с правлением Муссолини. Деятельность этих групп встречала растущую поддержку общественности как в Америке, так и в Англии. В январе в Бари состоялся съезд шести итальянских партий и были вынесены резолюции в этом духе.

Поэтому я телеграфировал президенту:

Премьер-министр — президенту Рузвельту

13 февраля 1944 года

«Нынешний режим является законным правительством Италии, с которым мы заключили перемирие, вследствие чего итальянский флот перешел к нам и сейчас вместе с частью итальянской армии и авиации сражается на нашей стороне. Это итальянское правительство будет подчиняться нашим указаниям в гораздо большей степени, чем любое другое правительство, которое мы могли бы с большим трудом создать. С другой стороны, оно обладает большей властью над флотом, офицерами армии и т. д., чем могло бы иметь любое другое

правительство, созданное из жалких остатков политических партий, ни одна из которых не может говорить от имени кого бы то ни было, ибо не приобрела такого права ни на основе выборов, ни в силу давности. Новому итальянскому правительству придется приобретать авторитет у итальянского народа своим противодействием нам. Весьма вероятно, что оно попытается уклониться от выполнения условий перемирия. Что же касается передачи части итальянского флота России, то я не могу представить себе, что оно это сделает. Если же оно это сделает, то я не думаю, что его приказ будет иметь силу для итальянского флота. Поэтому надеюсь, что, когда наступит надлежащее время, мы проконсультируемся друг с другом».

Так как президент и я были единодушны в главном вопросе, то в своей речи 22 февраля в палате общин я коснулся политического положения в Италии:

«Битва в Италии будет трудной и затяжной. Я не уверен, что сейчас в Италии удалось бы сформировать другое правительство, которое могло бы рассчитывать на такое же повиновение со стороны итальянских вооруженных сил. Если мы добьемся успеха в развертывающейся в настоящий момент битве и вступим в Рим — а я верю, что так и будет, — мы получим возможность обсудить все политическое положение в Италии и сможем это сделать в гораздо более благоприятных условиях, чем сейчас. Именно в Риме можно легче всего создать итальянское правительство, имеющее более широкую базу. Будет ли сформированное таким образом правительство таким же полезным для союзников, как нынешнее, — мне неизвестно. Возможно, конечно, что это правительство постарается укрепить свои позиции в итальянском народе, противясь, насколько оно осмелится, требованиям, предъявляемым ему в интересах союзных армий. Поэтому я бы очень сожалел, если бы дезорганизующая перемена была произведена в такое время, когда битва в самом разгаре и идет с переменным успехом»

* * *

Вторая крупная атака на Кассино началась 15 февраля бомбардировкой монастыря. Высота, на которой стоял монастырь, господствует над слиянием рек Рапидо и Лири, и она была осью всей системы германской обороны. Монастырь господствовал над всем полем битвы, и естественно, что генерал Фрейберг, командовавший корпусом, который проводил эту операцию, хотел, чтобы, прежде чем бросить пехоту в атаку, монастырь подвергли ожесточенной бомбардировке с воздуха. Командующий армией генерал Марк Кларк неохотно запросил разрешения у генерала Александра, который дал такое раз-

решение, взяв на себя ответственность за него. Поэтому 15 февраля, после того как монахи были должным образом предупреждены, на монастырь было сброшено свыше 450 тонн бомб, и он сильно пострадал, хотя прочные внешние стены и ворота уцелели. Бомбардировка не дала хороших результатов. Немцы получили возможность с полным основанием использовать, как им угодно, развалины, и это обеспечило им даже еще лучшие возможности обороны, чем тогда, когда здание монастыря стояло нетронутым.

Пойти в атаку пришлось индийской 4-й дивизии, которая незадолго до этого сменила американцев на возвышенностях к северу от монастыря. Здесь она понесла тяжелые потери и была остановлена. Прямая атака на Кассино потерпела неудачу.

В начале марта плохая погода привела к тупику. Войска обеих сторон увязли в наполеоновской пятой стихии — грязи. Мы не смогли прорвать главный фронт у Кассино, а немцам не удалось сбросить нас в море у Анцио.

До прорыва фронта у Кассино нельзя было надеяться на выход с плацдарма у Анцио и на скорое соединение наших войск, находившихся в двух разных секторах. Поэтому в первую очередь требовалось по-настоящему укрепить плацдарм, сместить войска, подбросить подкрепления, накопить запасы так, чтобы можно было выдержать настоящую осаду и обеспечить операцию по прорыву, которую предполагалось осуществить в дальнейшем. Времени было мало, поскольку многие десантные суда должны были быть высвобождены к середине месяца для использования в операции «Оверлорд». До сего времени переброска этих судов откладывалась, и это было правильно, однако дольше задерживать их было нельзя. Военно-морские силы делали все возможное и добивались великолепных результатов. Раньше средний ежедневный объем выгруженных материалов составлял три тысячи тонн, за первые десять дней марта эта цифра более чем удвоилась. Я внимательно следил за ходом выгрузки.

12 марта я запросил: «Какова численность войск на плацдарме в настоящее время по спискам на довольствие? Какое количество транспортных средств выгружено там с начала операции? Какой запас продовольствия и боеприпасов там создан, на сколько дней, на чем основывается этот расчет?»

Генерал Александер ответил, что по спискам на довольствие на плацдарме числится 90 200 американских и 35 500 английских солдат. Выгружено около 25 тысяч танков, самоходных орудий и бронемашин, а также автотранспортных средств всех видов. Он сообщил все подробности о запасах продовольствия, боеприпасов и бензина. Запасы были невелики, но со дня на день росли.

В то время как шли битвы, о которых я говорил выше, вокруг Бадольо разгоралась политическая борьба. На Рузвельта напирала со всех сторон, настаивая, чтобы он поддержал серьезные перемены в итальянском правительстве. Он высказал мнение, что нам, пожалуй, следует уступить общественному нажиму.

Мысль о сделке с шестью итальянскими оппозиционными партиями приобретала поддержку в верховном штабе в Алжире, и генерал Вильсон телеграфировал в этом духе объединенному англо-американскому штабу в Вашингтоне и Лондоне. Он был вправе это сделать, так как состоял на службе у обеих стран. Тем не менее моя точка зрения осталась неизменной, и мои коллеги по военному кабинету, понимавшие, какой оборот может принять дальнейшее развитие событий в этом направлении, были согласны со мной.

В этот момент русские осложнили положение, направив в Италию без консультации с нами официального представителя при правительстве Бадольо.

Премьер-министр — президенту Рузвельту

14 марта 1944 года

«Русские объявили, что они направили посла, должным образом аккредитованного при нынешнем итальянском правительстве, с которым формально мы все еще находимся в состоянии войны. Не думаю, что было бы разумно без дальнейшего рассмотрения принять программу так называемых шести партий и потребовать немедленного отречения короля и назначения сеньора Кроче наместником королевства, однако я хочу проконсультроваться с военным кабинетом относительно того, что Вы справедливо называете «важным политическим решением». Мы находимся в состоянии войны с Италией с июня 1940 года, и Британская империя потеряла 232 тысячи человек, а также понесла потери в кораблях. Я уверен, что наша точка зрения в этом деле будет Вами учитываться. Нам нужно всемерно стараться действовать сообща. Прошу вспомнить, что я публично взял на себя обязательство и что о всяком разногласии наверняка станет известно».

Премьер-министр — президенту Рузвельту

15 марта 1944 года

«Сегодня утром я консультировался с военным кабинетом по поводу предложения о том, чтобы английское и американ-

ское правительства одобрили без дальнейших отлагательств программу шести партий. Военный кабинет просил меня заверить Вас, что он полностью согласен с Вами относительно создания в Италии правительства, опирающегося на более широкую базу, и что вопрос о будущей форме управления итальянским народом может быть решен только на основе самоопределения. Он также согласен с Вами в том, что следует с большим вниманием отнестись к выбору момента. Что касается этого, то кабинет считает несомненным, что было бы гораздо лучше не порывать с королем и Бадольо, пока мы не овладеем Римом... По мнению военного кабинета, шесть партий не могут считаться подлинными представителями итальянской демократии или итальянской нации и они не в состоянии в данный момент заменить нам существующее правительство, которое лояльно и действительно работало в наших интересах...

Наконец, кабинет просит меня подчеркнуть, как важно не обнаруживать расхождение во взглядах, могущее существовать между двумя нашими правительствами, в особенности имея в виду самостоятельную акцию России, вступившей в дипломатические отношения с правительством Бадольо без консультации с другими союзниками. Было бы весьма достойно сожаления, если бы по поводу соответствующих позиций наших правительств в парламенте и в печати разгорелись споры, учитывая к тому же, что, выждав несколько месяцев, все три правительства имели бы возможность предпринять согласованную акцию».

На данный момент с этим вопросом было покончено.

* * *

Хотя положение у Анцио уже больше не вызывало тревоги, итальянская кампания развертывалась очень медленными темпами. Мы надеялись, что к этому времени немцы уже будут отброшены к северу от Рима и что значительную часть наших армий можно будет высвободить для высадки сильного десанта на побережье Ривьеры в помощь основному вторжению через Ла-Манш. Решение о проведении этой операции, носившей название «Энвил», было принято в Тегеране. Вскоре вопросу об операции «Энвил» суждено было стать предметом споров между нами и нашими американскими союзниками. Однако до реальной постановки этого вопроса многое еще должно было быть сделано в ходе итальянской кампании. Ближайшей задачей была ликвидация тупика у Кассино. Подготовка к третьей битве за Кассино началась вскоре после февральской неудачи, однако плохая погода заставила отложить ее до 15 марта.

На этот раз главным объектом наступления был сам город Кассино. После ожесточенной бомбардировки, в ходе которой

было израсходовано около тысячи тонн бомб и 1200 тонн снарядов, наша пехота двинулась вперед. «Мне казалось невысказанным, — рассказывал Александр, — чтобы после восьми часов такой страшной бомбардировки хоть кто-нибудь мог остаться в живых». Тем не менее это было фактом. Наши атаки привели к захвату территории, но первоначальный успех не удалось закрепить, и мы были не в состоянии одолеть противника в этой кровопролитной безрезультатной схватке.

Я удивлялся, почему мы не предпринимаем фланговых атак, чтобы заставить противника уйти с позиций, которые, как мы уже дважды убедились в этом, были неприступны.

Премьер-министр — генералу Александру

20 марта 1944 года

«Я хочу, чтобы Вы мне объяснили, почему Вы упрямо бьетесь лбом об стену, сосредоточивая все свои усилия в направлении прохода у Кассино, Монастырского холма и т. д. — участка общим протяжением в две-три мили. Постарайтесь объяснить мне, почему нельзя осуществить фланговые движения».

Ответ Александра был ясным и убедительным. Объяснение обстановки словами, написанными в то время, представляет большую ценность для военного историка.

Генерал Александр — премьер-министру

20 марта 1944 года

«Отвечаю на Вашу телеграмму от 20 марта. Вдоль всего главного фронта от Адриатики до южного побережья только одна долина Лири, ведущая прямо к Риму, представляет местность, удобную для использования нашего превосходства в артиллерии и танках. Главное шоссе, известное под названием автострада номер 6, — это единственная дорога, помимо проселочных, ведущая из гор, где мы находимся, в долину Лири через реку Рапидо. Этот выход в долину блокирует господствующая над ним возвышенность Монте-Кассино, на которой расположен монастырь. Предпринимались неоднократные попытки обойти Монастырский холм с севера, но все эти атаки оказались безуспешными из-за глубоких оврагов, скалистых откосов и острых, как лезвие, обрывов, мешающих каким бы то ни было движениям, помимо передвижений сравнительно малочисленных отрядов пехоты, которые можно снабжать только с помощью носильщиков и до некоторой степени при помощи мулов там, где нам с большим трудом удалось проложить вьючные тропы...

Ущерб, причиненный бомбардировкой в Кассино шоссе-ным дорогам и движению по ним, был настолько велик, что использование танков или других боевых машин было сильно затруднено. Завтра я должен встретиться с Фрейбергом и командующими армиями, чтобы обсудить положение.

Мы реорганизуем свои позиции таким образом, чтобы сохранить за собой выгодные ключевые пункты, уже захваченные нами. По окончании перегруппировки мы осуществим план 8-й армии, а именно — вступим в долину Лири крупными силами. Осуществление этого плана предполагает атаку на более широком фронте и более значительными силами, чем смог получить Фрейберг для этой операции. Несколько позже, когда с гор сойдет снег, уровень воды в реках спадет, а почва станет тверже, будет возможно передвижение по местности, которая в настоящее время непроходима».

Битва среди развалин города Кассино продолжалась до 23 марта, причем обе стороны предпринимали ожесточенные атаки и контратаки. Однако мы создали надежный плацдарм у Кассино на другом берегу реки Рапидо, который наряду с большим выступом, созданным 10-м корпусом в январе на другом берегу нижнего течения Гарильяно, сыграл важную роль в последней, завершившейся успехом битве. Здесь и на плацдарме Анцио мы сковали в Центральной Италии всего около двадцати боеспособных германских дивизий. Многие из них в противном случае могли бы быть переброшены во Францию.

Прежде чем снова штурмовать линию Густава с какой-то надеждой на успех, нашим войскам надо было отдохнуть и произвести необходимую перегруппировку сил и средств. Основную часть 8-й армии пришлось перебросить с Адриатического побережья; для предстоящей битвы было необходимо сосредоточить две армии — английскую 8-ю армию на фронте у Кассино и американскую 5-ю армию в нижнем течении Гарильяно. Для этого генералу Александеру понадобилось почти два месяца.

Таким образом, на Средиземном море мы могли помочь штурму через Ла-Манш, назначенному на начало июня, только боевыми действиями южнее Рима. Американские начальники штабов по-прежнему пытались добиться вспомогательного десанта в Южной Франции, и несколько дней между нами шли большие споры о том, какого рода приказ отдать генералу Вильсону.

Здесь нужно рассказать об англо-американском споре, сначала по поводу операций «Оверлорд» и «Энвил», а затем о том, чему отдать предпочтение — операции «Энвил» или Итальянской кампании. Следует напомнить, что во время моей беседы с Монтгомери в Маракеше 31 декабря он сказал мне, что для первого броска через Ла-Манш ему нужно больше войск. 6 января я телеграфировал президенту, сообщив ему,

что, по мнению Беделла Смита и Монтгомери, было бы целесообразнее организовать гораздо более сильную и широкую операцию «Оверлорд», нежели расширять операцию «Энвил» за пределы, ориентировочно намеченные нами перед Тегеранской конференцией.

Это вызвало бурные споры на совещании, устроенном генералом Эйзенхауэром 21 января, вскоре по его прибытии в Англию. Сам Эйзенхауэр был твердо убежден в исключительной важности операции «Энвил» и считал, что было бы ошибкой ослаблять ее ради усиления операции «Оверлорд». Однако в результате этого совещания он послал объединенному англо-американскому штабу в Вашингтоне телеграмму, в которой говорилось: «Операции «Оверлорд» и «Энвил» нужно рассматривать как единое целое. При наличии достаточных ресурсов идеалом была бы операция «Оверлорд», осуществляемая силами пяти дивизий, и операция «Энвил» с участием трех дивизий. Однако, если сил для этого недостаточно, то я вынужден прийти к выводу, что нам следует решиться на операцию «Оверлорд» силами пяти дивизий и на операцию «Энвил» силами одной дивизии, причем последняя операция должна носить характер угрозы, пока слабость противника не оправдывает ее активизации».

По получении этой телеграммы английский комитет начальников штабов представил в Вашингтон изложение своей собственной точки зрения, которая сводилась к следующему: а) первый эшелон «Оверлорда» нужно увеличить до пяти дивизий, как бы это ни отразилось на операции «Энвил»; б) должны быть приложены все усилия для осуществления операции «Энвил», для обеспечения успеха этой операции должны быть брошены две или более дивизий; в) если эти дивизии нельзя будет перебросить, число десантных судов на Средиземном море должно быть сокращено до уровня, потребного для переброски одной дивизии.

Американский комитет начальников штабов не соглашался с этим. Он считал, что угроза не равноценна реальной операции, и настаивал на высадке двух дивизий. На этой телеграмме я написал: «По-видимому, переброске двух дивизий для операции «Энвил» отдается преимущество по сравнению с операцией «Оверлорд». Это прямо противоречит взглядам генералов Эйзенхауэра и Монтгомери».

* * *

4 февраля английский комитет начальников штабов, проконсультировавшись со мной, отправил своим американским коллегам пространную телеграмму, в которой подчеркивал, что важнейшей задачей является успех операции «Оверлорд»

и что правильное решение заключается в накоплении для операции «Оверлорд» сил, чтобы довести их до уровня, требуемого верховным главнокомандующим, и лишь после этого можно будет выделить для Средиземного моря все дополнительные ресурсы, какие только найдутся. Он выражал сомнение в разумности осуществления операции «Энвил» как таковой, учитывая ход событий в Италии, и указывал, что, когда в Тегеране план операции «Энвил» впервые встретил благосклонное отношение, мы ожидали, что немцы отступят на линию севернее Рима. Между тем сейчас представляется совершенно несомненным, что немцы намерены сопротивляться до последнего нашему продвижению в Италии. Комитет начальников штабов указал также, что расстояние между Южной Францией и побережьем Нормандии составляет почти 500 миль и что диверсию можно предпринять со стороны Италии или из других районов, а не только через долину Роны. Зона боевых действий при проведении операции «Энвил» фактически была бы слишком далека от зоны операции «Оверлорд», чтобы первая операция могла оказать помощь второй.

В ответ на эту телеграмму американский комитет начальников штабов предложил решить этот вопрос на совещании между генералом Эйзенхауэром, который должен был выступить в роли их представителя, и английским комитетом начальников штабов. Мы на это охотно согласились, но прошло несколько недель, прежде чем соглашение было достигнуто. Генерал Эйзенхауэр все еще не желал отказаться от операции «Энвил», но он начал сомневаться в возможности отозвания из Италии закаленных в боях дивизий. 21 марта было запрошено мнение генерала Вильсона. Он ответил, что категорически против отвода войск из Италии до занятия Рима, и рекомендовал отменить операцию «Энвил» с тем, чтобы мы высадились в Южной Франции лишь в том случае, если немецкая оборона начнет трещать.

Это решило дело. Английский комитет начальников штабов телеграфировал в Вашингтон, что, как выяснилось, операция «Энвил» не может быть осуществлена в намеченный срок, поскольку невозможно отозвать ни войска, участвующие в боях в Италии, ни десантные суда, занятые у плацдарма Анцио. Американский комитет начальников штабов согласился с этим мнением и решил, что генерал Вильсон должен готовиться к высадке в Южной Франции в июле, а также сдерживать и уничтожать в Италии как можно больше германских войск, если будет принято решение вести там бои до конца. Было сочтено, что в начале июня будет еще достаточно времени для решения вопроса о том, какой операции следует отдать предпочтение.

Политическая обстановка в Южной Италии снова обострилась. Был достигнут конституционный компромисс, в силу которого король должен был передать власть своему сыну, престолонаследнику Умберто, и последний должен был стать заместником королевства. Судьбу монархии должен будет решить плебисцит после окончательной победы. Королевский указ был подписан 12 апреля и должен был войти в силу в момент вступления союзников в Рим. К концу этого месяца Бадольо реорганизовал свое правительство, включив в него видных политических деятелей Юга, из которых самыми видными были Кроче и Сфорца.

* * *

В то время как наши армии готовились к атаке, генерал Вильсон использовал всю свою авиацию, чтобы помешать неприятельским действиям и нанести урон противнику, который, подобно нам, пользовался передышкой для реорганизации и пополнения своих сил в ожидании дальнейших битв. Мощная союзная авиация совершала налеты на неприятельские сухопутные коммуникации в надежде перерезать их и принудить германские войска к отходу вследствие нехватки снабжения. Эта операция, которую оптимистически назвали «Стрэнгл», имела целью блокировать три главные железнодорожные линии, идущие на юг из Северной Италии; главными объектами налетов были мосты, виадук и другие узкие места. Союзная авиация пыталась голодной блокадой заставить немцев уйти из Центральной Италии.

Эта попытка продолжалась более шести недель и причиняла немцам большой ущерб. Севернее Рима железнодорожное движение все время прерывалось, однако авиации не удалось добиться всего того, на что мы надеялись. Используя в максимальных масштабах свои каботажные суда, перебрасывая грузы на автомашинах и полностью используя часы темноты, противник ухитрялся держаться. Но он не мог создать достаточные запасы для затяжных и ожесточенных боев, и упорные битвы на суше в конце мая сильно ослабили его. Соединения наших армий и занятие ими Рима произошло быстрее, чем мы предсказывали. Германская авиация сильно пострадала при попытках защитить свои коммуникации. К началу мая она могла послать в бой едва 700 самолетов против нашей тысячи боевых машин.

Теперь мы можем покинуть Итальянский театр военных действий, где назревало так много событий, и перейти к главной операции — вторжению через Ла-Манш.

УСИЛЕНИЕ ВОЗДУШНОГО НАСТУПЛЕНИЯ

Бомбардировочная авиация играла все более и более важную роль во всех наших военных планах и в конечном счете внесла решающий вклад в дело победы. Здесь необходимо дать некоторый обзор ее действий.

Достаточное число таких самолетов, с помощью которых мы могли начать наносить тяжелые и неослабевающие удары, оказалось у нас только к 1943 году. В том же году бомбардировщики американского 8-го авиаобъединения включились в наше стратегическое воздушное наступление. Начиная с 1940 года я все время старался содействовать увеличению сил нашей бомбардировочной авиации. Этому мешали многочисленные трудности. Производство отставало от намеченных планов; другие театры военных действий и кампания против подводных лодок предъявляли суровые требования, а когда американцы включились в войну, то вначале выпускаемые ими самолеты использовались в основном, конечно, для удовлетворения их собственных нужд. Хотя число самолетов росло медленно, однако наши новые четырехмоторные самолеты поднимали гораздо больший бомбовый груз. В первые месяцы 1942 года средний бомбовый груз составлял 2800 фунтов на самолет; к концу того же года он равнялся 4400 фунтам, а в течение 1943 года возрос до 7500 фунтов.

В первый период войны как мы, так и немцы обнаружили, что в дневное время бомбардировщики даже в сомкнутом строю могут прорвать эффективную истребительную оборону лишь ценой тяжелых потерь. Как противнику, так и нам пришлось перейти к ночным налетам. Вначале мы были чрезмерно уверены в точности нашего бомбометания, и предпринятые зимой 1940/41 года попытки уничтожить германские нефтезаводы — важнейшие, но небольшие по размерам объекты — потерпели неудачу. Весной 1941 года бомбардировочной авиации пришлось включиться в битву за Атлантику, и наступление на Германию возобновилось только в июле. Теперь в качестве объектов выбирались промышленные города и железнодорожные центры Германии, в особенности Рур и Гамбург, Бремен, Ганновер, Франкфурт и Штутгарт. Однако наши средства и наши методы не были достаточно эффективными. Наши потери росли, и в зимние месяцы нам пришлось сократить свои усилия. В феврале 1942 года был введен в употребление пеленгатор «Джи», о котором уже говорилось; с его помощью мы могли сосредоточить наши главные усилия на Руре. Под энергичным руководством маршала авиации Гарриса были достигнуты замечательные результаты. В числе его операций можно назвать вызвавшие огромные пожары налеты на Любек и Росток, налет тысячи

бомбардировщиков на Кёльн (в мае) и дневной налет на завод в Аугсбурге, производивший дизельные двигатели для подводных лодок.

В августе была создана авиация наведения бомбардировщиков («пасфайндер форс») под командованием бригадира авиации Беннета. Радарные приборы играли все более важную роль в навигации и в нахождении объектов, и, бесспорно, было вполне целесообразно поручить дефицитную сложную аппаратуру специалистам, обязанностью которых было находить путь и указывать объекты другим самолетам.

Хотя таким образом постепенно была достигнута точность ночного бомбометания, которой так долго не удавалось добиться, воздушное наступление 1942 года не уменьшило военного производства в Германии и не отразилось на моральном состоянии гражданского населения. Силу германской экономики недооценивали. Из ресурсов оккупированных стран немцы широко черпали производственные мощности и рабочую силу, и германское военное производство, казалось, фактически возросло. Благодаря железной дисциплине, введенной Геббельсом, гражданское население держалось стойко и местные катастрофы не приобретали размеров общенационального бедствия. Однако германские руководители глубоко встревожились и были вынуждены перейти в воздухе к обороне. Германское самолетостроение стало уделять все больше внимания выпуску истребителей, а не бомбардировщиков. Это было началом поражения люфтваффе и поворотным моментом в нашей борьбе за господство в воздухе, которого мы добились в 1944 году и без которого мы не могли бы выиграть войну. По важности с этой психологической победой над умами Гитлера и его командующих авиацией мог сравниться только грозный третий воздушный фронт, с которым столкнулась Германия на Западе к выгоде русских и нашей кампании на Средиземном море.

Так мы дожили до 1943 года, когда американцы включились в бомбардировку территории Европы, находившейся под властью держав оси. Американцы держались других идей о методе бомбардировок. Если мы приняли технику ночных налетов и довели ее к тому времени до совершенства, то они были убеждены, что их тяжело вооруженные бомбардировщики «летающая крепость» могут сомкнутым строем проникнуть в глубь Германии днем без эскорта истребителей. Принятая в Касабланке директива командованиям английской и американской бомбардировочной авиации, базирующейся в Соединенном Королевстве (от 4 февраля 1943 года), сформулировала стоящую перед ними задачу следующим образом:

«Вашей первоочередной целью будет все большее разрушение и расстройство военной, промышленной и экономической системы Германии, подрыв морального состояния народа до

такой степени, чтобы его способность к вооруженному сопротивлению была серьезно ослаблена.

В рамках этой общей концепции вашими первоочередными объектами на данный момент являются следующие, в порядке их перечисления: а) германские верфи, строящие подводные лодки; б) германская самолетостроительная промышленность; в) транспорт; г) нефтезаводы; д) другие объекты военной промышленности противника».

Генерал Экер, командовавший американским 8-м авиаобъединением, имел в виду добиться уничтожения этих пяти групп объектов при помощи точного дневного бомбометания. Он не получил подкреплений, о которых просил, но совершил много доблестных и дорого обходившихся ему атак. Маршал авиации Гаррис, предпринимавший бомбардировки только по ночам, с марта по июль 1943 года концентрировал свое внимание главным образом на Руре, начав операции в ночь на 6 марта налетом на сильно обороняемый город Эссен. 8 самолетов «Москито», используя прибор для бомбометания вслепую — «ОБОЕ»¹, сбросили указатели цели, затем 22 тяжелых бомбардировщика сильнее осветили объект в порядке подготовки к мощному налету 392 самолетов. Впервые за всю войну Эссену были причинены тяжелые повреждения. По мере нарастания мощи и расширения действий бомбардировочной авиации Геббельс все больше отчаивался в исходе борьбы; в его дневниках можно найти горькие упреки по адресу люфтваффе за то, что они не смогли дать отпор английским бомбардировщикам. Шпеер, весьма одаренный германский министр военного производства, в своем обращении к гаулейтерам в июне 1943 года упоминал о серьезных потерях в добыче угля и железной руды и в производстве коленчатых валов и сообщал о решении в два раза усилить противовоздушную оборону Рура и мобилизовать 100 тысяч человек на ремонтно-восстановительные работы.

В то время как англичане наконец стали добиваться результатов в осуществлении задачи разрушения центров военного производства в Руре, американские «летающие крепости» встречали серьезное сопротивление германских истребителей, действовавших в дневное время. Генерал Экер вскоре понял, что, если он хочет успешно выполнить свой план, он должен сначала разгромить германскую авиацию. Учитывая весьма улучшившееся положение в области подводной войны, объединенный англо-американский штаб согласился изменить очередность объектов. В директиве; известной под названием «Пойнтблэнк», опубликованной 10 июня 1943 года, он изменил решение, принятое в

¹ Сокращенно от Observed bombing of enemy — радиолокационная установка для наведения бомбардировщика на цель. — *Примеч. ред.*

Касабланке, перенеся основной упор на действия против сил германской истребительной авиации и германской авиапромышленности.

В ночь на 25 июля начались весьма ожесточенные английские налеты на Гамбург. Гамбург находился вне радиуса действия «ОБОЕ», поэтому был широко использован прибор для бомбометания вслепую «H₂S», который находился на самом самолете и работа которого не зависела от радиосвязи с Англией. Этот прибор давал очертания главных особенностей местности на экране самолета, напоминавшем современный телеэкран. Картина получалась особенно четкой в тех случаях, когда суша перемежалась с водой, как это имеет место в районе гамбургских доков. Бомбардировочная авиация накапливала опыт использования «H₂S» с момента его применения впервые в январе, а для налета на Гамбург было впервые использовано еще одно средство, так называемое «Уиндоу», которое мы долго держали про запас. Как указывалось в предыдущем томе, это были просто полоски металлизированной бумаги, сбрасываемые с бомбардировщиков. Множество таких полосок, рассеянных в виде облака, настроенных на длину германской волны и весивших несколько фунтов, выглядели на экране неприятельского радара наподобие самолета, и, таким образом, вводя немцев в заблуждение, они сильно мешали им направлять свои ночные истребители на наши бомбардировщики и наводить на них зенитные орудия и прожекторы.

Четыре налета на Гамбург в период с 24 июля по 3 августа причинили больше разрушений, чем когда-либо причинялось такому крупному городу за такой короткий срок. Во время второго налета была создана настолько большая концентрация зажигательных бомб в сочетании с фугасными, что возник огненный смерч, со страшным воем пронесшийся через город; справиться с ним нельзя было никакими доступными для человека средствами. Многие немцы характеризовали воздушную битву за Гамбург как «страшную катастрофу». Сам Шпеер признал после войны, что если бы аналогичные налеты были совершены в быстрой последовательности на шесть других крупных городов Германии, то, по его подсчетам, это привело бы к краху военного производства. От этой судьбы Германию спасло в 1943 году отчасти то, что использование «H₂S» оказалось трудным даже при бомбометании по площадям в тех случаях, когда в пределах объекта не было больших водных пространств, отчасти же этому помешала энергичная оборона, организованная очень опытными летчиками ночной истребительной авиации Германии.

Наше третье крупное воздушное наступление в 1943 году имело своим объектом Берлин. Оно продолжалось с ноября 1943 по март 1944 года.

Тем временем американское 8-е авиаобъединение в своем наступлении против неприятельских сил истребительной авиации и самолетостроительной промышленности, проводившемся в соответствии с директивой «Пойнтблэнк», несло все возрастающие потери от германских дневных истребителей, которые встречали американцев во все большем количестве и все более успешно. Кульминационный момент был достигнут 14 октября 1943 года. Во время налета на шарикоподшипниковые заводы в Швейнфурте, имевшие жизненно важное значение для германской самолетостроительной промышленности, американцы потеряли 60 из 291 «летающей крепости». После этого было признано, что дневные бомбардировщики без эскорта не могут добиться превосходства в воздухе над Германией, и их наступление было приостановлено до тех пор, пока не будет налажено производство истребителей дальнего действия, которые могли бы обеспечить достаточное прикрытие.

Возникло нечто весьма близкое к спору по вопросу о том, должна ли английская бомбардировочная авиация атаковать Швейнфурт, действуя при этом своими собственными методами. В конце концов было решено, что налет должен быть совершен совместно силами американской и английской авиации — и днем, и после наступления темноты. Американское 8-е авиаобъединение, наконец-то получившее истребители дальнего радиуса действия, которых оно так долго ожидало, совершило днем 24 февраля 1944 года налет с участием 266 бомбардировщиков. В ту же ночь английская бомбардировочная авиация направила против Швейнфурта 734 самолета. Это было действительно комбинированное наступление, направленное против общей цели.

К несчастью, споры продолжались так долго, что эффективность этого гигантского налета оказалась в значительной степени сниженной. Шпеер, предупрежденный американским дневным налетом, совершенным четырьмя месяцами раньше, рассредоточил промышленные предприятия.

* * *

Затяжной и упорный спор специалистов по вопросу о том, какую тактику следует предпочесть — дневные или ночные бомбардировки, а также благородное соревнование соперников, каждый из которых, не страшась жертв и совершая поистине героические подвиги, стремился на практике подтвердить правильность своей точки зрения, достигли апогея после последнего налета на Берлин. В ночь на 31 марта 1944 года из 795 самолетов, отправленных командованием английской бомбардировочной авиации в налет на Нюрнберг, не вернулись 94 машины. Мы впервые потеряли столько за один налет, и это

вынудило командование бомбардировочной авиации пересмотреть свою тактику, прежде чем предпринимать дальнейшие ночные атаки в глубине Германии. Это было свидетельством того, какую мощь приобрела в силу необходимости противостоять нашему беспощадному наступлению ночная истребительная авиация противника, укрепленная лучшими экипажами, переброшенными с других важных фронтов. Но, принудив противника сосредоточить свои силы на обороне Германии, западные союзники получили полное превосходство в воздухе, нужное им ввиду приближавшегося вторжения через Ла-Манш.

* * *

Все это время американцы не отступали от мысли использовать свои бомбардировщики «летающая крепость» в дневных операциях, как только их удастся прикрыть истребителями, обладающими достаточно большим радиусом действия, чтобы обнаруживать и уничтожать неприятельские истребители в воздухе или атаковать их на аэродромах. После длительных проволочек эта важнейшая задача была решена. Вступили в строй «тандерболт», затем «лайтнинг», и, наконец, «мустанг»; это были дневные истребители, снабженные запасными бензобаками и имевшие радиус действия, который сначала составлял 475, а затем возрос до 850 миль. 23 февраля 1944 года началась неделя концентрированных дневных бомбардировок германских авиазаводов. Американские истребители дальнего радиуса действия наконец взяли верх над неприятельскими истребителями, и дневные бомбардировщики начали осуществлять точное бомбометание без излишних помех или потерь.

Это стало поворотным моментом в воздушной войне против Германии. С тех пор американское 8-е авиаобъединение могло бомбить объекты в Германии при дневном свете с большой точностью и при все возрастающей свободе действий. Германия потеряла свое превосходство в воздухе при дневном свете, и ее жизненно важные центры были открыты для нашего стратегического наступления. Германские ночные истребители, пилотируемые лучшими летчиками германской авиации, продолжили оставаться грозной силой до самого конца войны, но это достигалось ценой снижения квалификации дневных летчиков-истребителей и, таким образом, содействовало все возрастающим успехам американской авиации. В 1944 году союзники завоевали превосходство в воздухе над Германией и в дневное время. К апрелю новые методы обмана и новая тактика, сбивавшая с толку противника, позволили англичанам возобновить развернутое ночное наступление на германские города. Летчики американского 8-го авиаобъединения,

увидев, что представляют собой дневные летчики-истребители противника, были готовы превратить его в «круглосуточное» наступление. Таково было положение накануне начала операции «Оверлорд».

Наши воздушные налеты на Германию, приобретающие все более важное значение, стали гораздо мощнее благодаря увеличению взрывной силы наших бомб. Был отдан приказ об улучшении применяемого нами взрывчатого вещества — в первую очередь в наших тяжелых бомбах — путем примешивания алюминиевого порошка; таким образом, во второй половине войны их эффективность возросла почти в полтора раза. Ожесточенность борьбы подвергла люфтваффе гораздо большему напряжению, чем они были в состоянии вынести.

Вынужденные сосредоточить свое внимание на выпуске истребителей, они утратили всякую способность к стратегической контратаке в форме ответных бомбардировок наших объектов. Потерявшие равновесие и истощенные, они с тех пор были не в состоянии защитить ни себя, ни Германию от наших тяжелых ударов. Говоря о завоевании нами превосходства в воздухе, которое к концу 1944 года выросло в полное господство, нужно полностью воздать должное действиям американского 8-го авиаобъединения, после того как ему были приданы истребители дальнего радиуса действия.

* * *

Приближалась дата операции «Оверлорд», и перед нами возник весьма важный вопрос: какую роль должно сыграть могущественное авиационное оружие в этой главной операции? После долгих технических споров между руководителями авиации обеих стран победа осталась за планом, намечавшим разрушение германских железнодорожных коммуникаций во Франции, Бельгии и Западной Германии путем сбрасывания в течение трех месяцев, оставшихся до дня «Д», 66 тысяч тонн бомб, чтобы создать, таким образом, «железнодорожную пустыню» вокруг германских войск в Нормандии. Первые этапы этого плана уже начали осуществляться. Главными объектами были ремонтные и эксплуатационные депо и локомотивы в 93 важнейших железнодорожных центрах на многочисленных подступах к Нормандии. Tактическая авиация принимала участие в осуществлении этого общего плана; в дополнение к этому по мере приближения дня «Д» на нее была возложена специальная задача — уничтожение мостов и подвижного состава. Возможность полностью отрезать поле боя в Нормандии от подкреплений, поступающих по железным дорогам, представлялась величайшим непосредственным вкладом, который бомбардировочная авиация могла внести в операцию «Овер-

лорд». Число жертв, понесенных союзниками в ходе английских и американских бомбардировок Германии и Италии за время войны, превысило 140 тысяч человек, а в период, о котором говорится в этой главе, в личном составе английской и американской авиации потери превышали число убитых и раненых при великой операции форсирования Ла-Манша. Эти герои ни разу не дрогнули и не пали духом. Их преданности мы в немалой степени обязаны победой. Честь им и слава!

Глава тринадцатая

ОСЛОЖНЕНИЯ В ГРЕЦИИ

После отступления союзников в апреле 1941 года Греция была оккупирована державами оси. Крах армии и уход короля и его правительства в изгнание возродили ожесточенные распри, присущие греческой политике. Как в самой Греции, так и в греческих кругах за границей царило резко отрицательное отношение к монархии, которая санкционировала диктатуру генерала Метаксаса¹ и тем самым прямо связала себя с режимом, ныне потерпевшим поражение. Покидая Крит в мае 1941 года, король взял с собой правительство, в основном по характеру монархическое, во главе с Цудеросом. Их длительное странствование через Каир и Южную Африку в Лондон дало более чем достаточно времени для политических дискуссий среди греческих общин за границей. Действие конституции было приостановлено в 1936 году, и дебаты о характере будущего режима, который надлежало создать после окончательного освобождения Греции, пришлось вести беженцам на союзной земле.

Я уже давно понимал важность этой проблемы и в октябре 1941 года обратился к греческому премьер-министру с письмом, в котором поздравлял с первым его обращением по радио из Лондона к оккупированной Греции; в письме я выразил свое удовлетворение тем, что Греция провозглашена демократической страной под властью конституционного монарха.

В апреле 1942 года организация, называвшая себя Национально-освободительным фронтом (известная по своим греческим инициалам как ЭАМ) и возникшая предыдущей осенью, объявила о создании Народно-освободительной армии (ЭЛАС). В течение следующего года создавались небольшие боевые группы, в особенности в Центральной и Северной Греции, тогда как в Эпире и в горах на северо-западе страны остатки греческой армии и местные горцы сплотились вокруг полковника Наполеона

¹ 6 августа 1936 г. военный министр Греции генерал Метаксас совершил переворот и встал во главе правительства. — *Примеч. ред.*

Зерваса. В организации ЭАМ-ЭЛАС господствующее положение занимало крепкое ядро коммунистических лидеров. Сторонники Зерваса, которые по своим симпатиям первоначально были республиканцами, с течением времени стали решительными антикоммунистами. Вокруг этих двух центров сплотилось греческое движение Сопротивления. Ни один из них не имел прямой связи с греческим правительством в Лондоне и несколько не сочувствовал его взглядам.

Накануне битвы у Эль-Аламейна мы решили атаковать линии снабжения немцев, шедшие через Грецию к Пирею — афинскому порту и важной базе на германском пути в Северную Африку. В связи с этим осенью 1942 года первая британская военная миссия во главе с подполковником Майерсом была сброшена в Грецию на парашютах и установила связь с партизанами. С их помощью был уничтожен имевший важнейшее значение виадук на афинской железнодорожной магистрали. Одновременно греческие агенты проводили блестящие и смелые диверсионные операции против судов стран оси, стоявших в Пирее. Успех этих операций побудил средневосточное командование послать в Грецию новые английские группы с запасами взрывчатых веществ и оружия. Таким образом, была установлена прямая связь с оккупированной Грецией. В течение весны 1943 года английские миссии были расширены. Англо-греческие отряды взорвали еще один железнодорожный мост на главной афинской магистрали и провели ряд других успешных диверсионных операций. В результате всего этого в Грецию были переброшены две германские дивизии, которые иначе могли бы быть использованы в Сицилии. Однако это было последним непосредственным военным вкладом греческих партизан в войну. С тех пор их внимание было поглощено в основном борьбой за приобретение политической власти по окончании военных действий.

Политические распри мешали партизанской войне, и вскоре мы оказались в сложном и неприятном положении. Становилось ясно, что налицо имеются три различных по своим взглядам элемента: ЭЛАС, насчитывавшая к тому времени 20 тысяч человек и находившаяся в основном под контролем коммунистов; отряды Зерваса, известного под названием ЭДЕС и насчитывавшие 5 тысяч человек; и политические деятели-монархисты, сгруппировавшиеся в Каире или в Лондоне вокруг короля, с которым нас связывали особые обязательства как с главой государства, сражавшегося в качестве нашего союзника в 1941 году. К 1943 году все эти группировки прониклись мыслью, что союзники, вероятно, выиграют войну, и между ними, к выгоде общего врага, началась серьезная борьба за политическую власть. В марте 1943 года группа видных политических деятелей в Афинах подписала манифест, призывавший короля не возвращаться после войны в Грецию, пока не состоится плебисцит. Было важно, чтобы король

четко сформулировал свою позицию. Поэтому 4 июля он обратился к греческому народу по радио с примирительным заявлением, в котором обещал провести всеобщие выборы, как только страна будет освобождена; он указал, что греческое правительство, находящееся за границей, уйдет в отставку по возвращении в Афины, чтобы можно было создать правительство, опирающееся на широкую базу. Однако общественное мнение в самой Греции стремилось к действиям в более близком будущем. Вскоре после этого в малочисленных греческих вооруженных силах, которые были сконцентрированы нами на Среднем Востоке и в которых действовали пропагандисты ЭАМ, вспыхнул небольшой мятеж. В августе делегация в составе шести лидеров, представлявших главные группы движения Сопrotивления в Греции, была доставлена в Каир; они также настаивали на проведении плебисцита до возвращения короля и на предоставлении трех мест в эмигрантском правительстве политическим деятелям, находящимся в самой Греции. Ни король, ни его премьер-министр на это не соглашались.

Когда я был в Квебеке, я получил от короля Георга II следующее послание по поводу этих событий:

*Король Греции, Каир — премьер-министру
и президенту Рузвельту*

19 августа 1943 года

«4 июля я объявил моему народу, что после освобождения его призовут определить, при посредстве свободных выборов, форму правления в стране.

Сейчас я внезапно столкнулся с весьма любопытным положением, когда из Греции прибыли некоторые личности, якобы представляющие различные партизанские отряды; кроме того, приехал представитель ряда старых политических партий, настаивающих, чтобы я объявил о том, что вернусь только после плебисцита, который определит форму будущего режима... В этих обстоятельствах я был бы весьма благодарен Вам за совет по поводу политики, которая является в данный момент наилучшей с точки зрения дела Греции и Объединенных Наций.

Я лично в настоящий момент склонен продолжать политику, о которой мы договорились перед моим отъездом из Англии. Я вполне определенно считаю, что мне следует вернуться в Грецию вместе с моими войсками — хотя я и был вынужден покинуть мою страну после кратковременного в ней пребывания, — для того чтобы трудиться во имя ее национальных интересов среди наших союзников, если в свете дальнейшего развития событий такой образ действий с моей стороны будет целесообразным»

Получив это письмо, я написал:

19 августа 1943 года

«Если значительные английские силы примут участие в освобождении Греции, король должен вернуться вместе с англо-греческой армией. Это, пожалуй, наиболее вероятная возможность. Если же, однако, греки окажутся достаточно сильны, чтобы самостоятельно выгнать немцев, у нас будет значительно меньше права голоса в этом вопросе. Отсюда следует, что король должен требовать для монархистов равного представительства с республиканцами, как это сейчас предполагается. Во всяком случае, он совершил бы большую ошибку, если бы каким-либо образом выразил свое согласие остаться за пределами Греции, пока продолжаются бои за освобождение и пока условия исключают возможность проведения плебисцита в мирной обстановке».

* * *

Капитуляция Италии в сентябре 1943 года отразилась на всей расстановке сил в Греции. ЭЛАС сумела захватить основную часть итальянского снаряжения, включая вооружение целой дивизии, и добиться, таким образом, военного превосходства. Опасность коммунистического переворота в случае ухода немцев, который теперь стал вполне возможен, требовала неослабного внимания.

*Премьер-министр — генералу Исмею
для комитета начальников штабов*

23 сентября 1943 года

«Я полностью согласен с министром иностранных дел по этому вопросу, который по природе своей является политическим. В случае эвакуации немцами Греции мы обязательно должны быть в состоянии направить в Афины 5 тысяч английских солдат с бронемашинами и бреновскими самоходками; транспорт и артиллерия не нужны. Греческие войска в Египте будут их сопровождать. Их задача будет заключаться в оказании в этом центре страны поддержки восстановленному у власти законному правительству Греции. Греки не будут знать, сколько еще войск последует за ними. Возможно, что между греческими партизанскими отрядами разгорится кое-какая грызня, однако англичанам будут выказывать всяческое уважение, в особенности потому, что спасение страны от голода зависит целиком от наших усилий в первые месяцы после освобождения. При формировании этих войск следует исходить из того расчета, что им не придется иметь дело с чем-либо

более серьезным, чем бунт в столице или набег на столицу из деревень... Как только будет создано устойчивое правительство, мы сможем уйти».

Таково было первое предположение о том, что нам, возможно, придется вмешаться во внутренние дела Греции в момент освобождения.

Развитие событий к тому времени ускорилось, так как ЭЛАС разработала планы захвата политической власти сразу же после ухода немцев и прежде чем будет возможно создать упорядоченное конституционное правительство. В течение зимы против противника предпринимались лишь незначительные действия. В октябре войска ЭЛАС атаковали ЭДЕС (Зерваса), и английский штаб в Каире прекратил поставки оружия ЭЛАС. Наши миссии, находившиеся на месте в Греции, прилагали все усилия к тому, чтобы ограничить гражданскую войну, которая в этот момент вспыхнула в разоренной и оккупированной стране, и положить ей конец.

Решения Каирской и Тегеранской конференций косвенно отразились на положении в Греции. Было условлено, что крупный десант союзников там высажен не будет, точно так же представлялось маловероятным, что сюда после отступления немцев придут сколько-нибудь значительные английские силы. Следовательно, требовалось обсудить вопрос о мерах по предотвращению анархии. Нам казалось, что единственной фигурой, стоявшей над межпартийной враждой, был архиепископ афинский Дамаскинос. Будучи в Каире, Иден пытался доказать королю преимущество временного регентства. В то же время мы надеялись, что, послав греческую бригаду, находившуюся на Среднем Востоке, сражаться в Италии, мы поднимем престиж эмигрантского правительства и будем иметь под рукой верные войска, которые можно было бы в случае необходимости направить в Западную Грецию.

Король не захотел согласиться на регентство и возвратился в Лондон. К тому времени ЭАМ вместе со своим военным компонентом ЭЛАС создал в горах Центральной и Северной Греции государство в государстве. В феврале 1944 года английским офицерам удалось добиться неустойчивого перемирия между ЭЛАС и ЭДЕС. Но советские армии уже находились на границах Румынии. Возросли шансы на эвакуацию немцами Балкан, а вместе с тем и на возможность возвращения в страну королевского правительства — при поддержке англичан. Предполагив, что оба эти события могут произойти в апреле, лидеры ЭАМ решили перейти к действиям.

26 марта в горах был создан политический комитет национального освобождения, и известие об этом было передано по радио всему миру. Это был прямой вызов будущей власти

правительства Цудероса. Таким образом, было создано второе, контролируемое коммунистами, правительство, которое должно было послужить центром сплочения для всех греков. Это явилось сигналом для беспорядка в греческих вооруженных силах на Среднем Востоке и в кругах, близких к греческому правительству за границей. 31 марта группа офицеров армии, флота и авиации посетила Цудероса в Каире и потребовала, чтобы он вышел в отставку. Дело дошло до кризиса, но греческий король в Лондоне не сознавал всей важности положения.

6 апреля Цудерос подал в отставку и рекомендовал в качестве своего преемника военно-морского министра своего правительства Венизелоса. 4 апреля вспыхнули беспорядки в 1-й бригаде, которая, как я надеялся, могла бы принять участие в кампании в Италии. 5 апреля канцелярия начальника греческой военной полиции в Каире была захвачена сотней мятежников, которых английским войскам и египетской полиции пришлось окружить, после чего они были без осложнений вывезены на грузовиках в лагерь-изолятор. В Александрии руководитель профсоюза греческих моряков вместе с тридцатью своими приверженцами забаррикадировался у себя дома и отказался подчиниться приказу полиции. Экипажи пяти кораблей греческого королевского флота высказались за республику и потребовали отставки всего тогдашнего правительства. Все члены этого правительства подали королю свои прошения об отставке, но согласились остаться на посту, пока она не будет принята.

* * *

В то время ввиду отсутствия Идена я ведал министерством иностранных дел. Таким образом, все нити находились непосредственно в моих руках.

6 апреля я телеграфировал Цудеросу: «Для меня было большим потрясением узнать о Вашей отставке, которая, видимо, оставляет Грецию на произвол судьбы и в одиночестве в момент опасности для ее национальной жизни. Король, с которым я только что виделся, сказал мне, что он не принял Вашей отставки. На следующей неделе он выезжает в Александрию. Вы, безусловно, могли бы подождать до его приезда».

К тому времени положение в греческой армии и на флоте еще больше ухудшилось, и Венизелос объявил, что он уже не может согласиться принять предложенный ему пост. Цудерос ответил мне 7 апреля: «Я остаюсь на своем посту, как повелевают законы Греции и по Вашему желанию, пока нынешний кризис не разрешится законным путем. Если король отложит разрешение этого кризиса до своего возвращения в Египет, я опасюсь, что к тому времени ему уже не представится возможности его разрешить»

7 апреля Липер¹ телеграфировал английскому министерству иностранных дел: «То, что происходит здесь среди греков, — не что иное, как революция.

В таких условиях импровизированное греческое эмигрантское правительство, страдающее всеми вытекающими отсюда слабостями, пыталось справиться с обстановкой. Оно потерпело полную неудачу, но ему мешало то, что оно не в состоянии осуществить какую бы то ни было законную перемену без санкции короля, который от него далеко...»

В этот день в Лондоне греческий король приехал ко мне на завтрак. Я без всяких комментариев показал ему телеграмму нашего посла. Он сказал, что немедленно поедет в Каир. Я полагал, что он совершенно прав.

8 апреля один греческий эсминец отказался подчиниться приказу о выходе в море впредь до формирования правительства с участием представителей ЭАМ. Взбунтовавшаяся греческая бригада заняла оборонительные рубежи вокруг своего лагеря; ожидалась также беспорядки и в небольшой греческой авиации. Я был вынужден отказаться от надежды на то, что удастся отправить греческую бригаду в Италию. Позднее я послал командующему английскими вооруженными силами в Египте генералу Пэйджету следующую телеграмму:

Премьер-министр — генералу Пэйджету

8 апреля 1944 года

«Мятежная бригада, угрожающая своим офицерам, безусловно должна быть окружена и принуждена к капитуляции путем прекращения всякого снабжения. Почему Вы даете им воду? Разве это не ускорило бы желанный результат? Ясно, что эти войска должны быть разоружены. Согласен, что, пожалуй, придется отказаться от надежды перебросить их в Италию. Держите меня полностью в курсе планов разоружения. Мы не можем терпеть политические революции, осуществляемые иностранными воинскими формированиями, ответственность за которые в конечном счете несем мы. Во всех таких случаях нужно использовать крупные части английских войск, чтобы внушить страх и, таким образом, свести кровопролитие к минимуму».

Я также направил Липеру подробную декларацию о нашей политике, которой он должен руководствоваться в сношениях с греками.

¹ Английский посол при греческом правительстве в Каире. — *Примеч. ред.*

«Мы связаны определенными отношениями с законно созданным правительством Греции, возглавляемым королем, который является союзником Англии и которого нельзя выбросить за борт в угоду внезапной вспышке аппетита у честолюбивых эмигрантских ничтожеств. Точно так же законным выражением воли Греции не могут служить те или иные клики партизан, зачастую ничем не отличающиеся от бандитов, которые маскируются под спасителей родины и в то же время существуют за счет сельского населения. Если необходимо, я выступлю с публичным осуждением этих элементов и тенденций, чтобы подчеркнуть любовь Великобритании к Греции, страдания которой она в некоторой степени разделила, будучи в то время, увы, не так хорошо вооружена, как в настоящее время. Единственное, к чему мы стремимся и в чем мы заинтересованы, это в том, чтобы видеть Грецию славной свободной нацией Восточного Средиземноморья, чтимым другом и союзником победоносных держав. Поэтому приложите все усилия для достижения этой цели и дайте понять совершенно ясно, что мы не собираемся смотреть сквозь пальцы на отклонение от норм хорошего поведения».

Некоторое время спустя генерал Пэйджет сообщил мне, что поскольку греческая 1-я бригада взбунтовалась против своих офицеров и отказалась, несмотря на его приказ, сложить оружие, он предполагает приступить к непосредственным действиям для осуществления этого приказа. 9 апреля я телеграфировал ему: *«Эти мелкие события быстро развиваются, и я полностью поддерживаю принимаемые Вами меры... Успехом будет, если справитесь с бригадой без кровопролития. Но справиться с ней нужно. Рассчитывайте на мою поддержку».*

Греческая бригада к тому времени была окружена превосходящими английскими силами. Эта бригада насчитывала 4500 человек и около 50 орудий; все они были развернуты на оборонительных рубежах против нас.

* * *

Тем временем король прибыл в Каир и 12 апреля обнародовал воззвание, в котором говорилось, что будет создано представительное правительство, состоящее в основном из греков, находящихся в Греции. На следующий день Венизелос стал премьер-министром вместо Цудероса, и втайне были приняты меры по доставке в Каир представителей из самой Греции.

После этого я информировал обо всей ситуации президента Рузвельта, который сочувствовал моей точке зрения, и короля Греции Георга.

Президент прислал мне пришедшуюся весьма кстати телеграмму:

Президент Рузвельт — премьер-министру

18 апреля 1944 года

«Благодарю Вас за информацию о недавних трудностях, касающихся участия греков в наших союзных усилиях.

Так же, как и Вы, я надеюсь, что Ваша линия действий в отношении этой проблемы приведет к возвращению греков в лагерь союзников и к участию их в борьбе против варваров, что даст им возможность показать себя достойными преемниками героических традиций Древней Греции».

Вечером 23 апреля на взбунтовавшиеся греческие корабли были направлены сохранившие верность греческие моряки, и бунтовщики были собраны и отосланы на берег; потери составили около 50 человек. Это дало основание генералу Пэйджету надеяться, что он сможет добиться капитуляции греческой бригады путем переговоров, без кровопролития. С этим делом справились весьма успешно, и на следующий день я имел возможность информировать президента Рузвельта о том, что английские войска, встретив незначительное сопротивление, заняли ключевые позиции на горном хребте, господствующем над греческим лагерем. Греки не понесли никаких потерь, но один английский офицер был убит. Греческая бригада капитулировала, сложила оружие и была эвакуирована в лагерь для военнопленных, где зачинщики были арестованы. Взбунтовавшиеся моряки капитулировали безоговорочно 24 часами раньше.

* * *

Мы информировали также русских об этих событиях, направив послания Молотову, а также через советское посольство в Каире. Советское правительство ограничилось критикой наших действий, а когда 5 мая России было сделано в Москве официальное предложение о сотрудничестве в греческих делах, то на это нам ответили, что считают неподобающим присоединиться к каким-либо публичным высказываниям по поводу политических дел в Греции.

* * *

С окончанием бунта вопрос о формировании греческого правительства приобрел неотложный характер. Венизелоса не

считали пригодным для этой задачи, и 26 апреля к власти пришел лидер греческой социал-демократической партии Папандреу, которого специально доставили из Греции. На следующий день он опубликовал воззвание, которое должно было послужить предметом обсуждения на конференции, представляющей все партии, включая лидеров греков в горах. Эти делегаты собрались 17 мая на одном из горных курортов в Ливане, где после ожесточенных дебатов, длившихся целых три дня, было решено создать в Каире правительство во главе с Папандреу, в котором должны были быть представлены все группировки, а тем временем в горах Греции объединенная военная организация должна была продолжать борьбу против немцев. Эта договоренность внушала надежды на будущее.

24 мая было объявлено о создании нового греческого правительства.

Таким образом, было достигнуто удовлетворительное завершение этого опасного эпизода, который, несмотря на свои малые масштабы в сравнении с катаклизмами войны, мог тем не менее послужить причиной бесконечных дискуссий, вредных для нашего дела. О трудностях и борьбе, которые позже возникли и развернулись в этом нервном узле Европы и всего мира, будет рассказано в свое время. Я полагаю, однако, что в целом моя политика была оправдана позднейшими событиями.

Глава четырнадцатая

БИРМА И ТИХИЙ ОКЕАН

Сейчас я должен попросить читателей вернуться почти на год назад, чтобы иметь возможность обрисовать ему ход войны против Японии на Тихом океане, который в то время был театром главных усилий Соединенных Штатов и Австралийского Союза.

Ко второй половине 1943 года японцы потеряли восточную оконечность Новой Гвинеи. Прежде чем получить возможность атаковать Филиппины, генералу Макатуру надо было снова занять все ее северное побережье.

В апреле генерал Макатур с помощью комбинированных операций совершил прыжок на расстояние 400 миль. Он обошел 50-тысячный японский гарнизон в районе Уэйвейка и высадил одну американскую дивизию на Аитапе и еще две дивизии — вблизи Холландии. Японская авиация была полностью разгромлена — было найдено 380 сбитых самолетов. Превосходство союзников на море и в воздухе с тех пор стало настолько решающим, что Макатур мог выбирать наиболее удобные для

него объекты, оставляя позади себя, в окружении, крупные силы японцев, для того чтобы заняться ими позднее. Последний прыжок привел его на остров Биак, где американской 41-й дивизии пришлось выдержать ожесточенную борьбу с неприятельским гарнизоном численностью почти 10 тысяч человек. Конвой в составе около дюжины японских военных кораблей был частью уничтожен, а частью выведен из строя воздушным налетом в то время, как он пытался доставить подкрепления. К концу июня 1944 года остров оказался прочно в руках американцев. Это было концом двухлетней борьбы на Новой Гвинее. Эта кампания принадлежит к числу труднейших в истории войн ввиду упорного сопротивления врага, трудных условий местности, страшных потерь от болезней и отсутствия средств связи.

* * *

Далее на восток в начале июля 1943 года, одновременно с наступлением генерала Макарута на Саламауа, адмирал Хэлси нанес удар по Нью-Джорджии. После нескольких недель ожесточенных боев как этот, так и соседние острова были завоеваны. Воздушные бои имели чрезвычайно большое значение, и господство американских летчиков в воздухе оказалось решающим фактором. Японские потери в воздухе превышали к этому времени потери американцев в четыре-пять раз.

В июле и августе в результате ряда морских операций американцы завоевали господство на море. К сентябрю становой хребет японского сопротивления был сломлен, и, хотя ожесточенные бои продолжались на Бугенвиле и других островах, к декабрю 1943 года кампания на Соломоновых островах была закончена. Позиции, которые еще оставались в руках противника, были нейтрализованы, их можно было спокойно обойти и ждать, пока его силы иссякнут сами собой.

Следующим центром наступления стал Рабаул на Новой Британии. В течение ноября и декабря союзная авиация неоднократно сильно бомбила его. В последние дни 1943 года десантные силы генерала Макарута высадились на западной оконечности Новой Британии, у мыса Глостер. Было принято решение обойти Рабаул. Следовательно, требовалась какая-то другая база для того, чтобы поддержать наступление на Филиппины, и такой базой в пределах досягаемости Макарута был остров Манус (острова Адмиралтейства). В феврале 1944 года первый этап этой операции охвата был осуществлен в результате захвата острова Грин, в 120 милях к востоку от Рабаула. За этим последовал блестящий захват всех островов Адмиралтейства, расположенных западнее. В марте адмирал Хэлси занял остров Эмирау, расположенный прямо на север от Рабаула, и изоляция последнего была, таким образом, за-

вершена. Воздух и море, окружающие эти острова, перешли полностью под контроль американцев.

* * *

Тем временем началось сосредоточение главных сил американского флота под командованием адмирала Нимица для наступления через группы островов вблизи экватора, которые служили японцам аванпостами, защищавшими базу их флота на Труке (Каролинские острова). Объектом первого наступления была выбрана расположенная дальше других на восток группа островов Гилберта, отнятая у англичан в 1941 году. В октябре 1943 года адмирал Спрюэнс, прославившийся в битве за Мидуэй, был назначен командующим военно-морскими силами центральной части Тихого океана. В ноябре, пока Хэлси вел наступление на Бугенвиль, Спрюэнс нанес удар по острову Тарава (острова Гилберта). Этот остров был сильно укреплен, и на нем находилось около 35 тысяч японцев. Десант 2-й дивизии морской пехоты встретил ожесточенное сопротивление, несмотря на сильнейшие воздушные налеты, предшествовавшие высадке. После четырехдневных напряженных боев, сопровождавшихся тяжелыми потерями, остров был занят.

После захвата Таравы освободились пути для наступления на Маршалловы острова, расположенные севернее и западнее островов Гилберта. В феврале 1944 года эти острова стали объектом крупнейшей из десантных операций, предпринимавшихся до того времени на Тихом океане. К концу месяца американцы добились победы. Не останавливаясь, Спрюэнс начал следующий этап своего наступления, ослабляя с помощью ударов с воздуха японскую оборону на Каролинских и Марианских островах. Самой замечательной чертой этих операций была гибкость в использовании морских десантов на океанских просторах. В то время как мы в Европе проводили последние приготовления к операции «Оверлорд», концентрируя огромные силы в узких водах Ла-Манша, авианосцы Спрюэнса носились по огромным пространствам, нанося удары по островам Марианского и Каролинского архипелагов и архипелага Палау, расположенных далеко в глубине японского оборонительного плацдарма, и помогая в то же время Макартуру в его наступлении на Холландию. Накануне операции «Оверлорд» силы Японии повсюду шли на убыль. Японская система обороны в центральной части Тихого океана была прорвана во многих пунктах, и распад ее близился.

Генерал Маршалл, подводя итоги этих операций в юго-западной части Тихого океана, мог доложить, что за год с небольшим союзники «продвинулись на 1300 миль ближе к сердцу Японской империи, отрезав более 135 тысяч неприятельских солдат и офицеров без всякой надежды на спасение».

Сейчас нужно приподнять занавес над районом Юго-Восточной Азии, где положение коренным образом отличалось от того, что описывалось выше. На протяжении 18 с лишним месяцев японцы были хозяевами огромной дуги обороны, прикрывавшей их завоевания первого этапа войны. Эта дуга протянулась от покрытых джунглями гор Северной и Западной Бирмы, где наши английские и индийские войска вели с ними бои, затем через океан до Андаманских островов и великих голландских владений — Суматры и Явы, а потом, поворачивая на восток, проходила через цепь небольших островов к Новой Гвинее.

Американцы послали в Китай соединение бомбардировочной авиации, которое успешно действовало против морских коммуникаций противника между материком и Филиппинами. Они хотели расширить свои усилия, базируя самолеты дальнего радиуса действия в Китае для налетов на собственно Японию. Бирманская дорога была перерезана, и все поставки для этих бомбардировщиков и для китайской армии осуществлялись по воздуху через южные отроги Гималаев, которые американцы называли Горбом.

То была колоссальная задача. Я всегда выступал за оказание помощи Китаю по воздуху, за улучшение воздушной трассы и обеспечение безопасности аэродромов, но я надеялся, что это можно будет осуществить войсками в основном авиадесантного типа, перебрасываемыми по воздуху и питаемыми с воздуха по образцу отряда Уингейта, но в больших масштабах. Американцы стремились прийти на помощь Китаю не только путем все большего расширения воздушного моста, но также по суше; выполнение этого плана предъявляло весьма тяжелые требования к Англии и ее Индийской империи.

Американцы настаивали, как на деле величайшей срочности и важности, на строительстве автострады от их большой отправной авиабазы в Ледо до китайской территории, то есть на расстоянии 500 миль через джунгли и горы. До Ледо вела только однопутная железная дорога через Ассам, и без того сильно загруженная ввиду выполнения целого ряда других задач, в том числе снабжения войск, имевших позиции на границе. Но американцы хотели, чтобы мы прежде всего и быстро отвоевали Северную Бирму, что дало бы им возможность построить дорогу в Китай.

Мы, безусловно, положительно относились к усилиям, имевшим целью обеспечить участие в войне Китая и дать возможность нашим самолетам действовать с его территории, однако необходимо было сохранить чувство меры и иметь в виду

возможные альтернативы. Мне чрезвычайно не нравилась перспектива боевых действий крупных масштабов в Северной Бирме. Трудно было выбрать худшее место для наступления против японцев. Строительство дороги от Ледо до Китая также представляло собой колоссальную и очень трудоемкую задачу; казалось маловероятным, что строительство дороги будет закончено прежде, чем необходимость в ней минует. Но даже если бы с этой задачей и справились вовремя, чтобы снабжать китайские армии, пока они еще участвуют в боях, это мало отразилось бы на их боеспособности. Необходимость усиления американских авиабаз в Китае, по нашему мнению, должна была уменьшаться по мере того, как в результате наступления на Тихом океане и со стороны Австралии союзники приобрели аэродромы, расположенные ближе к Японии. Исходя из этих соображений, мы утверждали, что этот огромный расход людской силы и материальной части себя не оправдывает. Тем не менее нам не удалось убедить американцев отказаться от этой цели. Они считали, что, чем крупнее масштабы «идеи», тем с большим увлечением и упорством надо претворять ее в жизнь. Такова их национальная психология. Это замечательная черта, но при условии, что «идея» хороша.

Мы, конечно, стремились отвоевать Бирму, но не хотели, чтобы это было осуществлено путем наступления по суше, которое опиралось на очень слабо развитую систему коммуникаций и которое нужно было вести в самой трудной, в смысле боевых условий, местности, какую только можно себе представить. Юг Бирмы с портом Рангун представлял гораздо большую ценность, чем север. Но вся Бирма была далека от Японии, и отвлечься туда, дать увязнуть там нашим войскам означало бы лишить нас принадлежащей нам по праву доли в победе на Дальнем Востоке. Вместо этого я хотел сковать японцев в Бирме и ворваться в глубь большой дуги островов, окаймляющих Голландскую Индию, либо прорвать эту дугу. В этом случае весь наш англо-индийский имперский фронт был бы перенесен через Бенгальский залив и мы вошли бы в тесное соприкосновение с противником, используя на каждом этапе десантные силы. Это разногласие не удалось устранить, несмотря на то, что мнения сторон искренне высказывались и откровенно обсуждались, а принятые решения честно выполнялись. Историю этой кампании следует читать с постоянным учетом фона, на котором она развивалась, — географических особенностей, ограниченности ресурсов и наличия столкновения в вопросе о политике.

* * *

Точку зрения Вашингтона ясно сформулировал мне президент.

25 февраля 1944 года

«Мои начальники штабов согласны, что первоочередной промежуточной целью нашего наступления через Тихий океан является район Формоза, китайское побережье, Лусон. Успех недавних операций на островах Гилберта и Маршалловых островах показывает, что мы можем ускорить наше движение на запад. Представляется возможным, что мы достигнем района Формоза, Китай, Лусон до лета 1945 года. С момента, когда мы вступим в эту жизненно важную зону, и до тех пор, пока мы не приобрели прочного плацдарма в этом районе, необходимо, чтобы наши операции в максимально возможной степени были поддержаны силами авиации. Это в свою очередь ставит задачу максимально возможного укрепления военно-воздушных сил, базирующихся на Китай.

Я всегда выступал за развертывание в Китае баз для поддержки нашего наступления на Тихом океане, а сейчас, когда в войне произошел большой поворот в нашу пользу, у нас остается очень мало времени для того, чтобы обеспечить нужную нам поддержку с того направления.

Поэтому нам абсолютно необходимо приложить все усилия для увеличения потока поставок в Китай. Это может быть осуществлено только путем увеличения грузов, перебрасываемых по воздуху, или путем открытия дороги через Бирму.

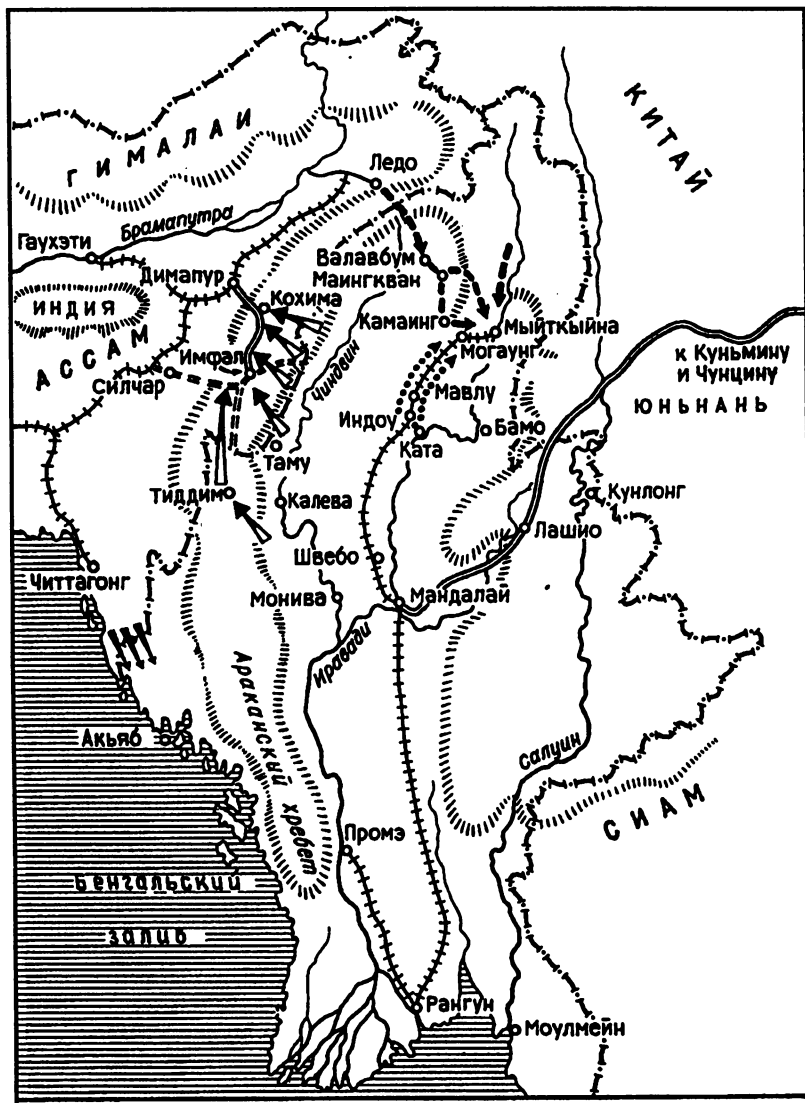
Генерал Стилуэлл¹ уверен, что его китайско-американские силы могут захватить Мыйткыйну к концу нынешнего сухого сезона, а коль скоро они будут там, они смогут ее удержать при условии, что 4-й корпус Маунтбэттена, действуя из Имфала, займет район Швебо, Монива.

Продолжающееся наращивание японских сил в Бирме требует, чтобы мы предприняли самую энергичную акцию, какая только в наших силах, дабы удержать инициативу и помешать противнику начать наступление, в результате которого он может перейти границы и вступить в Индию... Я самым серьезным образом надеюсь поэтому, что Вы максимально поддержите идею энергичной и немедленной кампании в Верхней Бирме».

* * *

Эта кампания была начата в декабре, когда генерал Стилуэлл с двумя китайскими дивизиями, которые он сам организовал и обучил в Индии, выступив из Ледо, перешел через

¹ Командовал в то время американскими вооруженными силами в Китае, Индии и Бирме и одновременно занимал пост заместителя Маунтбэттена и начальника штаба китайских вооруженных сил. — *Примеч. ред.*

БИРМА

Продвижение английских войск на араканском побережье

Продвижение Стилуэлла к Мыйткыйне

→ Поход чиндитов на Север

→ Атака японцев на Имфал и Кохиму

водораздел и углубился в джунгли южнее главных горных хребтов. Одновременно союзная авиация удвоила свои усилия и при помощи незадолго перед этим прибывших «спитфайров» добилась такой степени превосходства в воздухе, которое в скором времени оказалось нецелесообразным.

В начале марта налицо были несомненные признаки, свидетельствующие о том, что противник готовится к атаке на Центральном фронте против Имфала с целью сорвать проектировавшееся вами наступление на Чиндуин. Знаменитая ныне операция «чиндитов»¹ представляла собой часть нашего плана наступления. Хотя было очевидно, что японцы нанесут удар первыми, однако было решено, чтобы бригады Уингейта продолжали выполнять свою задачу. Эта задача заключалась главным образом в том, чтобы перерезать неприятельские коммуникации вблизи Индоу. Сойдясь в своих сборных пунктах, эти войска приступили к выполнению порученного им задания и перерезали железную дорогу к северу от Индоу.

Уингейт недолго радовался этому первому успеху и не дождался до того, чтобы пожать его плоды. 24 мая, к моему великому горю, он погиб. Он погиб в воздухе. Обстоятельства его гибели неизвестны. Вероятно, пилот потерял ориентировку в густом тумане. Самолет врезался в склон горы, а когда подошла помощь, в живых никого не нашли. Погиб замечательный человек.

* * *

8 марта три японские дивизии начали на нашем Центральном фронте наступление, которого мы ждали. Генерал Скунс отвел свой 4-й корпус в составе трех дивизий к Имфальскому плоскогорью, чтобы сосредоточить силы на более открытой местности. Если бы неприятелю удалось перерезать дорогу к конечному пункту железной дороги в Димапуре, то вплоть до победы в битве Скунсу пришлось бы зависеть от снабжения с воздуха.

Ключом ко всей проблеме были опять-таки транспортные самолеты. Ресурсов Маунтбэттена, хотя и значительных, было далеко не достаточно. Чтобы выиграть эту битву, он пытался получить на время из числа самолетов, обслуживающих авиатрассу через Горб, сотню американских самолетов. Это было очень неприятное требование и для того, кто с ним обращался, и для того, кому оно было адресовано. В последовавшие затем тревожные недели я оказывал ему самую энергичную поддер-

¹ Специальные отряды, находившиеся под командованием Уингейта и действовавшие в джунглях Бирмы — в тыловых районах и на коммуникациях противника. — *Примеч. авт.*

жку. «Начальники штабов и я, — сообщал я ему, — полностью поддерживаем вас. Я телеграфировал президенту. С моей точки зрения, главное — это выиграть битву. Будьте уверены, вы добьетесь своего».

К концу марта японцы перерезали дорогу на Димапур и с трех сторон сильно нажимали на окраины Имфальской равнины. Четвертый сектор этой окружности был прегражден покрытыми джунглями горами. Две бригады индийской 5-й дивизии были переброшены на самолетах в Имфал из Аракана, где операции к тому времени приостановились, а индийская 7-я дивизия была доставлена самолетами в Димапур. По железной дороге туда прибыл штаб 33-го корпуса, которым командовал генерал Стопфорд, английская 2-я дивизия, отдельная индийская бригада, а также последняя неиспользованная бригада из соединения Уингейта.

У Кохимы — придорожной деревушки, расположенной в холмах, — наступление японцев на север было остановлено.

Тем временем на Северном фронте, несмотря на упорное сопротивление японской 18-й дивизии, Стилуэлл успешно продвигался к линии Могаунг, Мыйткыйна. Он опасался за свой восточный фланг, где его могла обойти расположенная вдоль китайской границы японская 56-я дивизия. Президент Рузвельт убедил Чан Кайши послать Стилуэллу еще одну китайскую дивизию, но только 25 апреля генералиссимус согласился отдать своим войскам в Юньнани приказ двинуться в Бирму. 10 мая четыре китайские дивизии перешли Салуин у Кунлонга и выше него, создав, таким образом, угрозу для японского фланга.

Чиндиты, действовавшие против неприятельских коммуникаций, получили в начале апреля подкрепления в составе еще двух бригад. Таким образом, сейчас у них действовало пять бригад. Они пробивались на север вдоль железной дороги, мешая на своем пути переброске подкреплений и уничтожая склады. Но Уингейта уже не было с ними. Японцы не сняли ничего с имфальского фронта, а с фронта Стилуэлла отозвали только один батальон. Они перебросили из Малайи свою 53-ю дивизию и пытались, хотя и безуспешно, ликвидировать эту угрозу для своих войск.

17 мая Стилуэлл устроил сюрприз как для японцев, так и для нас самих, захватив в результате быстрого наступления американской бригады под командованием генерала Мэррилла аэродром в Мыйткыйне. По воздуху были переброшены подкрепления для штурма города, но японцы упорно удерживали его до начала августа. В конце мая головная чиндитская (77-я) бригада осадила Могаунг — другой главный объект наступления Стилуэлла, и, наконец, 26 июня город был взят.

В районе Имфала напряжение по-прежнему не ослабевало. Наша авиация господствовала в воздухе, но муссоны мешали поставкам по воздуху, от которых зависел наш успех. Все наши четыре дивизии медленно выбирались из окружения. Вдоль Кохимской дороги войска, шедшие на выручку, и войска, находившиеся в окружении, с боями прокладывали себе путь навстречу друг другу.

Цитирую донесение Маунтбэттена:

«В третью неделю июня положение было критическим, и казалось, что несмотря на все усилия предыдущих двух месяцев 4-й корпус в начале июля окончательно истощит свои запасы, но 22 июня, за полторы недели до этого срока, английская 2-я и индийская 5-я дивизии соединились в пункте, расположенном в 29 милях севернее Имфала, и, таким образом, дорога к равнине оказалась открытой. В тот же день начали прибывать конвои».

С полным правом Маунтбэттен добавлял: «Угроза японцев Индии фактически миновала, впереди вырисовывается в перспективе первая крупная победа англичан в Бирме».

Глава пятнадцатая

СТРАТЕГИЯ В ВОЙНЕ ПРОТИВ ЯПОНИИ

Пока в Бирме и на Тихом океане шли описанные в предыдущей главе ожесточенные и решающие бои на суше и в воздухе, вся будущая политика ведения войны против Японии горячо обсуждалась нами в Лондоне, а также американцами в Вашингтоне и в переговорах между Лондоном и Вашингтоном. Я уже упоминал о докладе объединенного англо-американского штаба на Каирской конференции относительно политики на Тихом океане на длительное время и участия англичан в осуществлении этой политики. Я писал также о том, как этот доклад был парафирован президентом и мною, причем под давлением событий мы не имели возможности изучить его или обсудить между собой и с нашими советниками. Лишь в Маракеше, получив просьбу направить телеграмму по этому поводу доминионам, я понял, насколько далеко зашли при разработке своей точки зрения английские начальники штабов. Тут же выяснилось, что я не согласен с ними, и это привело к единственному значительному разногласию из всех возникавших между мною и военным кабинетом, с одной стороны, и нашими достойными доверия военными коллегами — с другой.

Коротко говоря, перед нами стоял следующий вопрос: должны ли мы направить наши военно-морские силы (а также те войска, авиацию и транспортные суда, которые мы смогли бы выделить и перебросить) для действий на левом фланге американских вооруженных сил в юго-западной части Тихого океана, базируясь при этом на Австралию? Именно такова была точка зрения наших начальников штабов, и им не трудно было достигнуть соглашения по этому вопросу в Каире со своими американскими коллегами. С другой стороны, я и мои соратники полагали, что мы должны продвигаться на восток в направлении Малаккского полуострова и голландских островов, используя в качестве базы Индию. Начальники штабов утверждали, что Маунтбэттен сможет приступить к осуществлению крупных десантных операций лишь через шесть месяцев после поражения Германии, тогда как к осуществлению их плана отправки подкрепления на Тихий океан (который, по их мнению, мы обязались выполнить) можно приступить гораздо раньше.

Как только я приехал на родину, я созвал заседание комитета обороны, на котором мы впервые детально рассмотрели и обсудили весь этот вопрос.

Через несколько дней я написал следующую памятную записку:

*Премьер-министр — генералу Исмею
для комитета начальников штабов*

24 января 1944 года

«1. Все мои коллеги министры, присутствовавшие на заседании 19-го, с большим неодобрением говорили мне о проектах, изложенных «плановиками». Я сам не согласен с этими планами, и этот вопрос надо будет обсудить в переговорах между правительствами. Следует также напомнить, что этот план сильно отличается от того, который изложил нам начальник штаба генерала Макартура. Таким образом, очевидно, что по этому вопросу существуют большие разногласия даже между самими американцами.

2. Никто не станет возражать против отправки предложенного небольшого числа судов для сотрудничества с американским флотом в любой июньской операции, которую они могут иметь в виду, и, конечно, мы всегда должны быть готовы усилить флот на Тихом океане. Но нельзя признать удовлетворительным такой план войны на этих театрах, который не предусматривает эффективного использования в 1944/45 году, еще до разгрома Гитлера, очень крупных воздушных сил и войск, которыми мы располагаем в Индии и в районе Бенгальского залива.

3. Единственная операция, в которой можно их эффективно использовать, — это Суматра («Калверин»). Я давно уже убеж-

ден в том, что это самый лучший способ отвлечь очень большое число японских самолетов, а, возможно, также и войск, или же, если удастся, отвоевать обратно важную территорию и приобрести базы, с которых мы с одинаковым успехом можем наносить удары по Сингапуру, Бангкоку, Малаккскому проливу и японским коммуникациям с Бирмой. Мои соратники согласны со мной в том, что мы должны сосредоточить свои усилия в этом направлении и разъяснить американцам, что взамен поддержки на Тихом океане, которую мы им собираемся оказать, мы рассчитываем на их помощь, а именно хотим получить от них достаточное число десантных судов и в такие сроки, чтобы мы могли атаковать Суматру в октябре, ноябре или декабре. Они легко могут сделать это за счет громадного нового строительства танкодесантных барж, начатого в этом году.

4. Мы должны подождать прибытия офицеров, направляемых адмиралом Маунтбэттенем, чтобы всесторонне обсудить с ними этот вопрос, и мы не можем послать какие-либо телеграммы доминионам, пока у нас не выработается по крайней мере свое собственное мнение».

В середине февраля 1944 года прибыла миссия Маунтбэттена во главе с заместителем начальника его штаба, способным американским генералом Ведмейером. Маунтбэттен полагал, что запроктированная американцами сквозная дорога из Северного Ассама в Китай может быть открыта для двустороннего сообщения не раньше июня 1946 года. Поэтому он советовал отказаться от этого плана и вместо этого расширить существующий воздушный путь. Если это будет сделано, то ему не надо будет отвоевывать такую большую часть Северной Бирмы. Освободившиеся благодаря этому силы он хотел использовать для проникновения в расположение противника в Малайе и в Голландской Индии и быстрого продвижения на северо-восток от одной базы к другой вдоль побережья Азии. Это дало бы возможность пользоваться более удобными морскими коммуникациями с Китаем и явилось бы непосредственной помощью американцам, наступающим на Японию из центральной части Тихого океана и с Новой Гвинеи. Прежде всего надо было овладеть Суматрой, и он предлагал сделать это, как только в Северо-Западной Европе освободятся средства, необходимые для комбинированных операций. Таким образом, вновь была поставлена в порядок дня операция «Калверин».

Однако эта стратегия не соответствовала рекомендациям, по поводу которых договорился в Каире объединенный англо-американский штаб. Таким образом, на очередь дня встал вопрос о наших разногласиях относительно политики на длительное время, требовавший немедленного и практического разрешения. Я давно был сторонником операции на Суматре, и мне понравился новый план Маунтбэттена. Я считал по-прежнему, что подсчеты

численности войск, необходимых для операций на Суматре, сильно завышены, но так или иначе в соответствии с планом, предложенным Маунтбэттенем, должен был образоваться излишек войск сверх того количества, которое требовалось для ведения сухопутной кампании в Бирме, и я был против того, чтобы использовать эти войска в операциях Макартура, где они играли бы второстепенную роль. В этом отношении меня полностью поддерживало министерство иностранных дел, которое полагало, что роль англичан на Дальнем Востоке не должна ограничиваться лишь оказанием незначительного содействия американцам; вряд ли это импонировало бы английскому народу. Кроме того, народы Азии были меньше заинтересованы в тихоокеанских островах, чем в обширных районах, которые значили для них очень много. В противоположность этому стратегия, предложенная командованием в Юго-Восточной Азии, немедленно оказала бы психологическое и политическое влияние, которое ускорило бы разгром Японии.

Я был совершенно уверен, что американцы будут рассуждать иначе. Поэтому я не был удивлен, когда 25 февраля 1944 года мне передали следующую телеграмму президента Рузвельта:

«Я очень озабочен последними тенденциями стратегии в пользу ведения в будущем операций в направлении Суматры и Малайи, вместо того чтобы преодолевать непосредственные препятствия, с которыми мы сталкиваемся в Бирме. Я не могу понять, как можно предпринять операцию против Суматры и Малайи, требующую громадных ресурсов и сил, прежде чем будет окончена война в Европе. Каким бы выгодным ни могло оказаться успешное осуществление операции «Калверин», все-таки, по-видимому, можно добиться гораздо большего, если мы используем все имеющиеся у нас сейчас ресурсы для решительного наступления в Северной Бирме, с тем чтобы усилить нашу воздушную мощь в Китае и обеспечить необходимую поддержку нашему продвижению на запад к району Формоза, Китай, Лусон».

Это не предвещало успеха миссии Ведемейера.

Американский комитет начальников штабов незадолго до этого принял решение о том, что, хотя продвижение генерала Макартура к Филиппинам должно продолжаться, основную атаку предпримет адмирал Нимиц из центральной части Тихого океана против Формозы. Поэтому начальники штабов полагали, что, с точки зрения стратегической, значение освобождения Малайи и Голландской Индии будет невелико и окажется запоздалым. Они не видели никакой необходимости в наступлении на Суматру. Они все еще считали главной задачей доставку по воздуху через Горб возможно большего количества снаряжения Китаю и строительство Бирманской дороги. У них созрел также

новый план — план создания в Китае баз бомбардировщиков дальнего действия для налетов на Японию, а это потребовало бы еще большего расширения поставок, чем предусматривалось до сих пор. Ведемейер с большим искусством отстаивал доводы, говорившие в пользу предложения Маунтбэттена, но ему не удалось убедить своих коллег и начальников.

* * *

В это самое время произошло неожиданное событие, имевшее очень большое значение. Главные силы японского флота, в том числе семь линкоров, направились из центральной части Тихого океана в Сингапур. Цель японцев была неясна. Вероятно, она заключалась главным образом в том, чтобы эти корабли находились возможно ближе к нефтяным ресурсам Голландской Индии. Однако надо было считаться с угрозой того, что они могут прорваться в Бенгальский залив. Такая вероятность заставляла отказаться пока что от операции «Калверин» и других десантных операций в индийских водах. Мы больше уже не обладали даже местным превосходством на море.

Тем временем продолжались наши переговоры с нашими начальниками штабов; они были длительными, а временами носили напряженный характер. Для того чтобы одобрить политику оказания помощи генералу Макартуру или адмиралу Нимицу, надлежало выяснить, какие силы можно будет базировать в Австралии, где их следует разместить — на восточном или же на северном и западном побережье. Наша информация была недостаточной, и ощущалась явная необходимость в дальнейшем изучении вопроса. Несомненно, что осуществление этого плана создало бы очень большое напряжение для нашего флота. В марте мы, казалось, зашли в тупик в переговорах между собой у себя в Англии. Комитет начальников штабов считал, что американцы ждут от нас посылки на Тихий океан флота для участия в операциях, которые могут начаться в июне. Поэтому я счел необходимым договориться по этому вопросу с президентом, а также информировать его о положении в целом.

Премьер-министр — президенту Рузвельту

10 марта 1944 года

«1. В заключительном докладе Каирской конференции объединенный англо-американский штаб сообщил, что он “одобрил в принципе в качестве основы для дальнейшего изучения и разработки” общий план разгрома Японии. Этот план предусматривал отправку на Тихий океан соединения английского флота, и предварительно намечалось, что оно начнет действовать на Тихом океане в июне 1944 года. Хотя мы с Вами

парафировали заключительный доклад, ни один из нас не имел возможности лично ознакомиться с этими вопросами, поскольку мы были заняты более неотложными делами. После этого военный кабинет и комитет начальников штабов продолжили «изучение», и мы пока что не пришли к единым выводам. Тем временем японский флот прибыл в Сингапур, и этот новый факт, на мой взгляд, имеет большое значение.

2. После того как в сентябре 1943 года капитулировал итальянский флот, мне очень хотелось как можно скорее направить соединение нашего флота на Тихий океан. Однако, когда я сообщил об этом адмиралу Кингу, он разъяснил мне, насколько силен был уже в то время флот США в этих водах по сравнению с японским флотом, и у меня создалось впечатление, что мы не очень нужны ему. Я видел также несколько телеграмм наших морских представителей в Вашингтоне, которые подтверждали указанное выше мнение. С другой стороны, как мне сообщили, адмирал Кинг информировал нашего начальника военно-морского штаба, что ему хотелось бы иметь в своем распоряжении наше соединение, при условии, если оно прибудет не раньше августа или сентября, когда легче будет удовлетворить потребности этого соединения в снабжении. В результате я сомневаюсь, действительно ли нужна наша помощь в этом году.

3. Поэтому я был бы очень благодарен, если бы Вы могли сообщить мне, намечается ли какая-нибудь определенная американская операция на Тихом океане а) до конца 1944 года или б) до лета 1945 года, осуществлению которой создало бы помехи или воспрепятствовало бы отсутствие соединения английского флота.

4. С другой стороны, прибытие японского флота в Сингапур, которое, между прочим, совпало с получением японцами сведений о прибытии эскадры наших линкоров в Индийский океан, по-видимому, свидетельствует о том, что они озабочены положением на Андаманских и Никобарских островах и Суматре. Несомненно, для Вас было бы полезно, если бы мы, сохраняя угрозу в Бенгальском заливе, могли удержать японский флот или значительную часть японского флота в Сингапуре и, таким образом, обеспечили Вам свободу действий на Тихом океане, с тем чтобы Ваши операции по обходу и нагнанию могли развиваться полным ходом.

5. Генерал Ведмейер может разъяснить все планы Маунтбэттена, касающиеся Индийского театра военных действий и Бенгальского залива. Они, несомненно, соответствуют тем требованиям, которые выдвигал Чан Кайши и которые Вы поддерживали, но мы не могли выполнить их до муссонов в связи с операциями на Средиземном море и операцией «Оверлорд». Лично я все еще придерживаюсь мнения, что десантная операция через Бенгальский залив даст возможность в течение ближайших 18 месяцев в максимальной степени использовать

силы, которыми мы располагаем в Индии, в войне против Японии. В настоящее время мы подробно изучаем проблемы снабжения, и на первый взгляд создается впечатление, что мы могли бы бросить в два-три раза больше сил для захвата островов по ту сторону Бенгальского залива, а затем против Малайи, чем нам удалось бы это сделать в том случае, если бы мы удлинити наши коммуникации примерно на девять тысяч миль вокруг южной части Австралии и действовали со стороны Тихого океана и на Вашем южном фланге. Есть также возражение против разделения нашего флота и наших усилий между Тихим и Индийскими океанами, что дезорганизовало бы работу столь большого числа наших баз от Калькутты до Цейлона и дальше в зоне Суэцкого канала.

6. Однако, прежде чем прийти к какому-либо окончательному заключению, мне хотелось бы знать Ваше мнение по вопросу, поставленному в пункте 3, а именно, создается ли помеха Вашим операциям на Тихом океане, если мы будем по-прежнему — во всяком случае в настоящее время и пока японский флот находится в Сингапуре — уделять основное внимание действиям в Индийском океане и в Бенгальском заливе, имея в виду осуществление десантных операций в этом районе, когда мы будем располагать соответствующими ресурсами».

Президент дал совершенно определенный ответ на мой первый вопрос.

Президент Рузвельт — премьер-министру

13 марта 1944 года

«а) На Тихом океане в течение 1944 года не будет проведено такой конкретной операции, на которую неблагоприятно повлияло бы отсутствие соединений английского флота. б) В настоящее время невозможно с достаточной точностью предвидеть дальнейшее развитие событий на Тихом океане, с тем чтобы быть уверенным, что там не потребуются присутствия соединения английского флота в течение 1945 года. Однако сейчас создается впечатление, что такое подкрепление не потребуется раньше лета 1945 года.

Имея в виду недавние передвижения вражеских войск, я лично считаю, что если только фортуна неожиданно не повернется к нам спиной на Тихом океане, Ваши морские силы принесут больше пользы нашим совместным усилиям, если они останутся в Индийском океане.

Все приведенные выше оценки операции основываются, конечно, на существующем положении и поэтому могут измениться, если изменятся обстоятельства».

Таким образом, я получил поддержку в неприятном споре, который я и мои коллеги по кабинету вели с комитетом начальников штабов. Поэтому я счел своим долгом вынести решение. В данном случае я обратился к начальникам штабов не в их совокупности как к комитету, а персонально к каждому из них.

Премьер-министр — начальнику военно-морского штаба, начальнику имперского генерального штаба и начальнику штаба военно-воздушных сил

20 марта 1944 года

«Я считаю своим долгом в качестве премьер-министра и министра обороны вынести следующие решения:

а) Если не случится непредвиденных событий, то до лета 1945 года основное внимание в войне Великобритании и империи против Японии будет уделяться операциям на Индийском ТВД и в районе Бенгальского залива.

б) Будет проведена вся необходимая подготовка к десантным операциям по ту сторону Бенгальского залива, на Малаккском полуострове и различных островах, защищающих подступы к нему, причем конечной целью является возвращение в наши руки Сингапура.

в) Будет создан мощный английский флот, который должен базироваться на Цейлон, атолл Аду и порты Голландской Индии и будет находиться под прикрытием нашей мощной авиации, действующей с берега. Для этого восточного флота должны быть как можно скорее выделены транспорт и вспомогательные суда с учетом первоочередных нужд операций «Оверлорд» и Средиземноморской кампании и необходимости снабжать продовольствием Англию в соответствии с существующими рационами.

г) Необходимо изучить, исправить и улучшить планы командования в Юго-Восточной Азии, касающиеся десантных операций через Бенгальский залив, с тем чтобы вступить в бой с врагом как можно скорее и как можно активнее.

д) В Австралию должна быть послана следовательская миссия, как только я одобрю ее состав. Она должна в короткий срок сообщить об условиях в Австралии и на возвращенных в наши руки островах к северу от Австралии, а также разработать на тот случай, если мы захотим в дальнейшем к нему прибегнуть, план переброски восточного флота и его вспомогательных судов, а также любых дополнительных судов, какие могут потребоваться, в юго-западную часть Тихого океана и распределения его по австралийским портам».

С этими решениями согласились. Тем не менее, поскольку обстановка непрерывно изменялась, я предпочел оставить открытой возможность выбора. Если бы вследствие давления основных сил японского флота операции в Бенгальском заливе стали невозможными, можно было бы найти пути поддержать наступление генерала Макарута действиями на его фланге. В нашем кругу мы назвали этот план «стратегией средней линии». Он предусматривал создание под общим контролем генерала Макарута англо-австралийской оперативной группы, включавшей все виды вооруженных сил, которая должна была участвовать в операциях по освобождению Голландской Индии и в то же время обойти Сингапур с юга. Этот план так и остался на бумаге. Война с Японией закончилась в такие сроки и таким образом, как это было совершенно невозможно представить себе во время описанных мною переговоров.

Глава шестнадцатая

ПОДГОТОВКА К ОПЕРАЦИИ «ОВЕРЛОРД»

В течение всего лета 1943 года генерал Морган¹ и его штаб, состоявший из представителей видов вооруженных сил союзников, работали над составлением плана. Масштабы и размах первого штурма побережья Нормандии по необходимости ограничивались числом имеющихся у нас десантных судов. Генерал Морган получил указание составить план штурма тремя дивизиями, за которыми немедленно должны были последовать еще две дивизии. Соответственно этому он предложил высадить три дивизии на побережье между Каном и Карантаном. Ему хотелось бы высадить часть войск к северу от Карантана, поближе к Шербуру, однако он полагал неразумным расплывать такие небольшие силы. Устье реки Вир у Карантана было болотистым, и двум флангам атакующих войск было бы трудно поддерживать связь между собой.

Отсутствие крупных гаваней на всем этом участке побережья побудило штаб Маунтбэттена предложить создание сборных гаваней. Принятые в Квебеке решения подтвердили необходимость в них и помогли внести ясность в эти вопросы. Я следил за развитием этого проекта, которым занимался комитет, состоявший из специалистов и представителей вооруженных сил и находившийся под руководством бригадира Брюса Уайта из военного министерства, который сам был видным гражданским инженером.

¹ Заместитель начальника штаба верховного главнокомандования союзными экспедиционными силами. — *Примеч. ред.*

Надо упомянуть также о подводных нефтепроводах «Плутон», по которым нефть перекачивалась с острова Уайт в Нормандию, а позднее из Данджнесса в Кале. За эту идею и многие другие мы очень обязаны штабу Маунтбэттена.

* * *

Генерал Морган и его штаб были очень довольны тем, что в Квебеке их предложения были одобрены. Теперь можно было приступить к обучению войск и изготовлению специального снаряжения.

Уже было рассказано о переговорах, которые привели к назначению генерала Эйзенхауэра верховным главнокомандующим, а генерала Монтгомери — командующим экспедиционной армией. Заместителем Эйзенхауэра был главный маршал авиации Теддер. Маршал авиации Ли-Меллори был назначен командующим авиацией, а адмирал Рамсей — командующим военно-морскими силами. Генерал Эйзенхауэр взял с собой генерала Беделла Смита в качестве начальника штаба, заместителем которого был назначен генерал Морган.

Эйзенхауэр и Монтгомери не соглашались с одной важной стороной предложений генерала Моргана. Они хотели, чтобы штурм был произведен более значительными силами на более широком фронте, с тем чтобы быстро овладеть плацдармом достаточно большого размера, на котором можно было бы накопить войска для прорыва. Они хотели, чтобы в первом штурме участвовало пять дивизий, а не три. Конечно, это было совершенно правильно. Но где взять дополнительные десантные суда? Из Юго-Восточной Азии уже было взято все, что возможно. На Средиземном море были десантные суда в количестве, достаточном для переброски двух дивизий, но они нужны были для операции «Энвил» — десанта в Южной Франции, который, будучи осуществлен одновременно с операцией «Оверлорд», должен был отвлечь германские войска с севера. Если уменьшить масштабы операции «Энвил», то она будет слишком слабой, чтобы оказать какую-либо помощь.

Лишь в марте генерал Эйзенхауэр после совещаний с английским комитетом начальников штабов вынес окончательное решение. Американский комитет начальников штабов согласился, чтобы генерал выступал от его имени. Поскольку Эйзенхауэр лишь недавно прибыл со Средиземного моря, он был полностью в курсе операции «Энвил», а теперь в качестве верховного главнокомандующего в операции «Оверлорд» мог лучше судить о нуждах обеих этих операций. Было решено взять суда, необходимые для переброски одной дивизии, из числа предназначавшихся для операции «Энвил», и использовать их в операции «Оверлорд». Суда для второй дивизии мож-

но было найти при условии отсрочки начала операции «Оверлорд» до июньского полнолуния. Выпуск новых десантных судов в течение этого месяца восполнил бы недостачу. Что касается необходимых дополнительных войск и боевых кораблей, то Англия и Соединенные Штаты должны были дать по одной дивизии с тем, чтобы довести общее число дивизий до пяти. Соединенные Штаты согласились также обеспечить поддержку флота для своей дополнительной дивизии. Таким образом, военно-морские силы, предназначенные для этой операции, распределялись примерно так: 80 процентов английских и 20 процентов американских.

* * *

Вернувшись из Маракеша, я сразу же занялся техническими вопросами, связанными с подготовкой к операции «Оверлорд». Таких вопросов было множество. По ту сторону Ла-Манша весь фронт был усеян препятствиями. Оборонительные сооружения были построены и укомплектованы¹. Враг ждал нашего нападения, но знал ли он, где, когда и как оно произойдет? У противника не было таких флангов, которые можно было бы обойти, во всяком случае в пределах радиуса действия наших истребителей. Корабли были, как никогда, уязвимы для береговых батарей, которые могли вести прицельный огонь с помощью радара. После высадки наших войск надо было обеспечить их снабжение и отбивать воздушные и танковые контратаки врага.

* * *

Я узнал, что создание искусственных гаваней «Малберри» наталкивается на трудности. Поэтому 24 января я созвал совещание. Намечалось установить по волнорезу («Гузберри») в каждом из районов, отведенных для штурма отдельным дивизиям. Таким образом, в соответствии с последними принятыми решениями требовалось в общей сложности пять «Гузберри», причем два из них должны были в свое время войти в конструкцию «Малберри». По предложению адмирала Теннанта, который руководил оперативными вопросами, связанными с подготовкой «Малберри», было решено, что «Гузберри» будут составлены из блокировочных судов, хотя для этого нужно было много больше дополнительных судов. Передвигаясь своим ходом, они могли бы быстро прийти к месту, где должны были

¹ Речь идет об Атлантическом вале — системе оборонительных сооружений немцев на побережье Атлантики. Как известно, этот рубеж не был построен и не представлял серьезного препятствия.

быть затоплены; таким образом, почти немедленно было бы создано некоторое прикрытие. Все могло быть выполнено в течение четырех или пяти дней. Бетонные кессоны «Феникс», нужные для окончания работ по строительству «Малберри», можно было доставить на буксире по частям, но для этого потребовалось бы по крайней мере 14 дней. Ощущался недостаток в буксирах, и я распорядился, чтобы произвели их перепись. Адмиралтейству требовалось, чтобы общая длина блокировочных судов составляла восемь тысяч ярдов. Почти вся эта потребность была покрыта путем использования 70 старых торговых судов и 4 устаревших военных кораблей. Поскольку большая часть «Малберри» строилась в Англии, я полагал, что мы имеем основание ждать от американцев, что они помогут нам путем предоставления блокировочных судов. По моему предложению они это сделали, предоставив примерно половину блокировочных судов. Что касается остального, то строительство 23 плавучих молов шло хорошо.

* * *

Назначение командующих ускорило подготовку операции. На Средиземном море с успехом были использованы танки «Д. Д.», которые могли выплывать на берег, и было ясно, что они снова понадобятся. Производилась также работа, имевшая целью сделать водонепроницаемыми обычные машины на гусеницах и колесах, с тем чтобы они могли своим ходом выйти на берег, проплыв несколько футов.

Я был очень заинтересован планом бомбардировки, открывающей операцию, особенно планом обстрела с моря.

Для орудийного обстрела с моря было выделено 6 линкоров, 2 больших монитора, 22 крейсера и большое число миноносцев и мелких судов. Две трети этих кораблей были английскими.

Поскольку масштабы экспедиции были определены, можно было приступить к интенсивному обучению. Довольно значительная трудность заключалась в том, чтобы найти для этого достаточную территорию. Мы договорились в общих чертах о разделе территории между английскими и американскими войсками. Согласно этой договоренности англичане занимали юго-восточную часть Англии, а американцы — юго-западную. Жители прибрежных районов охотно мирились со всякого рода неудобствами.

Теория и практика десантных операций уже давно были разработаны штабом комбинированных операций под руководством адмирала Маунтбэттена, которого впоследствии сменил генерал Лэйкок. Теперь, помимо тщательного общего обуче-

ния, необходимого для ведения современной войны, надо было обучить этой теории и практике всех, кто должен был участвовать в десанте. Конечно, такая подготовка уже задолго проводилась в Англии и Америке. Производились большие и малые маневры с боевыми стрельбами. Многие офицеры и солдаты впервые вступали в бой, однако все они вели себя, как закаленные бойцы.

Во время завершающих учений всех трех видов вооруженных сил, которые развернулись в начале мая, были учтены уроки предыдущих крупных учений и, конечно, нашего тяжелого опыта в Дьепе. Вся эта деятельность не осталась незамеченной врагом. Мы ничего не имели против этого и особенно старались, чтобы эта деятельность была замечена наблюдателями в Па-де-Кале, ибо мы хотели, чтобы немцы сочли, что мы будем наступать там.

По мере того как поступали новые сведения о неприятеле, нам приходилось менять наши планы и обновлять их. Нам были известны общее расположение войск неприятеля и его основные оборонительные сооружения, артиллерийские позиции, огневые точки и траншеи вдоль побережья. Однако после того, как в конце января командование перешло к Роммелю, начали появляться значительные дополнительные сооружения и усовершенствования. Нам особенно важно было обнаружить все препятствия новых типов, которые могли быть созданы, и найти средства против них.

Постоянная воздушная разведка давала нам сведения о том, что происходит по ту сторону Ла-Манша. Существовали, конечно, и другие способы выяснить это. Было предпринято множество поездок небольших групп на мелких судах для выяснения некоторых сомнительных вопросов, для измерения глубины моря у побережья, для осмотра новых препятствий, а также для выяснения крутизны берега и его характера. Все это надо было делать в темноте, бесшумно, незаметно производя разведку и своевременно возвращаясь обратно.

* * *

Весьма сложным делом было установить день и час высадки — момент, когда первые десантные суда пристанут к берегу. В зависимости от этого надо было установить многие другие сроки. Было решено приблизиться к неприятельскому берегу при свете луны, так как это было бы удобнее для наших кораблей и воздушно-десантных войск. Высадку нужно было производить после рассвета, чтобы обеспечить надлежащий порядок при развертывании небольших судов и точность прикрывающего огня. Однако, если бы промежуток между рассветом и моментом высадки был слишком велик, противник

имел бы больше времени, чтобы оправиться от неожиданности и обстрелять наши войска в момент высадки.

Кроме того, надо было учесть влияние приливов. Если бы мы произвели высадку при высшем уровне прилива, то подходу к берегу мешали бы подводные препятствия. Если произвести высадку при низшем уровне отлива, то войскам пришлось бы пройти большое расстояние по открытому для обстрела берегу. Надо было учесть много других факторов, и в конце концов было решено произвести высадку примерно за три часа до высшей точки прилива. Но это еще не все. Между приливами на восточном и западном берегах была разница во времени 40 минут, а в одном из английских секторов был подводный риф. Для каждого сектора было установлено свое особое время высадки, причем разница во времени достигала в некоторых случаях 85 минут.

В течение каждого лунного месяца было только три таких дня, когда все желательные условия были налицо. Первый трехдневный период после 31 мая (дата, намеченная генералом Эйзенхауэром) приходился на 5, 6 и 7 июня. Таким образом, был избран день 5 июня. Если бы в течение всех этих трех дней погода оказалась неблагоприятной, то операцию пришлось бы отложить, по крайней мере, на две недели или даже на целый месяц, если бы мы стали ждать благоприятной фазы.

* * *

К апрелю наши планы стали принимать окончательную форму. Английская 2-я армия под командованием генерала Демпси должна была высадить три дивизии на побережье к северу и северо-западу от Кана. За несколько часов до этого одна воздушно-десантная дивизия должна была быть сброшена к северо-востоку от Кана для захвата мостов в нижнем течении реки Орн и для защиты восточного фланга. На правом фланге англичан американская 1-я армия под командованием генерала Омара Брэдли должна была высадить одну дивизию на побережье к востоку от устья реки Вир и одну дивизию к северу от него. Для помощи последней намечалось перед этим сбросить две воздушно-десантные дивизии на несколько миль в глубь страны. Каждая из этих армий должна была иметь по одной дивизии на судах для того, чтобы немедленно обеспечить подкрепление.

В число первых объектов атаки входили Кан, Байе, Изиньи и Карантан. Заняв эти пункты, американцы должны были наступать через полуостров Котантен, а также к северу для захвата Шербура. Англичане должны были защищать американский фланг на случай контратаки с востока и занять территорию к югу и юго-востоку от Кана, где мы могли создать

аэродромы и использовать наши бронетанковые силы. Мы надеялись через три недели после высадки достигнуть линии Фалез—Авранш и, поскольку к тому времени должны были быть высажены крупные подкрепления, прорваться на восток в направлении Парижа, на северо-восток к Сене и на запад для захвата портов Бретани.

Осуществление этих планов зависело от того, сможем ли мы быстро накопить силы на побережье. При штабе верховного главнокомандующего в Портсмуте была создана специальная организация для координирования сложных морских перевозок, причем в портах погрузки ей были подчинены соответствующие органы, в которых участвовали представители различных видов вооруженных сил. Подобная же организация контролировала перевозки материалов по воздуху. Первоочередной задачей было усиление и расширение многочисленных организаций на берегах Франции. Через короткое время они должны были работать так же напряженно, как крупный порт.

Задача флота заключалась в благополучной переброске войск через Ла-Манш и в поддержке высадки всеми имеющимися в его распоряжении средствами. Затем флот должен был обеспечить свое временное прибытие подкреплений и материалов вопреки

всем непредвиденным обстоятельствам, которые могли возникнуть в связи с состоянием моря или в результате действий врага. Адмирал Рамсей командовал двумя оперативными группами — одной английской и одной американской. Восточная оперативная группа под командованием адмирала Вайана должна была контролировать все операции военно-морского флота в английском секторе. Американский адмирал Кэрк выполнял ту же роль в отношении американской 1-й армии. Эти два командования располагали пятью эшелонами десанта, причем каждый из них обладал боевыми элементами дивизии и каждый имел свои собственные специализированные суда, чтобы оказывать непосредственную поддержку войскам во время высадки. Это было основное ядро атакующих сил. Мощные союзные военно-морские и военно-воздушные силы должны были прикрывать и защищать атакующие десантные войска.

Из портов погрузки, протянувшихся от Феликстоу на востоке до Бристольского залива на западе, суда надо было провести вдоль берега конвоями к назначенному месту поблизости от острова Уайт. Отсюда огромная армада должна была отплыть в Нормандию. Вследствие большой перегруженности наших южных портов, а также для того, чтобы ввести противника в заблуждение, было решено сконцентрировать тяжелые морские бомбардирующие силы на Клайде и в Белфасте.

Главную опасность на пути к противнику создавали мины, хотя подводные лодки и легкие надводные суда также представляли собой угрозу.

Поэтому траление мин было очень важной задачей. Целый минный барьер преграждал нам путь к противнику, и мы не могли знать, что еще может предпринять противник в последний момент в самом районе штурма. Через минные заграждения надо было проложить 10 отдельных проходов, очищенных от мин, по которым мог бы пройти конвой с первым эшелоном десанта, а после этого необходимо было очистить от мин весь район. Было создано 29 флотилий минных тральщиков, в состав которых входило около 350 судов.

Мощные наступательные операции, порученные командованию бомбардировочной авиации и описанные в одной из предыдущих глав, уже осуществлялись на протяжении многих недель. Тактические военно-воздушные силы союзников под командованием главного маршала авиации Ли-Меллори не только помогали тяжелым бомбардировщикам разрушать вражеские коммуникации и изолировать район боя, но также имели своей задачей разгромить воздушные силы противника до начала боев на суше. Немецкие аэродромы и сооружения подвергались в течение трех недель до дня высадки все более сильным бомбардировкам, а истребители бросали вызов противнику, неохотно вступавшему в бой. Что касается самого штурма, то первая за-

дача заключалась в защите наших кораблей и конвоев от атак с моря или воздуха, а затем в том, чтобы нейтрализовать радарные установки противника и, участвуя в осуществлении совместного плана бомбардировок, сверх того обеспечить прикрытие истребителями якорных стоянок и побережья. Надо было благополучно доставить в темноте к их объектам три воздушно-десантные дивизии, а также перебросить ряд особых отрядов, задача которых заключалась в том, чтобы ободрить и активизировать бурлящее движение Сопrotивления.

* * *

Важнейшее значение имела бомбардировка с целью прикрытия высадки первых частей. До дня высадки многие береговые батареи подверглись предварительным атакам с воздуха — не только батареи, защищавшие берега, где было намечено произвести вторжение, но и батареи вдоль всего французского побережья; это делалось для того, чтобы ввести противника в заблуждение. В ночь накануне дня высадки крупные силы английских тяжелых бомбардировщиков должны были совершить нападение на 10 наиболее крупных батарей, которые могли оказать сопротивление высадке. Перед рассветом на смену тяжелым бомбардировщикам должны были прийти средние бомбардировщики и должен был начаться артиллерийский обстрел с кораблей с помощью самолетов-корректировщиков. Примерно через полчаса после рассвета на оборонительные сооружения врага предполагалось обрушить всю мощь американских тяжелых и средних бомбардировщиков. Поддержать огонь должны были также многочисленные орудия и ракетные установки самых разнообразных видов, установленные на кораблях.

* * *

Разумеется, при составлении планов нам приходилось продумывать не только то, что мы в действительности собирались делать. Враг, несомненно, знал, что ведется подготовка к большому вторжению. Нам надо было скрыть от него место и время атаки и заставить его думать, что мы произведем высадку где-либо в другом месте и в другое время. Эта задача требовала большой изобретательности и стоила многих хлопот. Был запрещен доступ в прибрежные районы, была усилена цензура, после определенной даты была прекращена доставка писем, иностранным посольствам было запрещено посылать шифрованные телеграммы, и даже их дипломатическая почта задерживалась.

Наша основная уловка заключалась в том, чтобы сделать вид, что мы намерены переправиться через Дуврский пролив. Даже сейчас нельзя сообщить о всех методах, применявшихся

для обмана врага. Конечно, использовались такие очевидные средства, как имитация сосредоточения войск в Кенте и Суссексе, создание в портах Юго-Восточной Англии целых флотов кораблей-макетов, десантные учения на прилегающих участках побережья, усиленная работа радиопередатчиков. В тех местах, где мы не собирались высадиться, производилась более усиленная разведка, чем там, где мы намечали произвести высадку. Все это дало прекрасные результаты. Германское верховное командование абсолютно верило тем данным, которые мы любезно предоставляли в его распоряжение. Главнокомандующий Западным фронтом Рундштедт был убежден, что нашей целью является Па-де-Кале.

* * *

Сосредоточение штурмующих сил — 176 тысяч солдат, 20 тысяч машин, а также многих тысяч тонн припасов, которые надо было перевезти в течение первых двух дней, — само по себе было огромной задачей. Этим занимались главным образом военное министерство и железнодорожные власти, причем они очень успешно справились со своими обязанностями. Со своих обычных стоянок, разбросанных по всей Англии, войска были доставлены в южные графства — в районы, простирающиеся от Ипсуича вокруг полуострова Корнуолл и до Бристольского залива. Три воздушно-десантные дивизии, которые предстояло сбросить в Нормандии до высадки с моря, были сосредоточены поблизости от аэродромов, с которых они должны были вылетать. Из своих районов сосредоточения в тылу войска были доставлены в лагеря в районы развертывания, близ побережья, для посадки на суда в соответствии с установленной очередностью. В этих лагерях войска были разделены на отряды, численность которых соответствовала вместимости судов, на которые они должны были быть посажены. Здесь каждый солдат получил соответствующие приказы. После того как был произведен инструктаж, никому не разрешалось покидать лагерь. Сами лагеря находились поблизости от пунктов посадки на суда. Последние представляли собой порты или «твердые дорожки», то есть бетонированные участки берега, позволяющие быстро произвести погрузку на небольшие суда. Здесь их должны были встретить корабли.

Казалось совершенно невероятным, чтобы все эти передвижения по морю и по суше ускользнули от внимания противника. Было много соблазнительных мишеней для авиации, и поэтому были приняты все меры предосторожности. Почти семь тысяч орудий и ракетных установок, свыше тысячи аэростатов защищали это громадное скопление солдат и машин. Однако не было никаких признаков появления германской ави-

ации. Насколько положение отличалось от того, что было за четыре года до этого! Отряды местной обороны, которые все эти годы терпеливо ждали, когда им будет предоставлено подходящее дело, наконец нашли его. Этими отрядами не только были укомплектованы отдельные участки противоздушной и береговой обороны, но они также взяли на себя несение внутренней службы и службы безопасности во многих местах, освободив тем самым других солдат для участия в бою.

Таким образом, вся Южная Англия превратилась в огромный военный лагерь, заполненный солдатами, которые были обучены, проинструктированы и с нетерпением ждали схватки с немцами, находившимися на другом берегу.

Глава семнадцатая

РИМ

11 мая — 9 июня

Перегруппировка наших сил в Италии производилась в большой тайне. Делалось все возможное, чтобы скрыть наши передвижения от врага и ввести его в заблуждение. Когда перегруппировка была закончена, командующий 5-й армией генерал Кларк имел более семи дивизий, в том числе четыре французские, на фронте от моря до реки Лири; 8-я армия, находившаяся теперь под командованием генерала Лиза, удерживала линию, проходившую через Кассино и дальше через горы, причем численность ее была эквивалентна примерно численности 12 дивизий. Шесть дивизий находились на плацдарме у Анцио и готовы были выступить в удобный момент. В адриатическом секторе оставались войска, эквивалентные лишь трем дивизиям. В целом союзники имели больше 28 дивизий.

Им противостояли 23 немецкие дивизии. Но наши мероприятия по обману противника (в частности, угроза высадки в Чивитавеккья, морском порту Рима) настолько сбили с толку Кессельринга, что его дивизии были распылены на большом пространстве. Между Кассино и морем, где мы должны были нанести главные удары, находились только четыре дивизии, а резервы были распылены и расположены далеко. Наша атака была неожиданной. На позициях, противостоящих английскому сектору фронта, немцы производили смену войск, а один немецкий командующий армией собирался в отпуск.

Большое наступление началось в тот же вечер, в 11 часов. Артиллерия обеих наших армий, состоявшая из двух тысяч орудий, начала ожесточенный обстрел. На заре артиллерию поддер-

жала всей своей мощью тактическая авиация. Севернее Кассино польский корпус пытался окружить монастырь, заняв высоты, которые до этого были ареной наших неудач. Однако поляки были остановлены и отброшены. Английскому 13-му корпусу с английской 4-й и индийской 8-й дивизиями во главе удалось создать небольшие плацдармы по другую сторону реки Рапидо; однако пришлось ожесточенно сражаться, чтобы удержать их. На фронте 5-й армии французы вскоре продвинулись до Монте-Файто, но на прилегающем к морю фланге американский 2-й корпус натолкнулся на упорное сопротивление и дрался за каждый ярд земли. После 36 часов ожесточенных боев сопротивление противника начало ослабевать. Французский корпус занял Монте-Майо, и генерал Жюэн быстро двинул свою моторизованную дивизию вверх по реке Гарильяно, чтобы занять Сан-Амброджо и Сан-Аполлинаре, очистив, таким образом, весь западный берег реки. 13-й корпус добился более глубокого прорыва сильных оборонительных позиций противника по ту сторону реки Рапидо и 14 мая, получив в качестве подкрепления 78-ю дивизию, начал успешно продвигаться. Французы вновь стали наступать в долине Аусенте и заняли Аусонию, а генерал Жюэн двинул своих *goums*¹ по непроходимым горам к западу от Аусонии. Американскому корпусу удалось занять пункт Санта-Мария-Инфанте, за обладание которым они так долго сражались. Две немецкие дивизии, которым на этом фланге приходилось выдерживать атаки шести дивизий 5-й армии, понесли очень большие потери, и весь немецкий правый фланг к югу от реки Лири развалился.

Несмотря на крушение своего прилегающего к морю фланга, к северу от реки Лири противник отчаянно цеплялся за последние участки линии Густава. Но постепенно его сопротивление преодолевалось. 15 мая 13-й корпус достиг дороги Кассино — Пиньяторе, и генерал Лиз подтянул канадский корпус, чтобы тот был готов развить его успех. На следующий день 78-я дивизия, наступая на северо-запад, прорвала оборону и достигла автострады номер 6, а 17 мая поляки предприняли атаку к северу от монастыря. На этот раз атака была успешной, и они заняли высоты к северо-западу от монастыря, господствующие над шоссе и дорогой.

Утром 18 мая город Кассино был наконец очищен английской 4-й дивизией, а поляки торжествующе водрузили свой красно-белый флаг над развалинами монастыря. Хотя не они первыми вступили туда, они очень отличились в этом своем первом крупном сражении в Италии. Позднее под командова-

¹ Туземные марокканские войска, находившиеся под командованием французских офицеров и военнослужащих сержантского состава, обладавшие большим опытом ведения войны в горных условиях. Они насчитывали 12 тыс. человек. — *Примеч. авт.*

нием стремительного генерала Андерса, которому и самому пришлось перенести заключение в России, они прекрасно показали себя во время длительного наступления к реке По. 13-й корпус также продвинулся по всему фронту и достиг окрестностей Акино, тогда как канадский корпус наступал к югу от него. На другом берегу реки Лири французы достигли Эсперии и продвигались к Пико. Американский корпус занял Формию, и его дела тоже шли очень успешно. Кессельринг поспешно посылал на юг подкрепления, как только успевал собирать их, но они прибывали по частям, и их тут же бросали в бой, чтобы задержать нарастающую лавину наступающих союзников. 8-й армии оставалось еще прорвать линию Адольфа Гитлера, шедшую от Понтекорво к Акино и затем в Пьедимонте, но теперь было ясно, что скоро немцев принудят к общему отступлению.

Поэтому внимание наших командиров было сосредоточено на двух вопросах: выбор момента и направления прорыва из Анцио и возможность того, что немцы остановятся для последней, решающей битвы к югу от Рима, закрепившись на Альбанских горах и у Вальмонтоне, расположенного на шоссе на дороге.

* * *

8-я армия убедилась, что атаки, предпринятые для прорыва линии Адольфа Гитлера в долине реки Лири, не дали результатов. Хотя обороняющие эту линию войска были брошены туда в спешке, они состояли из стойких солдат, а сами оборонительные сооружения были очень сильны. Надо было вести наступление планомерно, что невозможно было сделать раньше 23 мая. Однако тем временем французы после упорных боев заняли Пико, а американский корпус вступил в Фонди. У немцев было достаточно оснований тревожиться за свой южный фланг.

Премьер-министр — генералу Александеру

23 мая 1944 года

«Бои, которые Вы ведете, по-видимому, приближаются к развязке, и мы все здесь мысленно с Вами. Поскольку противник отходит на своем левом фланге, заголовки газет, понятно, посвящены продвижению французов и американцев. Благодаря Вашей поздравительной телеграмме полякам, которую они вполне заслужили, им тоже уделяется много внимания.

Вчера на заседании кабинета было задано несколько вопросов о том, достаточно ли отмечается роль английских войск. Они вели бои на самых трудных и неприступных участках фронта. Мы не хотим, чтобы говорилось что-нибудь без оснований, но при чтении газет может сложиться впечатление, что

наши войска не участвуют активно в операциях. Я, конечно, знаю, каково действительное положение вещей, но в общественном мнении это может вызвать недоумение и недовольство. Не можете ли Вы поэтому говорить о них несколько больше в коммюнике, при условии, конечно, если Вы считаете, что они того заслуживают».

На долю канадского корпуса выпало действовать на направлении главного удара в долине реки Лири. К полудню 24 мая канадцы добились прорыва, а их бронетанковая дивизия пробилась к Чепрано. На следующий день на всем фронте 8-й армии немцы отступали, а их ожесточенно преследовали.

* * *

Генерал Александер решил, что удар с плацдарма в Анцио должен быть нанесен одновременно с прорывом 8-й армии. Американский генерал Трэскотт нанес удар по Чистерне двумя дивизиями своей армии, которые все еще называли 6-м корпусом. Чистерна была занята 25 мая после двухдневных упорных боев, и в тот же день войска, находившиеся на плацдарме, вошли в соприкосновение с передовыми частями американского 2-го корпуса, которые заняли Террачину и продвинулись дальше.

* * *

Генерал Трэскотт быстро воспользовался преимуществом прорыва, произведенного им в Чистерне. По приказу генерала Кларка он направил три дивизии, в том числе одну бронетанковую, в Веллетри и к Альбанским горам. Но он направил только одну дивизию — американскую 3-ю — к Вальмонтоне, где можно было отрезать наиболее важный путь отступления противника дальше на юге. Это не соответствовало указаниям Александера, который рассматривал Вальмонтоне как важнейшую цель.

Премьер-министр — генералу Александеру

28 мая 1944 года

«Мы все в восторге, что получаем от Вас хорошие известия. Отсюда, на расстоянии, представляется самым важным отрезать им путь отступления. Я уверен, что Вы тщательно продумали вопрос о продвижении более значительных танковых сил по Аппиевой дороге, вплоть до самого северного аванпоста, создающего угрозу дороге Вальмонтоне — Фрозиноне. Окружение противника гораздо важнее взятия Рима, которое так или иначе будет его следствием. Главное — это добиться окружения».

Однако дивизии «Герман Геринг» и части других дивизий, хотя они и были задержаны опустошительными нападениями с воздуха, все-таки первыми прибыли в Вальмонтоне. Единственная американская дивизия, посланная генералом Кларком, была остановлена под Вальмонтоном, и путь к отступлению, таким образом, не удалось отрезать. Это была большая неудача.

Враг на юге повсюду отступал, и союзная авиация делала все возможное, чтобы мешать его передвижению и рассеивать скопления войск противника. Упорное сопротивление арьергардов часто задерживало наши войска, преследовавшие противника, и его отступление не превратилось в беспорядочное бегство.

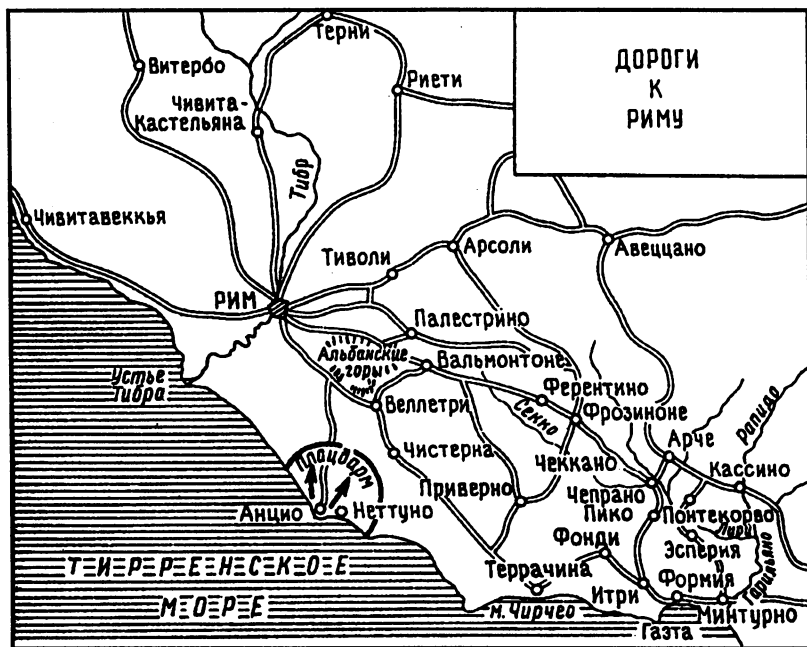
Американский 2-й корпус двинулся к Приверно, французы — к Чеккано, тогда как канадский корпус и английский 13-й корпус наступали по долине к Фрозиноне, а 10-й корпус — по дороге к Авеццано. Три американские дивизии, брошенные с плацдарма в Анцио через брешь по направлению к Веллетри и Альбанским горам, а также 36-я дивизия, которая позднее была направлена им в подкрепление, встретили очень упорное сопротивление и в течение трех дней не могли продвинуться вперед. Они приготовились возобновить атаку Вальмонтоне, куда Кессельринг направлял для подкрепления все пригодные к бою войска, какие он мог найти. Однако блестящий удар американской 36-й дивизии, вероятно, привел его в замешательство. Американцы упорно сражались в юго-западной части Альбанских гор. Ночью 30 мая они обнаружили, что немцы оставили важную высоту неохраняемой. Пехота двинулась вперед сомкнутыми колоннами и заняла командные пункты. Через сутки 36-я дивизия прочно закрепилась там, и последняя немецкая оборонительная линия к югу от Рима была прорвана.

Премьер-министр — генералу Александеру

31 мая 1944 года

«Занятие Рима — это большое, мировое событие, и его не следует преуменьшать. Я надеюсь, что англичане и американцы вступят в город одновременно. Я не стал бы смешивать его с другими городами, занятыми в тот же день.

Как хорошо, что мы выстояли против наших друзей — начальников штабов США — и не допустили, чтобы Вас лишили возможности полностью воспользоваться плодами этого сражения! Я буду поддерживать предоставление Вам приоритета во всем, что Вам требуется для завершения этой славной победы. Уверен, что американские начальники штабов теперь поймут, что они совершили бы ошибку, если бы в тот момент вывели из боя или как-либо ослабили войска, сражающиеся в

этой кампании, ради других операций десантного характера, к которым, возможно, в очень недалеком будущем будут обращены все наши помыслы.

Желаю вам удачи».

* * *

Успех американской 36-й дивизии не дал непосредственных результатов. Противник отчаянно цеплялся за Альбанские горы и Вальмонтоне, хотя путь отступления основных сил его армии теперь отклонился к северу, в направлении Авеццано и Арсоли, где их преследовали английские 10-й и 13-й корпуса и самолеты тактической авиации. К сожалению, горный характер местности помешал нам пустить в ход наши крупные бронетанковые силы, которые в иных условиях можно было бы использовать с большой выгодой.

2 июня американский 2-й корпус занял Вальмонтоне и двинулся на запад. В эту ночь сопротивление немцев было сломлено, и на следующий день американский 6-й корпус в Альбанских горах, имея на своем левом фланге английские 1-ю и 5-ю дивизии, двинулся к Риму. Части американского

2-го корпуса немного опередили их. Они нашли, что большая часть мостов осталась невредимой, и в 7 часов 15 минут вечера 4 июня передовой отряд их 88-й дивизии вступил на площадь Венеции, в центре столицы.

Премьер-министр — генералу Александеру

9 июня 1944 года

«Поздравьте от нашего имени командиров и войска Соединенных Штатов, Великобритании, Канады, Новой Зеландии, Южно-Африканского Союза, Индии, Франции, Польши и Италии, которые отличились во всех сражениях, в которых они принимали участие.

Вместе с Вами мы надеемся, что одержим дальнейшие успехи, неустанно преследуя разгромленного врага и отрезая ему путь к отступлению».

* * *

Время от времени я подробно информировал Сталина о ходе этих операций, и 5 июня, когда происходили также и другие события, сообщил ему наши хорошие новости.

Премьер-министр — премьеру Сталину

5 июня 1944 года

«1. Вы, вероятно, были рады узнать о вступлении союзников в Рим. Отрезать как можно больше вражеских дивизий — вот то, что мы всегда считали более важным. Генерал Александер сейчас направляет сильные бронетанковые соединения на север к Терни, что должно в значительной степени завершить окружение всех дивизий, которые были посланы Гитлером для борьбы южнее Рима. Хотя комбинированная операция сухопутных и морских сил по высадке десанта у Анцио и Неттуно не принесла немедленных плодов, как я надеялся, когда она планировалась, она была правильным стратегическим маневром и дала в конце свои результаты. Во-первых, она оттянула десять дивизий из следующих мест:

одну из Франции, одну из Рейнской области,

четыре из Югославии и Истрии,

одну из Дании и три из Северной Италии.

Во-вторых, она привела к оборонительной битве, в которой хотя мы и потеряли около 25 000 человек, немцы были отброшены и значительная часть живой силы их дивизий была выведена из строя, причем потери противника составили около 30 000 человек. Наконец, десант у Анцио сделал возможным тот маневр, для которого он был первоначально запланирован,

но в значительно большем масштабе. Генерал Александер концентрирует сейчас все усилия на том, чтобы поймать в ловушку дивизии, находящиеся южнее Рима. Некоторые из них отступили в горы, побросав большое количество своего тяжелого вооружения, но мы надеемся захватить много пленных и материалов. Как только это будет закончено, мы решим, как лучше всего использовать наши армии в Италии для поддержки главной операции. Британцы, американцы, свободные французы и поляки — все они разбили наголову или побили во фронтальном наступлении германские войска, противостоявшие им, и вскоре нам предстоит сделать важный выбор между представившимися возможностями.

2. Я только что возвратился после двухдневного пребывания в главной квартире генерала Эйзенхауэра, где я наблюдал за войсками, погружающимися на суда. Нам весьма трудно заполучить подходящую погоду, потому что понятие такой погоды определяется совокупностью различных факторов, таких, как прилив, волны, туман и облачность, от которых зависит, сумеем ли мы максимально использовать наши огромные морские и сухопутные силы. С большим сожалением генерал Эйзенхауэр был вынужден отложить операцию на одну ночь, но прогноз погоды претерпел весьма благоприятные изменения, и сегодня ночью мы выступаем. Мы используем 5000 судов, и в нашем распоряжении имеется 11 000 полностью подготовленных самолетов».

Из многих мест поступили телеграммы с сердечными поздравлениями. Я получил даже одобрение от Медведя:

Маршал Сталин — премьер-министру 5 июня 1944 года

«Поздравляю Вас с большой победой союзных англо-американских войск — взятием Рима.

Это сообщение встречено в Советском Союзе с большим удовлетворением».

* * *

Сталин имел основания быть в хорошем настроении, так как дела у него шли хорошо. По своим масштабам борьба, которую вели русские, значительно превосходила операции, о которых я до сих пор говорил. Несомненно, она создала основу, позволившую английским и американским армиям приблизиться к кульминационной точке войны.

Положение армий Гитлера в конце мая было безнадежным. Его 200 дивизий на Восточном фронте не могли надеяться противостоять русской лавине, когда та опять двинется. Гитлеру всюду грозила неминуемая катастрофа. Для него теперь наступило время решать, как перегруппировать свои силы, где

они должны отступить и где держаться. Но вместо этого он давал им всем приказы держаться и сражаться до конца. Он нигде не собирался отступить. Тем самым германские армии были обречены на разгром на всех трех фронтах.

Глава восемнадцатая

НАКАНУНЕ

В понедельник 15 мая, за три недели до дня высадки, мы устроили заключительное совещание в штабе Монтгомери в Лондоне, в школе св. Павла¹. На совещании присутствовали король, фельдмаршал Смэтс², английские начальники штабов, командующие экспедиционными силами и многие из руководящих офицеров их штабов. На помосте была установлена карта побережья Нормандии и прилегающей местности. Она была установлена наклонно, так что присутствовавшие могли ясно ее видеть, и была так устроена, что при разъяснении плана операций высшие офицеры могли ходить около карты и указывать на ней ориентиры.

Совещание открыл генерал Эйзенхауэр, а в конце утреннего заседания выступил с речью король. Я тоже произнес речь, в которой сказал: «Я все больше становлюсь сторонником этой операции». Генерал Эйзенхауэр в своей книге «Крестовый поход в Европу» придает этому такое значение, будто в прошлом я был противником операции по форсированию Ла-Манша, но это неверно. 11 марта я написал те же самые слова генералу Маршаллу и разъяснил, что я применяю их «в том смысле, что я хочу нанести удар, если только это в человеческих возможностях, даже если установленные нами необходимые условия не будут точно выполнены». Затем поднялся Монтгомери и произнес речь. Она произвела впечатление.

После него выступили несколько командующих военноморскими, сухопутными и военно-воздушными силами, а также начальник административно-хозяйственной службы, который рассказал о тщательной подготовительной работе для обеспечения снабжения войск после их высадки. Количество различных предметов снабжения, которые он перечислил, было поразительно большим, и я вспомнил о рассказе адмирала Эндрю Кэннингхэма, как во время операции «Торч» первые самолеты доставили в Алжир зубоорубочные кресла. Мне сообщили, например, что будет высажено две тысячи офицеров

¹ Одна из английских «публичных» (привилегированных) школ. — *Примеч. ред.*

² Премьер-министр Южно-Африканского Союза. — *Примеч. ред.*

и клерков специально для ведения отчетности. Из представленной мне справки явствовало, что через 20 дней после высадки (День «Д» +20) на другом берегу будет по одной машине на каждые 4,77 солдата. Для каждой машины нужен водитель и соответствующее количество обслуживающего персонала.

	Американские войска		Английские войска		Всего	
	Число машин	Численность личного состава	Число машин	Численность личного состава	Число машин	Численность личного состава
Через 20 дней после высадки	96 000	452 000	93 000	450 000	189 000	902 000
Через 60 дней после высадки	197 000	903 000	168 000	800 000	365 000	1 703 000

Хотя в эти цифры включено большое количество и боевых машин, таких как самоходные орудия, броневики и танки, я слишком хорошо помнил о чрезмерном скоплении автомашин на плацдарме у Анцио и, поразмыслив, попросил Исмея написать Монтгомери и выразить мое беспокойство в связи с тем, что количество автомашин и всякого рода небоевых машин кажется мне чрезмерным. Исмей написал это письмо, и мы договорились обсудить этот вопрос в пятницу 19 мая, когда я собирался посетить штаб генерала. Беседа, состоявшаяся между нами, была представлена в ложном свете. Передавали, что Монтгомери повел меня в свой кабинет и советовал мне не говорить с его штабом и что он угрожал отставкой, если я буду настаивать на изменении в последний момент планов погрузки. Утверждали, что я уступил и ушел, сказав офицерам Монтгомери, что мне не позволяют говорить с ними. Поэтому, может быть, стоит рассказать о том, как все обстояло в действительности. Когда я прибыл на обед, Монтгомери попросил меня переговорить с ним наедине, и я направился в его комнату. Я не помню точного содержания разговора, но, несомненно, он разъяснил, с какими трудностями связано изменение плана погрузки на данном этапе, за 17 дней до высадки. Однако я могу добавить, что я по-прежнему считаю, что количество транспортных машин по отношению к численности боевых войск в начальной стадии вторжения через Ла-Манш было слишком большим и что это увеличило рискованность операции и повредило ее выполнению.

* * *

Я лелеял еще один проект. Наша цель заключалась в освобождении Франции. Казалось желательным и уместным, чтобы

в начале операции была произведена высадка французской дивизии и чтобы французскому народу было сказано, что его войска вновь сражаются на французской земле. Французская 2-я бронетанковая дивизия под командованием генерала Леклерка долгое время доблестно сражалась в Северной Африке, и я сказал де Голлю еще 10 марта, что я надеюсь, что эта дивизия будет участвовать вместе с нами в главной битве. Затем этот вопрос усиленно обсуждался начальниками штабов. Эйзенхауэр был рад получить эту дивизию, а генерал Вильсон не собирался использовать ее в наступлении на Ривьере. Проблема заключалась в том, чтобы обеспечить своевременное прибытие в Англию и надлежащее снаряжение этой дивизии. Однако 4 апреля начальники штабов сообщили, что дивизии все-таки будет недоставать около двух тысяч автомашин. Иден был расстроен этим так же, как и я. 2 мая я лично обратился с письмом к Эйзенхауэру.

Все было улажено, и поход, начатый у озера Чад, закончился, после того как мы прошли Париж, в Берхтесгадене.

* * *

По мере приближения дня высадки напряжение усиливалось. Все еще не было никаких признаков, что врагу стали известны наши секреты. В конце апреля он добился незначительной удачи, потопив две американские танкодесантные баржи, принимавшие участие в учениях. Однако враг, по-видимому, не связывал их маневры с нашими планами вторжения. Мы заметили прибытие в течение мая в Шербур и Гавр некоторых подкреплений в виде легких кораблей, усилилось также минирование Ла-Манша, но в общем враг сохранял спокойствие, дожидаясь определенных сведений относительно наших намерений.

События теперь развертывались быстро и как по маслу шли к развязке. После совещания 15 мая король посетил каждое из десантных соединений в портах их сосредоточения. 28 мая командирам подразделений сообщили, что высадка состоится 5 июня. Начиная с этого момента весь личный состав, участвующий в высадке, был собран на судах, в лагерях или сборных пунктах на берегу и изолирован полностью от внешнего мира. Вся почта задерживалась, и личные сношения в любой форме были запрещены, за исключением случаев крайней необходимости. 1 июня адмирал Рамсей взял на себя руководство операциями в Ла-Манше, и деятельность командующих военно-морскими силами в английских портах была подчинена его указаниям.

* * *

Погода начинала внушать нам тревогу. Ясные дни сменились неустойчивой погодой. Начиная с 1 июня два раза в день

происходили совещания командиров, собираемых для ознакомления со сводками погоды. На первом совещании было сказано, что в день высадки будет плохая погода и низкая облачность. Погода имела важнейшее значение для действий авиации — как для бомбардировок, так и для высадки воздушных десантов. В тот же вечер из реки Клайд вышли первые военные корабли, а из Портсмута — две подводные лодки «малютки». Их задача заключалась в том, чтобы указать районы наступления. 3 июня положение было малоутешительным. Усилившийся западный ветер создавал на море умеренное волнение, появилась сильная облачность с низко нависшими облаками.

Предсказания на 5 июня были мрачными.

В этот день я поехал в Портсмут вместе с Бевинем и фельдмаршалом Смэтсом и наблюдал посадку на суда частей и подразделений, отправлявшихся в Нормандию. Мы посетили корабль, на котором находился штаб 50-й дивизии, а затем прошли на катере по проливу Солент, причаливая по очереди к стоявшим там кораблям.

На обратном пути мы остановились в ставке генерала Эйзенхауэра и пожелали ему счастья. Мы вернулись на поезд к обеду, за который сели очень поздно. Во время обеда Исмей вызвал по телефону Беделл Смит и сказал ему, что погода ухудшается и что операцию, вероятно, придется отложить на сутки, но генерал Эйзенхауэр не хочет принимать окончательного решения до рассвета 4 июня, а тем временем корабли великой армады будут продолжать выходить в море согласно намеченному плану.

Исмей вернулся и сообщил нам это мрачное известие. Для тех, кто своими глазами видел огромное скопление войск в проливе Солент, было ясно, что их движение остановить так же невозможно, как преградить путь лавине. Нас тревожило то, что, если плохая погода затянется и мы не совершим высадки вплоть до 8 июня, по крайней мере в течение двух последующих недель не будет необходимого благоприятного сочетания лунных ночей и приливов. Между тем все войска были проинструктированы. Конечно, нельзя будет бесконечно держать их на этих крошечных судах. Как предотвратить разглашение тайны?

Мы легли спать примерно в половине второго. Исмей сказал мне, что он будет ждать известий о результатах утреннего совещания. Поскольку я ничего не мог поделать в этом отношении, я сказал, чтобы меня не будили, когда будут получены эти сообщения. В 4 часа 15 минут утра Эйзенхауэр вновь встретился со своими командирами, и они заслушали мрачное сообщение специалистов по погоде: небо затянуто облаками, низкая облачность, сильный юго-западный ветер, дождь и умеренное волнение на море. Прогноз на 5 июня был еще хуже.

Эйзенхауэр с неохотой приказал отложить атаку на сутки, и вся огромная масса была двинута обратно в соответствии с заранее тщательно подготовленным планом. Все конвои в море повернули обратно, а небольшие суда искали убежища на подходящих якорных стоянках. Только один большой конвой, состоявший из 138 небольших судов, не получил приказа. Но его тоже своевременно перехватили и повернули обратно, так что у врага не возникло никаких подозрений. Это был тяжелый день для тысяч солдат, которыми были набиты десантные суда, растянувшиеся вдоль побережья. Американцам, которые отплыли из портов Западной Англии, пришлось проделать самый большой путь, и поэтому им досталось больше всего.

Примерно в 5 часов утра Беделл Смит снова позвонил по телефону Исмею и подтвердил, что высадка отложена. Исмей лег спать. Через полчаса я проснулся и послал за ним. Он сообщил мне эти новости. По его словам, я ничего не сказал по этому поводу.

* * *

Прибыл Иден вместе с генералом де Голлем, который только что прилетел из Алжира. Я сказал де Голлю, что просил его приехать в связи с предстоящей операцией. Я не мог сообщить о ней по телеграфу и в то же время считал, что, если бы англичане и американцы предприняли освобождение Франции, даже не поставив французов в известность, это противоречило бы традициям наших обеих стран. Я собирался пригласить его незадолго до дня высадки, но погода заставила нас отложить наступление на сутки, а может быть, оно произойдет даже позднее. Это очень серьезное осложнение. 35 дивизий и 4 тысячи судов сосредоточены в портах и лагерях, и 150 тысяч солдат посажены на суда в качестве первой волны атакующих войск. Многих из них приходится держать в чрезвычайно неудобных условиях на небольших судах. 11 тысяч самолетов стоит наготове, из них 8 тысяч вступят в бой, если позволит погода. Затем я говорил о том, что мы сожалеем по поводу того, что нам пришлось бомбить французские железные дороги и, таким образом, пролить кровь французов, но у нас меньше пехоты, чем у немцев, и это был единственный путь помешать им перебрасывать крупные подкрепления, в то время как мы накапливали силы.

Генерал ошетинился. Он потребовал права совершенно беспрепятственно сноситься по телеграфу с Алжиром своим собственным шифром. Он сказал, что невозможно лишить его, как признанного главу великой империи, права беспрепятственной переписки. Я попросил его дать заверение, что он не будет сообщать какую-либо военную информацию по поводу

предстоящего наступления кому-либо из своих коллег, за исключением тех, кто присутствует сейчас на нашем совещании. Де Голль сказал, что он должен иметь возможность беспрепятственно сноситься с Алжиром по поводу операций в Италии, и я объяснил ему, что говорю только об операции «Оверлорд». Затем я рассказал ему о нашем плане. После того как он поблагодарил меня за это, я спросил его, не выступит ли он с обращением к Франции, как только армада выйдет в море. Королева Вильгельмина, король Норвегии Хокон и правители других стран, где противник ждал нашего десанта, обещали это сделать, и я надеюсь, что он сделает то же самое. Де Голль ответил, что он согласен.

В это время в разговор вмешался Иден, который заявил, что великая операция, которая нам предстоит, поглотила все наше внимание, но после того как она будет начата, быть может, было бы целесообразно обсудить некоторые политические вопросы. Я разъяснил, что в течение некоторого времени поддерживал переписку с президентом и что, хотя вначале он хотел, чтобы генерал посетил Соединенные Штаты, сейчас он как будто не особенно стремится к этому. Может быть, это вызвано тем, как обошлись с генералом Жиро. Президент договорился с Жиро о военных поставках для французских войск, и вдруг Жиро отстранили. Генерал де Голль ответил на это, что, по его мнению, в данный момент ему лучше находиться в Англии, чем в Вашингтоне. Я предупредил его, что, возможно, в течение некоторого времени «Свободная Франция» будет составлять лишь горсточку людей, находящихся под огнем. Иден и я настойчиво рекомендовали ему в ближайшее время посетить Рузвельта. Де Голль сказал, что он очень хочет это сделать и говорил об этом президенту, но его тревожит вопрос о том, кто будет управлять освобожденной Францией. Об этом следовало договориться намного раньше, а именно в сентябре прошлого года.

Это замечание заставило меня высказаться откровенно. Соединенные Штаты и Великобритания готовы рисковать жизнью десятков тысяч солдат ради освобождения Франции. Поедет ли де Голль в Вашингтон или нет, это его дело, но если возникнет расхождение между комитетом национального освобождения и Соединенными Штатами, то мы почти наверняка будем на стороне американцев. Что касается управления освобожденной французской территорией, то, если генерал де Голль хочет, чтобы мы попросили президента предоставить ему неограниченные права в отношении Франции, мы не можем пойти на это. Если же он хочет, чтобы мы попросили президента, согласиться с тем, что комитет будет основным органом, представляющим Францию, то мы отве-

тим «да». Де Голль ответил, что ему совершенно ясно, что если между США и Францией возникнут расхождения, Англия будет на стороне США. Этим нелюбезным замечанием беседа закончилась.

Вскоре после этого я отправился вместе с де Голлем в штаб Эйзенхауэра в лесу, где де Голлю был оказан очень торжественный прием. Айк и Беделл Смит соперничали друг с другом в любезности. Айк повел де Голля в палатку с картами и в течение 20 минут рассказывал ему обо всем, что должно произойти. Затем мы вернулись в мой поезд. Я рассчитывал, что де Голль пообедает с нами и вернется в Лондон этим наиболее быстрым и удобным путем, но он вытянулся по-военному и сказал, что предпочитает ехать на машине отдельно со своими французскими офицерами.

Время тянулось медленно до того момента, когда в 9 часов 15 минут вечера 4 июня в полевом штабе Эйзенхауэра открылось новое, решающее совещание. Погода была плохая, скорее напоминающая декабрь, чем июнь, но специалисты предсказывали, что утром 6 июня она временно улучшится, а затем вновь наступит плохая погода, которая и продержится в течение неопределенного времени. Генералу Эйзенхауэру надо было сделать выбор — немедленно пойти на риск или отложить атаку по крайней мере на две недели. По совету своих командиров он смело и, как оказалось впоследствии, мудро решил продолжать операцию при условии, что сообщения, которые будут представлены рано утром на следующий день, подтвердят прогноз. 5 июня жребий был брошен: вторжение было назначено на 6 июня.

Когда оглядываешься назад, это решение вызывает заслуженное восхищение. События вполне оправдали его, и в значительной мере благодаря этому решению мы добились драгоценного преимущества внезапности. Теперь нам известно, что немецкие офицеры-метеорологи информировали свое верховное командование, что 5 и 6 июня вторжение будет невозможно вследствие штормовой погоды, которая может продлиться несколько дней. Нам удалось произвести сложнейшие передвижения, и притом так, что их не обнаружил бдительный и опасный враг. Этот факт свидетельствует о замечательной работе военно-воздушных сил союзников и о совершенстве наших планов маскировки.

* * *

5 июня в течение всего дня конвои, на которых находился авангард вторгающихся войск, концентрировались в сборных пунктах к югу от острова Уайт. Затем бесконечным потоком во главе с минными тральщиками, шедшими широким фрон-

том, защищенная со всех сторон мощью союзного флота и авиации величайшая армада, когда-либо отходившая от наших берегов, двинулась к побережью Франции. Волнение на море послужило суровым испытанием для солдат накануне битвы, особенно для тех, которые находились в ужасно неудобных условиях на небольших судах. Но, несмотря на все это, грандиозная операция была осуществлена почти с такой же точностью, как на параде. При этом, конечно, были потери, но имевшие место жертвы и задержки, главным образом мелких судов, шедших на буксире, не оказали сколько-нибудь заметного влияния на ход событий.

Оборонительные силы, расположенные вдоль всего нашего побережья, проявляли величайшую бдительность. Флот метрополии был готов на тот случай, если бы немецкие надводные корабли проявили какую-либо активность, а воздушные патрули наблюдали за вражеским побережьем от Норвегии до Ла-Манша. Далеко в море, на западных подступах и в Бискайском заливе, крупные соединения береговой авиации, поддерживаемые флотилиями эсминцев, неусыпно следили за возможными передвижениями врага. Наша разведка сообщила, что во французских портах Бискайского залива сосредоточено более 50 подводных лодок, готовых вступить в дело, как только будет дан сигнал. Назначенный час близился.

* * *

Таким образом, мы подошли к операции, которую западные державы с полным основанием могли считать кульминационным пунктом войны. Хотя лежащий впереди путь мог оказаться длинным и тяжелым, мы имели все основания быть уверенными в том, что одержим решающую победу. Африка была очищена. Индии больше не угрожало вторжение. Японцы, выдохшиеся и деморализованные, отступали обратно на свою территорию. Угроза безопасности Австралии и Новой Зеландии миновала. Италия сражалась на нашей стороне. Русские армии изгнали немецких захватчиков из своей страны. Все то, что Гитлер так быстро завоевал у русских за три года до этого, было им утрачено при громадных потерях в людях и снаряжении. Крым был очищен. Были достигнуты польские границы. Румыния и Болгария отчаянно пытались избежать мести со стороны восточных победителей. Со дня на день должно было начаться новое наступление русских, приуроченное по времени к нашей высадке на континенте. Когда я сидел в своем кресле в картографическом кабинете в Аннексе, пришло радостное известие о занятии Рима. Колоссальная по своему размаху операция по высадке через Ла-

Манш и освобождению Франции началась. Все корабли вышли в море. Мы обладали господством на морях и в воздухе.

Тирания Гитлера была окончена. На этом мы можем остановиться, исполненные благодарности и надежды, что впереди нас ждет не только победа на всех фронтах, на суше, на море и в воздухе, но и безопасное и счастливое будущее для пострадавшего человечества.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Александр Г. Р. 19—20, 23, 26—27, 29, 49, 66, 79—80, 85, 87—90, 94, 101, 141, 146—147, 176—177, 183, 199, 204—205, 209, 216, 236, 261, 263, 266—269, 271, 273, 286—287, 299—301, 305—306, 309—310, 360—362, 364—365
- Амброзио 31, 59
- Андерс 360
- Андерсон 101
- Арнольд 80, 84, 212
- Арчибальд 175
- Бадольо 27, 32, 34, 36, 40, 57—61, 63—68, 70, 73, 97, 100, 113—122, 281, 303—304, 307—308, 314
- Бевин 369
- Бей 166
- Бенеш 277—278
- Беннет 316
- Бергамини 69
- Берио 59, 61
- Бирс 212, 233
- Бисмарк 14, 255
- Богеман 249
- Болен 212
- Боно 304
- Боттомли 138
- Бродхэрст 20
- Брук 49—50, 147, 182, 238, 240—241, 243, 264—265
- Брэдли 353
- Брэкен 48
- Буассон 105, 107
- Бёрк 99
- Вайан 355
- Ведемейер 342—345
- Венизелос 327, 329—330
- Виктор Эммануил, король 113
- Вильгельмина, королева 371
- Вильсон 47, 83, 123, 130, 202, 261—262, 267, 275, 297, 300—301, 307, 310, 313—314, 368
- Ворошилов 175, 212, 214, 225
- Вуд 101
- Вултон 103
- Вышинский 175, 260
- Гарриман 84, 175, 179, 224, 231, 243, 278—279
- Гаррис 135, 315, 317
- Гейбельс 116, 316—317
- Георг II, король Греции 324, 330
- Геринг 34, 362
- Голь, Шарль де 54, 104—112, 368, 370—372
- Гопкинс Гарри 48, 84, 185, 212, 231, 241, 243
- Гормли 14—15
- Гранди 31—32
- Гуарилья 57—59
- Губе 25
- Гусев 162—163
- Дайета 57, 59
- Дамаскинос 326
- Дарлан 98, 104—105
- Деверс 262, 274
- Демпси 353
- Дениц 10
- Джонс 138
- Дзанусси 64
- Дикин 286, 291
- Дилл 80, 84, 184—185, 212, 273
- Дин 175
- Дуглас 84
- Жиро 104—107, 109—111, 371
- Жорж 105—106, 109, 199
- Жюэн 359
- Зервас 323
- Иден Антони 48, 53, 59, 61, 154, 156—157, 160—161, 163, 167, 169—170, 173—179, 182, 188, 194, 212, 221, 223, 231—232, 243—244, 247—248, 255, 260, 268, 276, 288—290, 326—327, 368, 370—371
- Иненко 260
- Исмей 80, 84, 132, 147, 153, 169, 175, 177, 199, 212, 258, 325, 341, 367, 369—370
- Кавилья 68
- Кадоган 56
- Камерон 154
- Кастеллано 61—67, 168
- Катру 105, 109, 111—112
- Кейс 42
- Кейтель 21, 59
- Керзон 247—248, 253—254, 277
- Керр 168, 175, 195, 231, 243
- Кессельринг 56, 90, 139, 299, 358, 360, 362
- Кинг 9, 14, 16, 55, 80—81, 84, 212, 345
- Киплинг 73
- Кларк 85, 104—105, 148, 175, 195, 231, 243, 271, 273, 305, 358, 361—362
- Коллонтай 248
- Конингхэм 20
- Криппс 137
- Кроче 307, 314
- Кэйс 42

- Кэмпбелл 58
 Кэнингхэм Эндрю 9, 19, 22, 69, 85,
 87—88, 101, 199, 263, 267, 279,
 300, 366
 Кэрк 199, 258, 355
 Кэрген 53
 Леги 80, 84, 184—185, 212
 Лезерс 275
 Леклерк 368
 Ли-Меллори 349, 355
 Лиз 358—359
 Липер 328—329
 Листер 16
 Литвинов 175
 Лукас 299, 301
 Лэйкок 351
 Майерс 323
 Майский 162
 Макартур 13—14, 17, 53, 259, 331—
 333, 341, 343—344, 348
 Макинтайр 192
 Маккормик 184
 Маклин 44, 288, 290—293
 Макмиллан 106, 108—110, 113, 119
 Маршалл 24, 27, 52—53, 80, 84, 106,
 127, 144, 182—184, 191, 209,
 212, 225, 230, 240—241, 261,
 271, 273, 333, 366
 Масарик 277
 Массигли 109
 Маунтбэттен 42—43, 46, 52, 78, 129,
 183, 203, 213, 255, 257—259,
 267, 336, 338, 340—345, 348—
 349, 351
 Метаксас 322
 Микоян 179
 Михайлович 216, 284—292, 294—297
 Молотов 152, 154—155, 157, 159,
 162—165, 169, 173, 175, 177—
 179, 192, 195, 197—198, 210,
 212, 224, 231—232, 241, 243—
 245, 247—248, 277, 279, 330
 Моннэ 109
 Монтгомери 19—20, 49, 87, 92—93,
 136, 183, 205, 236, 261—262,
 264, 268, 273—274, 310—312,
 349, 366—367
 Морган 43—44, 48—49, 225—226,
 273, 348—349
 Муссолини Бенито 5, 26—36, 38, 40,
 47, 70, 72, 95, 98, 100, 112—113,
 116—117, 120, 131, 167, 190,
 303—304
 Муссолини Эдда 303—304
 Мэррилл 339
 Мэрфи 106, 108—109
 Наполеон 322
 Нейрат 21
 Нимиц 13—15, 333, 343—344
 Нобл 9
 Ногес 105
 Окинлек 87
 Павел, принц 284, 292, 366
 Павлов 212, 242—243
 Папандреу 331
 Паттон 19—20, 25, 263
 Паунд 16, 101
 Пауэр 267
 Пейрутон 105
 Пенин 299
 Петен 98, 104, 105
 Петр II, король Югославии 187,
 289—293, 295—297
 Плейс 154
 Портал 225
 Пурич 296—297
 Пэйджет 183, 328—330
 Рамсей 349, 355, 368
 Редер 150
 Ремзи 20
 Риббентроп 57—59, 247, 277
 Робертсон 271
 Роммель 21, 56, 352
 Рузвельт Эллиот 231—232
 Рундштедт 357
 Рюти 250
 Скунс 338
 Слессор 9
 Смит 62—64, 66, 263, 266, 271, 274,
 311—312, 349, 369—370, 372
 Смэтс 24, 74—77, 79, 366, 369
 Сомервелл 15
 Спаатс 20
 Спирс 111
 Спруэнс 333
 Сталин 32, 55, 65—66, 73, 89, 97,
 113, 116—120, 147, 153—154,
 158, 161—171, 176—181, 186,
 188—189, 192, 194—195, 198,
 209—210, 212—215, 217—226,
 228—233, 235—259, 268, 270—
 272, 277—282, 289, 291—292,
 364—365
 Стивенсон 290
 Стилуэлл 336, 339
 Стимсон 183
 Стопфорд 339
 Стронг 62
 Стрэнг 175, 314
 Сун Цзывень 53
 Сфорца 114, 120, 314
 Сэндис 132—134, 137
 Теддер 19—20, 243, 262—263, 267,
 349
 Тито 117, 216, 229, 285—297
 Тома 33, 190

Уайнант 199
Уайт 348
Уайтли 131
Уингейт 52, 78, 334, 338—339
Умберто 314
Уэллес 57
Фош 206
Фрззер 165, 270
Хокон, король Норвегии 371
Холлис 267
Хор 61
Хьюитт 20
Хэлл 53, 55, 173, 175
Хэлси 15, 17, 332—333
Цудерос 322, 327, 329
Чан Кайши 53 187, 192, 194, 198—
200, 203, 212, 233, 235, 255, 258,
339, 345
Черуэлл 135, 138

Черчилль Сара, г-жа 163
Чиано 57, 303—304
Шпеер 317—319
Шубашич 297
Эватт 53
Эвилл 333
Эйзенхауэр 17, 19, 24—25, 29, 39,
41—42, 56, 60—68, 85, 91—92,
94, 106—109, 113, 115—116,
119, 121, 124—125, 127, 129—
131, 136, 141, 144—145, 168,
176—177, 189, 191, 199, 202,
209, 211, 216, 261—263, 265,
268, 271—275, 312—313, 349,
353, 365—366, 368—370, 372
Экер 317
Элле 111
Эттли 101, 268

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абиссиния 33
Абруцца, горы 70
Авеццано 148, 362—363
Авранш 354
Австралия 7—8, 13—14, 71, 81, 213,
259, 335, 341, 344, 346—347, 373
Австрия 222
Адмиралтейства, острова 332
Адриатика (Адриатическое море) 37,
47, 76, 92, 140, 201, 216—219,
265, 287—288, 309—310
Аду, атолл 347
Азия 7, 342—343
Азорские острова 50, 101—102
Аитапе 331
Акино 360
Акьяб 52
Албания 36—37, 117, 201, 286—287
Александрия (Египет) 194
Александрия (Египет) (Италия) 199,
327
Алжир 19, 64, 67, 69, 92, 104—107,
110—113, 199, 307, 366, 370—
371
Альбанские горы 360—363
Альпы, горы 47, 82, 177, 215—216
Альтавилль 90
Альтен-фиорд 165
Алюэтта 90
Аляска 167
Андаманские острова 255, 257—258,
266, 271, 334, 345
Анкона 47, 50, 93
Анцио 261, 267—269, 271, 273, 275,
297—303, 306, 308, 310, 313,
358, 360—362, 364, 367
Апеннины, горы 37, 81, 217
Аппиева дорога 361
Аракан 339
Аргентина 105
Аргостоли, остров 202
Арктика 122, 281
Арсоли 363
Архангельск 156, 159, 167
Асмара 188
Ассам 334, 342
Астрахань 167
Атлантический океан (Атлантика)
7—13, 40, 67, 72, 78, 102, 151—
154, 162, 164, 166, 204—205,
236, 280, 315, 350
Атласские горы 273
Аугсбург 316
Аугуста 20, 23
Аусенте, река 359
Аусония 359
Афины 323—325
Африка (Африканский континент) 7,
25, 30, 49, 72, 95—96, 98, 129,
140, 144, 149, 199, 228, 292, 373
Бавария 222, 251—252
Багдад 188
Баден 251—252
Байе 353
Балканы (Балканский полуостров)
24, 33—39, 47, 58—59, 63, 76—
77, 83, 105, 117, 125—126, 129,
131, 143, 149—150, 155, 174,

- 202, 210, 214, 225, 227—229,
233, 285, 287, 289, 326
- Балтийское море (Балтика) 132, 154,
249, 277
- Бангкок 213, 342
- Бари 91, 93, 114, 148, 291, 304
- Басра 209
- Баттипалья 86, 89
- Бейрут 111
- Белград 284
- Белоруссия 247
- Белосток 277
- Белфаст 355
- Бельгия 178, 181, 230, 321
- Бенгальский залив 55, 200, 203,
233—234, 255, 257, 259, 267,
335, 341, 344—348
- Берлин 318—319
- Берхтесгаден 368
- Биак, остров 332
- Бирма 47, 51—53, 76, 78, 94, 122,
200, 203, 212—213, 259, 269,
334—336, 338 339—340, 342—
343
- Бирманская дорога 76, 213, 334, 343
- Бискайский залив 176, 199, 373
- Бисмарка архипелаг 14
- Ближний Восток 105, 123
- Болгария 38, 84, 126, 217, 228—229,
244, 252—254, 373
- Босния 287, 289
- Босфор, пролив 88, 175
- Бремен 315
- Брест 43
- Бретань 43
- Бретань или полуостров 354
- Бриндизи 47, 68, 70, 90, 113, 115,
119
- Бристоль 138
- Бристольский залив 355, 357
- Британская империя 8, 73, 84, 98,
307
- Британское содружество наций 71,
73, 75, 78, 171
- Брюневаль 42, 134
- Бугенвиль, остров 332—333
- Вальмонтоне 360—363
- Ваттен 134
- Вашингтон 5, 9—10, 14, 24, 49, 55—
56, 71, 80, 84, 101, 123, 125, 129,
144, 150, 169, 184—185, 208—
209, 264, 273, 307, 312—313,
335, 340, 345, 371
- Везувий, вулкан 91
- Веллетри 361—362
- Вена 211
- Венгрия 38, 84, 126, 217, 222, 252
- Венеция 364
- Верона 304
- Версаль 221
- Вильно (Вильнюс) 247
- Вир или река 348, 353
- Витторио-Венето 68
- Виши 105
- Вольтурно, река 93, 140
- Восточная Африка 13
- Выборг 250
- Гавр 43, 45, 368
- Гайд-парк 84, 241
- Галифакс 10—11, 46, 60, 87
- Галлиполийский полуостров 88
- Гамбург 251, 315, 318
- Ганновер 251, 315
- Гарда, озеро 116
- Гарильяно, река 140, 148, 297—298,
310, 359
- Гарц 135
- Генуя 69
- Геркуланум 91
- Герцеговина 286
- Гессен 251
- Гибралтар 8, 184
- Гилберта, острова 333, 336
- Гималаи («Горб»), горы 334, 338, 343
- Глостер, мыс 332
- Голландия 136, 230
- Голландская Индия 335, 342—344,
347—348
- Голландская Ост-Индия 51, 76
- Гренландия 11
- Греция 22, 36—38, 126, 181, 217,
227, 229, 286—287, 322—327,
329—331
- Грин, остров 332
- Гуадалканал, остров 7, 14, 16—17
- Дакар 109
- Далмация 83, 202, 287, 294
- Дальний Восток 13, 54, 212, 214,
224, 335, 343
- Данджнесс 349
- Дания 181, 364
- Дарданеллы, пролив 88 122, 175,
216—217
- Дармштадт 251
- Джелы 20, 23
- Джербини 20, 23
- Джоя 91
- Димапур 338—339
- Доброй Надежды, мыс 8
- Додеканесские острова (Додеканезы)
36, 83, 123, 126, 129
- Дуврский пролив 356
- Дунай, река 38, 77, 174—175, 216—
218
- Дьепп 42
- Дюнкерк 49

- Европа по всей книге
 Египет 8, 22, 117, 122, 125, 131, 219, 243, 325, 327—328
 Житомир 214
 Западная Африка 105, 107
 Западная пустыня 20
 Иерусалим 255
 Изиньи 353
 Имфала 336, 338—340
 Имфальская равнина 339
 Имфальское плоскогорье 338
 Индийский океан 13, 36, 45, 47, 52, 81, 195, 203, 235, 266, 345—346
 Индия 8, 13, 122, 183, 203, 212, 215, 255, 269, 336, 340—341, 346, 364, 373
 Индонезийский архипелаг 13
 Индоу 338
 Ирак 183
 Исландия 11
 Испания 61
 Истрийский полуостров 211
 Истрия 146, 364
 Италия 5, 8, 17—19, 21—22, 24—41, 47—48, 50, 55—64, 66—70, 72—73, 75—87, 89, 92—96, 98, 100—101, 110, 112—123, 125—129, 131, 139—150, 155, 168, 172, 174, 176—178, 181, 185, 188, 190, 193, 200—202, 209, 211, 214—219, 225—226, 230, 233—234, 236—237, 240, 257, 260—265, 268—269, 273, 280, 283, 285, 287—289, 297, 303—305, 307—308, 310, 313—314, 322, 325—328, 358—359, 364—365, 371, 373
 Каир 87, 111, 157, 160, 182, 186—188, 194—195, 197—200, 204, 209, 233, 235, 238, 244, 255, 258—261, 271, 286, 289—291, 295—296, 322—324, 326—331, 341—342
 Калабрия 56, 79, 141
 Кале 349
 Калькутта 346
 Кальтаджироне 23
 Камполеоне 299—300, 302
 Кан 348, 353
 Канада 10, 60, 71, 162, 204, 287, 364
 Канал 169, 259
 Карантан 348, 353
 Карельский перешеек 250
 Каролинские острова 76, 333
 Карфаген 261, 264, 269
 Касабланка 9, 17, 20, 43, 316, 318
 Кассель 251
 Кассино 148, 263, 272, 297, 299—300, 302, 305—306, 308—310, 358—359
 Кастельроссо, остров 123
 Кастельфорте 298
 Катания 20, 23, 26
 Квебек 5, 41, 46, 48—49, 58, 62, 71, 73, 75, 78, 112, 129, 140, 166—167, 171, 182, 189—190, 203, 213, 234, 287, 324, 348—349
 Кельн 316
 Кенигсберг 253, 276—277
 Кент, графство 6, 357
 Кефалония, остров 117
 Киев 214
 Киль 251
 Кильский канал 251
 Кипр, остров 171
 Киренаика 122
 Китай 13, 51, 54, 76, 171, 182, 213, 224, 256—257, 259, 334—336, 342—344
 Клайд 90
 Клайд, река 355, 369
 Колле-Майола 300
 Коломбо 81
 Комо, озеро 70
 Константинополь 88
 Коралловое море 7, 13—14
 Корнуолл, полуостров 357
 Коростень 214
 Корсика, остров 17, 36, 39, 50, 57, 75—76, 83, 92, 94, 131
 Корфу, остров 36, 117, 202
 Кос, остров 122—125, 128, 130
 Котантен, полуостров 43, 49, 353
 Кохима 339
 Крит, остров 124, 128, 130, 181, 322
 Крым 373
 Кунлонг 339
 Курск 151
 Ла-Манш, пролив 5, 13, 25, 33—34, 41, 44—45, 48—49, 72, 75—76, 94, 134, 140, 174—175, 182, 208, 211, 213—216, 231, 237, 254, 256, 262—263, 270, 308, 310, 314, 320, 322, 333, 350, 352, 354, 366—368, 373—374
 Ледо 334—336
 Лейпциг 251
 Лемберг (Львов) 247—248, 253, 276—277
 Ленинград 249
 Лерос, остров 121—126, 129—131, 192
 Ливерпуль 10—11
 Ливорно 47

- Лири, река 298, 305, 309—310, 358—361
 Лиссабон 57—58, 62—64
 Локри 79
 Ломбардия 82
 Ломжа 277
 Лондон 43, 48, 53, 65, 80, 101, 105—106, 120, 133—134, 136—139, 169, 171, 182—183, 208, 212, 264, 274, 277, 288, 295—296, 307, 322—323, 326—328, 340, 366, 372
 Лусон, остров 336, 343
 Любек 315
 Люблянский перевал 211
 Люксембург 181
 Мадален, остров 70
 Мадрид 61
 Малайя 339, 342—343, 346
 Малаккский полуостров 341, 347
 Малаккский пролив 342
 Мальта, остров 20, 22, 69, 89, 119, 123, 130, 194, 199, 280
 Манус, остров 332
 Маракеш 120, 269, 273—274, 277, 290, 300, 310, 340, 350
 Марианские острова 333
 Марсель 50, 211
 Маршалловы острова 333, 336
 Медвежий, остров 165
 Мессина 20, 23, 25—26
 Мессинский пролив 21, 23, 26, 56, 66, 79
 Мидуэй, остров 7, 13, 333
 Миката 20, 23
 Милан 58, 111—112, 331
 Могаунг 339
 Монастырский холм 300, 309
 Монива 336
 Монте-Кассино, массив 148, 309
 Монте-Кастеллоне 300
 Монте-Троккьо 298
 Монте-Файто 359
 Монтекорвино 56, 86
 Морсби 14, 16
 Москва 119, 146, 152, 157, 160—161, 163, 167, 169—170, 174—176, 188, 193, 195, 240, 248—250, 260, 277, 279, 281, 288, 330
 Мурро-ди-Порко, мыс 20
 Мыйткыйна 336, 339
 Мюнхен 70, 278, 303
 Неаполь 23, 25, 47, 56, 79, 81—82, 84, 88—93, 95, 143, 148, 200, 273
 Нейсе, река 253
 Неттуно 364
 Нидерланды 181
 Никобарские острова 345
 Никозия 25
 Новая Британия, остров 332
 Новая Гвинея, остров 7, 14, 16—17, 331—332, 334, 342
 Новая Зеландия 7, 14, 71, 81, 213, 364, 373
 Новая Шотландия 88
 Новороссийск 89
 Норвегия 41—42, 133, 165, 181, 371, 373
 Нормандия 5, 19, 34, 43, 313, 321, 348—349, 355, 357, 366, 369
 Нью-Джорджия, острова 332
 Ньюфаундленд 11
 Одер, река 223, 246—248, 253—254, 276—278
 Одесса 244
 Оппельн (Опольское воеводство) 248, 253, 276—277
 Оран 194, 199
 Орландо, мыс 26
 Орн, река 353
 Ортона 148
 Оуэн-Стэнли, хребет 14
 Па-де-Кале 43, 138, 352, 357
 Пакино 20, 23
 Палау, острова 333
 Палермо 20, 25
 Панамский канал 81
 Париж 120, 354, 368
 Пенемюнде 132—137
 Перемышь 247
 Персидский залив 122
 Персия (Иран) 9, 24, 147, 170—171, 183
 Перуджа 298
 Пескара 68, 93, 148
 Петралия 23
 Петсамо 250
 Пиза 50, 177, 211, 216, 266
 Пико 360
 Пинские болота 247
 Пиньяторе 359
 Пирей 130, 323
 Пиццо 79
 Плимут 199
 По, река 47, 81, 174, 177, 190, 360
 Польша 136, 172, 181, 222—223, 245—246, 248, 252—254, 276—277, 364
 Помпея 91
 Понтекорво 360
 Понца, остров 32, 70
 Порто-Эмпедокле 23
 Портсмут 136, 354, 369
 Португалия 64, 101
 Потенца 90

- Поцолле 20
 Приверно 362
 Пруссия 99, 172, 222, 251—253, 255
 Пустыня 88, 199, 205, 263
 Пфальц 252
 Пьедимонте 360
 Пёрл-Харбор 8, 13, 16—17
 Рабаул 17, 332
 Рагуза 20
 Рангун 335
 Рандаццо 26
 Рапидо, река 148, 297, 300, 305, 309—310, 359
 Реджо 79, 93
 Рейн, река 251
 Рейнская область 364
 Ривьера 36, 211, 256—257, 266, 271, 274, 308, 368
 Рим 5, 24, 30—31, 34—35, 37, 50, 56—58, 64—70, 79—81, 93, 113, 121, 127, 129, 131, 139, 141—144, 147—148, 150, 176—178, 190, 201, 204, 211, 216—217, 219—220, 228, 230, 263, 265—266, 269, 287, 302—305, 308—310, 313—314, 358, 360—365, 373
 Римини 31, 177, 211, 216, 266
 Родос, остров 47, 80, 83, 92, 121—126, 128—129, 131, 204, 227, 255, 257—258, 267, 269, 271
 Розарно 79
 Рона, река 50, 211, 313
 Росток 315
 Румыния 38, 84, 126, 217, 252, 326, 373
 Рур 251, 315, 317
 Рюген, остров 135
 Саар или Саар, река 251
 Сава, река 38, 77, 174
 Савойя 47
 Саксония 251—252
 Саламауа 332
 Салерно 56, 67, 85—91, 93, 95, 141, 144, 200, 207
 Салернский залив 23, 56
 Салуин, река 339
 Самос, остров 123—124, 129, 131
 Сан-Амброджо 298, 359
 Сан-Аполлинаре 359
 Сан-Стефано 25
 Сангро, река 140, 147
 Санга-Мария-Инфанте 359
 Сардиния 17, 21—24, 36, 50, 57, 69—70, 75—76, 83, 92, 94, 114, 118, 131
 Саутгемптон 136
 Северная Африка (Африканский континент) 192
 Северная Африка 8, 24, 32, 42, 72, 104—112, 178, 218, 300, 323, 368
 Северо-Западная Африка 14—15, 109, 131, 200
 Селе, река 89
 Сен-Назер 42
 Сена, река 43, 138, 354
 Сент-Омер 134
 Сербия 287
 Симето, река 23
 Сингапур 342, 344—348
 Сиракузы 20, 23, 66, 91
 Сирия 24, 105, 111—112
 Сицилия 5, 8, 17—22, 24—29, 31, 41, 47, 56, 60—61, 64, 66, 72, 74, 79, 85—86, 95—96, 108, 114, 118, 140—141, 167, 185, 190, 201, 203, 257, 263, 285—287, 323
 Скапа-Флоу 167
 Скарамия, мыс 20
 Солент, пролив 369
 Соломоновы острова 332
 Сомма, река 43, 138
 Специя 69
 Средиземное море (Средиземноморье) 8, 10, 13, 19, 22, 24, 29—30, 42, 47—49, 52, 69, 73, 76—77, 92, 122—125, 128, 140, 145, 148—150, 152—154, 176, 183, 188, 190, 200, 202, 204—205, 208, 210—211, 214—218, 220, 225—231, 233—236, 255, 257, 261—262, 264—267, 269, 271, 281, 301, 310, 312—313, 316, 345, 349, 351
 Средний Восток 8, 16, 83—84, 92, 112, 122, 125, 130, 202, 285, 324, 326—327
 Средний Дон 27
 Сталинград 7, 31, 224, 236
 Сувла, залив 88
 Суматра, остров 52, 334, 341—343, 345
 Суссекс, графство 357
 Суэц 8
 Суэцкий канал 47, 346
 Таганрог 73
 Танжер 59, 61
 Тарава, остров 333
 Таранто 23, 47, 56, 69, 79—80, 87, 90, 93
 Тегеран 5, 157, 160, 171, 176, 178, 186—188, 192, 194—198, 200, 204, 209—210, 212, 223, 233, 235, 249, 254—256, 259—260,

- 264, 271—272, 274—276, 278—
279, 281—283, 289, 308, 313
Термоли 91, 93
Терни 364
Террачина 361
Тибр, река 236, 263
Тихий океан 7, 13—15, 17, 51, 53,
77—78, 81, 179, 189, 191, 204,
213—214, 235, 256, 259—260,
280, 331, 333, 335—336, 340—
347
Токио 16, 213
Триполи 93
Тройна 26
Трук, остров 333
Тулаги, остров 14
Тулон 36, 50, 211
Тунис 17, 20, 22, 27, 60—61, 74, 80,
104, 185, 203, 205, 261
Турин 58, 148
Уайт, остров 349, 355, 372
Украина 214, 247
Уэйвейк 331
Уэстерхэм 6
Фалез 354
Фекан 134
Феликстоу 355
Фельтре, вилла 31, 34
Филиппины 13—14, 17, 51, 331—
332, 334, 343
Финляндия 176, 248—251, 254
Фоджа 56, 90—91, 93, 142—143
Фонди 360
Формия 360
Формоза (Тайвань), остров 51, 336,
343
Фракия 217
Франкфурт 315
Фрозиноне 361—362
Хаббания 178, 187
Ханко 250
Хартум 171
Харьков 73, 151
Холландия 331, 333
Хорватия 297
Цейлон, остров 346—347
Чад, озеро 368
Чартуэлл 6
Чезаро 26
Чекерс 42
Чеккано 362
Чепрано 361
Черногория 117, 286
Черное море 76, 152, 175, 216, 245,
279, 282
Чехословакия 181, 276—277
Чивитавеккья 358
Чиндуин, река 338
Чистерна 299—300, 361
Шангри-Ла 35
Швебо 336
Швейнфурт 319
Швейцария 38
Швеция 173, 175, 250
Шербур 43, 45, 138, 348, 353, 368
Штутгарт 315
Эгейские острова 117, 129, 155
Эгейское море 34, 39, 47, 80, 117,
121—125, 130—132, 175, 202,
204, 214, 216, 218—219, 227,
265, 267, 269, 271
Эль-Аламейн 30, 74, 200, 203, 323
Эмирау, остров 332
Эпир 322
Эритрея 188
Эсперия 360
Эссен 317
Этна, вулкан 23, 26
Юго-Восточная Азия 46, 50, 53—54,
203, 256—259, 334, 343, 347, 349
Югославия 36—37, 117, 126, 181,
201, 220, 225, 227—230, 253,
284—286, 288—297, 364
Южная Африка 322
Южно-Африканский Союз 71, 364
Юньнань 339
Ява, остров 334
Яйце 289
Ялта 172
Япония 5, 8, 13, 17, 36, 47, 51—54,
78, 81, 103, 155, 179—180, 189,
191, 195, 213—214, 227, 235,
254, 256, 259—260, 331, 333—
335, 340, 342—344, 346—348

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-----------------------	---

Часть первая ПОБЕДА НАД ИТАЛИЕЙ

<i>Глава первая.</i> ГОСПОДСТВО НА МОРЯХ	7
<i>Глава вторая.</i> ЗАВОЕВАНИЕ СИЦИЛИИ	17
<i>Глава третья.</i> ПАДЕНИЕ МУССОЛИНИ	27
<i>Глава четвертая.</i> ВПЕРЕД, НА ЗАПАД	41
<i>Глава пятая.</i> КВЕБЕКСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ	46
<i>Глава шестая.</i> ИТАЛИЯ: ПЕРЕМИРИЕ	57
<i>Глава седьмая.</i> СНОВА В БЕЛОМ ДОМЕ	71
<i>Глава восьмая.</i> БИТВА У САЛЕРНО	85
<i>Глава девятая.</i> СНОВА ДОМА	94
<i>Глава десятая.</i> НАПРЯЖЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ С ГЕНЕРАЛОМ ДЕ ГОЛЛЕМ	104
<i>Глава одиннадцатая.</i> СЛОМАННАЯ ОСЬ	112
<i>Глава двенадцатая.</i> ПОТЕРЯ ОСТРОВОВ	121
<i>Глава тринадцатая.</i> СЕКРЕТНОЕ ОРУЖИЕ ГИТЛЕРА	132
<i>Глава четырнадцатая.</i> ТУПИК НА ТРЕТЬЕМ ФРОНТЕ	139
<i>Глава пятнадцатая.</i> СНОВА АРКТИЧЕСКИЕ КОНВОИ	150
<i>Глава шестнадцатая.</i> КОНФЕРЕНЦИЯ МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ В МОСКВЕ	166
<i>Глава семнадцатая.</i> ВСТРЕЧА «ТРЕХ» ПРИБЛИЖАЕТСЯ	182

Часть вторая ОТ ТЕГЕРАНА ДО РИМА

<i>Глава первая.</i> КАИР	199
<i>Глава вторая.</i> ТЕГЕРАН: ОТКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ	209
<i>Глава третья.</i> БЕСЕДЫ И СОВЕЩАНИЯ	221
<i>Глава четвертая.</i> ТЕГЕРАН: ТРУДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ	232
<i>Глава пятая.</i> ТЕГЕРАН: ЗАКЛЮЧЕНИЕ	243
<i>Глава шестая.</i> СНОВА КАИР: ВЕРХОВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ	255
<i>Глава седьмая.</i> СРЕДИ РАЗВАЛИН КАРФАГЕНА	261
<i>Глава восьмая.</i> В МАРАКЕШЕ	270
<i>Глава девятая.</i> МАРШАЛ ТИТО И ЮГОСЛАВИЯ	284
<i>Глава десятая.</i> УДАР В АНЦИО	297
<i>Глава одиннадцатая.</i> ИТАЛИЯ: КАССИНО	303
<i>Глава двенадцатая.</i> УСИЛЕНИЕ ВОЗДУШНОГО НАСТУПЛЕНИЯ	315
<i>Глава тринадцатая.</i> ОСЛОЖНЕНИЯ В ГРЕЦИИ	322
<i>Глава четырнадцатая.</i> БИРМА И ТИХИЙ ОКЕАН	331
<i>Глава пятнадцатая.</i> СТРАТЕГИЯ В ВОЙНЕ ПРОТИВ ЯПОНИИ	340
<i>Глава шестнадцатая.</i> ПОДГОТОВКА К ОПЕРАЦИИ «ОВЕРЛОРД»	348
<i>Глава семнадцатая.</i> РИМ	358
<i>Глава восемнадцатая.</i> НАКАНУНЕ	366
Указатель имен	375
Указатель географических названий	377

Уинстон Спенсер Черчилль

**ВТОРАЯ
МИРОВАЯ ВОЙНА**

В шести томах

**ТОМ ПЯТЫЙ
КОЛЬЦО СМЫКАЕТСЯ**

Редактор *В. Третьякова*
Художественный редактор *И. Сайко*
Технический редактор *Г. Шитоева*
Корректор *Л. Чуланова*

ЛР № 030129 от 23.10.96 г. Подписано
в печать 24.03.98 г. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 24,06.
Цена 23 р. 40 к. Цена для членов клуба
21 р. 30 к.

ТЕРРА—Книжный клуб. 113184,
Москва, Озерковская наб., 18/1, а/я 27.

Оригинал-макет подготовлен ТОО
«Макет». 141700, Московская обл.,
г. Долгопрудный, ул. Первомайская,
21.

ЧЕРЧИЛЛЬ WINSTON

Черчилль, Уинстон Леонард Спенсер
(1874-1965) –

государственный, политический и военный
деятель Великобритании,
лидер консервативной партии в
1940 - 1955 годах.

В 1911 - 1915 годах – первый лорд
адмиралтейства (военно - морской министр).

В 1917-1919 годах – министр
военного снабжения.

В 1919 - 1921 годах –
военный министр и министр авиации.

Был одним из организаторов
антисоветской интервенции.

В 1921-1922 годах – министр колоний.

В 1924-1929 годах – канцлер казначейства
(министр финансов).

В 30-е годы активно выступал против
внешней политики С. Болдуина
и Н. Чемберлена, направленной
на умиротворение фашистских
агрессоров.

С сентября 1939 до мая 1940 года –
военно-морской министр. С 10 мая 1940
до 26 июля 1945 года – премьер-министр,
первый лорд казначейства
и министр обороны.

С мая 1940 по февраль 1942 –
лидер палаты общин.

В 1951-1955 годах – вновь премьер-
министр и первый
лорд казначейства.
Лауреат
Нобелевской премии
по литературе.

THE SECOND WORLD WAR

ISBN 5-300-01788-4

9 785300 017880

«ТЕРРА» — «TERRA»